

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

Том 7

Англо-бурская война

1899–1902 годов

глазами российских подданных

том 7

Memories

Москва

Издатель И. Б. Белый

2012

ББК 63.3 (6)
A64

Авторы-составители:

К.и.н. Шубин Геннадий Владимирович
(Dr Gennady Shubin)

(вступление, заключение, комментарии, сноски, подбор фотографий и рисунков, составление).

К.и.н. Воропаева Нина Георгиевна
(Dr Nina Voropaeva)

(вступление, заключение, составление).

К.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна
(Dr Rufina Vyatkina)

(вступление, заключение, составление).

Хритинин Владимир Юльевич
(Vladimir Khritim) (составление).

Д-р Ян Либенберг
(Dr Ian Liebenberg) (составление).

Ответственный редактор
к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор
Субботина Елена Васильевна

Компьютерная вёрстка и обложка
Рудакова Елена Евгеньевна

A64   **Англо-бурнская война 1899–1902 годов глазами российских подданных.** В 13 томах. Т. 7. — Москва: Издатель И. Б. Белый, 2012. — 482 с. с илл.

ISBN 978-5-904935-25-2 (Т.7)

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2012

© Шубин Г. В., составление и др., 2012

© Воропаева Н. Г., составление и др., 2012

© Вяткина Р. Р., составление и др., 2012

© Хритинин В. Ю., составление, 2012

© Liebenberg I., составление, 2012

© «Memories», оформление, 2012

ISBN 978-5-904935-18-4

ISBN 978-5-904935-25-2 (Т.7)

© Издатель И. Б. Белый, 2012

Добровольцы из России

С началом военных действий из европейских государств и США в Южную Африку направились добровольцы, желавшие принять участие в войне на стороне буров.

Прилив добровольцев из Европы доходил до 400 человек ежемесячно. Общее число отправившихся в Южную Африку составило свыше 2500 человек. Их национальный состав определялся следующим образом:¹

Голландцев	– 650	Русских	– 225
Немцев (включая австрийцев)	– 550	Итальянцев	– 200
Французов ²	– 400	Ирландцев	– 200
Американцев	– 300	Шведов	– 150

Часть добровольцев отправлялась по личному почину, на свой риск и средства, часть – по вербовке различных комитетов, функционировавших во Франции, Германии и других государствах³.

Некоторые русские подданные обращались с предложением своих услуг к пастору голландской общины в Петербурге **Гиллоту**, организовавшему посыпку частного санитарного отряда в бурские республики:

Петербургские Вести.
Условия поездки в Трансвааль
(от нашего корреспондента).
Петербург, 21 октября.

– Господин пастор, можно ли мне присоединиться к отряду добровольцев? – спрашивает безбородый юноша почтенногого пастора голландской общины господина **Гиллота**.

Через минуту снова звонок.

Является кавказский герой.

– Я хочу ехать к бурам. Как это сделать?

Через час мирная и тихая гостиная пастора **Гиллота** похожа на вооружённый лагерь. Несколько офицеров оживлённо обсуждают военный вопросы.

Ледисмит возьмут! Обойдут! Сададут!

– В конце концов, всё те же бесконечные вопросы:

– Куда ехать? Как ехать? В качестве кого ехать? Сколько это будет стоить?

Пастор **Гиллот** сперва только плечами пожимал на все эти вопросы, не имея никаких данных для удовлетворительного ответа. Вследствие этого он послал в Голландию два телеграфных запроса, на которые сегодня получил ответы весьма важные для всех обращающихся.

Посланник Трансваальской Республики в Брюсселе, **Лейдс**, телеграфирует пастору **Гиллоту**, по-французски, следующее: трансваальское правительство объявляет, что оно с благодарностью примет всякого иностранца, который за собственною ответственностью (*sur sa propre responsabilité*) и на собственный риск (*propres risques et perils*) прибыл бы на место, то есть в пределы Республики, с предложением своих услуг, но оно сожалеет, что не может входить в какие-либо договоры или предлагать какие-либо условия (*contracter engagements*) в Европе. Прошу передать мою искреннюю благодарность всем, которые принимают такое сердечное участие в нашем деле. **Лейдс**.

Относительно самого пути в Трансвааль и путевых рас-

ходов, пастор **Гиллот** получил от компетентного лица из Амстердама следующее разъяснение. Можно ехать тремя путями. Первый и главный путь ведёт из Гамбурга через Марсель и Суэцкий пролив в Лоренсу-Маркеш. На пароходах, идущих по этому пути, имеется три класса. Плата за весь проезд: 540 гульденов (около 440 рублей) (гульден около 80 копеек) в первом классе; 360 гульденов (290 рублей) во втором и 210 гульденов (170 рублей) в третьем классе.

Второй путь прямо из Марселя на пароходах общества «Messegeries Maritime Imperiales» (Контора Имперских морских перевозок).

Здесь третьего класса нет. Плата в первом классе 504 гульдена (400 рублей) и во втором 353 гульдена (280 рублей).

Наконец, третий путь, наиболее дешёвый, но и наиболее неудобный и медленный: с грузовыми пароходами, отходящими из Гамбурга и заходящими в Амстердам, Гавр или Бордо. На этих пароходах имеется лишь третий класс, переход обходится во 156 гульденов (125 рублей).

Замечательно, как глубоко ещё гнездится в русском человеке, в глубине его души, древнее казачество в лучшем смысле этого слова. Украинские казаки готовы были во всякую минуту встать за веру, за Сечь и рубиться повсюду, где надо было постоять за правду. Не то ли самое видим мы теперь, в Тридцатом Царстве, какие-то почти никому не известные до сих пор буры рубятся с притеснителями. И вот русскому человеку уж не терпится. Ему мало нести для раненых, для вдов и сирот свой последний, кровный рубль. Он жаждет пролить кровь, нести голову за правое дело, за угнетённых и обездоленных. К пастору **Гиллоту** приходят люди из всех сословий, все рвутся к бурам. Слuchaются трогательный сцены.

Молодой парень в поддёвке⁴.

– Окажите божескую милость, скажите, как проехать к бурам.

– Вы думаете, что за это что-нибудь платят?

– Помилуйте, как можно.

– Почему же вы хотите ехать?

– Да уж очень жалко их. Я в газетах читал. Сердце по них болит.

– Вы одни?

– Нет, есть жена, дети. Да они останутся у отца.

– А если вас убьют?

– Что голова, то там останется? – так на то воля Божья. А орден жена получит. Вы не думайте, что я кто-нибудь. Я солдат. У меня книжка в порядке. Явите божескую милость.

А всё-таки отрадно, что казацкие сердца не перевелись на Святой Руси.

Рязанец⁵.

В газетах было напечатано следующее краткое сообщение:

Отъезд в Трансвааль

На днях выехали в Южную Африку двое отставных ротмистров: **Ю. Елец**, автор романа «Болезнь века» и «История Гродненского гусарского полка» и **Ганецкий⁶**.

Тем временем приходили сведения об участии в боях российских подданных:

Письмо из Африки

В варшавских газетах напечатаны выдержки из письма, полученного одним из местных ремесленников из лагеря буров под Ледисмитом от бывшего его подмастерья. Последний рассказывает, что год тому назад он отправился за границу искать счастья на чужбине. Скитаясь по Европе, он добрался в Марсель, где в порту познакомился с группой соотечественников – поляков из Царства Польского и Галиции, которым наскучило работать в вестфальских и бельгийских каменоломнях. В марсельском порту работа так же была нелёгкая и потому вся группа решила отправиться в Трансвааль. Трансваальское консульское агентство в Марселе помогло им добраться в армию **Жубера**. Их было 12

человек. Они явились к **Жуберу** и заявили о своём желании воевать против англичан. **Жубер** сказал: «Я читал в повестях вашего писателя **Сенкевича**, что поляки наиболее пригодны в конницу». Из них составили отдельный эскадрон, который включили в состав кавалерийского полка охотников – иностранцев под командой полковника **Ван-Бельде**. Этот полк, несущий разведочную службу, находится в составе войск, осаждающих Ледисмит⁷.

Как выяснилось позднее, именно желание иностранных добровольцев служить в составе отдельных отрядов в большинстве своём не приводило к успеху. Тем не менее всего во время англо-бурской войны на стороне буров воевало более 2200 (2700) зарубежных добровольцев, в основном из числа живших в Трансваале иностранцев. Примерно 10% из числа зарубежных добровольцев были российские подданные различных национальностей. Среди них хватало поляков и финнов, которые, видимо, отправились в бурские республики или постоянно проживая в тех местах, присоединились к вооружённым отрядам африканеров с целью помочь слабейшей стороне, памятуя о притеснениях их соотечественников в тогдашней Российской империи.

Невольно приходится повторять сведения ранее многократно опубликованные в различных работах и статьях, но их будет небезынтересно привести. Так, сестра милосердия русско-голландского санитарного отряда **Софья Изъединова** писала:

В самом начале войны главный контингент иностранцев состоял из немцев под начальством полковника **Шиля**, человек уже известного трансваальскому правительству, участвовавшего в приготовлениях к войне. О деятельности **Шиля** в самой войне мы ещё до выезда из Европы читали, что, выказав со своим отрядом волонтёров большую храбрость в не-

Немецкий корпус

удачном сражении при Эландслаагте, он был, однако, взят в плен с большей частью отряда, причём, по словам видевших его корреспондентов, обвинял в этой неудаче буров, якобы оставивших его на произвол судьбы. Зная склонность бурских команд руководствоваться в своих движениях вдохновением минуты, неумение и нежелание их сообразовать эти движения с действиями других отрядов, мы считали вполне возможным факт отступления буров после первой неудачи без достаточного внимания к положению иностранного контингента. Но впоследствии, уже здесь, в Петербурге, летом 1901 г. я имела случай познакомиться с этим фактом в рассказе господина **Сандберга**, молодого бура, приезжавшего сюда по делам. При Эландслаагте **Сандберг** был адъютантом **Шиля** и в числе немногих спасся от общей гибели отряда. По его рассказу, причиной этой гибели являются вовсе не действия какой-либо из других командо, а неосторожность

и невоздержанность товарищей **Шиля**. Именно: занимая позицию по самой линии натальской железной дороги, они захватили поезд, нагруженный англичанами, по мнению **Сандберга**, преднамеренно, джином, виски и другими спиртными напитками, в Трансваале очень трудно достижимыми и дорогими. Отряд на радостях совершенно перепился и при внезапном нападении англичан был не в состоянии оказать им какое-либо сопротивление. Спаслись немногие трезвые, в том числе сам рассказчик; остальные были почти без сопротивления взяты в плен вместе с пытавшимся защищаться и раненным **Шилем**⁸.

Необходимо заметить, что зарубежные добровольцы собирались в отряды по национальностям зачастую и по причине незнания двух наиболее распространённых в бурских республиках языков – голландского и английского.

Российский военный атташе при войсках буров в своей книге объяснял и основные причины для вступления живших в Трансваале иностранцев (не англичан) в войска буров:

Побудительные причины поступления в ряды защитников Трансваальской Республики были, конечно, различны. Одни поступали под влиянием общего энтузиазма и подъёма духа, вызванного желанием прийти на помощь Южно-Африканским Республикам в борьбе их за правое дело против нации, которая приобрела среди людей не англосаксонской расы почти всеобщую антипатию, чтобы не сказать – ненависть; другие записывались в число добровольцев почти по необходимости, так как с началом кампании и прекращением деятельности многих промышленных предприятий – остались без заработка, – находясь же в командах, они, по крайней мере, были обеспечены полным содержанием впредь до окончания войны, которая, по общераспространённому мнению, не могла продолжаться более 4 или 6 месяцев; наконец,

некоторые видели в этом средство для приобретения полных прав граждан республики по окончании войны. Хотя о даровании таковых прав за участие в военных действиях официально не объявлялось, но весьма возможно, что, в случае успешного окончания войны, господствовавшее в сём отношение мнение оправдалось бы на деле. На этих основаниях, из числа иностранцев, проживавших в Трансваале до кампании, поступило в войска около 900 человек⁹.

Ромейко-Гурко достаточно чётко описал примерное количество и две основные категории иностранных добровольцев, приехавших из-за рубежа после начала войны:

С декабря месяца (1899 г.) через португальские владения стали прибывать добровольцы из Европы. Почти каждый французский или германский пароход, прибывавший в бухту Делагоа, привозил их от 40 до 50 человек. Таких пароходов ежемесячно прибывало не более трёх. Всего же в продолжение семи месяцев (с декабря по июнь) в Преторию прибыло около 950 человек. Цифры эти сходятся как с данными, полученными в канцелярии статс-секретаря в Претории, так и с книгами трансваальского консула в Лоренсу-Маркеше (у) которого надо было получить дозволение для (пересечения) через границу республики. По этим книгам видно, что за период времени с конца ноября до сдачи Претории (4 июня) (1900 г.), когда прилив добровольцев уже прекратился), таких дозволений было выдано 1850; но в этом числе надо считать не только добровольцев, ехавших в Преторию, но и трансваальских подданных, приехавших в Лоренсу-Маркеш по поручению правительства или по частным делам, и возвращавшихся на родину, а также женщин и детей, переезжавших границу, и, наконец, немалое число евреев, среди которых многие состояли русскими подданными. Сии последние отправлялись в Трансвааль по своим гешефтам, часто ничего общего с торговлей не имевшим; цель их состояла в шпион-

стве¹⁰, коим они занимались по поручению английского правительства.

Добровольцев, прибывавших из Европы, можно разделить на две категории. Первая состояла из лиц, прибывших на собственный риск и средства. Побуждаемые возвышенной идеей борьбы за свободу безвинно притесненного народа, они чужды были всякой корыстной мысли, но при этом, быть может, надеялись дешёвой ценой приобрести ореол героя, борца за правое дело, а равно занять видное положение среди руководителей военными действиями. Большинство рассчитывало занять офицерские места в бурских войсках, об организации которых они не имели ни малейшего представления.

В другой категории были люди, ехавшие не по личноному почину, а принявшие предложения от различных комитетов во Франции и в Германии, которые вербовали добровольцев по собственной инициативе на средства, собранные добровольными пожертвованиями. Очевидно, что большей части этих добровольцев была чужда идеальная сторона побуждений первой категории. Не могли они также рассчитывать занять какое-либо положение даже в Трансваальской армии, хотя бы потому, что они были людьми совершенно необразованными. Зато с уверенностью можно сказать, что многие из них надеялись, если можно так выразиться, в мутной воде рыбью полюбить. Лучшие из них просто рассчитывали на чужой счёт совершивший переход в Южную Африку с тем, чтобы после войны остаться там, на золотых приисках. Понятно, что и нравственный уровень обеих категорий был совершенно различен. Первых можно было видеть в передовых рядах и участниками тех немногих активных действий, которые предпринимали войска союзников, готовыми показать пример храбости и самоопожертвования, не останавливаясь перед необходимостью рисковать жизнью. Вторые, напротив, желали, прежде всего, извлечь какую-нибудь выгоду из своего пребывания в Трансваале и отнюдь не были склонны рисковать жизнью для дела, на которое смотрели как на средство, а не цель.

Впрочем, некоторым из них побудительной причиной для активных действий служила надежда на захват военной добычи, какой они считали всё, что не имело или только что от вражеской пули лишилось хозяина.

Что касается немногих русских, прибывших в качестве добровольцев в Трансвааль, то все они без исключения могут быть причислены к первой категории, но, конечно, и между ними были такие, которые питали несбыточные честолюбивые замыслы. (В основном верно, но попадались, конечно, и лица второй категории. – *Прим. авт.-сост.*)

По прибытии в Преторию все добровольцы – или по указанию конторы командант-генерала, или по собственному выбору – распределялись по бурским коммандо либо сгруппировывались в отдельные самостоятельные отряды, носившие громкое название корпусов, хотя в некоторых насчитывалось не более 20 с небольшим человек.

В первое время союзники, в особенности трансваальцы, относились к добровольцам довольно сдержанно, чтобы не сказать – подозрительно, что объясняется отчасти свойствами характера коренного населения Южно-Африканских Республик и тем обстоятельством, что вообще буры от иностранцев добра издавна не видали; со времени же открытия золотых приисков они во множестве видели иностранцев, обуреваемых жаждой наживы и при этом в удовлетворении её, неразборчивых на средства. Поэтому и в прибывших добровольцах простые буры склонны были видеть не бескорыстных борцов за идею, а людей, надеющихся и здесь найти себе какую-нибудь выгоду. Доказательством справедливости такого мнения не могла не служить вторая категория добровольцев, а отчасти и те из первой, которые, прибывая в Преторию, выражали притязание на занятие высших должностей и не желали довольствоваться скромной ролью рядового бойца.

Вообще доверие к иностранным отрядам в войсках союзников было сильно подорвано ещё в самом начале кампании, после несчастного дела у Эландслаагте 21 октября (1899 г.),

где немецкий и голландский отряды, найдя у железнодорожной станции брошенный англичанами склад вина, до того перепились, что дали себя захватить врасплох английским уланам, которые многих из них перекололи. В добавок они ещё втянули в дело трансваальское командо с генералом **Кок**, на которого возлагались большие надежды, он был смертельно ранен в этом деле и умер в плену.

После смерти полковника **Вильбоа-Марейля** начальником всех иностранных отрядов был назначен командант **Деларей** (брать генерала) (неточность – сначала подполковник **Евгений Яковлевич Максимов**, а уж потом **Деларей** – Прим. авт.-сост.), но это было уже в мае месяце, как раз перед тем, как дела союзников пошли значительно хуже, вследствие чего большая часть иностранных отрядов стала незаметно таять и распадаться. Но до высшего предела их дезорганизация дошла во время пребывания правительства в Машадорпе (в июле месяце). В это время многие добровольцы, не примыкая ни к какому отряду, чemu отговоркой служило неимение лошадей, без всякого дела бивуакировали у железнодорожной станции, продолжая требовать и получать от комиссариата полное продовольствие. Ввиду сего военный комиссар (начальник тыловой службы) принужден был издать следующий приказ: Объявляется всем иностранцам, не имеющим лошадей, которые отказываются стать под начальство командаита **Крюгера** (немец, лет 20 проживший в Африке, который незадолго перед тем был назначен начальником добровольцев, лишившихся лошадей), что я решил отправить их при паспорте в Лоренсу-Маркеш. **В.Г. Нитлинг**. Военный комиссар. Машадорп 29.6.00

Конечно, во всей этой неурядице виновато само трансваальское правительство, но оправданием может служить то обстоятельство, что в начале кампании у него не было такого человека, который внушал бы добровольцам достаточно доверия и уважения и тем был бы способен руководить ими и держать в повиновении этот разношерстный конгломерат различных племён, наречий, состояний. Меж-

ду тем, хотя число иностранцев, вступивших в ряды войск союзников, конечно, не достигало тех 8 или даже 10 000, в коих их исчисляли в английском лагере, однако, принимая в соображение общую малочисленность сражавшихся буров, они всё же могли бы при иных порядках оказать существеннейшую поддержку с численно превосходным противником, тогда как в условиях сложившейся обстановки они не только не оказали союзникам серьёзной помощи, но едва ли окупили расходы, которое трансваальское правительство понесло на их содержание¹¹.

Справедливости ради приведём и сведения о еврейских добровольцах – русских подданных или выходцах из России, постоянно проживавших в Трансваале и участвовавших в войне на стороне буров:

Участие русских евреев в англо-бурской войне

Большинство русских евреев, только недавно прибывших в Трансвааль на временной основе, оказались наряду с бурами и англичанами не у дел. Поскольку не было связей, чтобы удержать их на территории, на которой проходили военные действия, около 3000 их надолго покинуло Йоханнесбург, чтобы вернуться к себе на родину. Более 10 000 из тех, кто хотел уехать, но не имел необходимого количества фунтов и уехали вместо этого в Кейптаун, Порт-Элизабет, Ист-Лондон, Дурбан... и другие центры, с уже созданными еврейскими общинами. Они так же обосновались на постоянное местожительство на фермах, где в то время не было еврейских поселений, поскольку никто не рассчитывал, что бурские республики выдержат какое-либо продолжительное время перед лицом мощного английского нападения.

Поскольку другие национальности имели защиту соответствующих правительств, русские евреи в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве не имели к кому обратиться, поскольку царское правительство отказалось защищать людей еврейской национальности.

Под покровительством Еврейского похоронного общества, русский еврей **Бен Зион Аарон**, большой поклонник президента **Крюгера**, был уполномочен организовать и снабдить бурскую армию амбулаторией. Поскольку все лошади были взяты в армию, было приобретено какое-то количество мулов и через несколько дней фургоны, снажённые матрацами, одеялами, различными приспособлениями для первой помощи были готовы.

Эти амбулатории назывались Еврейские медицинские амбулатории. На вагонах была нарисована Красная Звезда Давида. Интенсивный курс подготовки начался немедленно. Волонтёры должны были днём и ночью прийти на помочь раненым бурам. Амбулатории вступали на линию огня в Эланд-слаагте и других местах, принося помощь раненым бурам и англичанам.

Поддерживалась постоянная торговля с правительством Трансваала было ли это обувью, формой или продуктами питания для армии. Когда правительство нуждалось в сёдрах для артиллерии, еврейские торговцы кожей из Йоханнесбурга скупали все находящиеся в наличии подержанные сёдра, затем ремонтировали их и перепродают армии (язвительные комментарии русского добровольца об их крайне низком качестве, недолговечности – разваливались через три дня и совершенно безбожной цене данных сёдел – по 5 фунтов стерлингов (50 золотых рублей) смотрите в воспоминаниях **Владимира Рубанова**, помещённых в данной книге. – Прим. авт.-сост.).

Согласно статистическим данным, на начало англо-бурской войны в Южной Африке было около 25 000 евреев. По переписи 1904 г. их число было 38 000, а в 1911 г. – 46 000. Приблизительно около 27 000 человек мужчин и 19 000 женщин.

Среди многих героев в бурской армии находились ряд русских евреев. Самым примечательным из них был **Герман Юделович (Юделович)**, который отдал жизнь за буров около Приски. Будучи окружёнными английскими войсками около Оранжевой реки, **Юделович** сражался вместе с 200 бурами

до конца. Его похоронили на сельском кладбище. Память о нём сохранялась много лет. **Герман Юделович** не был даже гражданином Трансваальской Республики, когда он вступил в бурскую армию. Вскоре ему присвоили чин фельдкорнета. В книге «Kampf um Suid-Afrika» (Война в Южной Африке), написанной **Андрю Деветом**, опубликованная в Мюнхене в 1903 г., отмечалось: В бою мы потеряли нашего бравого товарища, известного нам всем как **Герман**. Он был русским евреем и его действительное имя было **Герман Юделович**. Другой русский военный герой был **Саша Снайман (Сниман)**, известный бурам, как **Ян Снайман** еврей.

По другим источникам – **Герман Юделович** – литовский еврей. Его отец был известным еврейским активистом в Литве, а двое дядей – раввинами. Он вырос в слободке Вщива Бачур. В 1893 г. он был вынужден эмигрировать в Нью-Йорк из Санкт-Петербурга за участие в революционной деятельности. Через два года тайно вернулся в Россию на два месяца. После чего в 22 года он уехал в Южную Африку и поселился в районе города Клерксдорп, где занимался предпринимательской деятельностью совместно с фирмой **Блох и Чвзан (JN Bloch&Chejan)**. Занимался тем, что ездил по окрестным бурским фермам, покупая овец и быков. Быстро освоил голландский и стал превосходным наездником и стрелком (членом ассоциации стрелков Волмаранштадта) (The Woolmaranstadt Rifle Association). После начала англо-бурской войны, выбрав лучшую лошадь и винтовку, поступил на службу в Потчестромскую команду под руководством **Пита Кронье**. В сражении под Мафекингом за храбрость был произведён в чин второго капрала. Участвовал во многих боях. К началу 1900 г. **Герман Юделович** был уже фельдкорнетом. После наступления англичан он вступил в сильный отряд, состоявший из 600 буров, живших в Кейпе, под командой **Стенкампфа и Либенберга (Stenkamp&Liebenberg)**. За несколько месяцев боёв команда под руководством **Юделовича** стало знаменитым как «Еврейское командо», воевавшее под шестиконечным знаменем. Он был убит 28 мая 1901 г., когда его

комmando было окружено превосходящими силами английской кавалерии. **Юделович** был самым знаменитым из 198 евреев-добровольцев¹², сражавшихся за буров¹³.

Одним из самых замечательных евреев, которые сражались за буров, был **Джозеф Сигал** из Спрингфонтейна из Оранжевого Свободного Государства, который позже обосновался в Порт-Элизабете. История этого человека и его приключений, когда он был солдатом, относится к **Эрику Розенталю**, известному южноафриканскому журналисту и историку и было опубликовано в «Еврейских новостях» в октябре 1948 г.

Шакал¹⁴ – таково было его прозвище. Другое лицо, занимавшее такую же должность был **Вольф Якобсон** из Fauresmith. **Волк** и **Шакал** стали легендарной парой в бурской армии, когда они служили разведчиками под руководством генералов **Герцога** и **Христиана Девета**. Оба выходцы из Восточной Европы, из одного маленького городка Пилтена в Литве¹⁵.

И сокращённый список из 40 человек (в основном ранее не названных и часть из которых были английскими шпионами приезжавшими к бурам под видом добровольцев) российских евреев живших в Трансваале и сражавшихся на стороне буров, но русских подданных:

Babel Morris, Bengis Aaaron Falk, Cohen Harris, Egnos Louis, Finell Otto, Flack Harris, Frankel, Friedgood Markus, Gettelson Simon, Goldblatt Leon, Golding I, Groesberg Esman, Griunschtein, Heiman Lazarus, Herman Isaac (убит у Колесберга (Colesberg) в 1901 г.), **Horwitz Jiseph, Hyman Lewis, Jacobson Philip, Jacobson Wolf, Jonson Johan, Judelowitz Herman** (Chaim) (фельдкорнет, убит у Kheis 28 мая 1900 г.), **Judell Marcus, Kaplan, Kasirils, Levi Wolf, Levy Hyman, Meirovitz Robert, Meirovitz Samuel Benjamin, Minski Paul Gerchim, Nurok Abraham Samuel, Pinkus Aaaron, Rubenstein Elias, Segall Joseph (Jakkals), Schmahman Sasha (Jan Snyman), Shanker Mi-**

chael, Sjawetsky (Sawetsky) Adam, Sorsky Solomon, Strykows-ki Salli, Wainer Goodman Moses¹⁶.

К этому списку можно добавить следующие фамилии русских немцев – **Gringof (Gruenhof), Lewe (Loewe) Leopold, Lig-gitz Resto Markov, Udenkyll (Uddenkuell)¹⁷ Gustav, dr. Schill, von Wrangel (Baron)¹⁸.**

Врач русско-голландского санитарного отряда **Вла-димир Кухаренко** писал в своих письмах о более чем прохладном отношении буров к иностранным добровольцам:

Среди буров XII

*Добровольцы и пленные
(дано в сокращении):*

Каждый поезд из Лоренсу-Маркеша привозит нам массу добровольцев, публика ежедневно встречает их на здешней станции, излюбленном месте прогулок, совершенно как у нас в уездных городах. И кого только не видишь: со всех концов мира съезжаются они сюда; два больших здешних отеля кишат самой разнообразной публикой, вы слышите здесь разговоры на самых разнообразных языках: много американцев, ирландцев, французов, немцев, слышится и русская речь, встречаются интересные личности. Все они быстро знакомятся между собой, общие интересы скоро сближают их.

Наряду с людьми, приехавшими по благородному побуждению, – масса всяких проходимцев, надеющихся в мутной воде ловить рыбу. Много французских и немецких аристократов, их сейчас же различишь среди толпы; в толпе других, держатся они в стороне; есть несколько князей из влиятельных германских фамилий; один из них ехал на «**Канцлере**» с нами из Неаполя, конечно, инкогнито, в высшей степени любезный и образованный господин. Мы все, врачи русско-

голландского санитарного отряда, быстро сошлись с ним, и до сих пор живёт он с нами в Трансвааль-отеле, проводя вместе целые дни. Только по тому почёту и уважению, которые оказывают ему здешние власти, мы стали догадываться о его высоком положении. Посетил он здесь все важнейшие пункты бурских позиций, посмотрел на Ледисмит, а не сегодня, так завтра направляется в Новую Гвинею, чтобы убить время до Парижской выставки.

Буры не любят иностранцев и с недоверием, даже с некоторым презрением относятся к добровольцам, которых они стараются сплавить в здешний Немецкий отряд, неохотно принимая в свои лагеря.

Мне несколько раз приходилось слышать от очень интеллигентных буров следующую фразу:

– После войны у нас кёльнерами¹⁹ будут иностранные князья и графы, так много их понаехало.

Это очень характерно для иллюстрации отношений буров к волонтёрам...

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁰.

О добровольческих отрядах сестра милосердия русско-голландского санитарного отряда **Софья Изъединова** заметила следующее:

Хорошей репутацией в смысле храбрости пользовался многочисленный, но очень смешанный по составу отряд немецкий. Затем в разное время выдвигались – французский отряд под начальством (графа) **Бреда**, взятого в плен вместе с **Вильбоа**, ирландский отряд, американский отряд разведчиков, итальянский отряд **Рикарди (Риччиарди)**, также занимавшийся преимущественно разведочной службой, но известный особенно беззастенчивым мародёрством насчёт и чужих и своих²¹.

По поводу зарубежных волонтёров, зачастую недовольных недоверчивым отношением к ним афри-

канеров, другой автор воспоминаний, российский офицер-доброволец объяснял:

Что же касается недовольных иностранных волонтёров, то эти господа забывают, что народу, который корчится в судорогах предсмертной агонии, было не до того, чтобы сазванным спасителям своим устраивать торжественные встречи, овации, награждать их чинами, орденами. Нужно, откровенно говоря, знать, что не все волонтёры были идеалистами чистой воды; много было таких, которых привлекала надежда поживиться и дать волю плохо скрытым инстинктам грабежа и мародёрства. И вот люди с искренними убеждениями, люди порыва легли костьюми, а более расторопные и дальновидные успели набить свои карманы звонкими совернами²² **Крюгера** и **Виктории** и вовремя вернуться в Европу, украшенные дешёвыми лаврами трансваальских героев.

Прав до некоторой степени генерал **Бота**, который как-то выразился об иностранных волонтёрах следующим образом: Все эти люди, которые сражаются за нас, или предлагают нам свои услуги, это – или авантюристы, или люди экзальтированные²³, это – или идиоты, или – просто жулики²⁴.

Софья Изъединова с гордостью говорила о своих соотечественниках, подавляющее большинство из которых честно сражались за свободу бурских республик, но подтверждала при этом в целом крайне нелестное мнение буров о зарубежных добровольцах, многие из которых являлись откровенными проходимцами:

Новоприезжающие добровольцы примыкали к любому отряду, местному или иностранному, по большей же части группировались по национальностям. В бурские командошли исключительно люди дела, желавшие сойтись возможно ближе с местными жителями, многому у них поучиться и готовые делить с ними все невзгоды. Это были преимуще-

Могила лейтенанта военно-морского флота Бориса Андреевича Строльмана в Претории, сооружённая в 1906 г. На заднем плане - два профессора-бура

ственno голландцы и, к нашей национальной похвале будет сказано, в значительном числе русские. Мне лично известны пребывавшие в разное время в бурских командах: лейтенант **Штрольман (Строльман)** – убит; капитан **Шульженко**, погонщик **Диатроптов**, сотник (поручик) **Гучков**, поручик **Никитин** и штабс-капитан **Никитин**, поручик **Августус**, граф **Комаровский**, **Арнольдов**, **Кравченко** и несколько других. А среди добровольцев немало было таких, которые лишь жили в гостиницах за счёт казны облагодетельствовавшей их страны и развлекались, не утруждая себя участием в военных действиях. Другие же любили во время походов оставленные дома и не спешили на фронт. Среди них было немало авантюристов всех видов. Тем отраднее говорить о наших соотечественниках, подавляющее большинство которых, за исключением двух-трёх человек, честно сражались за свободу бурских республик²⁵.

Теперь приведём на наш взгляд наиболее любопытные отрывки непосредственно из воспоминаний российских добровольцев:

*Письма с дороги
(от нашего корреспондента)*

I

Брюссель 2 (14) декабря 1899 г.

В бешеной пляске мелькают перед окном вагона снежные хлопья, вспыхивают и потухают искры паровоза. А колёса вагонов ритмически стучат и грохочут, как бы выбивая такт какой-то неведомой, странной мелодии. В вагоне тепло и уютно; расходившиеся нервы постепенно успокаиваются и в уме проносятся отрывочные воспоминания о последних днях предшествовавших выезду.

Много было пережито, перечувствовано. Сколько было хлопот и возни с получением необходимых бумаг и законных разрешений всякого рода; сколько приходилось выслушивать насмешек, советов, просьб не ехать куда-то за тридевять земель, а вы-

кинуть из головы эту безумную идею, остаться дома и служить по-прежнему верой и правдой. Иронически пожимая плечами, мне говорили люди, убелённые сединами и умудрённые опытом жизни о том, что непростительно ставить на карту жизнь, обеспеченное положение, будущее, из-за увлечения какой-то фантастической идеей, достойной разве гимназиста, начитавшегося романов **Майн-Рида** или **Густава Эмара!** Я кланялся и слушал, соглашаясь с тем, что оно действительно неразумно и даже с одной стороны опасно, но с другой стороны, раз это не запрещается законами, то отчего же и не поехать.

Я поехал вместе с товарищем, вполне разделявшим мои взгляды.

Отчего у нас всякий порыв, всякое увлечение чем-либо отвлечённым хорош (неразборчиво) или находит порицателей, встречает насмешку и непонимание? Отчего желание ехать к бурям, отстаивающих свою свободу, свою жизнь с оружием в руках, находят странным, чем-то донкихотским.

Что ж в самом деле странного, если человек, не находя дома приложения своей энергии, ищет другое поле деятельности, если тесные рамки обыденной жизни гнетут его. Разве лучше, если избыток кипучих сил молодости, переживаемой ведь один только раз, тратится в разгуле, в бессмысленных оргиях и так далее. Это дважды похвально.

Какой, наконец, солдат не задрожит, точно конь боевой, при одной вести о том, что там где-то в полуденной Африке грохочут пушки, свистят пули, что рекой льётся кровь, что есть возможность понюхать пороха не на полигоне, не на учебном стрельбище, не на манёврах с обозначенным противником, а в чистом поле, где не на живот, а насмерть бьются доблестные буры.

И вот последний час разлуки. На вокзале собирались товарищи офицеры разных полков, знакомые семейства, дамы. Тут же на вокзале теснились солдатики моей роты, пожелавшие сказать последнее прости своему офицеру.

– Ваше благородие²⁶, возьмите нас с собой! – просил меня красивый стройный ефрейтор со слезами на глазах.

Наконец мы в дороге. Поздней ночью мы перевалили границу. Вместо приветливого «прошу пана» раздалось грозное *bittete, herr...* (пожалуйста, господа...) и в вагон заглянула сизоносая²⁷ физиономия немецкого кондуктора. Как во сне промелькнули Торн, Бромберг, Шнейдемюль и другие станции. В вагон то и дело входили и выходили новые пассажиры, нужно сказать, что мы в Пруссии переменили второй класс на третий, было тесно, неуютно, холод, несмотря на паровое отопление, всё сильнее давал себя чувствовать, окна замёрзли и покрылись фантастическими ледяными узорами.

Нет ничего скучнее путешествия ночью в тесном вагоне; спутники показались нам мало интересными: толстые бургеры с квадратными физиономиями, какие-то подозрительные субъекты, угрюмо читавшие газету *«Vorwärts»* (Вперёд); восстроенные немочки, устремившие на нас свои рыбьи глаза.

Но *Zugfuhrer* (начальник поезда) утешил нас, что скоро будет Берлин, и действительно, во мгле утреннего рассвета мы стали различать неясные очертания громадных домов, фабрик и железнодорожных сооружений. С высоких виадуков²⁸, по которым мчался наш поезд, открывался вид на бесконечные прямолинейные улицы, где уже утренний рассвет многочисленных электрических и газовых фонарей.

Мимо окон нашего вагона через каждые две минуты с оглушительным треском и свистом проносились встречные поезда берлинской городской железной дороги. Вот вокзал один, другой. Но мы предпочли высадиться на центральном вокзале, на *Фридрихштрассе* (улица Фридриха) (Великого).

Из громадного здания вокзала, под сводчатым стеклянным куполом которого никогда не умолкают резкие свистки паровозов, грохот поездов; мы вышли, несмотря на ранний час, на улицу и решили пешком пофланировать²⁹ по городу. Рано просыпается деловой люд в Берлине: по улицам, дрожа и ёжась от холода, сновали изнуренные рабочие, тощие приказчики с портфелями, кухарки и горничные с провизией. Равнодушно взирал на всю эту толпу откормленный *Chutzmann*³⁰

с традиционной каской на голове и в тёплом пальто с меховым воротником.

Постепенно стали открываться магазины, засверкали уставленные всевозможными товарами витрины, и уличное движение всё возрастало. Появились ярко раскрашенные громоздкие повозки, битком набитые пассажирами омнибусы, ручные повозки – всё это запрудило улицу. Свистки, грохот, крики извозчиков сливались в какой-то одуряющий гул, неприятно действующий на нервы, измученные предыдущей бессонной ночью. Вдобавок было холодно, резкий, порывистый ветер взметал целые сугробы снега; давно уже берлинцы не видели подобной зимы. Мороз градусов 8–9.

Вошли мы в первый попавшийся нам по пути ресторан, в Cafe Victoria (кафе Победа), обширные залы, стены, выполненные зеркалами, хрустальные люстры, мраморные столы поражали своим великолепием нас, привыкших к скромным варшавским цукерням³¹.

За отдельным столом сидела группа студентов, одутловатые лица, тусклые глаза и пьяные голоса – явные признаки того, что эти питомцы Берлинской *alma mater* (духовная мать, родной вуз) прокутили всю ночь напролёт, и теперь они, истребляя бесчисленное количество стаканов вина, видимо, старались опохмелиться. Мы очевидно привлекли их внимание, так как по нашему адресу послышались плоские остры. Один из них, белокурый юноша с мускулами атлета, шатаясь подошёл к нам и, приняв вызывающую позу, произнёс заплетающимся языком речь о том, что ему, студенту теологии, очень приятно видеть русских нигилистов, страдающих за идею и очевидно бежавших из России, но он удивляется, что мы чудному берлинскому пиву предпочитаем чёрный кофе, и он от лица товарищей просит нас присоединиться к их обществу. Мы отклонили приглашение и, пожелав ему всякого благополучия, поспешили выйти из кафе.

Unter den Linden (Унтер ден Линден) (центральная улица Берлина), куда мы теперь направились, уже кишила народом: чинно прохаживались сытые, самодоволь-

ные буржуа; лейтенанты с неизбежными моноклями и усами a la empereur (под императора), солдаты гвардейских полков, напоминающие оловянных солдатиков, выставленных в окнах игрушечных магазинов; вообще военный элемент преобладал. Между прочим, интересно то обстоятельство, что, когда мы расспрашивали о достопримечательностях Берлина, то нам прежде всего советовали полюбоваться, разводом дворцового караула, затем рекомендовали уже осмотреть музеи, театры и памятники.

Мы прошлись по пассажу, где в одном из магазинов была выставлена группа восковых фигур, изображающая героев дня: **Крюгера, Жубера** и двух вооружённых с ног до головы буров.

Магазины пассажа напоминали какую-то выставку, по разнообразию и богатству выставленных в зеркальных окнах товаров: здесь были галантерейные вещи, драгоценные ювелирные изделия, предметы роскоши, поражающие тонкой работой и изяществом отделки.

Обедать нам пришлось в ресторане **Ашингера**, немало мы удивили кёльнеров и посетителей заведения, отказавшись от пива. Обед был отлично сервирован, прекрасно приготовлен и строил что-то очень дешёво, около двух марок, включая сюда неизбежные trinkgeld (чаевые) (на пропой). Неприятно поражал нас патриотизм немцев, выражавшийся в том, что на всех куфелях, на посуде, на объявлениях, рекламирующих новоизобретённую ваксу³² или фикстуар³³ для усов, красуется портрет императора **Вильгельма**.

Мы не рассчитывали долго пробыть в Берлине, преследуя одну цель – как можно скорее явиться dr. **Leyds'y** (доктору **Лейдсу**) в Брюсселе, а оттуда в Марсель или Неаполь, чтобы морем отправится в Трансвааль. Ближайший поезд в Кёльн оказался вечерний, в 10 часов, и мы волей-неволей, не взяв номера в гостинице, снова начали бесцельно бродить по городу.

Но конек прокатились мы до Тиргартина, осмотрели величавое здание Рейхстага³⁴, где теперь происходят ожесточённые дебаты по поводу потребного кредита на увеличение

флота. Вопрос этот волнует общество, горячо обсуждается во всех кафе и ресторанах, но мнения газет всевозможных направлений и публики резко расходятся³⁵. Заманчивая картина, рисующая в пылком воображении сторонников правительства, не находит сочувствия со стороны либералов и социалистов. Скептически выслушивают они красноречивые воззвания **Бюлова** о том, что пришло время, когда германский торговый флаг, развевающийся во всех морях, нуждается в таком же числе грозных броненосцев, чтобы флот Германии мог бы равняться английскому и так далее. Кряхтит и жмётся немецкий бюргер, жмется и кряхтит, на ёлку (скоро у них Рождество) он непременно купит своему карапузику бумажную каску, шпагу и игрушечных солдатиков, или даже костюм матросский, но на флот не даст³⁶.

Возле Рейхстага я увидел огороженную забором площадь, соседи по конке объяснили, что здесь городом воздвигается памятник **Бисмарку**. Я вступил в разговор со словоохотливым берлинцем и коснулся того, что Германия, в особенности Пруссия, обязаны своим могуществом и величием железному канцлеру и что берлинцы, вероятно, чтут его память. О, это так, но до **Бисмарка** и табак, и пиво, и всё было лучше и дешёвле, и Германии рано или поздно придётся поплатиться за политику минувших царствований. Вообще в рабочем классе, сильно-сильно страдающим от обременительности и дорожившим жизнью, с каждым годом желается всё ощутительнее, замечается неудовольствие воинствующей политикой империи. Преклонение перед милитаризмом постепенно падает и уступило место ироническому отношению к военной службе; офицеры прусской армии говорят с отвращением о монотонной гарнизонной службе, о недостаточном содержании, о скуче бесконечной дрессировки новобранцев. Многие говорили мне с завистью о товарищах, пристроившихся инструкторами в войсках южноамериканских республик или сражающихся теперь в войсках буров, причём нужно однако же заметить, что с такой же точно готовностью они за приличное вознаграждение поступили бы к англичанам.

Солдаты не особенно восхищены двухлетним сроком службы и вообще солдатчиной. Резко различаются между собой солдаты обязательного срока службы, молодые безусые парни, имеющие вид испуганных кроликов и *capitulante* (капитулянты), унтер-офицеры, сверхсрочнослужащие, составляющие собственно кадры армии. Можно судить о духе солдат по тому своеобразному жаргону, на котором они называют например каску?³⁷ *Hurraleutute* (движимые наступательным порывом ура), знамя, эту святыню полка – *Begeisternngsknuppel* (дубина воодушевления) и много у них таких своеобразных слов, непереводимых на русский язык.

К сожалению, для более полных выводов и характеристик мне было недостаточно того времени, которое мы провели в Берлине, заходя в рестораны, кофейни и вступая в беседу с первыми попавшимися солдатами, фельдфебелями, городовыми и так далее.

Ещё в последний раз мы прошлись уже вечером по залитой электрическим светом главной улице Берлина. По обеим сторонам *Unter den Linden* высятся серые многоэтажные дома, грозно чернеет памятник основателя могущества Пруссии, курфюрста³⁸ **Фридриха Вильгельма**.

Завтра в Кёльн, оттуда в Брюссель. Эх, поскорее бы в Трансвааль, неужели без нас возьмут Ледисмит и Кимберлей?

Евгений Августус³⁹.

Подпоручик **Августус** отправлял письма и в другие газеты, в частности, в «Новое Время»:

Проездом в Трансвааль

Один русский, едущий в Трансвааль, пишет нам с дороги из Берлина.

Сдав багаж в Брюсселе и отдалавшись от непрошенных комиссionеров и факторов, мы решили, несмотря на ранний час, пройтись по городу, пофланировать по главным улицам и сделать кой-какие необходимые визиты.

Жизнь начинается в Берлине рано. Уже с пяти часов по панелям снуют рабочие, одетые, несмотря на мороз в 7 градусов и на снежную метель, в истрёпанное платье, с надвинутыми на глаза порыжелыми шляпами, горничные и кухарки с провизией, конторщики, приказчики и всякий другой деловой люд.

Вскоре мы вышли на «Невский проспект» Берлина – Unter den Liden. Широкая улица, обсаженная в два ряда захудалыми деревьями, вдали чернеют Бранденбургские ворота, с занесённой снегом колёсницей наверху. Серые каменные дома, украшенные колоннами, фресками, тянутся во всю сторону улицы мрачной стеной.

Во всякое другое время Берлин произвёл бы лучшее впечатление, чем теперь, когда улица занесена толстым слоем выпавшего за ночь снега и в воздухе кружит метель, застилая всё перед глазами, а порывистый холодный ветер, заставляет плотнее укутываться башлыками. Движение электрических и конно-железных вагонов в некоторых местах совершенно прекратилось, так как дворники и рабочие не скребут лопатами, отгребая снег в сторону. Громоздкие повозки и фиакры⁴⁰ то и дело останавливаются, и измученные лошади бес усилия бьют копытами о замерзшую землю. Извозчики бешено хлопают бичами и ругаются на самом изысканном берлинском жаргоне. Один городовой в ярко вычищенной каске, да лейтенанты с неизбежным моноклем сохраняют истинно юпитеровское беспристрастие и мозолят глаз на каждом шагу. Вот знаменитые пассажи: громадные зеркальные витрины, установленные впрочем довольно аляповато всевозможными товарами и произведениями немецких фабрик. Между прочим внимание наше было привлечено к окну, за которым красовались во весь рост герои дня: восковые фигуры **Крюгера, Жубера** и двух вооружённых с ног до головы буров. Толпа берлинцев толкалась перед витриной и рассуждала горячо о перипетиях войны. Нам везде уступали дорогу, давали необходимые сведения, очевидно узнали русских военных, замечу – отставных, и когда мы имели неосторожность сказать, что

едем в Трансвааль, восхищению публики не было пределов. Нам жали руки, отовсюду слышались пожелания счастливой дороги, рассказали, что недавно был концерт в пользу Красного Креста, посыпаемого в Южную Африку. Что много германских офицеров, подав в отставку, отправились туда же. Какой-то господин сунул мне книгу, как оказалось впоследствии, духовного содержания, какого-то Лейпцигского издательства, но на русском языке «А примирился ли ты с Богом?» Читайте, молодой человек, вы точно крестоносцы идёте сражаться за святое дело. *Danke sehr* (большое спасибо). Другой преподнёс мне оригинальную почтовую карточку, на которой среди многозначительной виньетки⁴¹ изображён был **Крюгер** с трубкой в зубах и несколько вооружённых буров. А толпа всё росла и росла. Не знаю, чем бы это кончилось, если бы мне не пришла мысль зайти в ближайший писчебумажный магазин, чтобы сделать несколько покупок. Но господа приказчики и голубоглазые кассирши, хотя и выражали нам полное сочувствие, однако ж содрали с нас в тридорога за сотню самых дешёвых визитных карточек, два стилографа и почтовую бумагу.

Cafe Бауэра по своему расположению – на лучшей стороне Берлина, по роскоши внутренней отделки считается перворядным cafe столицы. Здесь во всякое время можно найти представителей высшего столичного общества, офицеров гвардейских полков, художников, литераторов; здесь всегда толкаются иностранцы: в одном углу слышишь оживлённую французскую речь, в другом – гортанные резкие звуки венгерского языка, там раздаётся самоуверенная английская речь, с присвистом и прищёптыванием, а всё покрывает немецкий раскатистый смех и говор.

Заказав себе кофе, мы сели за один из столиков, откуда было удобно наблюдать за публикой. Рядом с нами сидела группа офицеров какого-то гвардейского пехотного полка. Благородные потомки тевтонских рыцарей поглядывали на нас довольно бесцеремонно, послышались некоторые, впрочем, довольно лестные замечания по нашему адресу; когда же мой товарищ

ВОСТОЧНЫЙ ТЕАТР АВСТО-ТРАНСВАЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Сама игра оказалась интересной и увлекательной, но ее становление, уверен, было задержано за рубежом. Удивительно, что на самом деле группа «Фигаро» имела гиперактивный позитивный стиль. Благодаря потоку текстов скелет группы поглощался в насильственном единении, поскольку неизвестные авторы, ворочаясь довольно злостно, вытаскивали изнутри аудитору, когда же мы говорили о перенесении «Figaro» на великий Tagoreland, это включало скептицизм, диссидентство, что-то вроде политической сатиры, но не политики в прямом смысле слова. Для меня «Фигаро» стала первым языком в своем роде.

Веномою измія відстороняє, а
підіймати глаїзни колиєте, щоб закріпити
на лиці. В Іспанії, тоді що змінився
боязь Альварін, последній обрашався съ-
до обращався за схильністю до чистоти ги-
дальго, а потім і в астах, кого звер-
нулся і покорює залупути на бажаннях
адвоката. Того привночали, суть за-
губленій неділь та громадській сигари.

«Метрол» — «Вінє схід!»
Через минуту ми уже представлялися друга другут, разговорились і сказали общиі спога, принесли любовное приглашение прощать офицера.

Всё доказывало превосходство температуры, когда они узнали, что мы — русские воинственные и ждём у Трансваала. Удивились наименованием, выражали избыток с твёрдой и яркой стороны. Еще было вопросом их дальнейшего действия, когда мы отвечали от *Scif* и *Люксор*, сказав им, что они из Варшавы. Их даже обидело не путь из *Битум* в *Люксор*.

— Да, вы мастера штурмовать, — говорил пан *premier-ministrem*, высокий стройный блондин с орденами на груди, — стоять только вспомнил *Балашов*, *Кароль*, *Ласлоу*.

— Быть бы мне такого вояку! —

— да, это я сам пытался
подсчитать процентный газород съ физи-
ческой чистотой.— Т-о-ли дѣло!

А теперь что? Все нахмарили, даже Recruiten-drillerell! Одна тоска! Французы пасквили ржали, съ загадками во-

- предвидится столкновение...
- А съ нами? — спросил я съ удивлением, приговаривая кофе.
- Съ нами? Мы бы съ удовольствием...
- Да, погоди, тоже не придется. Ох, эти дина-

жать! А то представьте, Нет Кашегов, и на-
да у вас из три два волхта милиона не-
заплаканных волхта из вашей границы;
у вас все предусматрено; Франция парализо-
вана Августом; съ боку у вас Австрия, съ
таку Турция, из Петербурга подуть финны

правились Оберг Н., поручик Бр-штаза онят, все больше и больше воздушников, и еще другие собираются... читать дальше:

— да кто туда спешит! — заговорил изнутри превращавшийся голосом молодой парень с симпатичной, хотя и неуставленной королевской-принцесской об

раза физиолог. — Кто тут пойдет? спросят, исключив со службами, обеденными начальством, наемных агентов, которых собирается поместить в проектируемые тут и потому объекты на

сочет румянцевых красок в насто-
ить! Калмык! Весь народ у нас неко-
необходим. Требуют жалованья,
прогоняют, вымывают должностями. Еши-
маки! В Абаку мы внесли другим отре-
ваемые ими в Чечне в бразильи, и Гур-
ки, к твоему величественному наследию,

— Барон удалился... — заметил наставительница сестры... — отъезд у нас состоялся. Ох, знаете, пропадаючи куда не крестный позыв! Против запретов, но как захотеть-то таки сестричку, лучше всего, — и вспомнила прошлую встречу с Елизаветой, — я бы сказала, что это было чудо!

— Да — глубокомысленно произнесла другой, виская густые кудри темно-зеленого цвета, и это же было я, господа, — ждала на свой счет, не зная ничего, никаких гарантий на будущее. Капитан, вы же, — сказала, — проявите при слове моем честность?

спазм, во время обихода, который счи-
тается драматичным. Всё это из того периода,
когда в России, а особенно в Москве, распространялась
охота на литераторов, а вслед за ними — жур-
налистов, художников.

кой войны.

приводил в южные широты Азии, проходя по южной оконечности Китая и восточным берегам Индии. Важнейшим пунктом на этом пути был город Бодхгая, расположенный в штате Бихар, известный как место сидения Будды, когда он достиг просветления. Вокруг Бодхгая было множество монастырей и храмов, где буддисты могли остановиться и отдохнуть. Дорога из Бодхгая в южные широты Индии проходила через города Магадху и Патану, а также через горы Гангапур и Ганешвар. Всего же путь от Бодхгая до южных широт Индии занимал около 240 километров, причем это расстояние было преодолено в течение трех-четырех недель. Весной 1948 года Ледженда и его спутники вышли из Бодхгая и направились на юг, вдоль побережья Бенгальского залива. Весной 1949 года они прибыли в город Бенарес (Бенгалия), где провели некоторое время, изучая буддистские святыни и практикуя медитацию. Затем они продолжили путь на юг, вдоль побережья Тамилнада, где провели еще один месяц, изучая местные буддистские традиции и практикуя медитацию. Всего же путь от Бенареса до южных широт Индии занял около 150 километров, причем это расстояние было преодолено в течение трех-четырех недель.

До отхода пограничного поезда было еще рано, мы спешно вернулись за улицу Unter den Linden, селились в гостинице «Альберт» и слегка покоробились неподалеку расположенным рестораном и гостиницей «Сталинград», находившимися на углу улицы Фридрихштрассе и улицы Фридрихштрассе.

На перекрестках улиц движение всегда совершило пропащившееся; пешеходы сбились на твёрдую путь не трогаясь, склоняясь вправо, влево, вправо, влево, вправо и влево. Когда на них настала удача, перейти на другую сторону улицы, у товарища, которого не оказалось на парковой лавке, а у него — серебряного портфеля. Лёгкий портфель однако же складывался настолько изящно, что оставил на ней горизонтальный след. Попытавшись войти в парковую лавку, Кольцов, зевнув, сел на скамейку.

анки, вспоминая 70-го года, начиная с языка по-русски, рассказывать, что скоро закончатся будущие концепции новых торговли из Берлина, с 9 часов вечера, что они поддаются жалобам относительно ограничений промышленности — торговлю становятся труднее, а между темъ земли его родных недавно дружески

близкошерстяной, и наконец, левое пальто для пасынка, что выходит из Брюсселя отходить съ Friedrichsbahnhofъ за 10 час. 15 мин.

—
Англо-Трансваальская война.
—
Поражение отряда лорда Нетона при

переменил «Figaro» (Фигаро) на «Berliner Tageblatt» (Берлинский ежедневный листок), они несколько смутились, догадавшись, что мы знаем немецкий язык. Разговори их замолк на время. Для меня интервью с прусскими офицерами могло представить некоторый интерес, а потому я только искал случая, чтобы завязать разговор. Меня выручила благотельная⁴² папироска фирмы **Саатчи и Мангуби**⁴³.

Беспомощно взирая по сторонам, я искал глазами кёльнера, чтобы закурить папироску. В Испании, под знаменем небом Андалузии, последний оборванец смело обращается за огнём к знатному гидалго (идальго), а поэтому я встал, круто повернулся и попросил закурить у ближайшего лейтенанта. Тот привскочил, сдул негоревший пепел с громаднейшей сигары. Merci! (спасибо) – Bitte Sehr! (огромное пожалуйста)

Через минуту мы уже представились друг другу, разговорились и сели за общий стол, приняв любезное приглашение прочих офицеров.

Куда девалась пресловутая чопорность, когда они узнали, что мы – русские военные и едем в Трансвааль. Удивлялись нашей решимости, выражая вместе с тем живейшую симпатию. Ещё более возросло их удивление, когда мы отказались от Sect'a⁴⁴ и ликёров, заявив им, что ещё в Варшаве дали обет не пить вина и так далее до тех пор, пока не прибудем в Трансвааль и не возьмём Ледисмит штурмом.

– Да вы мастера штурмовать, – говорил нам premier-lieutenant (лейтенант), высокий стройный блондин с орлиным носом, – стоит только вспомнить Никополь, Карс, Плевну.

Я заметил, что Плевна взята не штурмом, и счёл напомнить им блестящие подвиги прусской гвардии под Сен-Прива и Гравелотом.

– Эх, вот бы ещё такую войну, – вздохнул плечистый гвардеец с физиономией чемпиона-атлета, – то ли дело.

Hurrah. Ihr Bruder im blutigen Feld! (Ура! Твой брат в кровавом поле!)

Vorwärts auf Schnaubenden Rossen! (Вперёд на (буквально – сморкающихся) сопливых россов!)

А теперь что? Всё вахтпарады, да Recrut endrillerei (рекрутская муштра (обучение новобранцев строевой подготовке). Одна тоска! Французы изыскано вежливы, с англичанами не предвидится столкновений...

– А с нами? – спросил я с улыбкой, прихлебывая кофе.

– С вами? Мы бы с удовольствием. Да нет, тоже не предвидится. Ох, эти дипломаты! А то представляете, Herr Kamerad, (господин товарищ) мы... да у нас в три дня полтора миллионов мобилизованных войск на вашей границе; у нас всё предусмотрено; Франция парализована Англией; с боку у вас Австрия, с тылу Турция, на Петербург пойдут финны и шведы, а мы выставим в поле ещё Reserve (резерв), ещё Landwehr, (ландвер (территориальные войска) (резерв второй очереди) два миллиона, да три миллиона...

Глаза его горели, руками он грозно жестикулировал; другие его слушали, одобрительно кивая головами.

– Позвольте, Herr Kamerad (господин товарищ), – мягко прервал я расходившегося глотателя шпаг. – Вот позвольте вам рассказать одну нашу солдатскую сказку: Иду на тебявойной, пишет царю белому грозный султан турецкий, войска у меня видимо–невидимо! Отвечает ему царь–батюшка: Посылаю тебе, басурману, чёрного перцу мешочек – не много его, но выкуси мол!

На минуту воцарилось молчание. С улицы доносился гул не смолкающего ни на минуту городского шума. Кёльнеры неслышно сновали между столиками, разнося подносы с хрустальными графинами и ярко блестевшими кофейниками.

Против меня сидел молодой корнет с бледным задумчивым лицом и лихорадочно горевшими глазами. Он до сих пор не принимал никакого участия в разговоре, показавшись мне почему–то симпатичнее других; я обратился к нему, желая вновь завязать прерванный разговор.

– Скажите, пожалуйста, правда, что много ваших офицеров в Трансваале?

– О, как же, разве вы не читали в газетах, – хором подхватили другие. – Ещё бы! Буры своими победами обязаны имен-

но нам, вот недавно только туда отправились Oberst N, (полковник N) поручик **Бр-виц** и ещё другие собираются...

– Да кто туда собирается? – заговорил вдруг прерывающимся голосом молодой корнет с симпатичной, хотя и уставновленного королевского – прусского образца физиономией.

– Кто туда поехал? Офицеры, исключённые со службы, обойдённые начальством, наконец, авантюристы, которых соблазняет возможность прокатиться туда и, конечно, обратно за счёт рудников трансваальских в каютах 1 класса. Ведь иначе у нас никто не соглашается. Требуют жалования, прогонных, высших должностей. Идеи никакой! В Африку у нас едут те же офицеры, которые в другое время отправились бы в Чили, Бразилию, в Турцию, к тем же англичанам, наконец, за приличное вознаграждение...

– Барон увлекается, – заметил наставительно сосед, – он ведь у нас поэт. Он, знаете, проповедовал чуть ли не крестовый поход против англичан, во имя каких-то там высших лузыбарных идеалов... Хе-хе, а сам вот не поехал!

– Да, – глубокомысленно промолвил другой, пуская густые клубы дыма, – я вот не понимаю, как это вы, господа, едете за свой счёт, не имея ничего, никаких гарантий в будущем. Какой же, ей-Богу смысл, проливать кровь свою бесплатно.

Юный корнет вспыхнул, хотел что-то сказать, но прочие офицеры, которым очевидно дальнейшая беседа на эту тему была неприятна, начали меня расспрашивать о военной жизни в России, о военных журналах, о литературе.

– Я читал **Гаршина**, – оживился корнет-энтузиаст. – Die vier Tage auf dem Schlachtfelde! (Четыре дня как с поля боя) Какая чудная вещь, нежная и вместе с тем такой глубокий драматизм! Вот бы прочесть нашим Eisenfresser'ам (пожирателям железа).

Я согласился с ним и заявил в свою очередь, что в восторге от **Розенбаха**, поэта новейшей школы молодой Германии.

– Вы его знаете? Прочтите что-нибудь! – воскликнул корнет, – это и мой любимый поэт. Я в таком же духе стараюсь писать.

Я насилиу вспомнил несколько отрывочных стихов.

Wettenfriede, Welttenruhe (К той ни к чему не обязывающей вселенской тихой),

Letzten Sieg, den wir orflehen (Последней победе, к которой мы придём)

Дальше я всё перепутал, и продолжал уже из **Гейне** и **Шиллера**, что знал.

Но тем не менее я совершенно очаровал корнета-поэта, и к нашему ужасу он извлёк из бокового кармана тетрадку, перевязанную, как водится, розовой ленточкой.

Из всего, что он нам читал, у меня осталось в памяти всего несколько стихов:

Das Fenster klierrt der Snellzug dampft
Der über die klierrenden Schienen dampft
Die Hauser huschen wild Vorbei,
In grauer Luft ein Klahenschrei.

(Приблизительно в этом роде:

Поезд летит и колёса гремят,
Звонко колёса по рельсам стучат
Чёрный ворон прокричал,
Во мгле осенней и пропал.)

Товарищи его с заметным самодовольствием покручивали усы: вот, дескать, какие у нас таланты!

Я судорожно ёрзal на стуле, товарищ мой растерянно поглядывал по сторонам, а он всё более и более воодушевляясь читал дальше.

...Zum Hohle aller Zivilisation (смысл приблизительно) (В пещеру всю цивилизацию)

Laist man dum-dum Lydits – Kanonen Knallen (Дают (загонять) щёлканьем **дум-думов** и лиддитных пушек)

Und um ein Nichts, um schohen Goldeston. (Ни за что – за красивый золотой камешек)

Вдохновенный поэт, Божьей милостью корнет лейб-гвардии (N)-ского полка, промучил бы нас ещё дольше, если бы над нами не смилиостивилась судьба, послав нам спасение в лице седого штаб-офицера, вошедшего в зал. Увидав его,

господа офицеры, точно автоматы привскочили, оправили сабли и вытянулись. Полковник, приложив два пальца левой руки к виску, приветливо кивнул головой, после чего они снова грузно опустились на стулья.

– Прекрасная субординация, но ужасная версификация^{45!} – шепнул мне товарищ, – уйдем, ради Бога, поскорей!

Я вполне разделил его мнение и, чтобы не дать возобновиться чтению, рассыпался в комплиментах.

Прекрасные звучные рифмы, бесподобная аллитерация! Глубокий смысл, какое пламенное чувство! Только одно меня смущает, почему вот у вас в первом стихотворении и грохот экспресса и всё такое, а вы слышите крик ворона?

Корнет-стихотворец и товарищи его, оказавшиеся вдруг глубокими знатоками поэзии, стали мне объяснять, что в этом-то и заключается бесподобный реализм и вместе с тем некоторый лиризм, ибо они, как представители милитаризма, не могут сочувствовать новейшим течениям в поэзии – символизму.

Мы начали раскланиваться.

Проезжая на конке домой, мы видели монументальное здание германского Рейхстага, где в данный момент проходят ожесточённые дебаты между сторонниками правительства, консервативной клерикальной и партией центра и социально-демократической по поводу истребованного правительством кредита на увеличение флота.

Я вступил по этому поводу в беседу с соседями по конке, высушал ряд самых разноречивых мнений и, чтобы составить себе некоторое понятие о ходе волнующих теперь всю Германию дебатов, привлёк к разговору и кондуктора конки, как лицо наиболее компетентное в этом деле, принимая во внимание, что он ежедневно раз пятьдесят проезжает мимо Рейхстага.

Оказывается, что да, что не все немцы восхищены блестящей перспективой видеть Германию грозной владычицей морей, безработица, крайняя дорожизна жизни, тяжесть налогов и податей, взимаемых правительством и городским

управлением – всё это заставляет народ не особенно доверчиво относиться к воинствующей политике правительства. Политика эта, требуя с каждым годом всё новые кредиты, крайне истощает государственный бюджет, забывая об экономических нуждах рабочего населения и весьма многочисленного класса чиновников, особенно в Пруссии, где нормой жалования семейных должностных лиц в государственных и общественных учреждениях является более чем скромная по нашим понятиям сумма от 380 до 550 марок в год.

До отхода поезда было ещё рано, мы ещё раз вернулись на улицу Unter den Linden, смешались с толпой и стали любоваться витринами магазинов, залитых электрическим светом, хорошенькими лициками женщин, напоминающих картинки из модного журнала, касками городовых, усами лейтенантов, фонарными столбами и другими достопримечательностями Берлина.

На перекрёстках улиц движение иногда совершенно приостанавливалось, пешеходы сбивались в тесную кучу на тротуарах, ожидая проезда бесконечного ряда повозок и экипажей. Когда нам, наконец, удалось перейти на другую сторону улицы, у товарища моего не оказалось в кармане платка, а у меня – серебряного портсигара⁴⁶. Ловкий воришко, однако же, оказался настолько любезным, что оставил мне коробку спичек. Пришлось зайти в табачный магазин. Хозяин, ветеран 1870 года, знал немного по-русски, рассказал, что скоро законом будет воспрещёна ночная торговля в Берлине с 9 часов вечера, что они подали жалобу относительно ограничения прав торговли – торговать становится трудно, а между тем, жена его родила недавно двух близнецов, и, наконец, самое важное для нас, что поезд в Брюссель отходит с Friedrichsbahnhof (вокзала имени **Фридриха**) (**Великого**) в 10 часов 15 минут.

Евг. Августус⁴⁷.

Продолжим воспоминания российского офицера о Берлине:

*Письма с дороги
(от нашего корреспондента)*

II

Брюссель

На поезд ещё рано; волей-неволей приходится бродить бесцельно по оживлённым панелям Unter den Linden, этой главной артерии берлинской уличной жизни.

В воздухе кружатся хлопья снега, застилая свет уличных фонарей; в полумраке неясно выступают очертания занесённых снегом многоэтажных домов, чернеющих вдали дворцов и памятников. На тротуаре светло как днём. Горят и переливаются в колоссальных витринах драгоценные ювелирные изделия при ослепительном свете электрических ламп.

Интересно было заглянуть в витрину обширного игрушечного магазина. Здесь красовались оловянные солдатики, но уже не точные копии прусской армии, а английских гвардейцев в красных мундирах и высоких медвежьих шапках; всем эти фигуркам, предназначенным украшать ёлку берлинских детей, придан карикатурный вид, а оловянные буры в широкополых шляпах смотрят бодро и молодцевато.

Вот ещё игрушка – какой-то чертёночек, черты которого носят сходство с физиономией знаменитого **Чемберлена**. Всё это, между прочим, свидетельствует об антипатии немцев к англичанам, но какое же отношение между детскими игрушками и политикой?

Снова в вагоне, снова тёмная ночь расстилается перед окнами. Из Бранденбургских песков поезд мчал нас по бесконечным равнинам Ганновера⁴⁸, славящимся свои мёдом и тонкорунными овцами, по богатейшим областям Прусского королевства, Вестфалии и Рейнской провинции, к Кёльну, где нам предстояла пересадка в Брюссель.

В вагоне мы терпели муки инквизиции: скверные жёсткие сидения купе третьего класса, из щелей, окон и дверей обдает морозной струёй, ногам нестерпимо жарко от труб парового отопления; с другой стороны сидит краснощёкая курносая немка, сестра милосердия, от которой разит карбол-

кой, с другой – толстый торговец, пропитанный насквозь запахом пива и скверных сигар.

Наконец, на какой-то станции в вагон ввалились новые пассажиры, с которыми мне удалось завязать беседу; один из них, почтенный седобородый старик, оказался ветераном 1866 г., бывшим офицером Ганноверской армии, помнившим короля **Георга**, умершего потом в изгнании после присоединения Ганновера к Пруссии. Участвовал он в сражении при Лангензальце, где ганноверские войска были наголову разбиты пруссаками; с желчью отзывался он о современном режиме и с сожалением вспоминал о былых временах самостоятельности Ганновера.

Он мне не ответил на вопрос, существуют ли теперь сепаратистские устремления.

– Вы знаете мы в 1870 г. только ожидали вести о первых победах французов, чтобы поднять поголовное восстание, если наши войска и дрались против французов, то только в силу необходимости, точно так же как теперь в войсках англичан сражаются ирландские полки.

Другой, красивый брюнет, с загорелым мужественным лицом, рассказал, что он служит вторым штурманом на одном из пароходов **крупповских** заводов и теперь едет в Антверпен, чтобы оттуда с грузом отправиться в Японию.

На мой вопрос, каким путём попадают **крупповские** пушки и скорострелки в Преторию, он лукаво улыбнулся.

Я счёл нужным посвятить его в наши планы и признался ему, что мы едем волонтёрами в Трансвааль, что мы русские офицеры и так далее.

Бравый штурман оживился, и я узнал, что ещё два года тому назад он сам сопровождал транспорт пушек, осадных орудий и скорострелок в бухту Делагоа, а оттуда в Преторию.

Война с англичанами ожидалась республикой тотчас после отражения «набега Джемсона», с 1896 г. правительство озабочилось приведением в оборонительное состояние Претории, пополнением военных припасов и разработкой военно-го плана. В арсеналах хранились миллионы (патронов для?)

винтовок **Манлихера**⁴⁹, пуля которых на 4000 ярдов (около 3900 метров) пробивает двухдюймовые доски⁵⁰. Меткость стрельбы буров изумительная: в достопамятном сражении при Маджубе английский генерал **Джон Коолей** был убит прицельным выстрелом на 400 ярдов из винтовки старой системы.

Буры – охотники на диких зверей – применяют к винтовкам **Манлихера** особые пули, спиливая головку никелевой оболочки; подобная пуля, причиняя ужасную рану, ни в чём не уступает **дум-дум**. Но президент **Крюгер** ещё в начале войны объявил, что употребление этих пуль будет воспрещено, если англичане откажутся от **дум-дум**.

Много ещё интересного рассказал мне бывалый моряк.

Климат теперь в ноябре и декабре в Натале ужасный, особенно для непривычного европейца; днём нестерпимый зной, доходящий до +40, внезапно поднимаются ураганы, приносящие целые облака раскаленного песку с пустыни Калахари, иногда они разражаются ужасными тропическими ливнями, иногда с солнечным заходом всё прекращается и наступает тишина, ночью же термометр падает часто ниже нуля и, ночуя в палатке, приходится покрываться массой одеял и звериными шкурами.

На одной из станицей он высадился и, сердечно распротившись с нами, пожелал нам всяческого успеха и благополучия.

Мы приближались к Кёльну: по обеим сторонам железной дороги высились фабричные трубы; густые клубы дыма, зарево доменных печей и массивные фабричные сооружения свидетельствовали, что мы в центре промышленной деятельности Рейнской провинции.

Гулко задрожал под нами железнодорожный мост перекинутый над широко катившим свои мутные воды Рейном. Белели в утренних лучах холодного зимнего солнца многоэтажные дома, испещрённые фресками и фронтонами в средневековом стиле, повсюду на стенах, на крышеах, крытых красной черепицей, пестрели всевозможные объявления; над ла-

бирином домов и улиц гордо возвышались узорные башни знаменитого Кёльнского собора, выдержанного в строгом готическом стиле.

Поезд и здесь, как в Берлине, проходил по высокому виадуку и остановился, наконец, на вокзале, где, как оказалось, нам час с лишком нужно было ждать другого поезда в Брюссель.

Измученные до крайности после двух бессонных ночей, в течение которых ни на минуту не удалось даже сомкнуть глаз, мы предпочти прогулке по улицам Кёльна возможность посидеть в обширной тёплой зале *bahnhof* (вокзала) за чашкой чая.

За границей нет ни звонков, ни свистков: мы прозевали поезд, если бы нас вовремя не предупредил расторопный носильщик.

В девятичасовом скором поезде не было III класса и мы важно развалились на истрёпанных бархатных сидениях купе второго класса.

Местность становилась всё живописнее: вот показались первые отроги Арденских гор⁵¹; между лесистыми склонами сверкали кое-где извилистые речки; вот на горе раскинулся Ахен⁵² – древний германский город со старинным собором, в котором когда-то короновались императоры из дома **Гогенштауфенов**⁵³ и **Габсбургов**⁵⁴. Последним возложил на себя корону священной Римской империи **Франц-Иосиф** в начале XIX столетия. Прусские короли короновались в Кёнигсберге; интересно, где произойдёт торжественное коронование нынешнего короля Пруссского и императора Германского **Вильгельма II**.

Бельгийские таможенные чиновники не беспокоили нас осмотром багажа. Вообще вертлявые, подвижные валлоны⁵⁵ производили лучшее впечатление, чем важные, надутые немцы, которые так будто только вчера расписались в получении пяти миллиардов военной контрибуции с Франции⁵⁶.

Вот мы в Брюсселе; но мы ещё далеко от цели нашего путешествия, напрасно меня в вагоне уверяли, что найти **Лейден**

са, уполномоченного Южно-Африканской Республики очень легко: il est connu par tout le monde (он известен всему миру)! Адреса его не знали, ни в одном адресном календаре не значилось его фамилии. В одном месте нам сообщили, что **Лейдс** уехал на днях в Марсель, в другом – что он умер.

Наконец, мы вспомнили, что у нас в боковом кармане хранится письмо к **Лейдсу** с обозначением его адреса; пришлось взять фиакр и через полчаса мы сидели у него в роскошно обставленном кабинете.

Высокого роста брюнет с выразительными чертами лица, он казался достойным представителем доблестного народа, умирающего за свою независимость. Блестяще окончив университет в Лейдене по государственному праву и юриспруденции, он с самого начала войны был облечён полным доверием президента **Крюгера** и назначен на ответственный пост уполномоченного Южно-Африканской Республики в Брюсселе.

Мы у него просидели больше часа в оживлённой беседе, которая велась на французском и немецком языках.

Выразив нам живейшую благодарность за нашу готовность послужить правому делу, он тонко заметил, что, как известно, он не вправе вербовать волонтёров и что республика не предоставляла ему никаких средств для отправки иностранных офицеров на театр военных действий.

Я его прервал, заявив, что мы едем на собственный страх и риск, не требуя никакого возмещения расходов; но так как средства у нас довольно ограниченные, то мы, в крайнем случае, готовы отправится морем на палубе, что мы никогда не рассчитывали на субсидию и так далее.

На это он с улыбкой заметил, что он, проживая в Брюсселе, связан нейтралитетом бельгийского правительства, но что его обязанность оказать посильную помощь волонтёрам и что, если не он, то друзья республики никогда не допустят, чтобы русские волонтёры ехали на палубе и что мы получим на днях билеты если не первого, то, во всяком случае, II класса.

«Раньше 25 числа вам, господа, не придётся выехать из Европы, к этому времени отправится французский пароход из Марселя, который вас доставит до Мадагаскара, а оттуда вас отправят другим пароходом на материк».

Утром другого дня он просил нас зайти в канцелярию legation (миссии) (дипломатической) для окончательных переговоров.

Ещё до визита у **Лейдса** мы наняли номер в одной из гостиниц на улице Fosse aux loups (волчья яма⁵⁷) в центре города, хозяин оказался выходцем из Австрии, чехом, и уступил нам приличный номер с полным пансионом⁵⁸, обедом и кофе, за 7 франков 75 сантимов в сутки, узнав, что мы отправляемся добровольцами в Трансвааль.

Несмотря на страшное название улицы, мы живём вблизи главнейшей артерии города, по соседству с почтой и недалеко от главных вокзалов: Station du Nord и Gare du Midi (Северная станция и Южный вокзал), связанных оживлённейшей улицей.

Днём и ночью грохочут всевозможные повозки, запряжённые тяжёло выступающими битюгами⁵⁹; ежеминутно проносятся электрические конки (трамваи), прорезывающие город по всем направлениям; без умолку ревут разносчики газет, оглушая прохожих L'Intransigeant! (Непреклонен!) Le Soir! (Вечер!) Une Defaite des Anglais! (Поражение англичан!) Une nouvelle de la Guerre! (Новость с войны!)...

Улицы вымощены частью гранитом, частью аспидными (чёрными) плитками; снега в городе нет, но везде на тротуарах липкая грязь. Прохожие бесцеремонно останавливаются и оглядывают нас с ног до головы. Какие-то подозрительные субъекты, узнав иностранцев, шёпотом рекомендуют адреса каких-то Palais de Crystal (Хрустальный дворец), Que le diable t'importe? (Какая к чёрту тебе разница?).

Толпа рабочих с глиняными белыми трубками в зубах, в рваных плащах, громко стучая деревянными неуклюжими башмаками⁶⁰, прошла мимо нас.

Des russes, des russes (русские, русские) затараторили они

и вдруг заорали, махая шляпами: Vive la Russie! (Да здравствует Россия!)

Над улицей навис уже вечерний туман и вдали засверкали бесчисленные газовые фонари, когда мы, усталые, разбитые вернулись в свою гостиницу. Нам подали кофе, булочки с маслом; но не дотронувшись ни к чему, мы нырнули в перины белоснежной кровати и заснули крепким сном, прерываемом рядом самых фантастических сновидений: вот Krakovskое предместье, знакомые лица; вот мы уже в Трансваале, верхом на страусах, но о ужас, нас сажают в Претории на гауптвахту за ношение не форменного пенсне, снова в поезде, но и свист паровоза и стук колёс заглушается криком разносчиков Le Soir! Приказ по полку! Koirier Poranl! (Курьер, поживей!) Господа офицеры! И снова гауптвахта, гром пушек, топот, ржание, стон. Я проваливаюсь в алмазный рудник и, наконец, просыпаюсь.

Уже десятый час, пора к **Лейдсу**. В дверь выглядывает черномазая горничная с подносом кофе.

Евгений Августус⁶¹.

Любопытны и его впечатления от Брюсселя:

*Письма с дороги
(от нашего корреспондента)*

II

Брюссель, 6 декабря 1899 г.

Собираясь в дальнюю дорогу, я старался дополнить отрывочные школьные познания усердным изучением Реклю; много читал о Бельгии, и у меня составилось некоторое понятие о Брюсселе, главном городе этого маленькою королевства. Но я знал Брюссель по описанию 1867 г. и был поражён совершившимся за это время преобразованием столицы Бельгии в громадный всемирный центр промышленности и торговли с населением почти в 600 000 жителей.

Прогуливаясь по Rue Royale (Королевской улице), я остановился перед изящной колонной, увенчанной какой-то ста-

туй. Растропный городовой в накидке из тонкого чёрного сукна и кепи⁶², расшитым узким золотом, своим полицейским оком узнал иностранца и подошёл ко мне.

– C'est colonne du congres, on peut monter, s'il vous plait! (Это колонна конгресса, на неё можно подняться, если хотите) – любезно объяснил он.

Я воспользовалась его указанием, но, прежде всего, пришлось раскошелиться и пожертвовать ему никелевый гривенник с изображением герба Бельгии – льва, стоящего на задних лапах.

Вскарабкавшись по витой лестнице внутрь колонны, я был поражён сказочным видом, открывающимся с площадки. Далеко, до синеющего вдали небосклона раскинулся необъятный город, подо мной виднелась площадь, на которой чернели, точно игрушечные фигурки, группы людей и сновали взад-вперёд раскрашенные омнибусы (автобусы) и вагоны электрической конки (трамвая). Дальше тянулся бесконечный лабиринт узких улиц, идущих зигзагами и прямых, как стрела, широких avenue, обсаженных рядами тополей. Над крышами домов, крытых, где черепицей, где ярко горевшей в утренних лучах солнца жестью или стеклом, трепетала точно паутина сеть телефонных и телеграфных проводов. Высоко поднимаясь над многоэтажными домами, выступали на фоне голубого неба узорчатые, стройные башни многочисленных церквей. Но рысистый северный ветер успел унести утренний туман испарения и дым фабрик и заводов, и как на ладони передо мной Брюссель – Joyeuse ville (Весёлый город) бельгийцев с его церквями, обширными садами, куполами театров и дворцов, амфитеатром раскинутыми на двух холмах.

Но одного вида с птичьего полёта мало, нужно пропутешествовать по улицам, чтобы составить себе понятие о роскоши дворцов, общественных учреждений, поражающих величавостью и изяществом стиля, и частных домов, не уступающих дворцам; кстати, о частных домах: каждый домовладелец устраивает свою квартиру – son home не только комфортабельно, но и по возможности уютно: дворики, вымощенные

асфальтовыми или аспидными плитками, украшены цветниками, решётки и стены домов обвиты вечнозелёными плющами; в передних, на лестницах расставлены пальмы и комнатные растения и везде соблюдается порядок и чистота. Любовь брюссельцев к свету, простору способствовала тому, что город занимает широкое пространство, равное почти площади Берлина и даже Парижа, хотя население в этих городах приблизительно втрое–четвёртое населения Брюсселя.

Ещё к одной из типических особенностей столицы Бельгии следует отнести административное разделение города на собственно город и на предместья, имеющие каждое своё самостоятельное коммунальное управление, своего бургомистра и свой бюджет. Это несколько невыгодно в административном и экономическом отношениях, но средневековая абсолютность предместий до того глубоко вкоренилась в обычаях горожан, что и думать нельзя о преобразованиях в смысле объединения городского управления и хозяйства. К числу этих faubourgs (пригородов) принадлежит Isselles (Иссель), где находится маленькая домашняя церковь немногочисленной русской колонии, Quartier Leopold Molenbeer-St-Yeau, Lacken (квартал Леопольд Моленбер-Сент-Йо, Лакен), с громадным королевским дворцом и парком, где **Леопольд II** обыкновенно проводил лето; Schaerbeek, где в 1830 г. в последних числах сентября происходил кровопролитный бой между голландским гарнизоном и восставшим городским населением. Бой кипел на улицах и площадях и кончился полным поражением голландцев, владычество которых было низвергнуто⁶³.

Провозгласив конституцию, белгийцы единодушно избрали королём **Леопольда I** принца **Кобургского**. Выбор оказался весьма удачным. За своё тридцатилетнее с слишком царствование король успел приобрести полное доверие этого по-дозрительно, вечно недовольного чем-нибудь народа, ослабив борьбу враждовавших между собой партий, он деятельно занялся упорядочением финансов, покровительствовал торговле и промышленности, приобретавшей с течением времени всемирное значение.

Революционные бури 1840-х гг. прошли незаметно для Бельгии; умело поддерживая дружественные нейтральные отношения с соседними державами, он оставил своему наследнику **Леопольду II** страну в блестящем состоянии. Сын его, продолжая успешно политику отца, довёл до высокой степени торговлю и промышленность, организовал прекрасную армию, целую систему фортификационных сооружений на границах. Его артистической натуре много обязан Брюссель возведением целых новых кварталов, монументальных сооружений, театров, богатейших музеев и так далее. Удачная колониальная политика имела результатом присоединение к Бельгии громаднейшей и богатейшей области Конго.

Неприятно поражает в Брюсселе обилие на каждом буквально шагу встречающихся всевозможных *Degustation* (дегустационная) (рюмочная) *Distillerie* (винокурня) и прочих питетных заведений. Трудно судить, конечно, по первому впечатлению о том, до какой степени систематическое пьянство проникло в нравы бельгийцев, но во всех заведениях кёльнеры и посетители обдают нас мутными недоумевающими взглядами, когда мы, отказываясь от поданных нам *bock*, (козел) *spatenbrau* (пивная) (У заступа?), и требовали кофе. В ресторанах и *cabarets* (кабаре) сидят не только полуголодные рабочие, в рваных блузах, но и вполне интеллигентная публика, отравляющаяся абсентом в обществе разодетых супружниц и даже детей. К обеду обязательно подаётся вино, после обеда неизменное пиво или крепкие ликёры всевозможных названий.

Как-то в воскресный день мы прошлись по городу. Бульвары были запруженены разодетым по праздничному народом, няньки в пёстрых шляпах и лентах толкали колясочки с краснощёкими *bebe* (младенцами), молодцеватые карабинеры чинно гуляли с благообразными девицами; по аллеям пыхтели автомобили, мчались изящные кабриолеты⁶⁴ и ландо⁶⁵. Из церквей валила толпа богомольцев. Все магазины были закрыты, ставни спущены, везде тишина и спокойствие. Видно, что строго соблюдается воскресный день.

Но чём ближе к вечеру, тем чаще стала попадаться разгулявшаяся публика: цилиндры сбиты на затылок, пьяный говор, хохот, крики и визг растрёпанных дам и шатающихся кавалеров раздаются повсюду. Вот, нежно обняв фонарный столб, какой-то господин стонет и охает – результат неумеренного употребления спиртных напитков, или, говоря высоким слогом, поклонения **Бахусу**⁶⁶. Толпа не обращает ни малейшего внимания на подробные явления, встречающиеся через каждые сто шагов.

Как-то вечером мы получили по городской почте письмо express (срочное) от секретаря de legation de la Republique Sud-Africane (миссии Южно-Африканской Республики) с приглашением prendre une tasse de russe chez moi (выпить со мной чашечку по-русски)

Исколесили мы полгорода, пока добрались на отдалённую Avenue Louise.

Радушно принял нас **Soukhur van der Hoeven** и ввёл в свой кабинет...

Фан дер Ховен много путешествовал и ему приходилось вращаться в высших аристократических и литературных кружках Петербурга, Парижа, Вены. Нужно заметить, что мать **Ховена** – русская, урождённая **Апрелева**...

В углу стояло пианино **Эрапа**; хозяин сыграл нам национальный гимн буров Onse houdreel (Бремя нашей стойкости), торжественно-величавый мотив которого был недоступен моему музыкальному пониманию, воспитанному на трубных звуках пехотных жальнер-сигналистов.

Зато товарищ мой привёл в неописуемый восторг хозяина, ценителя и знатока пения и музыки, пропел звучным баритоном несколько романсов.

Пропадай, ты жизнь молодецкая!

Хозяин сел сам аккомпанировать и одна песня следовала за другой:

«Уж как пал туман на синее море...»

– Я слышал ваши солдатские песни в Красном Селе, – говорил **фан дер Ховен**, – это нечто стихийное; сколько в них

музыкальности, сколько души и вместе с тем какой-то дикой энергии! Спойте что-нибудь в этом роде!

Товарищ мой пропел:

«Гей там за Дунаем

Там за тихим Дунаем...»

Ховен быстро подобрал аккомпанемент, пальцы забегали по клавишам, и струны ожили, зазвенели:

«Трансваальские равнины,

Могилы удальцов.

Драконовы вершины –

Я вас увижу ль вновь...»

Раздалась вариация боевой солдатской песни, когда-то далеко оглашавшей снежные вершины Балкан, Долину Роз и Шипкинские перевалы.

Долго мы просидели ещё в дружеской беседе, попивая чай и покуривая настоящие русские папиросы.

Фан дер Ховен, хотя и родился в Висбадене, окончил Геттингенский университет и прослужил два года в кирасирском гвардейском полку в Карлсруэ, но побывал в Южной Африке и успел уже послужить своей родине, приняв рядовым участие в отражении «набега Джемсона». По его словам, покорение Трансваала давно уже входило в расчёты Англии. И вот почему Сен-Джемский кабинет горячо противился участию в Гаагской мирной конференции представителя от Трансваала и Оранжевой Республики.

Это было бы благодеянием Южно-Африканской Республике, если бы русское правительство учредило генеральное консульство в Претории или послали туда поверенного с дипломатическими полномочиями; теперь в Претории, правда, торговый консул господин **Гернет**, но это не то.

Кстати, о русских в Трансваале: ежегодно прибывают к нам тысячи евреев, предъявляющих русские паспорта; этот народ, не разбирающий никаких способов, чтобы устроиться и разбогатеть, успел заслужить полное нерасположение туземного населения; они, не смущаясь, величают себя русскими и как таковые вечно фигурируют в протоколах и бумагах судей

по обвинению во всевозможных мошеннических проделках. Таким образом, в Трансваале еврей и русский, это пока синонимы; уже после прибытия ваших волонтёров и санитарных отрядов мои земляки переменят взгляды о русских.

Ax messieurs (господа), заключил он, чтоб вы знали, как я рвусь туда, где теперь кровь моих братьев льётся рекой. У нас женщины и дети вооружились на защиту родного края, а я должен сидеть здесь, проводя целые дни за бумагами, в дипломатической переписке!

Евгений Августус⁶⁷.

Августус говорил и о предстоящих трудностях, о которых узнал из частной беседы:

Письма с дороги (дано в сокращении)

(от нашего корреспондента)

IV

Незаметно проходило время в уютном кабинете **фан дер Ховена**. Мягкий свет газовой лампы скользил по потемневшим пейзажам и портретам старинной голландской живописи, отражался на блестящих безделушках, разбросанных в артистическом беспорядке на письменном столе, и сверкал на позолоте китайских фарфоровых чашек, в которых был разлит чай. Тихо бурлил и шипел серебряный чайник. В камине пыпал раскаленный кокс.

Я возобновил предыдущий разговор, проводя параллель между настоящей войной в Трансваале и борьбой швейцарцев с **Карлом Смелым**, с борьбой Испании в 1810 г.

Симпатичное открытое лицо **фан дер Ховена** ожидалось.

Да, буры защищают свою родину, свой домашний очаг. У нас не редкость видеть отцов, вышедшего в бой со всеми сыновьями. Это всё мирные хлебопашцы, которые привыкли в тёмные ночи сторожить свои усадьбы, свои стада от хищных шакалов, с винтовкой в руке. Теперь они вооружились против людей, у которых неудержимо разгорелись хищные инстинкты.

Он встал и нервно заходил по комнате.

Взяв со стола наделавший столько шума № «Le rire» (Смех) **Ховен** продолжал: – Вот messiers (господа), рисунки даровитого **Villette**, вот умирающие от голода жители богатейшей страны в мире (Индии), стонущей под игом Альбиона; вот океанский пароход, безжалостно потопляющий утлыя рыбачьи лодки: time is money (время-деньги); вот **Жанна д'Арк** на костре. Этот народ, выдумавший джентльменство, своей нравственной физиономией⁶⁸, своим холодным эгоистическим складом характера всегда возбуждал и будет возбуждать антипатию других рас.

Не в силе Бог, а в правде, – говорит ваша пословица. Не поможет англичанам их грозный флот, не помогут им все адские машины вульвического арсенала, бесполезно и бесславно погибнут сыны Британии в знайных песках Калахари и померкнет навсегда лучезарная звезда «Rule Britania» (Правь, Британия морями – название английского национального гимна).

– Вы, господа, чужестранцы, вы готовы пожертвовать своей жизнью; вас не страшит ни далёкий путь, ни смерть от английской пули или роковой болезни, – а я, я принуждён томиться здесь в бездействии, между тем, как у меня дома женщины и дети вооружились на защиту родины.

Вообще **фан дер Ховен** мало напоминал флегматичного голландца: круглое лицо со слегка выдающимися скулами, вздёрнутый немного нос и живые карие глаза – всё это доказывало, что в его жилах течет русская кровь (мать его, как я уже упоминал, урождённая **Апрелева**).

Мы в утешение говорили ему, что он, работая на дипломатическом поприще, принесёт своей родине больше пользы, чем мы, годные только на пушечное мясо.

Много он нам рассказывал о Трансваале, представляющем страшные трудности войны, особенно при ксности английских тактиков, потерпевших уже столько чувствительных поражений.

Драконовы горы, составляющие естественную границу Трансваала и Наталя, возвышаются на 10 000 футов (3500 ме-

тров) и изрезаны отвесными пропастями и глубокими ущельями, по которым всякое движение регулярных войск с артиллерией и обозами невозможно. Горсть смельчаков, засевшая за уступы скал, может задержать и отразить наступление самого многочисленного отряда. Даже допустив, что англичане перейдут Драконовы горы (ведь переваливали же русские через Балканы, как утешают себя английские джентльмены), нелегко им придётся на обширных плоскогорьях, где их ожидают самые страшные враги – огонь и голод. Отличительный признак этих степей *velts* (фельдов) – это отсутствие воды. В самом Йоханнесбурге вода продаётся в опечатанных бутылках и оплачивается двумя франками за литр. На сотни миль в окрестностях изредка попадается один–два колодца. Фермеры на жаркое время года делают запасы воды в особо вырываемых резервуарах.

Отлично знакомые со своей страной, долгими усилиями превращённой в плодотворные поля и сады, буры, по известным только им знакам, открывают присутствие подземной воды. Вот почему даже в период засухи, которая длится полгода, буры никогда не остаются без кофе. Неизменный кофе и *biltong*, мясо, высушенное на солнце или огне, составляют весь дневной рацион этих неприхотливых воинов. Без запасов, без провианта, они делают шутя переходы в 100–150 километров на своих выносливых лошадях.

Вспомнив, что стоило нам покорение Туркменистана при подобных же приблизительно условиях, как-то не верится в возможность удачного исхода войны для Англии.

Ещё другая особенность театра войны: растительность, совершенно высыхающая в период бездождя, когда под раскалёнными лучами полуденного солнца даже земля трескается, может воспламениться от малейшей искры и тогда нет спасения войскам, застигнутым со всех сторон всепожирающим пламенем степного пожара.

Со всем этим придётся считаться войскам, оперирующим на Юге Африки. Как некогда полчища **Камбиза**⁶⁹, погибнут бесславно английские батальоны от голода, не говоря о всевозможных болезнях и теперь уже свирепствующих

в действующей армии. Цифры раненых, убитых и пленных никогда не дают точного представления о жертвах войны. Всегда официальные отчёты и реляции обходят молчанием число людей, выбывших из строя по болезням, брошенных дорогой и валяющихся где-нибудь на пути следования армии. А ведь каждая война знаменуется появлением заразных эпидемий, тифа, всевозможных лихорадок и дизентерии. Для подведения счёта выбывших из строя ведь всё равно, умирает ли солдат с свинцом в груди или кончает он жизнь от тифа.

Небезынтересно вспомнить, что в Крымскую кампанию французы потеряли убитыми 20 000 человек, а умерших от заразных болезней было 75 000 человек. Ещё поразительнее соотношение цифр убитых на поле брани и умерших в госпиталях во время Северо-Американской войны 1861–1864 гг.: 70 000 и 190 000. Одним словом, можно полагать, что англичане потеряют во всяком случае половину своей армии, принимая даже самый скромный процент смертности от болезней, принявших уже теперь ужасающие размеры. А ещё гордые англичане отказались от нашего Красного Креста.

Завтра уезжаем. Промелькнут Париж, Марсель, а там до-жидается океанский пароход, который нас через четыре недели доставит в Мадагаскар.

Лейдс пишет, что он сегодня обедал с подполковником Генерального штаба **Гурко**, назначенным нашим правительством военным агентом при армии **Жубера**. Вероятно, он с нами на одном пароходе поедет.

Прощаясь с Брюсселем, хотелось бы ещё поделиться с читателями теми разнообразными впечатлениями, которые оставил во мне этот город. Сколько было виденного и слышанного, сколько интересных встреч и разговоров. Нет смысла и возможностей описать водоворот этой жизнерадостной, лихорадочно деятельной толпы.

Слишком недостаточно случайных прогулок по улицам, когда фантастические очертания монументальных домов где-то теряются во мраке, прорезываемом слабо мерцающими га-

зовыми фонарями. Но везде, на улице ли, в залитых потоками электрического света залах ресторанов, театров, везде, чувствуется опьяняющая атмосфера неведомого нам мира; бурным ключом кипит везде жизнь, везде на каждом шагу видаишь следы славного исторического прошлого, теряющегося во мраке глубокой старины.

Вот статуя **Готфрида Бульонского**, вот величавые порталы церквей, видевших ужасы инквизиции, грозного герцога **Альбу**⁷⁰. А теперь времена переменились. Брюссель стал одним из всемирных центров промышленности и торговли. Точно дыхание чудовища доносится гул тысячи фабричных труб, колоссальных паровых молотов, и свист и шипение бешено вырывающегося пара.

Громадные сталелитейные, рельсопрокатные и другие металлургические заводы находятся в предместьях Андерлехт и Моленбек; тут же сосредоточены вагонные и машинные заводы, пивоваренные, сахароваренные и так далее.

Но в сущности, основа брюссельской промышленности – это выделка кружев, по числу рабочих рук занятых ею и по оборотам. Бельгия оспаривает у Венеции часть изобретения кружевного производства.

Уже в XIV столетии Фландрия славилась тонкими изящными кружевами. На старинных фламандских картинах в музее «Palais des Beaux-Arts» мне приходилось видеть женщин, занятых выделкой кружев; картины носили дату 1581 год.

В настоящее время около 75% всего женского населения, как видно из статистических таблиц, заняты этим промыслом, центром которого является Брюссель; здесь я видел ateliers (ателье), громадные светлые залы, где тысяча миловидных быстроглазых работниц сидела за стойками, изготавляя знаменитые кружева Point de Bruxelles. В витринах роскошных confection (магазинов готового платья) выставлены эти нежные ткани, возбуждающие удивление изяществом узора и тонкостью отделки. Самая главная, пользующаяся всемирной известностью фабрика кружев, это – «Atelier de la Compagnie des Yades».

Второе место после кружевной промышленности занимает выделка всевозможных Articles de luxe (предметы роскоши), поражающих художественным сочетанием красок, фантастическим стилем и дешевизной. Ювелирные изделия, бронза, фарфор, несессеры, портфели, ковры, всевозможная мебель, изделия из слоновой кости, музыкальные и оптические инструменты – всё это превращает пассажи и зеркальные окна магазинов в какие-то выставки, свидетельствующие о высокой степени вкуса и техники брюссельских фабрикантов. Нельзя не упомянуть о мастерских карет, колясок, изделий из чёрного дерева; о многочисленных художественных типографиях и переплетных мастерских и так далее.

Всего не перечтёшь; остаётся только преклониться перед промышленным гением этого немногочисленного народа, живущего на пространстве, равном уезду какой-нибудь нашей губернии.

Евгений Августус⁷¹.

Приведём и другое письмо подпоручика **Евгения Фёдоровича Августуса**:

На пути в Трансвааль

II

Брюссель, 7 декабря (1900 г.).

Вот вторая неделя, как мы бесцельно бродим по Брюсселю. Улицы по вечерам окутываются густым туманом, в котором исчезают очертания многоэтажных домов, как тени мелькают прохожие на скользких тротуарах, тускло светят уличные фонари; всё подёрнуто какой-то свинцовой холодной мглой.

Не унывают лишь многочисленные продавцы газет, на всю улицу раздаются их криклиевые возгласы: Le Soir! (Вечер), Les défaites des anglais! (Поражение англичан!), Disgrace des généraux **Buller et Getacre!** (Позор генералов **Буллера и Гатакра!**).

Честь и слава молодцам бурам: бьют англичан, да и только! Но для нас лично это не очень утешительно. Я молча пере-

Карикатура на английского генерала Буллера

Карикатура на Китченера и Буллера

глядываюсь с товарищем (**Покровским**) и у нас одновременно появляется мысль – что вдруг как просвещённые мореплаватели, выдумавшие бокс, да запросят пардону, заключат мир и тогда мы, благородные крестоносцы, жаждущие славы и подвигов, останемся за штатом, и нам придётся, не понюхав пороху, вернуться снова в матушку Россию и, повесив носы, стать в строй? Печальная перспектива!

Но вот мы узнали из газет, что «коварный Альбион» не унывает: формируются дивизия за дивизией, созваны под знамёна волонтёры, милиция и, судя по всему, не скоро умолкнет гром войны, рекой ещё польётся кровь, тысячи и тысячи жертв ещё потребуется. Кровожадный демон народной вражды, ненависти, пока правда не укрепит за собой торжество. Пригодимся и мы.

Сгорая от нетерпения мы осаждаем господина **Лейдса** вопросами: скоро ли мы нам представится возможность покинуть туманный Брюссель и отправиться в море?

Каждый раз он неизменно отвечает: «Господа, я могу только посоветовать вам быть терпеливее. Ваш пароход отходит из Марселя лишь 25 (13) и я не вижу для вас разницы ждать здесь или там».

Итак, мы обречены на бездействие ещё на несколько дней. Время золото, и мы эти дни посвящаем усердному изучению голландского и английского языков.

Но не даются нам мудрёные глаголы, спряжения и склонения иностранных слов: как вulkanе под нашими окнами кишит и клокочет жизнь; нас манят город своими роскошными магазинами, дворцами, монументами и памятниками, от которых веет традициями глубокой старины. Нас манит и опьяняет пёстрая толпа, водоворот вечно занятой и оживлённой публики; весь этот жизнерадостный и беззаботный народ, толкающийся на панелях, в блестящих ресторанах, в залитых потоками света кафе-шантанах⁷² и театрах. Нам чужды его интересы, его заботы, его удовольствия, но мы забываемся хоть на час, дыша непривычной для нас атмосферой.

А сам город *La joyeuse ville* бельгийцев, сколько он представляет интересного! Сколько впечатлений можно вынести из одной прогулки по идущим причудливыми зигзагами узким улицам старого города, по прямым как стена широким avenue, застроенным непрерывающимся рядом дворцов. Какие сокровища искусства хранятся в монументальных музеях. Но от одного беглого обзора остаётся в уме только впечатление какого-то отрывочного фантастического сновидения... Годы нужно потратить, чтобы разобраться в этих накопленных веками богатствах, чтобы вынести хоть приблизительное представление о Брюсселе.

Права незабвенная госпожа **Простакова**, что географию всего лучше знают извозчики, а потому и я всегда путешествую без красных с золотыми тиснениями Бедекеров, без всяких спутников и *cours-fucher* (м. б. *cours-fuguer*? – тогда – путь побега) (виноват, громко сказано: всегда путешествую – я всего лишь первый раз за границей). Взяв фиакр, я приказал растропному с виду кучеру в лакированной шляпе везти меня куда-нибудь за город и доставить на какое-нибудь возвышенное место, чтобы полюбоваться Брюсселем с птичьего полёта.

Дверь захлопнулась и я поехал по бесконечному лабиринту улиц, минуя площади, бульвары, по фабричным кварталам, мимо незастроенных пустырей, садов, загородных домов и высадился, наконец, вблизи какого-то кладбища с покривевшимися памятниками и покосившимися крестами.

– Вот кладбище Одерлехт, а вот и панорама на Брюссель с вершины Шейта, – отрапортовал мне возница, бывший сержант карабинерского полка.

Я накануне видел город с птичьего полёта, с площадки колонны конгресса, но здесь глазам моим представилась феерическая панорама – далеко, до синеющего вдали горизонта раскинувшегося города.

У ног одной возвышенности, которую я избрал обсервационным пунктом, чернел канал Шарлеруа; медленно тянулись по нему нагруженные барки⁷³ и пыхтели буксирные пароходики.

Дальше виднелись фабрики и заводы; неясно доносились гулкие удары громадных молотов, свист и шипение бешено вырывающегося белого пара и грохот всевозможных машин.

А ещё дальше, окутанный лёгкой дымкой, виднелся сам город: дом громоздился над домом; крыши самых причудливых стилей, то остроконечные, то покатые краснеют в лучах солнца яркой черепицей, блестят жестью или чернеют матовым аспидом.

Направо кое-где белеют покрытые снегом поля и сады предместья Vicle (Викль), в самом городе снег давно уже сошёл, несмотря на то, что всё время стоят морозы градусов 7–8.

Угрюмо глядит излюбленное место летних гуляний горожан – *bois de la Cambre* (лес Камбрэ), но кое-где приветливо зеленеют плющ и другие деревья, сохраняющие свою листву и зимой, благодаря умеренному климату Бельгии.

Вот какое-то странное колоссальное здание невольно приворывает взгляд – это центральная тюрьма, место уклона строптивых, как мне любезно объяснил бравый сержант в отставке, вот средневековая башня с выступами и башенками по углам, выстроенная ещё в XII столетии, она венчает собой исходящий угол древней оборонительной стены. Теперь в её мрачных сводчатых залах хранится богатейшая коллекция оружия, лат и панцирей.

Немного левее устремляется к небу узорчатая колокольня церкви *de la Chapelle* (Ла-Шапель), с ней соперничает стройная, изящная башня: здание городского магistrата.

Рельефно обрисовываясь среди группы белых зданий, выступают монументальные контуры музея «*Le Palais des Beaux Arts*» (Дворец изящных искусств). Возвышаясь над остальной частью города, здание это ласкает глаз стройной выдержанностью стиля.

Выше и левее чернеют вершины деревьев королевского парка.

Добрые католики бельгийцы: куда ни посмотришь, везде башни и колокольни соборов, часовен, монастырей!

А какой благочестивый и богобоязненный у меня кучер, отставной сержант, – все церкви знает наперечёт. Похвально!

Вон вдали высоко поднимаются над морем домов башни церкви Sainte Guduke, самой древней церкви в Брюсселе, и оттуда открывается вид на весь город, но с вас возьмут за это удовольствие 2 франка, а здесь, можно сказать, даже бесплатно, – продолжал рапортовать мой верный гид, отставной сержант, променявший общитое золотым галуном кепи на лакированную непромокаемую шляпу.

Ярко горит и переливается на солнце позолоченный шарообразный купол кафедрального собора Божьей Матери.

Как бы властвующа над этим громадным городом с полутора миллионным населением, как бы подавляя и уничтожая все прочие здания, дворцы, фабрики, монастыри, церкви, красуется величественное здание, к которому невольно возвращается и останавливается усталый взгляд.

Это дворец правосудия «Le Palais de justice».

Купол его смело устремляется к небу, он виден отовсюду, с какой стороны ни подъезжаешь к городу.

В тёмные ночи, когда над спящим городом поднимается яркое зарево, могучий купол его выступает грозной массой, символом правосудия и воздаяния.

Это алтарь божественной силы, умиротворяющий людей, укрощающий дикие инстинкты и преступные стремления человеческой души.

Видно, что и кучер мой прочувствовался и проникся идеями гуманности и правосудия: когда он меня благополучно доставил домой, он не потребовал больше законной таксы; уже я сам ему великодушно пожертвовал pour boire (буквально: чтобы выпить – чаевые) – никелевый двугривенный⁷⁴ с изображением герба Бельгии – льва, стоящего на задних лапках.

Сегодня я почитывал газеты «Le Soir», «L'Etoile Belige» (Бельгийские звёзды) и другие органы свободной бельгийской печати. Известия о новых победах буров меня не интересовали: видно, что англичане надолго вооружились терпением. А

вот какой-то собственный корреспондент из Гельсинфорса от финских хладных скал мечет гром и молнию, выступая горячим защитником угнетённого бедного народа финляндцев.

Vexations continuelles (Постоянные досадности), Admirez la justice moscovite! (Полюбуйтесь на справедливость московитов!)

Просто турецкие звёрства совершаются, по словам корреспондента, *par les satrapes russes* (русскими сатрапами).

Приходится удивляться ловкой перетасовке фактов, удачному выбору громких фраз и умелой расстановке знаков препинания, особенно кавычек и восклицательных (знаков).

И это печатается в газете страны, граждане которой ежегодно наводняют Россию, встречают любезный приём и не разбирая средств, пускаясь в самые хитроумные финансовые аферы, наживают миллионы русских империалов.

А между тем, в самой Бельгии, процветающей под благодетельным режимом конституционного и просвещённого правления, столько неурядиц, столько печальных явлений, бросающихся в глаза после первых же дней пребывания в Брюсселе, что не мешало бы подумать о собственных недочётах.

Ожесточенная борьба клерикалов и либералов на религиозной подкладке, борьба фламандцев и валлонов в области языка, литературы и общественной деятельности, глубоко проникшая в нравы народа безнравственность, выражаясь в поражающей цифрами преступности (здание тюрьмы, пожалуй, грандиознее «Palais de justice»), в страшном алкоголизме – вот факты, перед которыми бледнеют национальные флаги и гимны жестоко притесняемых голубоглазых и светловолосых финнов.

Эх, скоро ли в Трансвааль!

Евг. Августус⁷⁵.

Продолжим цитаты из путевых заметок нашего соотечественника:

Письма с дороги (дано в сокращении)
 (от нашего корреспондента)

V

В самом Брюсселе, в центре города полиция накрыла недавно английского агента, уже завербовавшего около 50 бельгийцев. В Антверпене англичане деятельно вербуют матросов, зафрахтовывают корабли и, главным образом, следят за пароходами трансатлантических линий, отправляющихся в Южную Африку, желая препятствовать провозу военных припасов и людей в Трансвааль.

Известные пушечные заводы **Шнейдер** и **Крезо** во Франции и **Круппа** в Германии с самого начала войны завалены заказами, но доставка орудий и снарядов становится с каждым днём всё затруднительнее, так как английское правительство пришло к убеждению, что только путём усиленной блокады удастся изолировать гавани португальских колоний.

Что же касается добровольческого движения, то как только вспыхнула война, из всех концов Европы посыпались письма и телеграммы в Брюссель, на имя **Лейдса**, с предложением услуг, но под непременным условием денежного вознаграждения. Были письма из России, из Франции, а главным образом, из Германии; но все эти доблестные рыцари без страха и упрёка упускали из виду то обстоятельство, что искренний благородный порыв, искренняя готовность лечь костьми за правое дело, должна бы исключить всякую мысль о получении каких бы то ни было прогонных, подъёмных и так далее.

Лейдсу неоднократно приходилось печатать в газетах объявления, что на самой территории республики волонтёры будут приниматься с радушием, что он не имел средств и возможности выдавать добровольцам какие бы то ни было пособия. Вследствие этого добровольческое движение значительно утихло и если приходится читать в газетах об отправлении офицеров, отдельных лиц или целых отрядов в Трансвааль, то это люди, которые или едут на собственный счёт, или кото-

рые пользуются поддержкой комитетов, образовавшихся во всех больших городах Европы.

Нам были выданы **Лейдсом** паспорта и письма к консулу в Лоренсу-Маркеш и правительству республики в Преторию.

Распростиившись с господином **Лейдсом** и с остальными членами посольства, мы отправились на *gare au Midi* (вокзал в полдень), откуда наш скорый поезд доставил к часу ночи в Париж.

Мы ехали по знаменитой линии *du Nord*; говорю «знаменитой», потому что во всей Франции дорога эта славится скверным устройством вагонов, небрежным отношением железнодорожной администрации к удобствам публики и так далее.

Вагоны старого типа с истрёпанной обивкой сидений были битком набиты народом, пассажирам приходилось сидеть в узких проходах, на собственных чемоданах.

Рядом со мной сидел молодой человек, с азартом доказывавший своему *vis a vis* (напротив сидящему) преимущество американской борьбы над швейцарской⁷⁶. Без умолку лилась его речь, изобилующая специальными терминами и сопровождаемая самой отчаянной мимикой и наглядными жестами.

Vis a vis, высокий блондин с загорелым лицом, внимательно слушал красноречивого чемпиона и изредка восторженно восклицал: *Sapristi*.

Он дорогой рассказал мне, что служил *sous-lieutenant'ом* (младшим лейтенантом) в 30-м полку *des lianciers* (уланов), подал в отставку и лет 15 назад эмигрировал в Бразилию, где у него теперь богатейшая плантация кофе и сахарного тростника. С увлечением рассказывал он мне о благодатной стране, где в изобилии произрастают ананасы, кофе, хлопчатник, где девственные тропические леса только ждут рабочих рук, чтобы уступить своё место плодородным полям и плантациям. Говорил он мне о польских эмигрантах, заслуживших репутацию трудолюбивых земледельцев и плантаторов. Там, где раньше в густых зарослях тропического леса прятались полосатые ягуары, где над цветами орхидей порхали разноцветные колибри и переливались всеми цветами радуги бабочки,

теперь красуются уютные домики с навесами и цветниками, в которых резвятся дети бывших безземельных галицийских или познанских крестьян.

Высказываясь по поводу настоящей войны, публика выражала, как везде, полное сочувствие бурам. Возмущаясь политикой **Делькассе** и вообще современным режимом Франции. Какой-то ярый бонапартист с всклокочеными волосами горячо доказывал, что Франция не гарантирована от Панам⁷⁷, **Дрейфусов** и Фашод до тех пор, пока власть не перейдёт к принцу **Наполеону**, командиру русского полка. Рассказывали, между прочим, что проект о соединении Атлантического и Средиземного морей каналом не был принят лишь потому, что английские агенты предложили, кому следует, громадную сумму денег. Рассказывали о том, что правительство республики, подкупленное англичанами, отказалось в необходимом кредите на усиление флота и средств береговой обороны.

На мой вопрос, почему подобные явления возможны и проходят безнаказанно в республике, предоставляющей своим гражданам полную свободу слова и печати, меня оглушили целым потоком доводов и аргументов, из которых я вынес только то, что орлеанисты, бонапартисты, радикалы и прочие партии, раздирающие Францию, способны спасти и возвеличить страну только при условии полного истребления прочих партий, а для этого необходима вторая Варфоломеевская ночь, а пока *il faut gagner son argent* (нужно зарабатывать свои деньги), – вот девиз, который въелся в плоть и кровь французского буржуа, чиновника, депутата.

Каких я не наслушался рассказов о проделках служащих в ведомствах министерства флота или колоний; о злоупотреблении по поставкам для армии и флота, о негласных, но законных статьях дохода мэров, префектов, субпрефектов и так далее.

За неимением времени я оставил до следующего раза описание Парижа, прогулку по бульварам⁷⁸, по музеям, беседы с некоторыми французскими журналистами и офицера-

ми; в другой раз я опишу чудеса будущей выставки, восхождение на башню **Эйфеля**, посещение моё строящихся панорамы, Мариорамы, Русских павильонов и так далее.

Интересны взгляды французов всевозможных партий и направлений на политику России по отношению к Франции. Все они доказывают, что Россия преследует исключительно эгоистические цели. Всё это, конечно, вздорно, но характерно то, что проехав всю Францию, потолкавшись по улицам, бульварам, кафе и ресторанам Парижа и Марселя, беседуя с людьми всевозможных профессий и классов, я нигде не встретил и следа той бурной симпатии, того энтузиазма, которым была когда-то, в дни Кронштадта и Тулона (имеется в виду посещение французской эскадры Петербурга и русской эскадры Тулона), охвачена вся Франция, от Вандеи до Пикардии. Кроме пошлых любезностей и комплиментов, на которые так щедры французы, мне не удалось слышать ни одного тёплого слова, ни одного искреннего пожелания, – если не считать подарка одной француженки, которая преподнесла мне накануне Рождества лакированное изображение своего ангела-хранителя.

Что симпатии к России не только остали, но и деятельно подрываются работой лиц известного лагеря, заинтересованных в сближении Франции с Германией и даже с Англией, этими вековыми врагами Франции, между прочим видно и из массы брошюр и книг политического характера, в которых возводятся всевозможные клеветы и небылицы на Россию и в мрачном свете выставляются все невыгодные стороны и последствия пагубного для Франции союза с Россией, имеющего, как оказывается, единственной целью порабощение Франции, ослабив предварительно Германию, Англию и Австрию.

Некоторые подробности я сообщу впоследствии, теперь же, когда поезд мчит меня с ужасающей, неизвестной на русских железных дорогах быстротой, нет буквально возможности писать, хотя бы и патентованными стилографами.

Пролетел Париж с бесчисленными предместьями, фортаами, заводами. Вот Шарантон⁷⁹, известный кровопролитной

битвой принца **Кондэ** с войсками Фронды⁸⁰, в царствование **Генриха IV**. Гулко вздрагивает мост над Марной, вдали, в утреннем тумане, сверкают воды Сены, сливающиеся здесь с Марной. Вот знаменитый дворец Фонтейнбло, игравший роль в истории Франции. Здесь король **Francois I** устроил блестящий приём **Карлу V**, императору страны, в которой никогда не заходит солнце.

Ребёнком мне врезалась в память гравюра, изображающая тот момент, когда **Наполеон**, отказавшись от престола в 1814 г., перед отправлением на Эльбу прощается с гвардией; наклонились орлы знамён и штандартов⁸¹, облетевших победоносно всю Европу, и седые усачи в высоких меховых шапках склонили в немом горе головы, расставаясь с любимым полководцем.

Всё это кануло бесследно в вечность; вместо старинных дворцов, вековых деревьев, обширных садов и парков – везде дымящиеся трубы фабрик и заводов, везде сверкают рельсы многочисленных железных дорог, то скрещивающихся по всем направлениям, то проходящих одна над другой. Тщательно возделанные поля с проволочными или каменными изгородями, огороды и сады, целые гряды с бесчисленными парниками или стеклянными колпаками, набережные и шлюзы судоходных рек и каналов – всё это мелькает, точно фантастическая картина, свидетельствующая о высокой степени культуры и благосостояния французского народа.

А поезд всё мчится дальше к югу, с неудержимой быстрой, с каким-то шипением и визгом проносятся мимо столбы, сторожевые будки, промежуточные станции, свистит и воет ветер, врываясь в открытое окно; поезд то влетает на высокие виадуки, то скрывается во мраке туннелей. На несколько минут железная дорога пересекает Рону. На вокзале масса военных; здесь встречаются самые разнообразные представители французской армии: гусары – *lanciers* в красивых голубых доломанах⁸² и таких же кепи, расшитых белыми шнурами, драгуны в блестящих касках и неуклюжих ботфортах⁸³, пришитых к красным шароварам, молодцеватые альпийские

стрелки в синих плащах, с оригинальным головным убором [синим беретом], линейцы с красными эполетами, воспитанники Сэнсирской и других военных школ, уволенных на Рождество домой.

Евг. Августус.

P.S. 20 января нового стиля надеемся быть в Лоренсу-Маркеше. На одном пароходе с нами едут: подполковник **Гурко**, полковник Генерального штаба французской армии, один из племянников **Крюгера**, бывший секретарём у **Лейдса**, и несколько других интересных личностей⁸⁴.

Письмо **Августуса** в «Новом Времени»:

На пути в Трансвааль

Письмо III.

Средиземное море, 27 декабря (1900 г.)

По приказанию **Лейдса**, нам были к назначенному дню приготовлены паспорта с его подписью, скреплённые печатью и гербом республики. Герб представляет собой овальный щит, разделённый на три поля; в правом верхнем изображён бур в широкополой шляпе и с винтовкой, в левом – лев, в нижнем – фургон, символ кочевой жизни свободного народа, теперь с оружием в руках отстаивающий свою независимость. Щит увенчан одноглавым орлом; внизу краткий девиз: «Eendraht maakt magt» (в согласии сила).

Долго корпел помощник секретаря над паспортом, выполняя графы Signalement, записывая число центиметров, цвет глаз, волос и так далее. Не были забыты и особые приметы: моя близорукость и эспаньолка моего товарища.

Все princes et etats (принцы и государства), amis et allies de la dite Republique (друзья и союзники упомянутой республики) приглашались оказывать нам помощь и покровительство, но, с другой стороны, имея подобный паспорт, мы знали, что в Лоренсу-Маркеше или где-нибудь в другом пункте высадки, англичане нас всенепременно поймают и без всяких разговоров повесят.

Кроме паспортов мне были выданы ещё **Лейдсом** письма к трансаальскому консулу в Лоренсу-Маркеш и к правительству республики в Преторию

Наконец, мы распростились с **Лейдсом**.

Из-под нависших бровей сверкнули глаза, и дрогнули мускулы на бесстрастном лице представителя Трансаала, когда он нам в последний раз протянул руку, пожелав счастливой дороги. Нужно было вернуться ещё в гостиницу, написать последние письма, уложить вещи, расплатиться с хозяином, превратившегося в последнюю минуту из *alle de la Dite Republique* (союзника упомянутой республики) в самого бессовестного трактирщика. Поданный им счёт превзошёл в три раза наши ожидания.

Глубоко нас расстроила горничная, расплакавшаяся точно русская баба, провожающая рекрута.

— И...И...И... касатики мои! Ненаглядные мои! A la guerre... ou les **dum-dum** sifflent! (На войне, где **дум-думы** свистят!) Le sang coule en flots. (Кровь течёт рекой) И...и...и...

А она ещё и на чай-то не получила.

Наконец, мы в скором поезде знаменитой линии du Nord (Северная), во втором классе, за неимением третьего, в вагонах грязно, теснота невозможная, пассажирам приходится сидеть в узких проходах на собственных чемоданах. Но публика не унывает, вместо протesta везде слышишь шутки и остроты по адресу железнодорожной администрации.

Разговор не умолкает ни на минуту, говорят, как везде и повсюду, о войне, хвалят доблестных буров, ругают на чём свет стоит *la perfide Albion* (коварный Альбион), затем переходят на другие, не менее интересные темы: рассказы и двусмысленные анекдоты из скандальной хроники парижской жизни сменяются глубокомысленными обсуждениями политики **Делькассе** или разбором знаменитого процесса (имеется в виду дело **Дрейфуса**). Слова льются неудержимым потоком и сопровождаются оживлённой мимикой и страстными телодвижениями.

Поздно ночью, в час, мы приехали в Париж, взяли номер в первой попавшейся нам по пути, мизерной с виду гостинице, и пошли бродить по бульварам.

Точно порывистым дыханием какого-то сказочного чудовища обдала нас клокочущая словно в вулкане жизнь Парижа, этого мирового центра.

Несмотря на поздний час, панели бульвара Madeleine (Мадлен) кишили жизнерадостным разодетым народом. Магазины были закрыты, только в окнах, открытых во всю ночь кафе и ресторанов, сверкали и переливались зеркала, отражающие свет многочисленных люстр.

Но постепенно толпа наконец стала редеть и здесь; отправились и мы в свою гостиницу на одной из улиц Монмартского предместья.

Быть в Париже и не видать всех чудес этого современного Вавилона, это было бы по меньшей мере непростительно.

Когда мы вышли на Champs Elysees (Елисейские поля)⁸⁵,казалось, что мы попали в Париж в самый разгар бомбардировки 1870 г.

Знаменитый «Palais de l' Industrie» (Дворец промышленности), центральный пункт всех выставок, начиная с 1855 г; представлял печально зрелище; от куполов остались одни остовы, мрачно глядели стены, окружённые лесами и паровыми кранами, везде кучи мусора, кирпича, везде разрушение. Но на месте этого здания предполагается устроить широкую avenue от Champs Elysees (Елисейских полей) до набережной Конференции, связанную с противоположным мостом **Александра III**.

Вместо «Palais de L' Industrie», разрушающегося теперь до основания, возводятся по обеим сторонам предполагаемой avenue новые колоссальные здания «le Grande et le Petit Palais» (Большого и Малого дворца)

Теперь вид на Сену, на величественный Дворец Инвалидов закрывается со стороны Елисейских полей старым Дворцом Промышленности; если смелые проекты предполагаемой новой распланировки осуществляются, то глазам парижан и многочисленных гостей явится чудная перспектива новой avenue, обрамленной новыми дворцами и связанной изящным мостом **Александра III** с эспланадой⁸⁶ Инвалидов.

В общем, физиономия Парижа не изменится, ремонт главнейших бульваров от Елисейских полей с Триумфальной аркой до разноцветной громадной афиши с надписями A louer (сдается внаём) – вот всё, что бросается в глаза и что свидетельствует о том, что парижане рассчитывают на значительный наплыв иностранных гостей.

На площадях, отведённых для выставки, кипит деятельность, – везде леса, краны, везде тысячи рабочих рук заняты разрушением и созиданием вновь всевозможных, поражающих своей архитектурой и размерами, построек.

Горы кирпича, мусора затрудняют доступ, расспрашивая рабочих нельзя добиться толка; всякое здание у них непременно гвоздь выставки. Но ёщё хуже, если обратиться с распросами к архитекторам или инженерам. Они или окинут вас гордым взглядом, не удостоив ответом, исчезнут в бесконечных галереях, или, поймав вас за верхнюю пуговицу начнут такать по грудам кирпича, по лесенкам, по каким-то подземельным ходам, засыпая вас целыми потоками технических терминов, при этом мудрёных названий, и такими подробностями, что вам только остаётся хлопать ушами и дико вращать глазами.

Вот в общих чертах то, что представится посетителю будущей всемирной выставки: чудные фонтаны, окружающие Площадь Согласия, будут бить струёй, освещённой электричеством.

На Марсовом поле останется башня **Эйфеля** и галерея машин. Вместо центрального купола и галереи в 30 метров, движется Дворец электричества и Chateau de l'eau (Дворец воды).

Это последнее здание представляет собой сочетание подковообразных галерей, увенчанных куполом высотой в 100 метров. Ничего теперь не видно за лесами, верёвками, блоками, но, по словам сопровождающего меня техника, по планам и чертежам я уразумел, что это здание в общем-то будет такой же бессмысленной игрушкой, как и знаменитая башня **Эйфеля**.

Дело в том, что стены центрального купола будут заменены потоками воды, льющейся каскадами с высоты в 100 метров и освещаемой разноцветным электрическим светом. Наверху будет замысловатая аллегорическая группа, олицетворяющая Гуманность, Прогресс и Будущее.

Вокруг здания роются бассейны и разбиваются аллеи.

Долго мы плутали по Трокадеро, по Champe de Mars, вышли к башне **Эйфеля** и решили вскарабкаться на самый верх этого гениального и вместе с тем бессмысленного произведения французского ума⁸⁷. Вход воспрещён, – категорически заявил сержант-городовой в мантилье и при холодном оружии. Оказывается, что по всей башне производится ремонт и устраиваются новые вагонетки на 100 персон, вместо существовавших раньше.

Мы рассудили, что прежде всего мы в республике, представляющей полную свободу личности, что попечение городового о нашей безопасности совершенно неуместно, так как мы ведь решились лечь костьми за неведомый нам Трансвааль, а в виде всего этого поговорили по душам с молодцом – рабочим в синей блузе, пожертвовали франк–другой и через несколько минут очутились на площадке первого этажа.

Везде хаос и беспорядок: заколочены бывшие рестораны, буфеты, лавочки, могучие переплёты арок обмотаны верёвками, проволочными канатами, по которым скользят блоки и площадки с материалами. Мы стали подниматься выше. Погода стояла скверная: холодный порывистый ветер свистел в станинах и посоахах стали, своими переплётами и изгибами образующих причудливое кружево. Страшно было взглянуть наверх; казалось, купол, укутанный медленно плывущими облаками, уходит куда-то в бесконечную высь.

А ветер как бы покачивал башню, резким гулом раздавался стук молотка, скрип блоков и крики рабочих, производящих ремонт башни.

Поручни обледенели, ветер рвал и трепал жалкие остатки кожи, которыми раньше была прикрыта наружная сторона

винтовой лестницы. Местами ступеньки жалобно скрипели и покачивались.

На площадке второго этажа мы отдохнули и двинулись дальше всё по той же винтовой лестнице, хотя рабочие нам и отсоветовали, говоря, что чем дальше, тем подъём хуже, и что они сами поднимаются только по блокам.

Мы тем не менее пошли. На какой-то ступеньке я чуть было не потерял равновесие, судорожно схватился за обледеневшую проволоку, глянул вниз на феерическую картину расстилающегося у ног моих Парижа, узорные цветники Марсова поля, галереи, башни и купола Трокадеро, тёмная лента Сены, перехваченная мостами, всё это манило к себе какой-то страшной силой; какое-то опьяняющее желание тянуло вниз туда, где копошились крохотные люди, где сновали точно игрушечные экипажи, повозки, лодки, поезд, дымились паровозы. Но вскоре вся картина потемнела, смешалась и исчезла, в глазах появились круги красные, фиолетовые, в висках застучало.

Не скоро я овладел собой, успокоился и, закурив папиросу из дорогого, но скверного французского табаку, кое-как спустился вниз. Спотыкаясь по кучам мусора, брёвнам и грудам кирпичей, я вдруг услышал звуки родной речи. «Вы никак наши, русские! будете», – обратились ко мне плотники наших артелей, работающих на павильоне русского отдела выставки.

Живут они в гостинице. Пища хорошая, город весёлый.

Я не мог узнать подробностей о ходе работы, нам нужно было спешить и мы равнодушно прошли мимо павильонов, к которым будут устроены панорамы *Le tour du monde* (Кругосветное путешествие) известного художника **Louis Dumoulin**, Mareorama (Малеорама) (панорама морской толщи, подводного мира) и Парижский акваторий. По устройству, величине и богатству собранных здесь представителей морской фауны и флоры акварий будет украшением и гордостью предстоящей выставки.

А Mareorama, как вероятно известно публике, представляет собой театр, на сцене которого будут показываться дви-

жущиеся фотографии. Зрители, помещённые таким образом, что они как бы с борта океанского парохода смотрят на море, изображённое сценой, получат полную иллюзию путешествия по далёким странам.

Евг. Августус⁸⁸.

Несколько нарушая хронологию, приведём и единственное из пока найденных писем другого российского офицера – поручика **Сергея Николаевича Дрейера**:

На пути в Трансвааль
(от нашего корреспондента)
Брюссель. 23/11 января (1900 г.)

Горячая симпатия, которую оказывали почти все народы храбрым бурам, до сих пор ещё живёт у голландцев и бельгийцев. Разговоры и дорогой, и здесь, в Брюсселе, при различных знакомствах, поддерживали меня в этом мнении. В особенности же самую искреннюю симпатию заметил я среди немцев. Многочисленные друзья Южно-Африканской Республики собирают значительные суммы на вдов и сирот павших бурских воинов, пожертвования собираются повсюду, и здесь, в Бельгии, нередко можно видеть, идя по улицам Брюсселя, прилично одетого господина с кружкой в руках, просящего внести лепту в пользу мужественных защитников своего отечества: Pour les Boers (Для буров), – останавливает он вас односложной фразой, – и рука ваша невольно идёт к карману, вытаскивая оттуда несколько никелевых монет с изображением на обратной стороне стоящего на задних лапах льва, и вы опускаете их в кружку добродетельного господина.

С каких восторгом принимают жители Брюсселя каждое новое известие с театра военных действий, извещающего, конечно, о новых успехах оружия буров и нередко можно заметить саркастическую улыбку и смех, направленные по адресу англичан, когда сомнительный успех английского оружия в Южной Африке, обратившейся уже, по некоторым изменени-

ям в английском военном министерстве, в будто бы полное поражение буров. Многие магазины в виде рекламы выставляют в своих окнах картины, изображающие различные эпизоды из южноафриканской войны, которые, правда, привлекают массы народа, но, увы, двери магазинов от этого открываются не чаще чем... раньше.

Со многими из жителей Брюсселя мне удалось познакомиться и, расспрашивая про интересующую меня войну и про участников её, я узнал много интересного. Первым моим вопросом у людей интеллигентных был – скоро ли окончится война, так как я боялся, что могу на неё опоздать. Вряд ли, – получал я в ответ, – буры будут вести войну до последней крайности, чтобы совершенно гарантировать себя от вмешательства в свои дела англичан и от таких поступков, как «набег доктора **Джемсона**»; англичане же, со своей стороны, истощают свои последние силы, но будут надеяться, что их скомпрометированное в начале оружие возьмёт верх над мужественными защитниками своей свободы, а это будет очень не скоро, если только войне не положит конец какая-нибудь из европейских держав. Но кто захочет этого? России, Германии, Франции и даже беспечной Италии, каждой из этих держав более или менее выгодно ослабление Англии, оказавшейся мыльным пузырём. Все мы, – говорили мне, – боялись великана с глиняными ногами! Возьмём, хоть его флот, флот, считающийся первым в мире, – сколько в нём негодной рухляди, которая пишется только на бумаге, на самом деле, годны только на топливо. Многие военные корабли, которые на бумаге именуются грозными названиями броненосцев и тому подобными, не в состоянии даже перевезти на себе десанта из Англии в Южную Африку, – так они стары и так гнилы! А сухопутное войско. Не напоминает ли оно вам отчасти китайское, которое тоже оказалось никуда не годным во время японско-китайской войны!? А их полководцы? Они годились только в Индии, где все были полны страха от неистовств там англичан. Разорение бедной индусской деревушки доносилось в лондонский Кабинет как совершенное истребление мя-

тежных отрядов, – отрядов, вооружённых луками, допотопными томагавками и весьма незначительным количеством кремниевых⁸⁹ ружей! Нет, торжества английского оружия мы не увидим, несмотря на приезд на театр военных действий английских военных гениев (имелись в виду **Робертс** и **Китченер**).

Большую радость возбудило среди бельгийцев запрещение заводу **Круппа** поставлять англичанам различного рода заказы и вместе с тем, жестоко негодуют на Италию, которая заказала **Круппу** на 50 миллионов боевого снаряжения, как будто для себя, но на самом деле для англичан, как все в этом положительно уверены.

Когда я пришёл в миссию Южно-Африканской Республики, Др. **Лейдса** не было. Я представился его первому секретарю, господину **ван дер Ховену**, который сразу подкупил меня своей симпатичной наружностью и дал мне этим возможность быть с ним откровенным. Рассказав ему кто я, куда и зачем еду, я сперва получил ответ, который подействовал на меня как ушат холодной воды, вылитый на голову.

– Мы не собираем волонтёров в Европе, – заметил мне **ван дер Ховен**, – и если вы хотите, то поезжайте на свои средства, на свой страх, я уверен, что вас очень хорошо примут в моём отечестве.

Тогда я ему сказал, что я пришёл вовсе не для того, чтобы просить у него денег за своё самопожертвование и, если это в средствах их миссии, то представить мне более дешёвое место на корабле, который отходит завтра из Антверпена и который думаю догнать 31 числа в Неаполе, а еду я на свои средства и не имею пополнования истощать суммы, присылаемые для вдов и детей убитых его соотечественников. Сразу переменилось выражение лица у симпатичного **ван дер Ховена**, с чувством потряс он мне руку и обещался, когда приедет **Лейдс**, сделать для меня всё, что в его возможности. Но для того, чтобы засвидетельствовать свою личность, он просил доставить ему une recommendation (рекомендацию).

Я был этим очень удивлён, так как одна из стоящих близко к делу Южной Африки влиятельная личность в Варшаве должна была обо мне писать к доктору **Лейдсу**; но, увы, как всего обещанного ждут по много лет, так и рекомендательное письмо этого влиятельного господина, по-видимому, ещё не дошло до Брюсселя.

На мой вопрос, как скоро окончится война и какое значение имеют посылаемые Англией подкрепления, **ван дер Ховен** сказал: «Подкрепления будут не лучше тех войск, которые уже действуют в Южной Африке, а полководцы не страшны, так как они не знакомы со способом ведения войны буров, а также и с местностью».

Нечего делать, пришлось разыскивать в чужом городе рекомендацию. К моему величайшему счастью, судьба столкнула меня с весьма симпатичной личностью, проживающей в Брюсселе, посланной сюда нашим правительством. Этот господин сразу принял во мне большое участие, ввёл меня в свою семью, где я провёл поистине отрадные минуты и ближе узнал ход дела в Трансваале.

Завтра получу из южноафриканской миссии нужные мне бумаги к правительству Южно-Африканской Республики, и в 6 часов вечера, со скорым поездом, покачу догонять в Неаполь голландский пароход, который отходит из Неаполя 1 февраля нового стиля.

Сергей Дрейер⁹⁰.

Приведём и следующее письмо **Августуса**:

Письма с дороги

IV

Что теперь дома делается? Мороз, холод, разыгрались снежные бури и метели, занесло снегом пушистым поля и леса, а здесь уже чувствуется дыхание юга. В открытое окно врывается ласкающий тёплый ветерок, на тёмном небе как-то ярче горят и мерцают звёзды.

Промелькнул Авиньон. Тускло горели фонари на узких улицах, неясно выступали из окружающего мрака очертания старинных домов с причудливыми выступами, фронтонами. Город спал мёртвым сном, и я вспомнил отдалённое прошлое, период славы и блеска Авиньона, когда при трезвоне колоколов, при криках ликующего народа, папа **Климент I** вступил в город, избрав его столицей римского престола.

Забила ключом жизнь маленького, до сих пор неизвестного никому города; стали строиться монументальные дворцы, церкви; блеск и роскошь придворной жизни римских первосвященников привлекали массу знатных людей, учёных, трубадуров: между прочим, в Авиньоне жил одно время знаменитый **Петрарка**, увековечивший в звучных сонетах и любовь свою к **Лауре**, и чудную природу Авиньона, жгучее южное солнце, тенистые оливковые рощи и уходящие в голубую высь горы и утёсы.

Исчезли и последние огоньки города, лишь над станцией ещё горят синие и красные фонарики семафоров, но и те постепенно уменьшаются и пропадают наконец во мраке ночи.

Навстречу с оглушительным свистом и грохотом пронесся другой поезд. Непрерывной огненной лентой пролетели огни паровоза, ярко освещённые окна вагонов, и снова передо мной чернеют горы и леса, подступающие к самому полотну железной дороги.

Часу в восьмом мы были уже в Марселе.

По каким-то бульварам, усаженным тополями, мы вышли на главную улицу Марселя Cannebiere (Каннебьер), где сосредоточены все торговые конторы, агентства, здесь находятся биржи, главнейшие магазины и конторы пароходных обществ.

В одном из этих обществ (их всего в Марселе пять) я и взял билеты на проезд до Диего-Суарец на Мадагаскар, заплатить пришлось 1350 франков за два билета второго класса.

Марсель – первый город по морской торговле во Франции. Здесь находятся конторы пяти трансатлантических пароход-

ных обществ, громаднейшие доки, удобные набережные и всевозможного рода мастерские...

Быстроходные, глубоко сидящие океанские пароходы имеют свои пристани в особом бассейне, непосредственно к складам и магазинам пароходных обществ подходит железная дорога, и нагрузка и выгрузка совершаются тут же. Как муравьи копошатся портовые рабочие, перенося тюки и бочки с заморскими товарами; скрипят и визжат блоки паровых кранов; пронзительные свистки локомотивов заглушаются могучим гудением морских сирен. Стон стоит в воздухе от беспрестанного выкрикивания разносчиков, предлагающих апельсины, фисташки или халву; от грохота и громкого говора матросов в синих куртках; отовсюду слышны смех и шутки беззаботных провансальцев, и над всем этим властвует глухой рокот синего моря, яркое полуденное солнце золотит купола и кресты кафедрального собора, который своим своеобразным византийским стилем напоминает о храмах покинутой, быть может, навсегда, далёкой родины.

Однако денег мне не удалось получить, сегодня Рождество, Noel, и все конторы наглухо заколочены.

На улицах небывалое оживление: в рессорных ландо катаются лоснящиеся с жиру банкиры, по тротуарам сплошная толпа разодетых приказчиков, офицеров, сержантов, матросов в новеньких шляпах и в ярких галстуках. На площадках перед ресторанами вынесены столики, солидные буржуа с ленточками Почётного Легиона в петлицах и расфранченные дамы в сопровождении деток и кормилиц пьют кофе и шоколад. Настроение толпы самое праздничное и я поступил по совету господина **Поморского**: оставил ему чек и заявление на официальном бланке (Русского) консульства с просьбой о переводе денег в Порт-Саид.

В 4 часа мы были уже на пароходе «**Natal**». Это длинное быстроходное судно, вместимостью до 4000 тонн.

Устроившись в отведённой нам каюте вблизи машинного отделения, мы вышли на палубу, чтобы полюбоваться картиной перегрузки товаров с пакгауза в пароход. На палубе, за-

валеной разнообразными тюками, бочками, связками канатов, грудами просмоленных верёвок, стопились пассажиры, отыскивая свои помещения, покривкая на носильщиков.

Здесь были какие-то негоцианты⁹¹ или плантаторы в тропических светлых костюмах и маленьких лёгких шапочках, офицеры и нижние чины французских войск, отправляемые на Мадагаскар... Какая-то дама в дорожном костюме ласкала и успокаивала краснощёкого купидончика, испугавшегося черномазого, оскалившего зубы негра.

Но вот из клапанов вырвалась с пронзительным свистом струя пара; задымили трубы и загрохотали валы, на которые наматывается якорная цепь. Внутри, в самом корпусе парохода, что-то глоухо застонало и зашипело, и вдруг плавно, величаво двинулся пароход, освободившись от последних канатов и трапов.

На пристани замахали платками, пассажиры прильнули к бортам, чтобы в последний раз проститься с Марселеем, в котором уже засветились огоньки, а колоссальные здания пакгаузов, многоэтажные дома и величавый собор – всё окуталось какой-то дымкой и постепенно исчезло во мраке быстро наступавшего вечера...

Кое-где вспыхивали длинные ленты газовых фонарей, ярко горел свет маяков, отражаясь на лёгкой зыби морских волн, вдали покачивались красные и синие огоньки пароходов, – но скоро и это всё пропало. Кругом одно море безбрежное и над ним тёмно-голубой небосклон, сверкающий мириадами звездочек, мягкий свет которых ложится причудливым блеском на чёрную эмаль морских волн. Я стоял, прислонившись к бортовым перилам кормовой части, и полной грудью вдыхал свежий морской воздух.

Мне вспомнились стихи, не помню чьи, как нельзя более соответствующие моему настроению:

Море – как зеркало!.. Даль необъятная
Вся серебристым сияньем горит.
Ночь непроглядная, ночь ароматная
Жжёт и ласкает, зовёт и томит...

Сердце куда-то далеко уносится,
 В чудные страны какие-то просится,
 К свету, к любви, к красоте.
 О, неужели же это стремление
 Только мечты опьянённой брожение?
 О, неужели же это стремление
 Так и замрёт во мгновенной мечте?
 Море, ответь! И оно откликается:
 Слышишь как тихо струи ударяются
 В мокрые камни прибрежных громад?
 Видишь, как очерки тучек туманные
 Море и небо звёздами затканное
 Беглою тенью мрачат!...
 (Семён Надсон)

Путешествие наше по Средиземному морю обошлось без всяких инцидентов. Ночью мы проплыли Мессинский пролив⁹², а днём можно было различить в хороший бинокль дальний берег Италии, с зубчатыми вершинами Аппенинских гор, окутанными сырой дымкой облаков. 30 декабря по новому стилю, в 4 часа ночи подъехали к сверкающими огнями рейду Порт-Саида, где к нам присоединился отряд русского Красного Креста, в 33 человека, под начальством приват-доцента **Кускова**.

Евгений Августус⁹³.

Следующее сообщение **Евгения Фёдоровича Августуса**:

На пути в Трансвааль
 V

24 декабря по новому стилю мы приехали в Марсель. Это один из древнейших городов Франции. Построенный ещё галлами, он вскоре привлек внимание посвящённых мореплавателей, не современных, конечно, а тогдашних – финикиян, свои выгодным географическим положением.

Теперь это первый по морской торговле город во Франции с населением почти в полмиллиона.

С вокзала ведут широкие, обсаженные могучими тополями бульвары на лучшую улицу Марселя Cannebiere. Это – главная артерия города. Широкая улица с чудным видом на море, сверкающая в лучах яркого южного солнца, с целым лесом мачт и пароходных труб, поражает даже после Парижа своей жизнью, беспрестанным движением взад и вперёд конок, ярко раскрашенных фургонов всевозможного типа и величины. Многоэтажные дома сплошь покрыты вывесками разных контор, банкирских домов, перворазрядных гостиниц и так далее.

Видно, что здесь центр деловой, торговой жизни. В нижних этажах роскошные магазины и кафе, столики которых вынесены на улицу; все они заняты разодетыми буржуа с чадами и домочадцами. Панели кишат толпой весёлого, смеющегося народа. Тут и матросы в пёстрых галстуках, гусары в синих ментиках, обшитых белыми шнурями, сержанты пехотных линейных полков, гуляющие под руку с дамами.

Сегодня Рождество, закрыты все магазины и конторы, так что я не имел возможности получить деньги по при сланному мне из Варшавы чеку. Хорошо, что я успел познакомиться с attache (атташе) нашего консульства, господином **Поморским**, который мне обещал устроить перевод денег в Порт-Саид, выдал нам письма и газеты, полученные на моё имя в русском консульстве, и вообще старался быть нам полезным.

Вечером мы сели на пароход «**Natal**» трансатлантического общества «*Messageries Maritimes*». Билет до Диего-Суареца (на Мадагаскаре) стоил 650 франков. В Диего-Суареце мы должны пересесть на другой корабль того же общества «**La Gironde**» (Жиронда), который нас и доставит в Лоренсу-Маркеш.

«**Natal**» стоял на рейде в одном из новых бассейнов Марселя. К самым пакгаузам подходит ветвь железной дороги и нагрузка товаров совершается непосредственно с океанских пароходов в вагоны.

К пяти часам вечера приём пассажиров и багажа был окончен. Раздались резкие свистки боцманов⁹⁴, загудела могучая паровая сирена, был поднят якорь и плавно, величаво тронулся «**Natal**», разрезая своим острым килем сверкающее переливами Черное (Средиземное) море.

Быстро пропал город, горевший точно иллюминированный многочисленными газовыми фонарями и разноцветными огоньками набережной и судов.

Широко раскинулся над нами небосклон, усеянный мириадами то потухающих, то вновь вспыхивающих звёздочек. Звонко плескались волны о борт парохода, оставлявшего за собой струю сребристой пены.

День проходил за днём, утром бесконечные кофе, завтрашки и снова завтраки, в 6 часов звонили к обеду, который длился обыкновенно часа полтора; подавались замысловатые соусы, замысловатая зелень, острые салаты и прочие тонкости французской кухни, заканчивая десертами и кофе.

Публика выходила обыкновенно на палубу в промежутки между вторым завтраком и обедом и затем вечером, отдохвая на расставленных креслах или чинно гуляя на палубе взад и вперёд. В числе пассажиров следует отметить посланных: нашим правительством агентом на театр военных действий полковника Генерального штаба **Гурко**, агентов Нидерландов – капитана **Джонсона** и поручика **Рама**, и французских волонтёров, часть из которых отправляется на суммы особых комитетов, образованных во всех почти больших городах Франции, другая же часть, как и мы грешные, на собственный риск и страх; первых человек 15, под начальством бывшего лейтенанта морской службы; едущих за свой счёт всего двое – офицеры *Chasseurs d'Afrique* (французских колониальных стрелков), вышедшие в запас.

Успел я ещё познакомиться с французскими чиновниками, переведёнными на службу в Мадагаскар, народ всё молодой, весёлый, и каждый вечер наша кают-компания оглашалась дружным стройным пением под аккомпанемент рояля. Распевались больше забористые куплеты парижских кафе-шан-

танов скабрезного или политического содержания, вроде, например, следующих:

En France nous avons depuis longtemps (У нас во Франции издавна)

Des députés épatants, pour vingt-cinq francs (Потрясающие (кичливые) выродки (депутаты) по 25 франков за каждого)

Mais les Anglais, des malins comme tout (Но англичане – хитрецы, как-то)

S'istent des soldats dans la prise de 25 sous. (Поют солдаты продаются за 25 сущ.)

Хор подхватывал припев, хлопал в ладоши и стучал каблуками:

Que ce que fait prisonnier d'guerre? (Что значит захватить в плен?)

Que s'en moque pas mal (Над этим не смеются)

At jone au foot-ball (Как на футболе)

C'est le soldat d'Angleterre (Это солдат Англии)

Dougle-digle-dum!

Et ling a ling, dum-dum! (Звукоподражание типа стук-бряк)

Пелись и другие куплеты, своим беспощадным юмором и двусмысленными намёками всегда вызывавшие общий хохот публики. Были у нас и пассажиры-англичане, которые держались особняком, и с истинно британским хладнокровием относились к демонстративному пению.

Известная песня **Поля Деруледа**⁹⁵ Le Clairon (Рожок) всегда вызывала всеобщий фурор. Контраст заунывного мотива песни с дикими взвизгиваниями хора, подражающего пехотному сигналу к атаке, и на меня производил сильное впечатление:

L'air est pur: (Воздух чист)

La route est large (Дорога широка)

Le clairon sonne la charge (Рожок играет атаку)

Et les zouaves vont chantant (И зуавы выходят с песней)

Et la haut sur la colline (И высоко на холме)

Dans la foret que domine (В лесу, который на нём)

Les Prussiens les attendent (Появляются пруссаки)

Tra-ta-ta, tra-ta-ta, ta-ta-ta... и так далее.

Le clairon est un viens brave (Рожок – смелый компаньон)

Et lorsque la lutte est grave (И когда битва тяжела)

C' est un rude compagnon (Он – грубый товарищ)

Ta-ta-ta, ta-ta-ta...

Голоса звучат как-то страстно, энергично, глаза горят блеском воодушевления, – видно, что в этих мирных чиновниках, негоциантах-плантаторах заговорила, закипела кровь тех усачей-grenадёров, что спят в равнинах, где Эльба шумит, под снегом холодной России, под знайным песком пирамид.

Каждый француз, даже самый заурядный буржуа, – солдат в душе, способный понимать и увлечься эстетической стороной военного дела, его опьяняет запах пороха, разевающиеся штандарты, громы пушек и полководцы, вроде **Наполеона**, умеющие пользоваться его порывистой натурой, всегда будут водить французские войска к победе...

Из наших волонтёров я упомяну о казачьем офицере, сотнике кубанского войска N (**Фёдоре Гучкове**), который присоединился к нам в Порт-Саиде, человек болезненный, страдающий пороком сердца, он тем не менее решился ехать в Трансвааль.

Другой, прапорщик запаса, служивший инженером на железной дороге (**Диатроптов**), бросил родных и выгодную доходную должность из желания принести пользу правому делу, встав в ряды борцов за свободу.

На шестой день ночью, в 4 часа, пароход наш пристал к рейду Порт-Саида.

Здесь сел на корабль наш отряд Красного Креста, доставленный в Порт-Саид; русским пароходом «**Ольга**». Отряд состоял из пяти врачей, восьми сестёр милосердия, из которых старшая, **Тихомирова**, участвовала ещё в сербской войне 1876 г. и в последней русско-турецкой кампании (1877–1878 гг.), четырёх фельдшеров и 12 носильщиков.

В числе пассажиров, принятых в Порт-Саиде, оказался ещё белокурый немчик из Риги (**Рукерт?**), мечтавший о том, что ему удастся пристроиться в Трансваале, где-нибудь на золотых россыпях, бухгалтером или агентом.

Была ещё интересная парочка: тощий юноша с прыщеватым лицом и с ним дама, выступавшая лебёдушкой и смотревшая сладко, словно соловушка. Они мне раньше отрекомендовались братом и сестрой, а потом уж невестой и женихом. Зачем и для чего едут они в Трансвааль, так и осталось для меня загадкой.

Я воспользовался стоянкой, чтобы съездить в город, получить деньги из консульства и купить себе какие-нибудь костюмы из лёгкой бумажной материи для дальнейшего путешествия.

Несмотря на ранний час, магазины и кафе-рестораны и разные увеселительные заведения были уже открыты. Вокруг нас плясали и визжали оборванные феллахи⁹⁶, зазывая в лавки, в кафе, приглашали любоваться танцами баядеров⁹⁷. Собирали в руки карточки и фотографии известного характера.

Я уселился на террасе греческой кофейни, в первый раз пил медленными глотками ароматный настоящий мокка, в первый раз любовался видом восточного города: изящные, причудливые очертания домов, выдержаные в мавританском стиле, с террасами, с фронтонами, изукрашенными арабесками⁹⁸ и резьбой, плоские крыши, сводчатые узкие окна и двери, перед которыми сидели на корточках, закутанные в грязные, но живописные плащи и тюрбаны арабы, — передо мной точно восстало картина из тысячи и одной ночи; я как бы переживал грёзы далёкого детства, любуясь стройными минаретами, уже горевшими в золотых лучах восходящего солнца. Свежий утренний ветерок шелестит в перистых листьях одинокой пальмы; далеко кругом простирается пустыня, грозная своим безмолвием, грозная своей бесконечностью.

Не позабыл я поклониться в Порт-Саиде памятнику великого француза **Лесепса**, создавшего знаменитый канал, по которому пароход наш, уплатив предварительно 36 000 франков (за два конца), прошёл теперь тихим ходом.

Евг. Августус⁹⁹.

Очередное письмо российского волонтёра

На пути в Трансвааль

VI

Было восемь часов утра, когда пароход вошёл в неглубокий рейд Джибути, – главного города французских владений на берегу Сомали. Вокруг залива теснились горы, по вершинам которых медленно плыли и расходились утренние туманы.

Впереди в двух километрах белели здания европейской части города, за ними, точно муравейник, теснились мазанки и камышовые шатры туземцев. Кругом ни одной пальмы, ни одного кустика; весь берег был усеян известковыми валунами, ослепительно сверкающими на солнце обломками какого-то серного камня, очевидно вулканического происхождения.

Как только «**Natal**» бросил якорь, его со всех сторон окружили лодки и пироги туземцев, с оглушительным визгом и раздраждающими криками предлагавших апельсины, финики, страусовые перья, пёстрые раковины и шкуры леопардов. В воде барабанились и плескались голые ребятишки, достававшие со дна морского медные сантимы, и прятали их в рот.

За франк нас доставили к берегу, где мы взошли на каменную набережную и направились к городу в сопровождении целой толпы сомалийцев, то выпрашивающих бакшиш, то навязывающих плетеные корзины из тростника, монеты и почтовые марки с изображением **Менелика**¹⁰⁰.

Прибытие океанского парохода внесло оживление в монотонную жизнь Джибути. По всей площади рассеялись пассажиры, около здания почты толпилась толпа колонистов, жаждавших вестей из далёкой Франции; показались запряжённые ослами или мулами рессорные экипажи, в которых восседали дамы местной аристократии.

Дома в европейской части города все возведены из плит известняка, в котором видны были окаменелые раковины коралла и так далее.

Но мне было не до геологических исследований. Не испытав во время дороги ни морской болезни, ни солнечного

удара, я зато с самого Марселя стал подвергаться приступам перемежающейся лихорадки, и теперь вдруг у меня заплясали перед глазами меднолицые сомалийцы, с вытаращенными белками, дома с плоскими крышами и узорчатыми террасами, какие-то цветные опахала, огненные круги, искры...

Очнулся я уж в полуумраке прохладной большой комнаты местного аптекаря, пичкавшего меня всевозможными пилюлями и каплями. Через полчаса я пришёл совершенно в себя и был в состоянии подняться и уйти, распростившись сердечно с почтенным аптекарем и его супругою, одетою в воздушный полупрозрачный пеньюар.

На улице снова осадили меня неугомонные мальчишки, и чтобы отвязаться от них, мне пришлось купить палку из чёрного дерева, украшенного медной проволокой. Размахивая этой палкою, я проложил себе дорогу к ближайшему кафе, над верандой которого сверкали аршинные золотые буквы Grand Hotel des Arcades, как вдруг внимание моё было приковано необыкновенной фигурой рослого казака в коричневой черкеске, в косматой папахе с малиновым верхом. Я сначала было поверил в галлюцинацию.

– Ты что, брат, как сюда попал? Ты чей будешь? – обратился я, наконец, к бравому казаку, украшенному какими-то орденами и медалями, между прочим, и бронзовой медалью с надписью «Не нам, не нам, а имени твоему» в память войны 1877–1878 гг.

Казак, прищурив глаза и осклабившись, спросил в свою очередь: – А ты сам откуда будешь и зачем сюда попал?

Я ему объяснил, кто я такой, куда и зачем еду.

Казак просиял и взял лихо под козырек.

– Так бы и сказали ваше благородие, а я значится в конвое его сиятельства графа **Леонтьева**¹⁰¹ состою.

Узнав, что **Леонтьев** здесь, в Джибути, я решил воспользоваться случаем и попросил казака указать мне его место пребывание. Через полчаса я сидел уже в обширной комнате у изголовья кровати генерал-губернатора экваториальной провинции.

Несмотря на то, что **Леонтьев** в этот день был сам болен приступом местной лихорадки, он любезно принял меня, угостил чаем, завтраком и, расспросив меня о том, что делается в России, какие у меня планы, как я думаю пробраться в Трансвааль и так далее, рассказал, что он уже третью неделю в Джибути и на днях уезжает в Европу. Деятельность господина **Леонтьева** хорошо известна в Европе и особенно у нас в России, хотя о нём ходят самые разноречивые, иногда даже нелепые слухи. Лично на меня господин **Леонтьев** произвёл самое выгодное впечатление. Любаясь его сильной, крепкой фигурой, умным выразительным лицом, светлыми глазами, в которых светилась настойчивая энергия, мне невольно вспомнились новгородские укушуйники, удалые товарищи славного казака **Ермака Тимофеевича**. Тесно им стало в родном углу, разыгралась, закипела сила молодецкая – и пошли они за тридевять земель, за горы и леса дремучие, в неизведанные страны...

Вот что у меня осталось в память после трёхчасовой беседы с **Леонтьевым**:

Когда в 1897 г. я был назначен генерал-губернатором экваториальной провинции, области, щедро наделённой природными богатствами, я хотел привлечь русских людей к делу колонизации и эксплуатации рудников страны, неограниченное управление которой было вверено мне **Негусом**. Но везде в Москве, в Петербурге, я встретил полное недоверие, отсутствие всякой предприимчивости, нечего было и думать, что мне удастся убедить русских капиталистов, и я, махнув рукой, обратился тогда к брюссельским коммерсантам; меньше чем в неделю составилось анонимное акционерное общество с основным капиталом в 18 миллионов франков. Ближайшая цель общества – торговля, проложение дорог, разведение плантаций кофе, сахарного тростника и так далее. Непроходимые тропические леса представляют неисчерпаемое богатство. Громадные залежи соли, медные, цинковые и железные рудники ждут ещё разработки. О месторождениях каменного угля говорил ещё английский пу-

тешественник лорд **Кавендиш**, исследовавший берега озера Рудольфа. Встречаются также и золотые россыпи. Предоставив акционерному обществу обширные привилегии и преимущества, я оставил за собой право верховного контроля и наблюдения за ходом предприятий как промышленных, так и торговых.

Но повторяю, мне больно, что не русским людям суждено внести свет культуры и цивилизации в эту страну. Над **Ашиновым**¹⁰² издевались, а перед **Мамонтовым** преклоняются.

Так как **Леонтьев** сам встать не мог, то он попросил меня взять со стола фотографические виды и маршрутные съемки области, выполненные его офицерами во время последней экспедиции.

– В России говорят, что я выпросил для себя у **Негуса** пост генерал-губернатора несуществующей экваториальной провинции. Между тем, уже давно область эта, хотя под другим названием, подчинялась **Менелику** и управлялась по законам и обычаям Абиссинии. Последним губернатором был **Тас-сама**, сын раса¹⁰³ **Дларгуэ** и родственник самого **Негуса**.

7 июня 1899 г. я получил из рук **Негуса** жезл деджаса – высшего генеральского чина в абиссинской армии. Это последняя ступень служебной иерархии, приравнивающая меня к расам и царским родственникам, ставит меня в вассальные отношения к **Негусу** и даёт право на командование отдельной армией.

Для усмирения возникших беспорядков и для ознакомления с неизведанной страной, совершенно незнакомой европейским путешественникам, я в июле этого года предпринял экспедицию в глубь страны.

Организовав отряд из 2000 человек сомалийцев и абиссинцев под начальством французских и русских инструкторов, которых у меня теперь человек двенадцать, прошёл всю страну, наказал мятежников, урегулировал взимание податей, назначил правителей в отдалённых округах и так далее. К этому времени начали свои действий и агенты акционерного общества, избравшие своей резиденцией Бако, главный город провинции.

Вот вы здесь видите моментальные снимки наших стычек с туземцами.

Меня передёрнуло от мысли, что на самом деле подобные экспедиции белых являются бойней несчастных чернокожих, вооружённых копьями и стрелами. Их преспокойно подпускают на 400 шагов, направляют на них смертоносные дула скорострелок, последнее слово английской техники, да ещё увековечивают картину избиения на фотографической пластиинке.

Вот ещё вид судоходной реки Омо, она изливается в озеро Рудольфа, принимая по пути много притоков и ручейков. Вот видите, мы переходим вброд одну такую реку, разобранные митральезы и обоз переносятся носильщиками, на том берегу ещё рассыпалась целая цепь стрелков, под командой поручика **Бабичева**¹⁰⁴, для обеспечения переправы.

Страна расположена на плоскогорье, изрезанном горами, вышиною до 2500 метров, таким образом, в долинах климат жаркий и растительность вполне тропическая, но на склонах гор температура понижается по степени приближения к вершинам и климат напоминает южную Францию или Крым. Средняя годовая температура, в общем, не подвержена резким колебаниям, а потому приезжие европейцы легко привыкают даже без особенной акклиматизации к условиям жизни. По той же причине возможно и возделывание главнейших культурных растений южной и даже средней полосы Европы.

Население разделяется на множество мелких народцев, говорящих каждый на своём наречии. Вот полюбуйтесь типами Уба или Бао, или Кароро, Башада... и передо мной замелькали фотографии всевозможных негров, с перьями и без перьев, в леопардовых или антилоповых шкурах, вооружённые копьями, разрисованными щитами со старинными кремневками¹⁰⁵ и прочее.

Я расспросил господина **Леонтьева** о его ране.

Я был ранен в мае 1898 г. в Хараре, во время испытания вновь полученной митральезы – скорострелки. Я стоял боком перед дулом орудия, как вдруг вследствие неосторожности

абиссинского офицера произошёл нечаянный выстрел и пуля пригвоздила у меня обе ноги ниже тазовых костей, так что образовались четыре сквозные раны.

Негус Менелик принял во мне живейшее участие. Обратился незамедлительно по телефону в Аддис-Абебу к начальнику русской миссии господину **Власову** с просьбой прислать врача для оказания мне необходимой медицинской помощи. Врача я, однако, ждал напрасно. За границей русские, по дурной традиции, всегда смотрят друг на друга враждебно и я не могу похвалиться отношениями к нашей миссии. – К нему подошёл в этот момент слуга русский, состоящий при **Леонтьеве** уже пятнадцатый год, и заговорил о чём-то на гортанном абиссинском (амхарском) языке.

Отпустив денщика, **Леонтьев** продолжал:

– Вот сейчас два моих казака просят разрешения поехать на пароходе для свидания с солдатами-санитарами. Я отпустил своих молодцов. Лично, однако же, вовсе не горю желанием увидится с дорогими земляками, особенно с командированными по казённой надобности, с выдачею прогонных и подъёмных, у меня слишком грустное воспоминание ещё 1896 г. Вот перед вашим приходом я отказался принять какого-то члена вашего Красного Креста, Бог с ним. Скажите, как к вам относятся доктора и сёстры милосердия? Успели вы с ними познакомиться поближе?

Я признался, что и нас командированные, согласно предписания начальства за № таким-то, точно считают все как будто какими-то авантюристами с неизвестными целями и очевидно боятся, чтобы мы, офицеры, не втёрлись как-нибудь в отряд в качестве санитаров или не влезли в пустой ящик из-под корпии, чтобы не попасться англичанам у берегов Мозамбика.

Многое ещё рассказывал мне **Леонтьев** о своих походах, своих экскурсиях в глубь страны.

Что касается распространённых в Европе слухов, что **Негус Менелик** хочет воспользоваться случаем и двинуть войско в Судан, то это, к сожалению, не правда. В настоящее

время **Менелик** озабочен восстанием раса **Мангashi**, благодаря феодальному устройству, в Абиссинии никогда не утихают внутренние волнения и междоусобия; а не скоро ещё удастся **Менелику** упрочить свою власть и создать централизацию управления, усмирить недовольных. Говорили даже одно время о тайном сговоре между князьями и египетским хедивом¹⁰⁶, президентом **Крюгером** и **Негусом**. Но и этот слух лишён всякого основания. Отношения между Египтом и Абиссинией всегда были самые дружественные. Недавно ещё хедив принял абиссинскую миссию, причём епископ **Годжама** передал собственноручное письмо **Менелика**. Дружественные отношения между этими соседними государствами упрочиваются ещё тем обстоятельством, что абиссинцы и копты в Египте исповедуют одну и ту же христианскую религию и что патриарх коптский посвящает и назначает абиссинских епископов.

Вы, вероятно, успели заметить работы по устройству порта и новую железную дорогу, которая будет доведена до Аддис-Абебы. На протяжении 90 км укладка рельсов уже закончена; работы производятся деятельно, и с окончанием их Джибути приобретёт важное значение как морской порт, связанные железной дорогой с центром Абиссинии. Джибути – это пункт, откуда я предпринимаю обыкновенно мои путешествия в Европу, сюда же направляются караваны из Абиссинии и Центральной Африки.

За неимением места и времени я не привёл здесь и половины того, что я вынес из живой, увлекательной беседы с человеком, который из скромного кавалерийского поручика сделался доверенным лицом могучего **Негуса** и стал полновластным правителем богатейшей провинции.

Я оставил, наконец, **Леонтьева** и присоединился к своим спутникам, бесцельно бродившим по городу. Оказалось, что они встретили одного из офицеров **Леонтьева**, бывшего корнета казанского драгунского полка **Бабичева**, который, очевидно по поручению своего начальника, говорил всем, что **Леонтьев** вчера ещё выехал из Джибути.

Из аденских впечатлений сообщу лишь следующее: сдавая на посте в Адене заказные письма с корреспонденциями в Варшаву и Петербург, я был немало удивлён, когда почтовый чиновник, списав без затруднения адрес на письме, обратился ко мне на внятном русском языке с вопросом, не еду ли я в Трансвааль? Я любезно ответил пучеглазому англичанину, что путь держу пока что в Мозамбик и занимаюсь по дороге составлением энтомологических коллекций. И как доказательство, вытащил из кармана только что пойманных мной двух прекрасных карабузов с золотистым отливом бархатных надкрыльев.

— Позвольте вам одного подарить, сэр, — продолжал я, — надеюсь, что вы не распечатаете моё письмо?

— О сэр, никак нет, мы — джентльмены! — ответил чиновник, вручая мне почтовую расписку. Как вы думаете читатель, было ли им вскрыто моё письмо?

Евг. Августус¹⁰⁷.

По пути **Евгений Августус** делал заметки и о чисто военных вопросах во французских колониях:

На пути в Трансвааль

VIII

19 января (1900 г.)

Французы деятельно работают над усилением береговой обороны во всех главных портах Мадагаскара: в Диего-Суареце возводятся батареи для громадных 42-центиметровых (420 мм) орудий. Мускулистые, загорелые солдаты, обливаясь потом, роются в глинистой земле, насыпая банкеты и устанавливая тяжёлые орудия. Такие батареи возводятся вокруг всей бухты, кроме того предполагают значительно усилить гарнизон Диего-Суареца, состоящий до сего времени из 4-х батальонов морской артиллерии, одного полка морской пехоты *L'infanterie de marine* и роты дисциплинарного батальона, и довести его до 8000 человек.

Заботы французского правительства об усилении Диего-Суареца вполне понятны, если принять во внимание, что это одна из лучших гаваней после Таматавы на Мадагаскаре. Здесь скрещиваются пароходные линии, связывающие Капскую колонию с Индией и Индокитаем; сюда же заходят германские и английские пароходы на пути из Занзибара в Мозамбик, Бейру или Наталь.

15 января расстались мы с «**Natal**» и перебрались на «**Жиронду**». Здесь всё было лучше: и залы были обширнее, и палуба двойная, с крытым верхом, да и машина, говорят, развивает большую скорость, чем «**Natal**» – узлов¹⁰⁸ 15¹⁰⁹ в час. Но мы покинули не без некоторой грусти старый пароход: за 20 дней мы успели почти сродниться с ним, полюбили его за то, что он, не испытав ни бурь, ни циклонов, ни прочих ужасов морского путешествия, благополучно и в срок, точно изъезженная почтовая клячка¹¹⁰, доставил нас к месту назначения. Приходилось слышать сетования, что нас дорогой не потрепал шторм, такой, чтобы и мачты снесло, и котлы бы взорвало, и нас бы как щепку, бросало волной. Но капризное море не пожелало на этот раз побаловать нас классическим штормом, от одного описания которого пробегают мурашки по телу и волосы становятся дыбом. Не дай Бог никому испытывать ужасов бури и кораблекрушения; если самоотверженные хвастуны и болтуны зеленеют, бледнеют и скрываются куда-то при самой незначительной иногда качке, то, что с ними будет, когда загудит голос всесокрушающей бури, когда сизые волны превратят судно в бессильную игрушку? На рейде в Диего-Суареце мы видели корабль той же французской трансатлантической линии «**Жденна**», который, обойдя мыс Амбу, попался в такую переделку, что лишённый шлюпок, мачт и такелажа¹¹¹, был выброшен на берег и еле-еле спасён подоспевшими германскими пароходами. Из многочисленных пассажиров, которым две ночи подряд пришлось работать при насосах, один потонул, а другой сошёл с ума, не выдержав нервного потрясения. Корабль был уже в безопасности и стоял на якоре в Диего-Суареце, а этому несчастному всё мерещились ужасы

бурной ночи и, наконец, незамеченный никем, он кинулся в море, где в тот же момент был растерзан акулами.

Какой глубокий смысл в русской половице: Кто на море не бывал, тот и Богу не маливался.

На другой день в час машина развела пары и мы тронулись в путь, обогнули мыс Амбу и снова очутились в открытом море.

Скверно чувствуешь себя в первый раз под тропиками: непривычная жара ослабляет организм, находит какая-то вялость, сонливость, притупляется всякая энергия, книга, перо валятся из рук; надвигаешь на глаза пробковую каску, да так и засыпаешь, пока резкий звонок не разбудит к обеду.

Страшно успела надоест французская кухня: водянистые супы и соусы, разварные мясо и птица, бобы, горох и чертополох какой-то, приправленный прованским маслом. Одно только утешение, что у буров будет хуже, что у них придется питаться одним сушеным мясом и галетами.

Хорошо на палубе вечером. Громадный корпус корабля ритмически вздрагивает, глухие удары машины напоминают отрывистое дыхание какого-то сказочного чудовища. Теперь период муссонов¹¹², дующих с северо-запада. Небо большей частью покрыто тучами, лишь изредка выкатит полный диск луны или сверкнёт звёздочка. За кормой тянется широкая струя, обозначающая след движения корабля. Как в котле кипит и бурлит вода и зелёными фосфорическими огнями горят и переливаются клокочущие волны. Интересное это явление вызывается мириадами мелких морских животных, точно расплавленная лава сверкает местами вода, то загораясь яркими отблесками, то потухая, пропадает в непроглядной ночной мгле.

В Мозамбике, куда пароход прибыл на третий день, мы узнали прежде всего, что немецкий пароход «**Bundesrath**» (Союзный совет) перехвачен английским крейсером [английским крейсером «**Madicienne**» 29 декабря 1899 г. у бухты Делагоа] и отведен в Дурбан. Груз, предназначенный для Трансваала: сёдла, палатки и другие военные припасы – всё это кон-

фисковано англичанами; неизвестно, какая участь ожидает пассажиров, в числе которых находились полковник германской армии **Браун** и известный поручик **Браузевиц**, прославившийся тем, что в прошлом году заколол мирного бюргера в каком-то ресторане. Ему пришлось подать в отставку и уехать в Трансвааль, где его воинственные наклонности найдут более полезное применение. Но, кроме офицеров, на пароходе было ещё человек 150 волонтёров, все они, вероятно, арестованы англичанами и грустно, если нас ожидает такая же участь. К нам сел на корабль английский консул в Мозамбике, вероятно, чтобы разузнать кое-что о целях и намерениях пассажиров. Часто по вечерам мы собирались на носовой палубе и строили самые фантастические планы, обсуждая как нам быть в случае визитации груза и пассажиров английским крейсером. Каждый из 50-ти волонтёров имел паспорт или легитимацию на имя негоцианта, корреспондента и так далее, но мы отлично понимали, что англичан не проведёшь нашими фиктивными бумагами и что, несмотря на всё вопли и протесты, нас на буксире поволокут в Дурбан, говорили, что нужно взять шлюпку ещё за 30 километров от Лоренсу-Маркеша и отдельно от «**Жиронды**» ночью высадиться на берег, толковали ещё, что следует бросить за борт английского офицера и консула, которые нас уже по долгу службы выдадут английскому правительству.

Утром показался в бухте французский крейсер, на мачте взвился трёхцветный флаг и далеко по волнам разнесся грохот салютационной пальбы. В ответ прогремел 21 выстрел со старинного форта, построенного, вероятно, ещё при **Васко да Гама**; над башнями и амбразурами из которых глядели заржавленные дула старинных пушек, кружились бесчисленные голуби, встревоженные пальбой.

Мозамбик (?) лежит на острове, отделённом от материка широким проливом, по которому точно чайки носятся белые паруса туземных рыбачьих лодок.

Прогулка по чистеньким цементированным улицам города надолго останется в памяти: над домами с решётчатыми

ставнями, плоскими крышами и уютными балконами, сweisываются громадные листья кокосовых пальм, из-за решеток садов и бульваров выглядывают огненно-красные крупные цветы олеандров, над которыми носятся крупные разноцветные бабочки из семейства *Vanessa* (Ванесса) и *Sphinx* (Сфинкс). Под ногами то и дело попадается ящерица, сверкая на солнце металлической чешуей.

От старинной церкви веет преданиями средних веков, вспоминаются отважные мореплаватели в беретах и шпагах, которые на утлых кораблях, смело вверяя свою жизнь грозной стихии, обогнули южную оконечность Африки и открыли морской путь в сказочную Индию.

Теперь благодарные потомки смелых мореплавателей вооружены винтовкой системы **Снайдера**¹¹³; сбоку болтается заржавленный штык. Офицеры, гордо покуривая пахитоски¹¹⁴, щеголяют в белоснежных костюмах и безукоризненных перчатках, но к нам относились весьма любезно и предупредительно. Мне показали какую-то Ecole des artes (Школу искусств), провели на почту, где за заказное письмо с меня взяли 250 португальских монет, показали старинный форт, с бастионов которого открывался чудный вид на тонущий в яркой тропической зелени город. Солдаты крепостного караула мне понравились своей выпрявкой и молодцеватым отдаием чести сопровождавшему меня офицеру. Я попросил часового проделать несколько ружейных приёмов, что он, ухмыляясь, исполнил довольно отчётиво и чисто; от протянутой ему рупии он, оскалив зубы и энергично потрясая головой, отказался, но папиросы взял и спрятал в карман мундира. Когда я у него хотел взять винтовку, он запротестовал и ушёл в сторону. Жаль только, что португальское правительство не имеет средств заботиться об укреплении своих портов и о лучшей организации своих колониальных войск. Исход настоящей войны, кто бы ни остался победителем, Англия или Южно-Африканские Республики, во всяком случае отразится на судьбе португальских колоний и хоть часть их отойдёт к победителю.

Евг. Августус¹¹⁵.

Российский офицер **Евгений Августус** верно подмечал хозяйствичанье англичан в формально португальском колониальном владении:

На пути в Трансвааль

IX

20 января 1900 г.

Бейра только名义上 принадлежит португальцам; если бы не изредка встречающиеся офицеры и солдаты португальского гарнизона, с короной Брагансского королевства на кокардах, пуговицах и пряжках, то можно думать, что судьба занесла нас в какой-нибудь промышленный город Корнвалисса или Квинсленда: везде английская речь, везде на домах, на крышах, на заборах красуются вывески, объявления и рекламы на том же английском языке.

Английские магазины с громадными зеркальными витринами, английские банки, менятьные конторы, агентства — по всему видно, что вся торговля в руках этого народа, к основным чертам характера которого принадлежит ненасытная алчность и отталкивающий эгоизм, но эгоизму которого, умению везде и повсюду устраиваться, невольно приходится удивляться.

Несколько лет назад никто не знал о существовании Бейры, заброшенного португальского посёлка при устье незначительной речки. На раскалённом песке грелись зубастые крокодилы; по ночам вокруг шалаши туземцев и желтолицых метисов бродили львы и гиены¹¹⁶, оглашая окрестности своим протяжным рёвом.

Но вот разнеслась весть об открытии золотоносных россыпей к западу от португальских колоний, в так названной впоследствии Родезии¹¹⁷. Тысячами нахлынули авантюристы всех стран и народов, вслед за ними потянулись негоцианты, ремесленники и всякий сброд любителей лёгкой на jakiны. Загудели паровозы, загремели поезда, пересекая то заросли тропических лесов, то горные реки по смело перекинутым железным мостам и виадукам. Бейра, как исходный

пункт железной дороги, связывающие Родезию и португальские владения с крайним югом Африки, с Капской колонией, стал самым важным, самым цветущим городом на всём мозамбикском побережье. Быстро один за другим возникли дома европейцев, построенные из жести или из мягкого дерева на фундаменте из пористого кирпича. Фактории, магазины, банки, агентства сменяются гостиницами, где белокурые загорелые *englismen* (англичане) выпивают огромное количество виски и содовой воды; тут же рядом где-нибудь карикатура парижского кафе-шантана, яркий свет электрических лампочек затмевается облаками табачного дыма, на подмостках мелькают общитые кружевами кальсоны шансонетных певиц, выделывающих всевозможные антраша под резкие звуки аристона или разбитого пианино. Самая эмансипированная **готтентотка** пришла бы в ужас от отчаянных куплетов и не менее отчаянных телодвижений наrumяненной певицы, но публика попивая бренди, и расстегнув ворот за масленых рубах, слушает с наслаждением, и то и дело раздаются хриплые возгласы: All right! hip-hip-harrah!

По слухам войны с Трансваалем, прервавшей сообщение с Капской колонией, разработка золота в Родезии прекратилась и вместе с нею приостановились всякая торговля и промышленность. Если местами и производится работа в минах, то это только в округах наиболее удалённых от границы, которая днём и ночью охраняется отрядами вооружённых volunteers (добровольцев). Англичане опасаются набега со стороны буров, которые, пробравшись на своих выносливых лошадях далеко в глубь страны, могут взорвать мосты, станционные сооружения и таким образом совершенно прекратить эксплуатацию железной дороги, что несомненно отразится и на торговле Бейры. Ведь город переполнен англичанами, ликвидировавшими свои дела в Родезии. Это или золотоискатели, подозрительные физиономии в широкополых шляпах, или бывшие содержатели разных Boarding и других заведений распивочно и на вынос, это уже настоящие кандидаты на виселицу; маленькие, вечно бегающие глаза, то мутно-бесцветные, то вспыхиваю-

щие зелёным огоньком, острые редкие зубы, одним словом, так и рисуется картина из какого-нибудь знаменитого романа **Майн-Рида**: захрапели под дощатыми навесами boarding-housa утомлённые тяжёлой работой в рудниках злополучные диггеры (изыскатели). Распили они с хозяином бутылку—другую Scotch-Whisky, зашумело в голове, и они так и остались ночевать. Но не всё прочее, как следует: тёмная бурная ночь, вой шакалов и хозяин с острым ножом в волосатой руке хладнокровно выбирает себе жертву за жертвой, вонзая каждой нож аккуратно между пятym и шестым ребром. Несчастные диггеры корчатся в предсмертных судорогах, а из карманов их выкатываются самородки и мешочки с золотым песком... Но на самом деле господа эти оказались вовсе не такими злодеями и висельниками, а напротив, когда я познакомился с ними поближе, провёл несколько приятных минут в обществе этих джентльменов, прошедших огонь, воду и медные трубы. Прежде всего, кроме англичан попадаются немцы, итальянцы и представители других национальностей. Но всех сроднила ненасытная страсть к наживе, все они, ослеплённые блеском золота, часто ценой неимоверных усилий, и трудов и лишений, стремятся к заветной цели разбогатеть во что бы то ни стало, не все её достигают и многие погибают в борьбе с природой, климатом, от болезней и изнурений. Я сидел в одной из комнат деревянного барака, носящего громкое название Imperia Hotel (гостиница Империя). Товарищи мои оставили меня, отказавшись от удовольствия толкаться по таким вертепам и кабакам, где чёрт знает с кем приходится встречаться.

За одним со мною столом сидело несколько человек в костюмах, какие обыкновенно носят в Африке: лёгкие панталоны и куртка из светлой бумажной материи, и широкополая шляпа. На заскорузлых пальцах сверкали массивные золотые кольца и один из них перебирал целые пачки английских депозиток, рассовывая их по особым карманам своего широкого кожаного набрюшка¹¹⁸.

Я пил гнусный кофе, разбавленный ещё более гнусным конденсированным (консервированным) молоком и просма-

травил статьи №№ «The Graphic», любуясь гравюрами, изображающими невероятные подвиги неустрашимости, самоотвержения и человеколюбия англичан, как вдруг сосед мой, налив огромный стакан виски, обратился ко мне с самой обаятельной улыбкой:

– If you please, sir! (Выпейте, пожалуйства, сэр!)

Я энергично замотал головой и объяснил, что вследствие неизлечимой болезни ничего не пью, кроме кофе или молока, и что теперь еду в Трансвааль лечиться от чахотки.

Сосед ухмыльнулся.

– Знаю, знаю, я и так вижу, что у вас чахотка в последнем градусе. Но goddam (чёрт подери), ручаюсь вам головой, что вас англичане не пропустят в Лоренсу-Маркеш!

– Why sir? (Почему, сэр?)

– Да потому, что всякое сообщение с Трансваалем прервано, вот недавно английским крейсером захвачен германский корабль **«Bundesrath»**. Груз конфискован, а пассажиры все отвезены в Капштадт, где их как флибустьеров законопатят в тюрьму. Вероятно, у них были разные отговорки и предлоги, да ничего не помогло. Вы на **«Жиронде»** приехали? Помяните моё слово, что не видать вам Лоренсу-Маркеша, как своих ушей!

Сосед мой оказался выходцем из Эльзаса, зная хорошо и страну, и людей, он посоветовал мне пробраться в Трансвааль сухим путём, высадиться здесь, в Бейре, составить караван и взять проводников-туземцев двинуться вдоль берега к границе.

– Вы, вероятно, не один, поговорите с товарищами и поверьте, что подобное путешествие ничего особенного не представляет. От лихорадки спасёт вас запас хинина, ночью вы разведёте костёр, чтобы быть в безопасности от львов и шакалов, мулы для перевозки съестных припасов стоят здесь несколько шиллингов, а главное – вы гарантированы от всех случайностей, уже англичане не захватят вас на португальской территории. Стаканчик виски, if you please!

– Thank you, mais c'est impossible. (Спасибо, но это невозможно) (смесь английского и французского.)

– Странно, – вмешался другой субъект с медно-красной физиономией и носом, напоминающим клюв хищной птицы – дёрнула же вас нелёгкая ехать в Трансвааль и драться за буров. Вас ведь укокошат ни за что ни про что, или, ещё хуже – искалечат, и что же? Милостыню просить будете на улицах Претории? Дело понятное умереть за свою родину, за свой народ, но в данном случае я вас не понимаю... Вот брат мой тоже имел глупость поступить добровольцем к бурам и теперь получил я последнее письмо, где он говорит, что буры третируют иностранцев, относятся к ним свысока, опьянённые своими последними победами. Снаряжение, обувь, платье, съестные припасы – всё приходится покупать на собственные деньги и я сомневаюсь, много ли у вас осталось денег после вашей *partie de plaisir* (приятная компания).

Эльзасец всё время кивал одобрительно головой.

– Вы мне в конце концов посоветуете поступить к англичанам? Не так ли?

Медно-красная физиономия улыбнулась.

– Англичане дорого ценят пушечное мясо. Но вы ведь чахоточный, и притом вы хотите драться за идею, за слабых, за угнетённых. Прежде всего, я не англичанин, а немецкий язык, на котором мы с вами разговариваем, это мой родной. Я родом из Дармштадта. Помните, что никогда нельзя верить газетам, обвиняющим во всём англичан и выставляющим буров какими-то ветхозаветными патриархами. Вы там, на месте всё лучше узнаете и придёте к другим убеждениям. Вы увидите, что война эта вызвана национальной ненавистью (и) боязнью буров потерять свой олигархический образ правления в борьбе с новыми пришлыми элементами. Вы увидите проявление самой необузданной алчности, самого узкого эгоизма с той и с другой стороны, но во всяком случае, мои симпатии на стороне англичан, потому что они и только они внесли свет культуры и цивилизации к этим пастухам, вечно распевающим псалмы и читающим Библию... Жалко мне вас, молодой человек, мой искренний совет: вернитесь лучше домой, пока ещё не поздно, пока вас не сразила английская пуля

и вы ещё не достались на растерзание гиенам и коршунам. Вы знаете, что со всей Родезии и даже, говорят, с Калахари целые стаи коршунов, гиен и шакалов перекочевали туда, где теперь царствует смерть и гибель. Мне жалко вас, потому что я лишился сына, когда он был в ваших летах... Быть может и вы оставили родных, отца, мать.

Из-под нависших бровей глаза его заискрились каким-то блеском и он крепко, порывисто пожал мою руку.

Но мне было достаточно взглянуть на медно-красный нос и всё обаяние его прочувственной речи пропало.

– Слова ваши, *Mein Geehrter Herr* (мой дорогой господин), действовали на меня сильней, чем стакан самого лучшего крепкого виски, но я теперь уже не откажусь от своей первоначальной цели: будь что будет – *Leben sie wohl!* (Живи сполна.)

На прощание благоразумные авантюристы эти хотели мне всучить паспорт, визированный английским консулом, говоря, что с этим паспортом мне легче удастся добраться в Трансвааль, но я, желая до конца выдержать свою роль рыцаря без страха и упрёка, имел глупость отказаться. Уже на корабле, после зрелого размышления, я сообразил, что подобный документ имел бы большее значение, нежели паспорт выданный обер-полицмейстером на имя такого-то лейтенанта.

Вечером на наш корабль село человек 80 англичан, выselившихся из Родезии. Господа эти с обычной английской непринуждённостью рассыпались по всей палубе, овладели чужими стульями, и вскоре залы первого класса огласились нестройными пьяными голосами: *The queen is over!* (Королева кончилась). Клавиши рояля звенели и гремели под неуклюжими пальцами, вокруг артиста собралась целая толпа певцов, с бутылками и стаканами в руках. После каждого куплета раздавалось громовое *hip-hip-hurrah!* *He is a good fellow...* (Он хороший парень) – снова начинал разбитый тенор... размахивая руками и притоптывая ногами.

На верхней палубе вокруг открытого люка собралась группа французских волонтёров, сопровождавших каждый

№ импровизированного концерта оглушительным свистом и шиканьем.

Но англичане не унывая продолжали распевать песню за песней и наконец проревели «God save the Queen» (Боже, храни королеву).

В ответ на это раздались звуки «Марсельезы» и неистовые крики: A bas les anglais! (Долой англичан) Vive les boers! (Да здравствуют буры) Goddam the Queen! (Чёрт подери королеву!) и так далее.

Англичане не выдержали: с перекошенными от злобы физиономиями, с пеной у рта, они бросились к выходу, чтобы пересчитать ребра у манифестантов.

Немало труда стоило капитану и офицерам корабля восстановить порядок и успокоить расходившуюся публику.

Нужно отдать справедливость английскому капитану, сумевшему успокоить буйнов. Любезно отклонив ещё в самом начале предложение своих соотечественников выпить рюмку-другую джину, он появился только тогда, когда скандал угрожал разразиться кровавой потасовкой, и у некоторых уже появились револьверы и ножи. Постепенно успокоились и англичане, и волонтёры, расходившиеся страсти углеглись, и остальная часть ночи прошла спокойно.

Евг. Августус¹¹⁹.

По поводу одного английского подданного, уехавшего из Санкт-Петербурга на войну в Южную Африку сохранилась следующая статья:

На войну в Трансваале (Доброволец-англичанин)

Известный маршал **Людовика XII** говорил, что для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги. Это неоспоримо, но нужны и люди, граждане, воодушевлённые истой любовью к своему отечеству.

Примером такого патриотизма может служить один из проживающих богатых английских негоциантов господин

Грабовский, уезжающий 9 января в Англию, а оттуда – в Трансвааль, на войну с бурами. Господин **Грабовский** приобрёл за свой счёт восемь лошадей казачьей породы, всю необходимую амуницию, вооружение и поступает в ряды английских войск в качестве простого рядового.

Вчера в большом зале ресторана «Медведь» господин **Грабовский** прощался со своими многочисленными друзьями и знакомыми и дал в честь их роскошный обед, на котором присутствовали многие видные представители петербургской английской колонии, многие представители нашего крупного купечества и русские, знакомые господина **Грабовского**¹²⁰.

За тремя столами, украшенными множеством цветов и изящными меню, находились гости... В числе приглашённых мы заметили господина **Корнилова**, господина **Беке**, господина **Хрулёва**...

Нечего и говорить, что обед был изысканный, а спичи, по английскому обыкновению, многочисленными.

После обеда дружеская беседа затянулась надолго.

Один в поле не воин, – гласит пословица, сказал кто-то, выразив пожелание, чтобы всё общество вкупе присоединилось к патриотическому порыву соотечественника и отправилось сражаться в Трансвааль¹²¹.

Один из русских добровольцев в своих записках так объяснял причины почти повсеместной поддержки, в том числе и в России голландскоязычных потомков европейских поселенцев:

Не потому, говорят, мы сочувствуем бурам¹²², что дело их правое, что на их стороне законность и справедливость, а потому только, что перед нами развернулось захватывающее дух зрелище войны, щекочущее нервы, точно бой быков, и на кого-нибудь да нужно было поставить свою ставку. А разыгравшееся на наших глазах зрелище войны так мучительно и вместе с тем так приятно – мы волнуемся, трепещем, сами переживаем ощущения борьбы.

И сознание буров, что они точно на подмостках, что на них, как на гладиаторов древнего Рима, смотрит весь мир, подбадривало, пришпоривало им, и, наконец, привело к гибели.

Нет, не этим объясняется всеобщий порыв искренних симпатий к бурам, нет – а то высокое и непоколебимое мужество, с которым народ этот шёл на гибель и смерть за свою свободу и независимость, эти поразительные примеры стойкости и терпения воздействовали потрясающим образом на европейское общество, и у нас, задавленных, загрязнённых мелкими интересами и заботами повседневной жизни, эти примеры пробудили лучшие человеческие чувства, чувство справедливости, чувства негодования перед насилием и готовность к самопожертвованию. И эту готовность запечатлели своей кровью сотни добровольцев всех стран и народов. Они сражались, страдали и умирали не из-за чести, денег или славы, и кости их белеют теперь на горах и равнинах Трансваала или затянуты илом на дне тумной Тугелы и Моддер-ривера¹²³.

Приведём одно из первых интервью в отечественной прессе с неназванным русским офицером-добровольцем, который (якобы?) воевал на стороне африканеров в начале англо-бурской войны:

Пока корреспондент ваш **Евгений Августус** направляется в Трансвааль и принесёт нам «бесцензурное» известие о бурах, позвольте мне рассказать мою встречу с одним из участников войны, волонтёром русской армии. Вот как это случилось. Поехал я из Москвы в Петербург в спальном вагоне II класса. Незадолго до отхода поезда в наше отделение с большими усилиями и опираясь на палку вошёл молодой безусый офицер, сбоку поддерживаемый денщиком. Лицо его было бледно, правая нога волочилась. Расположившись напротив меня на диване, он попросил своего соседа, угрюмого брюнета, уступить ему маленько места для больной ноги, и когда это было разрешено, протянул её с видимым удовольствием

ем. По пути мы разговорились. Все эти дни стояли сильные метели и поезда, особенно с юга, опаздывали на несколько часов. Чего, кажется естественнее и проще было жаловаться на погоду, и с этого мы начали.

— А вот я еду из страны, где в последнее время стояли тридцатиградусные жары, — сказал офицер и сообщил, что возвращается из Трансваала, где воевал с бурами против англичан и был ранен.

Можете вообразить, как мы заинтересовались? Посыпались вопросы: как, что, да расскажите подробнее, неужели англичане одолеют в конце концов буров, и всё в таком роде. Бедный офицер еле успевал удовлетворять наше любопытство.

В общем рассказ его сводился к следующему. Он уехал из России в самом начале англо-трансваальской войны, чуть ли не вслед за объявлением **Крюгером** знаменитого ультиматума.

Я отправился в Южную Африку, — рассказывал офицер, — без ведома даже моих родителей, которые были убеждены, что я проболтаюсь всё время в разных там Парижах и Монте-Карло. До Гамбурга я ехал по железной дороге, а из Гамбурга до порта Делагоа морем. Морской переход тяжёлый и дорогой. Цена билета I класса чуть ли не 500 рублей на наши деньги. В порте Делагоа я не заметил ничего такого, что выдавало бы воинственные намерения англичан. Портовая жизнь текла своим обычным порядком. Зато в Претории всё население кишило как муравейник. Ещё на пароходе мне советовали явиться к нашему консулу и через него предложить свои услуги трансваальному правительству. В ту пору добровольцы были совсем внове (кроме рассказчика было несколько иностранцев и двое русских из московского купечества) и представители разных держав не знали, как относительно их держаться. Господин **В.** и его семейство встретили меня очень радушно и с места начали убеждать отказаться от своего намерения идти на войну: — Вы — молодой человек, у вас вся жизнь впереди, охота вступаться в эту глупую бойню? Тогда не знали

действительных сил буров и были уверены, что война ограничится простым восстанием, а английские войска победоносно войдут в Преторию через две недели. Но я настаивал на своём решении, иначе зачем было делать несколько тысяч миль. Для начала командировали меня в штаб трансваальской армии в Претории. Служа одно время на западе я имел случай познакомиться со штабной жизнью, но подобного штаба нигде не видал. Никто, по-видимому, не знал, зачем он здесь находится, какому Богу служит, не интересовался результатами состоявшихся диспозиций и, всего любопытнее, – не имел никаких карт в своём распоряжении. Впоследствии я объяснил себе этот порядок полной децентрализацией и самостоятельностью отдельных начальников, а неимение карт – отличным знанием бурами местности, где приходилось воевать.

Наконец, мне надоело сидеть сложа руки и я стал проситься в действующую армию. Пока шли необходимые формальности для перевода, я успел несколько ознакомиться с нравами буров. Наружность они походят на инородцев наших прибалтийских окраин **этов (эстонцев), латышей**, но мускулистее и крепче последних. Народ вообще типичный, малообщительный и глубоко религиозный. В отряде я ни разу не слышал грубых шуток или светских песен, поют больше псалмы, причём у каждого бура в кармане по маленькой Библии. Идут в поход, по-видимому, убеждённые. По крайней мере, я не раз присутствовал на проводах отрядов на войну и не было случаев, чтобы кто-нибудь из присутствовавших жён, матерей, сестёр проронил слезинку. Много пишут вздорного о бурах в газетах, но эту черту отмечают верно. Наконец мне объявили, что я могу ехать в действующую армию и назвали отряд.

- Как приняли вас буры?
- Да совершенно равнодушно. По привычке старого военного я, прибыв в отряд, спросил, кому мне явиться?
- Да к кому хотите явитесь и всё тут.
- Разве у них нет офицеров?
- Нет, кажется есть, но или я их не заметил, или они стучевываются в массе.

– Кто же командует? Пишут же в газетах: **Жубер, Кронье**.

– Не знаю. Когда я спрашивал о **Жубере**, мне отвечали: он там, далеко, но где – никто не мог указать. Для многих же – я в этом убедился – **Жубер** является каким-то мистическим лицом. Впрочем, при плохом знании английского языка и совершенном незнании голландского, я не особенно-то пускал-ся в разговоры. Скорее делал то, что и другие делали – и всё.

– Итак, вы прибыли в отряд; затем?

– Затем предстояло вооружиться. Сейчас же оказалось, что наша шашка и револьвер ни к чему. Шашка болтается между ногами и мешает ходить, а револьвером почти не пользуются. То и другое бросил, а купил себе ружьё.

– Все буры верхами?

– Да. Лошади их маленькие, вроде наших иноходцев, и стоят дешёво. Лучшего коняку и приобрёл себе за девять целковых. На таких лошадях они совершают переход в 50–60 вёрст и сейчас же в бой.

– Расскажите нам ваше первое сражение, чай жутко было?

– Откровенно сознаться – жутко. После наших обыкновенных лагерных манёвров, как-то нелепо представить себе, что смерть может быть в нескольких шагах. Особенно жутки в этом отношенииочные бои.

– Говорят, что буры – хорошие стрелки?

– Замечательные. Мне рассказывали, что **Крюгер** двенадцати лет от роду стрелял без промаха в туза. Я верю, тем более, что по живой мишени стрелять ещё труднее, а эту стрельбу буров я видел. Что у них ёщё поразительно, так это разведочная служба. Таких рекогносцировок я ни у кого не видел. Можно сказать, что едва ли не в замечательных разведках заключается причина всех их военных успехов.

– Как вы полагаете, победят буры?

– Не сумею вам сказать. Пожалуй, англичане их задавят количеством. Впрочем, если война затянется, то на помошь бурам придёт климат. С конца января или февраля подует сирокко¹²⁴, которого не только не выдержат англичане, но с

трудом переносят и туземцы. Вы просили меня рассказать вам моё первое сражение. Мы сделали переход в 50 с чем-то вёрст и остановились вблизи какой-то речонки, название теперь я забыл. Высланные вперёд разведчики донесли, что по ту сторону реки показалась английская пехота и намерена овладеть мостом. Задача наша была – воспрепятствовать этому движению и, прежде всего, взорвать мост. Немедленно выступил отряд минёров, а для прикрытия их отделяется человек двести, в том числе я. Здесь не лишнее заметить, что передвижение буров, равно как вся их тактика, не подчиняется заранее обдуманному намерению, а действуют они сообразно данному случаю, но самостоятельно и единодушно. Мне лично не помнится, чтобы в нашем отряде получена была из штаба хотя бы одна диспозиция и чтобы в силу её мы изменили наше движение. Может быть делалось это в других отрядах и позднее, когда дела осложнились, но при мне в передвижениях руководились больше чутьём нежели какими-нибудь распоряжениями свыше. Идём, идём, вдруг стоп – неприятель. Понятно, нужно расчистить себе дорогу, а потому сразиться. Ну и сражаемся. Итак, под прикрытием двухсотенного отряда двинулись мы взрывать мост. У берега завязалась перестрелка. Буры никогда не стреляют залпами, как учили нас на манёврах, а каждый самостоятельно, и поэтому огонь их так меток и разрушителен. Видим в бинокль – красные мундиры зашевелились и медленно отступают. Мы ползком к мосту, овладели мостом. Перестрелка стала оживлённее, у нас оказалось двое раненых. Ах, никогда не забуду лица молодого бура, раненного пулей в лоб. Он полз рядом со мной, вдруг охнул, да так и застыл на месте. Я бросился было к нему, но задние ряды теснили передних и приходилось двигаться. Впрочем мне удалось оглянуться, но лица бура уже не было видно. Он склонил голову к земле и будто что-то искал. Потом к смерти я стал равнодушнее и раненые не производили на меня такого впечатления. Между тем минёры заложили мину и приготовились взрывать. Как только мы отделились от моста, сажень на 50 перейдя его, раздался страшный

треск. Куча всяких балок, железа и камней полетели вверх. В это время остаток нашего отряда успел сделать фланговое движение и, перейдя речку вброд, спешился и ударил на англичан с тыла. Всё это совершилось изумительно быстро, неожиданно для меня, но в результате очень успешно Англичане отступили и засели в железнодорожной станции, которую хорошо укрепили. Приходилось штурмовать станцию, но и это было исполнено гораздо хитрее, чем я предполагал. Оказалось, что станция была заранее минирована предусматрительными бурами и что её ожидала та же участь, как и мост. Здесь после взрыва была и атака. Буры атакуют обыкновенно молча, без всяких ура, что придает какой-то зловещий, даже мистический оттенок их наступлению. Помню, как учащённо билось моё сердце, когда после оглушительного треска взрыва соседи мои молча пристегнули штыки к ружьям (у буров не было штыков. – *Прим. авт.-сост.*) и спокойно двинулись в атаку. Много погибло здесь неприятеля, особенно при взрыве, но ещё больше сдалось в плен...

– В этом сражении вы были ранены?

– О нет, я был ранен в четвёртом сражении, но таком же пустом, как и предыдущие. Впрочем, я убеждён, что с бурами не могут быть такие сражения, которые мы знаем из истории Бородино, Йена, Аusterлица... У буров никогда одно поражение не предрешит исхода войны. Война народная, партизанская, будут драться до последней капли крови.

– Серьёзно вы ранены?

– По существу рана пустая, но обидно, что из-за неё пришлось выбыть вовсе из строя. Можно себе представить: санитарные условия буров таковы, что малейшее поранение лишает человек способности действовать дальше. Это хуже всякого лиддита и **дум-дум**. Я был ранен в мякоть правой ноги и должен был за отсутствие всяких перевязочных средств перевязать ногу куском рубашки, которую носил не снимая полторы недели. Недурна перевязка, не правда ли? После доктора удивлялись, как у меня не сделалось заражения крови.

– А как вы поступали с фуражом?

– А, это тоже любопытная особенность буров. Каждый бур берёт с собой в поход известное количество провианта для себя и для лошади. Главную заботу составляет вода. Её берегут пуще глаза, наливая в такого рода баклажи, которые привязывают по обоим сторонам седла. Вообще насчёт фуражка здесь в большом ходу известная поговорка: «Каждый за себя, Бог за всех». Я по неопытности жил однажды впроголодь целую неделю и совестно было попросить у соседа, зная, что и у него всё в обрез. Зато, прия в любую деревню, разговеешься. Жители мало того, что встречают восторженно, но отдают всё, что имеют до последней краюхи, до последней курицы...

– А насчёт боевых припасов как?

– Этого у них вдоволь. Вы читали в газетах, что президент **Крюгер**, предвидя войну, заранее покупал большие партии пороха и свинца. Всё это правда. Вооружены они тоже прекрасно, все **маузеровские** ружья. Наконец, англичане, отступая оставляют нередко на поле сражения множество всякого добра, ружей, патронов, мешков с порохом. Помимо этого буры очень гуманны с пленными и ранеными, хотя и бесцеремонны с мёртвыми: годное к делу берут не различая, свои ли это или чужие.

– Каким же образом вы были ранены? Это интересно.

– А вот мы штурмовали одну деревеньку, занятую англичанами. Я сначала шёл рядом с другими, но потом, когда все побежали, опередил своих и не заметил этого. Вдруг вижу наперерез мне двигается огромный рыжий детина англичанин и в тридцати шагах от меня в упор целится в меня. Я не помню, что я испытывал в эту минуту. Хотелось закричать, но не было голоса: нашёл какой-то столбняк. В эту минуту англичанин как-то странно взмахивает руками и падает навзничь... Чей-то дружественный выстрел уложил его на месте. Отлегло от сердца, бегу дальше, неприятель отступает по всем направлениям, но на ходу продолжал отстреливаться. Вдруг что-то толкнуло меня в ногу, будто ударило камнем. В первую минуту я не заметил,

пробежал ещё шагов двадцать, потом упал. Вижу кровь... ранен.

– Деревню ваши всё-таки взяли?

– Спустя каких-нибудь полчаса. То и обидно, что ранили меня в пустяшном деле, что называется зря. Но будь ещё медицинская часть буров в порядке, я бы провалился недели две в госпитале и затем вернулся в строй. Вместо того началась такая волокита, что страшно вспомнить.

– Но в Претории всё-таки есть госпитали?

– Есть, но самые примитивные и их мало. Достаточно вам сказать, что пулю мне вынули только в Варшаве после месяца страданий, когда она опустилась на несколько дюймов ниже. В настоящее время нога представляет один сплошной гной.

Вошёл кондуктор, приготовил постели и ушёл. Мы стали располагаться к ночлегу.

– А всё-таки, – докончил свой рассказ офицер, – будь я здоров и имей я в кармане лишние деньги, я бы ни минуты не задумался вернуться в Южную Африку. Вы не можете себе представить, сколько уважения и восторга внушают эти простые и храбрые люди.

В заключение я должен прибавить, что трансваальское правительство, узнав о раненом, прислало ему в госпиталь знак своего военного ордена: маленькую золотую пластинку с выгравированным на ней восьмиконечным крестом, вроде нашего мальтийского¹²⁵.

Барон **В. Дризен**¹²⁶.

Подпоручик русской службы **Евгений Фёдорович Августус** в своей книге воспоминаний, посвящённой российскому военному атташе на стороне Англии **Павлу Александровичу Стаковичу**, так объяснял причины, толкнувшие его на поездку в столь дальние края:

Что заставило меня, очертя голову, бросить родину, службу и, забыв мудрую пословицу: **Ерёма, Ерёма**, сидел бы ты

дома, – отправиться в Трансвааль, на войну, чтобы сражаться за чуждый народ, за чуждое мне дело? Не берусь ответить. Карамазовский (имеются в виду герои романа **Достоевского** «Братья Карамазовы». – Прим. авт.-сост.) ли порыв самопожертвования, или просто желание опасности, риска, желание испытать острое наслаждение игрой своей жизнью?

Как бы там ни было, но вот уже последний день путешествия по морю – завтра я в Лоренсу-Маркеше. Кроме нас, пяти русских, на пароходе ещё человек 40–50 волонтёров, всё больше французов, народ бойкий, весёлый, жизнерадостный; есть немцы, голландцы; дорогой мы успели перезнакомиться и между нами установились самые дружеские отношения.

Последнюю ночь мы провели на палубе, ожидая, что вот-вот покажется бдительный английский броненосец, остановит «Жиронду» среди открытого моря и английские офицеры приступят к осмотру груза и паспортов пассажиров.

Опасения наши были небезосновательны: в Адене, проездом, мы видели германский пароход «**Herzog**», конфискованный по распоряжению английскихластей, и мы знали, что вход во все гавани Южной Африки тщательно охраняется английскими крейсерами.

Волонтёры, собравшиеся отдельными группами, лишь изредка обменивались отрывочными фразами, с тревогой поглядывали вдаль, ожидая с нетерпением, скоро ли покажутся огоньки маяков, освещавших ход в бухту. Но всё было покрыто непроницаемым мраком. Сильный порывистый ветер рвал и трепал снасти и брезент, протянутый над палубой. «**Жиронду**», идущую полным ходом, подбрасывало точно щепку. Ветер всё усиливался и грозил превратиться в настоящую бурю. Волны то и дело хлестали за борт, обдавая ухватившихся за перила и снасти людей брызгами горько-солёной воды.

Постепенно улеглись грозные волны и мрачные тучи разошлись, просветлели и загорелись багровым пламенем. Ещё мгновение – и над вспененным морем сверкнули первые лучи восходящего солнца.

Перед нами зеленел крутой берег острова Иниаке и мы на всех парах вошли в Делагоа, в нейтральную полосу.

Волонтёры успокоились и между ними пошли всевозможные толки, почему это нас прозвали английские крейсеры.

То обстоятельство, что капитан избрал южный вход в бухту, описав дугу, навело некоторых на мысль, что это с его стороны хитрость, чтобы проскользнуть незаметно. Другие говорили, что английские крейсеры не могли подъехать к нам вследствие сильного волнения, и много было других предположений¹²⁷, не менее фантастичных¹²⁸.

Августус писал о Лоренсу-Маркеш:

До крайности измучила нас сложная процедура получения необходимых бумаг и документов, к вечеру мы устали до того, что, отказавшись от обеда и не раздеваясь, бросились на кровать. Но нам так надоедали кровожадные москиты, что было не до сна. Приходилось переворачиваться с боку на бок, отмахиваться руками и ногами. К тому же в голову всё ещё неотступно лезли разные мысли, – выдадут ли нам ещё билеты на полученный португальский паспорт. Как-то не верилось, что это наш последний этап на пути в Трансвааль, что послезавтра мы будем у цели нашего путешествия. В комнате было душно. Откуда-то доносились звуки музыки, и я предложил товарищам пройтись по улицам: на городском бульваре играл оркестр военной музыки; на скамейках сидели смуглые стройные креолки¹²⁹, португальские офицеры и индусы в вышиванных серебром малиновых шапочках.

В вершинах магнолий и пальм тихо шелестел свежий ветерок. Звуки музыки то росли, то замирали в ночной тишине и постепенно стали изглаживаться тягостные впечатления прожитого дня. Не хотелось ни о чём думать; ни о чём размышлять; невольно смыкались глаза и мы тут бы и заснули, если бы нас не встряхнул француз-волонтёр и не напомнил нам об опасности спать в Лоренсу-Маркеше на открытом воздухе. Нас бы неминуемо схватила жёлтая лихорадка, свиреп-

ствующая в этой местности. Бульвар и улицы давно уже опустели, когда мы постучались в дверь своей гостиницы.

На рассвете следующего дня мы уже были на вокзале, за-паслись билетами и расселись по вагонам «Suid Afrikaaniche Maatshapie». Поезд летел с поразительной быстротой; под колёсами звенели рельсы и брызгами летели во все стороны мелкие камешки железнодорожного балласта. Быстро промчались низины и болота, исчезло навсегда море с дымками пароходов и белеющими парусами. Потянулся тропический пейзаж, виноват, не тропический, а этот южноафриканский bush, хорошо знакомый нам с детства по романам **Майн Рида**. Вот, где жили и охотились неустрашимые буры, преследуя быстроногих антилоп, выживая у водопоев слонов и кочуя по горам и равнинам в своих тяжёлых фургонах.

Это не лес в нашем смысле слова; это, скорее, необъятный парк, где среди высокой травы возвышаются отдельные группы странных деревьев, кое-где попадаются крупные экземпляры кактусов, пальм. Пни подгнивших деревьев обросли широколиственными вьющимися растениями с яркими крупными цветками.

Поезд всё поднимался в гору, мы приближались к возвышенности, составляющей границу португальских владений. К северу железнодорожной линии появилась широкая долина Крокодиловой реки; местами подступали к берегу массивы гор и воды, пробившая себе русло в скалах красного песчаника, ниспадала красивыми каскадами. Горы становились всё выше и неприступнее, отвесные скалы чередовались с глубокими лощинами, поезд по временам еле полз, поднимаясь по крутым скатам, чтобы вслед затем ринуться вниз с головокружительной быстротой.

На границе у всех пассажиров потребовали паспорта, у некоторых волонтёров-французов таковых не оказалось, и как они ни прятались под скамейками, за спинами товарищей, их без всяких разговоров высадили и задержали.

На следующей станции Инкомат-порт (Нкомати-порт) нас уже встретили буры и, по правде сказать, очень нелюбезно.

Тщательно были проверены паспорта, багаж, причём, найденные у некоторых французских офицеров револьверы отбирались, несмотря на протесты владельцев.

Здесь мы впервые увидели прославленных борцов за свободу и независимость своей родины: рослый, здоровый народ, с патронной перевязью через плечо и винтовкой **Маузера** в руке. Все они были в своих обычных рабочих костюмах, в широкополых шляпах, украшенных металлическим трансваальским значком и четырёхцветной национальной лентой.

Странное, даже жуткое впечатление производил на нас этот народ, восставший поголовно для борьбы с чужеземцами; нам, европейцам, привыкшим видеть разодетых, разукрашенных представителей особой военной касты, в светлых пуговицах и золотых галунах, казалось непонятным, что при отсутствии видимой организации и правильного устройства, эти ополченцы, оторванные от сохи, одерживают победу за победой над одним из самых передовых народов Европы.

Мы покатали теперь уже по трансваальской территории. С той же быстротой мчался поезд по отчаянным закруглениям, по крутым спускам и склонам. Я чувствовал себя уже на половину свободным гражданином свободной республики, и, заметив отсутствие всяких стесняющих публику таблиц, инструкций и нравоучений, вскарабкался на крышу вагона, где я кое-как и примостился.

Передо мной открывался вид на необъятное плоского-рье, изрезанное горными кряжами. Исполинские столообразные горы непрерывной цепью тянулись на горизонте. С каждой станцией открывались всё новые виды, чарующие своей дикой прелестью. Леса исчезли и местами, среди зелёной колышущейся травы, угрюмо чернели могучие гранитные скалы или краснели площади земли, лишённые всякой растительности.

По берегу извилистой реки Инкомати (Нкомати) иногда зеленели поля кукурузы и, точно гигантские муравьиные постройки, торчали здесь и там сложенные из хвороста и камыша конусообразные избушки **кафров**. Изредка показы-ва-

лись группы туземцев, опоясанные звериными шкурами, некоторые в измятых шляпах и рваных панталонах. Редко попадаются сторожевые будки, тем не менее железнодорожное полотно вполне исправное; ещё реже попадаются станции. Мосты и наиболее важные пункты охраняются небольшими отрядами вооружённых буров ввиду того, что английские агенты не щадя на них ни золота, ни уговоров, подбивают воинственное племя **Вази (Свази)** к открытому восстанию против Трансваала.

На одной из больших станций, Миддельбург, мы зашли в буфет, где выпили по чашке жидкого кофе и съели несколько сочных абрикосов. Много было приехавших из города бюргеров на лёгких двухколёсных кебах и велосипедах. На шляпах дам и детей виднелись траурные флёрь¹³⁰. На волонтёров глядели с любопытством, не высказывая особого энтузиазма. Я разговорился с дорогими земляками, русскими евреями, которые щеголяли в изящных костюмах и выставляли напоказ массивные золотые кольца и цепочки, украшенные брелоками из самородков золота. Великодушно угостив меня скверными сигарами из вонючего местного табака, они рассказывали между прочим, что несколько недель назад здесь проехало двое русских волонтёров в полной офицерской униформе, что они очень рады встретить земляков и что несмотря даже на войну, дела идут хорошо.

Евг. А.¹³¹

Далее подпоручик **Евгений Августус** сообщал о поездке к столице Трансваала и о первых днях пребывания в Претории:

*Письма русского волонтера
Претория*

В Waterfaal-Hoven поезд остановился на всю ночь. В буфете мы сытно пообедали молочной кашей, вкусно приготовленным жарким и сладким пудингом. Переночевав в вагонах и встав рано утром, я пошёл бродить по горам, кольцом обсту-

пившим железнодорожную станцию. Здесь устроена санатория для чахоточных, куда до войны съезжались негоцианты из Капштадта и Наталя, так как эта местность славится своим чудным целительным климатом, лучшим на всём юге Африки. На этой же станции у меня возникло недоразумение с кондуктором и мне пришлось обратиться к начальнику станции. Дело в том, что не доверяя слухам о том, что правительство республики выдаёт на первой станции волонтёрам бесплатные билеты, мы заплатили в Лоренсу-Маркеше полностью за билет II класса до Претории, что-то около 3.1/2 фунтов. Французы же заплатили только до первой трансваальской станции и им на самом деле выдали бесплатные билеты, чем они выгадали целых 3 фунта. Начальник станции в Инкомати-порт выразил мне сожаление по поводу лишней траты денег и любезно предоставил в наше распоряжение купе I класса, не заменив однако ж нам билетов. В Ватерфале к нам придрался кондуктор, краснощёкий здоровенный бур в кафтане со светлыми пуговицами; объяснения не привели ни к чему, и я был вынужден обратиться к начальнику станции, который взял с нас по 8-ми шиллингов доплаты, но утешил нас тем, что в Претории нам возвратят целиком все деньги, если я обращусь к директору линии.

Подъезжая к Претории, нам всё чаще стали попадаться отдалённые фермы с красными крышами, тонущими в густой зелени садов. Показались громоздкие фургоны, запряжённые 8-9 парами крупных буйволов. Нам показали угольные шахты, где работа всё ещё деятельно производилась, золотые и алмазные копи, теперь заброшенные, так как владельцами их были иностранцы, покинувшие край с объявлением войны.

Вечером, под проливной дождь, мы выехали в Преторию. Из вагонов публика пропускалась по одному, после тщательной проверки паспортов. на вокзале было много народа: вооружённые с ног до головы буры, чиновники в красных фуражках, полицейские и неизбежные факторы. Взяв гостиницу по соседству с вокзалом, хозяином которой оказался разжиревший русский еврей, я сейчас же подошёл к директору

дороги, который принял нас довольно любезно, в роскошном кабинете, но заявил, что деньги нам возвратят лишь по распоряжению правительства и что до сих пор выдача бесплатных билетов не практиковалась.

Мы вернулись в гостиницу и, пообедав, легли спать. С вокзала доносились могучие звуки национального гимна, это распевали буры, которых экстренным поездом отправляли под Ледисмит.

Утром мы отправились в парламент, где нас принял помощник статс-секретаря **Рейтца**. Не интересуясь нашими паспортами, ни рекомендательными письмами от **Лейдса** и других, он прочёл нам формулу присяги по-французски и заставил нас повторить заключительные слова Que Dieu te garde (Да храни меня Бог), подняв правую руку вверх. Затем нам объявили, что послезавтра, в понедельник мы должны явиться сюда же для получения лошади и вооружения и затем нас отправят в какой-нибудь отряд...

...Мы случайно увидели президента **Крюгера** – Оом **Pool** (дядя **Поль**), как его фамильярно величают буры. Крепкий, немного одутловатый старик, с своеобразной белой как лунь бородой; от него дышало несокрушимой энергией и железной волей. Этот верховный правитель немногочисленного, но свободного народа, не устрашился вызвать на бой грозную владычицу морей, перед которой отступила могущественная Франция, перед которой уступили мы, русские, заключив Берлинский трактат. Сколько было принесено жертв, сколько погибло молодых цветущих жизней в последнюю нашу войну для того только, чтобы преодолев всё, остановиться у стен Константинополя и затем безрезультатно вернуться вспять. Мне приходилось говорить с трансваальцами и все выражали твёрдую уверенность и надежду на русскую помощь. Германия потеряла всякий престиж после последнего визита **Вильгельма** в Лондон и после официального запрещения императора офицерам принимать участие в войне против Англии. Немецкий легион, довольно многочисленный, в несколько тысяч, хорошо организованный и вооружённый, у буров не поль-

зуется никакой симпатией и совершенно в загоне. Никогда его не назначают и он в полном почти бездействии стоит под Ледисмитом, где-то в последней линии. Даже отдельные подвиги – вроде геройской смерти графа **Цеппелина**, не вызывают восторга буров и называются ими бесполезной бравадой; это объясняется тем, что у них своеобразные, но вполне здравые понятия о храбрости.

В город то и дело прибывают транспорты раненых буров, пленных англичан, которых размещают в окрестностях Претории и содержат под строгим надзором; офицеры живут в самом городе и пользуются полным комфортом. Раненые и больные буры распределяются по госпиталям, которых в Претории кажется четыре; один из них, голландский, я посетил и нашёл там русского офицера штабс-капитана **Едрихина**. Он участвовал в последнем неудачном штурме Ледисмита и, не тронутый вражеской пулей, заболел опасной формой простуды. Теперь он поправляется и на днях снова присоединится к своему отряду.

Довольно комично было видеть, как вытянулись лица у некоторых офицеров, когда они узнали, что бурам не нужны их познания из тактики, уставов, самоокапывания и ружейных приёмов. Конечно, перспектива не блестящая, сняв золотые эполеты¹³², надеть патронные сумки, баклагу и встать в ряды простым бойцом, но они забыли то обстоятельство, что не нам, воспитанным в душных стенах военных училищ и казарм, учить народ, где каждый воин по призванию, где каждый обладает инстинктивным чутьём охотника и воина.

О каком-либо жаловании, конечно, никто не заговаривает, хорошо и то, что правительство берёт на себя заботы по экипировке и продовольствию волонтёров.

Более других разочаровался мой соотечественник (подпоручик **Леонид Покровский**), когда последние его надежды попасть куда-нибудь в штаб лопнули точно мыльный пузырь и мне пришлось выслушать град укоризн злому року, по которому он бросил полк, где он был и полковым адъютантом, и командиром учебной команды, а теперь, здесь, даже не при-

няли во внимание, что он прошёл курс в сапёрной команде и умеет строить непроходимые искусственные препятствия. Но большинство волонтёров, между которыми были в числе прочих французские офицеры, потомки старинных аристократических родов, и один австрийский граф с громкой фамилией, отрешились от всяких иллюзий и ждали с нетерпением только момента посадки в поезд.

Евг. Августус¹³³.

Другой российский доброволец, прибывший в Трансвааль позднее, **Владимир Рубанов**, в своей книге воспоминаний отмечал, что 1 января (1900 г.) выехал вместе с инженером **Семёновым** из Петербурга, а 25 февраля они прибыли в Лоренсу-Маркеш:

Вечером 24 февраля по новому стилю наш пароход вошёл в бухту Делагоа, а 25-го мы уже любовались роскошной тропической растительностью Лоренцо.

Немедленно по приезде мы принялись хлопотать о паспортах, чтобы поскорее попасть в Трансвааль. Получение паспортов оказалось очень трудным делом, так как Англия, пользуясь своим огромным влиянием в Португалии, заставила местную власть создать добровольцам на каждом шагу массу преград.

В Лоренцо мы познакомились с одним соотечественником, привезшим за свой счёт из Джибути¹³⁴ 10 черногорцев в качестве волонтёров (**Николаев**). Мы очень скоро сошлись с этим чрезвычайно симпатичным человеком и разделяли с ним все невзгоды.

Прежде всего надлежало обратиться к консулу, но оказалось, что русского консула в Лоренцо нет и его обязанности исполняет консул французский, который говорит только на своём родном языке и более заботится о своих торговых делаах, чем о французах и тем более о русских.

Консул предложил нам подписать бумагу, которая гласила, что мы едем в Трансвааль не ввиду войны, а по своим

личным делам. Бумагу эту мы немедленно подписали; нас попросили прийти в четыре часа для получения заверенных паспортов. Так как получение их было главным препятствием, задерживавшим нас, то мы очень аккуратно, ровно в четыре часа, явились в консульство, где, однако, ничего не получили. Оказалось, что возникло новое препятствие, очень серьёзное; нам заявили, что консул не удовлетворяется подпиской, которую мы дали по его же предложению, и требует от нас клятвенного обещания не вмешиваться в военные дела. Тут же нам дали прочесть следующий, напечатанный на французском языке листок: «Я, такой-то, клянусь, что еду в Трансвааль по своим личным делам, что ни в каком случае не вступлю в войска буров и вообще не буду оказывать им какой бы то ни было помощи». Мы наотрез отказались подписать свои имена под присягой такого рода и стали обдумывать способ попасть в Трансвааль, не проделывая этих отвратительных формальностей и не давая ложных обещаний.

После долгих расспросов мы узнали, что если нам и удастся добраться до границы буров, то там нас всё же не пропустят без трансваальского паспорта. Получить же последний без португальского совершенно невозможно. После двухдневного размышления, мы вынуждены были, скрепя сердце, подписать клятвенный листок, и получив после этого удостоверение от французского консула, начали хлопотать о португальском паспорте. Хлопоты у португальцев заключаются главным образом в том, что проситель должен на каждом шагу раскошеляться. Нужно сказать, что португальцы в этой африканской колонии, принадлежащей им, являются собственно паразитами, живущими за счёт всех национальностей, наводняющих Африку.

Запасвшись всеми предварительными удостоверениями, подписками и прочим, мы пришли в португальское главное управление, где должны были, наконец, получить паспорт, но и здесь нас, как оказалось, ожидало клятвоприношение, обставленное ещё большими церемониями, чем первое. В 12 часов приехал губернатор; мы (нас было около 40 человек) торже-

ственno прошли к нему сквозь шеренгу чиновников и в очень толстой книге подписали наши имена и фамилии под таким же вздором. Все португальские власти прекрасно знали, зачем едут сотни, тысячи людей со всех концов света в Трансвааль, но всё-таки, благодаря требованиям Англии, должны были играть эту грязную комедию.

Итак, клятвы подписаны, португальские паспорта получены!

Мы боялись, что получение последних паспортов (трансваальных) не задержало нас снова, но здесь всё обошлось легко и благополучно. В последней инстанции нас встречали веселее и старались не задерживать пустыми формальностями. Благодаря склонности португальцев но всякого рода поборам, паспорта обошлись нам по 25 рублей с каждого.

Эти хлопоты заставили нас прожить в Лоренцо несколько дней. Была масленица, и мы имели возможность видеть много интересного. Улицы полны народа, бесконечные процесии ряженых сменяют одна другую, разгул полный, – разгул, переходящий в бешенство, которым отличаются подобные празднования почти во всех южных странах. Трудно изобразить те безобразия, которые господствуют в эти дни на улицах. Мне кажется, что русский человек не способен проделать даже в пьяном виде того, что здесь делают совершенно трезвые люди.

Сам город Лоренцо – типичный представитель обычновенных африканских городков, построенных из гофрированного¹³⁵ железа, которое является здесь самым дешёвым строительным материалом. Благодаря вечному лету здесь нет надобности в фундаментальных постройках, да и кирпич, привозимый из Марселя, очень дорог.

За городом по берегу моря тянутся среди роскошной растительности прелестные виллы богачей.

Дороговизна необыкновенная. Мы, например, поселились в самой скверной гостинице и платили за грязную комнату 5 [60 пенсов] шиллингов в сутки, то есть почти 2 рубля 50 копеек. Если кто-нибудь живёт не в семье, то должен или сам

готовить себе пищу, или обедать и завтракать в убогом ресторане-павильоне¹³⁶, что обходится в день по крайней мере в 4 рубля. На все вещи, продаваемые в магазинах, и даже на все предметы первой необходимости цены тоже поразительно высокие.

В Лоренцо очень часто можно встретить земляка-еврея, готового на всякого рода услуги. Эти земляки нередко спасали наших волонтёров от алчности португальских чиновников. Евреев – выходцев если не из России, то из Германии, Испании и Румынии, – вообще очень много в Африке, и особенно в южной её части, где добывается золото. Положение евреев здесь, кажется, сносное, и мне говорили, что они ворочают не только торговыми, но и политическими делами¹³⁷.

О подобных препятствиях со стороны португальских властей говорил и российский доброволец подпоручик **Августус**:

Высоко над морем теснились живописные группы домов, утопавших в зелени. У обрывистого берега расстился рейд, над которым развевались флаги голландских и германских крейсеров; между громадными торговыми кораблями обрисовывалось странное судно с бронированной палубой и закрытыми люками: это была английская миноноска.

Когда мы, уменьшив ход, лавировали между кораблями, на палубу голландского крейсера высыпали бравые матросы в белых куртках. С той и с другой стороны замахали платками, шляпами и загремело долго не умолкающее ура.

Последний раз мы позавтракали на «Жиронде», расстроились с любезным капитаном и офицерами и затем, собрав свои скучные пожитки, отчалили от борта.

В лодке порывом ветра снесло с меня пробковую каску (имеется в виду пробковый тропический шлем. – *Прим. авт.-сост.*); она закружила, заплясала на волнах и, ухваченную быстрым течением, её унесло бы в океан, снова к цветущим берегам Мадагаскара, если бы её не заметили с английскими

го парового катера; молодчина рулевой выудил каску и ловко швырнул её прямо ко мне в лодку. Thank you, my brave! (Спасибо, храбрец!) прокричал я. All right (Да ладно), – ответил англичанин и катер скрылся из виду. Сильно меня смущила любезность расторопного англичанина матроса. И мне придётся убивать этих людей, не причинивших мне ни малейшего зла! – невольно подумал я, нахлобучивая мокрую каску.

Наконец мы вступили на берег: казалось бы, что теперь конец всем нашим невзгодам, но не тут-то было. Прежде всего смуглые португальцы перерыли наш багаж на таможне.

Упомяну о следующем курьёзе: когда наш военный агент полковник (подполковник) **Гурко** распечатал свои сундуки, таможенные чиновники пришли в ужас, увидав мундир и ордена русского офицера, сочли это за военную контрабанду¹³⁸ и немедленно же конфисковали. Сколько полковник ни протестовал, упрямые португальцы настояли на своём и лишь по особому распоряжению губернатора вернули ему багаж.

А с иностранными волонтёрами португальские предржащие власти ещё меньше церемонились. Сколько нам пришлось бегать по всевозможным консульствам, посольствам, канцеляриям и муниципалитетам и так далее. Carramba! (Чёрт подери!) Carracho! (Твою мать!)

Дело в том, что под давлением Англии португальское правительство ставило всевозможные препятствия волонтёрам, которых с каждым рейсом прибывало человек 50–100. На улицах, на бульварах они открыто разгуливали целыми толпами; в гостиницах все номера были заняты «негоциантами» и «туристами» с военной выпрекой; в ресторанах и барах везде и раздавалась громкая самоуверенная речь немцев, прерываемая хохотом французов и гортанным говором голландцев¹³⁹.

Немцы, раскрасневшиеся от тропической жары, тянули усердно пиво, а французы – абсент со льдом.

Представитель Трансваальской республики, он же и консул Нидерландов, возмущал всех волонтёров своим отношением к людям, готовым пожертвовать своей жизнью для чужого народа. Он, представитель этого народа, грубо и резко заявлял всем,

что не намерен давать никаких советов, никаких указаний; за визировку паспортов брал, однако ж, с каждого по 12–15 шиллингов. Впоследствии его, кажется, сменили и назначили другого, более любезного и расторопного агента¹⁴⁰.

Португальские власти открыли новый источник дохода, заставляя волонтёров дорого оплачивать паспорта на право въезда в Преторию. Поезда ходили только раз в сутки и билеты выдавались не иначе как по предъявлению паспорта за подпись губернатора.

Чтобы выполнить все формальности по визировке паспортов, по выдаче удостоверений из местной полиции о нравственности и поведении, нужно было обладать не только тугу набитым кошельком, но и адским здоровьем и ангельским долготерпением. Изнемогая от жары, я бегал по улицам, отыскивая Governo do districto (Окружная управа), всевозможные Kamora (Палаты) и консулов. Голландский консул, он же и трансваальский, несмотря на то, что у меня было к нему письмо от **Лейдса**, не оказал нам ни малейшего содействия, объяснив это тем, что будто за каждым его шагом недрёманым оком следят какие-то **Чемберлены**; тем не менее, секретарь его, тощий паукообразный голландец, не преминул содрать с нас по 10 шиллингов 6 пенсов за визировку паспорта.

Не менее любезно встретил нас и наш консул, пожилой француз; несмотря на то, что он агент французской торговой конторы «Chargeurs reunits» (Объединённые заказы), он отказался разменять нам франки на фунты или рейсы¹⁴¹. Меня выручил еврей из Вильно, который живёт в Лоренсу-Маркеш уже пятнадцатый год, наплодил с дюжину черномазых ребят и праведными трудами нажил себе бамбуковый дом на деревянном фундаменте.

Он один встретил нас с полным сочувствием, нашёл нам номер в гостинице, отказался взять что-либо за размен и только бесконечно удивлялся, зачем это мы едем в Трансвааль на войну. – Ну и что вы себе думаете? – твердил он, мотая своими поседевшими пейсиками¹⁴², – ведь буры вам жалования платить не будут, и убьют вас англичане совсем задаром.

Почтенный купец не ограничивался одним платоническим сочувствием, приглашал к себе в гости, таскал нам ценные корзины душистых бананов, ананасов. Нужно заметить, что в Лоренсу-Маркеше, как впрочем во всех тропических приморских городах, где лихорадочно пульсирует деловая жизнь, баснословная дороговизна: фрукты, спички, папиросы, булки, лимонад – всё оплачивается полновесными шиллингами.

А благодетеля нашего мы лишь с трудом уговорили взять несколько рублей на память.

На другой день удалось окончить все операции по получению паспортов. Сунув почтенному секретарю золотой и получив паспорт, мы, гордо подняв головы, вышли из дверей, над которыми красовалась надпись *E proibida a etrada* (Посторонним вход воспрещён). Завтра на поезд – через два дня нам дадут винтовку, 200 патронов, черногривого коня – и в поход...

На границе, в Коматипорте, где мы впервые увидели вооружённых буров в широкополых шляпах, трансваальские таможенные чиновники без всякого стеснения перерыли багаж пассажиров и конфисковали у некоторых волонтёров оружие, которое тем удалось скрыть от португальских властей.

После всех этих мытарств я нисколько не удивился, когда в Претории вместо оваций со стороны публики у выходов вагонов стали усатые полисмены в белых касках и нас выпускали по одному, тщательно проверяя паспорта.

Под проливным дождём, шлётая по лужам и натыкаясь в темноте на проволочные ограждения, мы с вокзала побрали на мерцающий вдали красный фонарь гостиницы, где запах лука и чеснока нам выдал присутствие бердичевского земляка (намёк на традиционное еврейское кушанье. – *Прим. авт.-сост.*). Хозяин встретил нас радушно, угостил ужином и отвёл лучшие номера.

Долго я прислушивался как крупные дождевые капли барабанили по стеклу. Вдали горели огни вокзала; оттуда доносились стройные звуки народной песни, заглушавшей и шум дождя и завывание ветра.

Det freie volk,
Det freie volk...

Видно, отряд буров отправлялся на границу.

И долго ещё мысль, что скоро я буду ТАМ, где поле битвы роковое гремит, пылает... не давала мне заснуть. В моём воображении сменялись одна за другой фантастические картины будущей боевой жизни, полной опасностей, тревог, приключений¹⁴³.

Автор наиболее полных воспоминаний подпоручик **Евгений Августус** горячо оспаривает мнение некоторых российских врачей, из числа побывавших в Южной Африке в составе санитарных отрядов, по поводу потомков европейских поселенцев:

Непрерывных шесть месяцев я сражался в рядах буров, вместе с ними лежал в окопах, где кровью и мозгами залепляло мне глаза, когда смертоносные осколки поражали рядом лежащих товарищей; вместе мы переносили все лишения и бедствия походной и боевой жизни; они со мной делились последним сухарём, последним глотком воды, и я научился любить и уважать этих суровых и неприветливых с виду, но детски добродушных, беззаботно мужественных и глубоко верующих людей.

А вернувшись из английского плена на родину, мне не раз приходилось слышать отзывы некоторых волонтёров и в особенности докторов Красного Креста, бывших в Трансваале, которые обвиняли буров в неблагодарности и неприветливости к иностранцам и даже в малодушии. Горе побеждённым!

Доктора, например, рассказывали, что буры сами себе наносилиувечья, отрубали пальцы, чтобы иметь возможность удирать из своих команд, поваляться в госпиталях и затем разбрестись по своим фермам. Почтенные эскулапы¹⁴⁴ по нескольким малодушным мерзавцам берутся судить о целом народе. Они забывают о массе тех безвестных героев, которые дни и ночи, под свистом пуль и визгом гранат, прово-

дят в траншеях, томятся голодом и жаждой и умирают от нагноения ран вдали от благоустроенных госпиталей¹⁴⁵.

Многие из добровольцев, и не только из числа военнослужащих, приехавших в Трансвааль, жаловались на всевозможные препятствия и денежные поборы, под разными предлогами вводимыми португальскими властями в Лоренсу-Маркеш, в особенности, крайнее нежелание пропускать жизненно необходимые грузы, в том числе и с медикаментами и лекарствами. Буры же гораздо приветливее относились к прибывающим:

На трансваальской границе нас встретил заранее приенный проводник – бур, который довёз нас до Претории. По дороге он, между прочим, очень решительно заявил, что наши костюмы не пригодны; оказалось, что буры одеваются в цвета, подходящие к цвету камней и травы, чтобы неприятель не мог так легко рассмотреть их¹⁴⁶.

В Претории к нам явился комиссionер, который пригласил в гостиницу, где для нас были приготовлены помещения.

К этому времени война в том виде, в каком она велась раньше, уже прекратилась, и началась партизанская. После взятия Блумфонтейна и Ледисмита, буры стали медленно отступать перед массой английских войск. Нужно удивляться тому, что при столь упорной борьбе, какую бурам постоянно приходилось вести, они так скоро теряют присутствие духа. Достаточно им потерпеть урон в 15–20 человек из тысячи, чтобы они совершенно растерялись.

Сейчас же по приезде мы записались волонтёрами, но я остался на некоторое время в Претории, чтобы присмотреться к местной жизни.

Город, раскинутый на огромном протяжении, состоит из маленьких усадеб, окружённых садами, где рядом с нашей хвоей пышно расцветают олеандры и густые развешистые пальмы. В чисто европейском характере есть только

несколько больших торговых домов, парламент и новое здание суда.

В Претории сразу бросается в глаза присутствие множества иностранцев; на каждом шагу можно встретить немцев, англичан и евреев. Один из распространённых языков – русский; в любом магазине можно найти говорящих на нашем языке. Когда я вышел вечером из гостиницы и спросил первого встречного по-немецки, где главная улица, то он ответил мне вопросом: не русский ли я? Мой собеседник оказался русским евреем, занимавшимся мелкой торговлей. Содержатель гостиницы, в которой мы остановились, был тоже еврей из Ковенской губернии, хорошо нажившийся на богатой стране буров.

Через несколько дней я переехал в пансион и здесь снова нашёл немало земляков.

Ещё в Лоренцо мне назвали в Претории аптеку, где все служащие русские. Действительно, начиная с доктора и кончая аптекарским помощником, все оказались моими соотечественниками. Доктор, окончивший Киевский университет, оказался очень симпатичным человеком и страстным поклонником буров, в противоположность остальному персоналу аптеки. Я постарался как можно ближе сойтись с этим кружком русских, чтобы при их посредстве лучше познакомиться с местными порядками.

Больше всего интересовал меня помощник аптекаря, довольно пожилой типичный еврей. Вся фигура его красноречиво говорила о трудовой, богатой всевозможными приключениями жизни. Он окончил курс либавской гимназии и, находя для себя невозможным пребывание в России, скопил немного денег, отправил свою мать и родных в Америку, а сам отправился в Африку искать счастья, которого, конечно, не нашёл и до сего дня.

Он не только говорит на многих языках, но порядочно знает как русскую, так и западную литературу. До настоящего времени он живо интересуется всеми вопросами современности, и беседа с этим истинно образованным человеком, много видевшим и испытавшим, была для меня

особенно интересной. Он изъездил всю Южную Африку, отлично знает её народонаселение, нравы и обычаи. Однажды, в минуту откровенности, он рассказал мне всё, пережитое им. Это сплошное горе! Чем он только ни занимался, за что только он ни брался, – всегда его преследовала неудача. Как очень честный человек, он пользуется большим уважением среди здешних евреев. Он был на стороне англичан, но я не мог не относиться с величайшим уважением к его мнениям, так как видел, что они безусловно искренни и чужды личных расчётов. По его убеждению, Англия, за воевав Трансвааль, только улучшит во всех отношениях положение страны и народа.

Мой новый знакомый нередко оказывал мне значительные услуги, объясняя всё, чего я не мог понять вследствие слабого знания языков. Мы вместе ходили несколько раз в церковь, вечером всегда переполненную бурами, и он переводил мне с голландского языка на русский те зажигательные речи, которые очень горячо и красноречиво произносил пастор. Одним словом, везде, где я не мог справиться сам, он любезно меня выручал¹⁴⁷.

Как и многие другие невольные свидетели из числа добровольцев **Владимир Рубанов** крайне жёстко отзывался о большей части иностранцев, проживавших до войны в Трансваале, но одновременно подчеркивал неделовитость буров и страшную дороживизну в стране, почти не производившей никаких товаров повседневного спроса:

Кроме русских евреев, загнанных сюда судьбою из далёкой черты оседлости¹⁴⁸, я встречал на каждом шагу в Претории множество иностранцев: англичан, немцев и французов. Я не хочу говорить ничего дурного об иностранцах, но эти европейцы, наводняющие улицы Претории, представляют очень несимпатичный элемент. Это – отбросы европейского общества, отщепенцы, лишённые всяких принципов и духов-

ных интересов, жадные искатели золота, высасывающие из страны всё, что только могут.

Благодаря полному отсутствию предприимчивости у буров, я, например, тщетно искал какого-нибудь лавочника бура, – вся торговля в Трансваале сосредоточена в руках иностранцев и, преимущественно, в руках евреев. Промышленность совершенно неразвита и самые необходимые товары доставляются из Европы. Почти все должности на государственной службе занимают иностранцы, так как буры, не имея высших учебных заведений, принуждены прибегать к их помощи. Вся телеграфная служба исполняется англичанами. Только перед падением Претории буры по необходимости высыпали всех англичан из Трансваала, но при всем том должны были оставить тех, которые исполняли обязанности чиновников – им не нашлось заместителей.

К несчастью для буров, иностранцы не только служат у них, но и представляют настоящих внутренних врагов. Когда началась война, правительство вынуждено было обращаться к поставщикам-иностранцам, преимущественно евреям. О ценах на поставляемые предметы я и говорить не буду; легко себе представить, как наживаются поставщики при существующей общей дороговизне. Мне довелось присутствовать однажды в парламенте, когда комиссия принимала партию сёдел. Что это были за сёдла – трудно себе вообразить; многие из них после трёхдневной езды совершенно разваливались, между тем буры платили за седло по пять фунтов, то есть почти по 50 рублей.

Нас, русских, поражала дороговизна, господствовавшая в Претории; как и во всём Трансваале, особенно дороги предметы первой необходимости. Самой мелкой разменной монетой является здесь монета в три пенса, то есть в 12 копеек. За эти деньги вы можете купить газету и 2–3 коробки спичек. Само собою разумеется, что и труд вознаграждается здесь прекрасно: 10 фунтов, то есть 100 рублей в месяц, считается здесь очень маленькой платой даже за незначительные услуги.

Чтобы рельефнее отметить высоту вознаграждения, приведу несколько примеров: почтовые чиновники и телеграфисты получают от 20 до 50 фунтов в месяц, приказчики в магазинах меньше 15 фунтов не берут. Что касается негров, то минимальная плата для них – 8 шиллингов в неделю, или 16 рублей в месяц. Это чернорабочим, годным лишь для самой простой, не требующей никакой подготовки, работы.

Всякие коммерческие предприятия дают здесь баснословный доход, 30–40% считается очень незначительным. В настоящее время, конечно, торговля приостановилась, благодаря войне и политике англичан, не пропускающих в Трансвааль никаких товаров.

Я уже упомянул об архитектуре трансваальской столицы. К числу выдающихся зданий города нужно отнести здание парламента.

Не вдаваясь в описание его плана, отмечу интересную особенность службы помещающихся в нём отделов, в которых сосредоточено почти всё управление страны.

Все помещения обоих этажей перенумерованы, благодаря чему всё делается здесь очень просто и быстро. Когда перед отъездом в лагерь, нам приходилось получать необходимое, то мы без всяких затруднений проделали все формальности. Нам указали сначала 4-й номер, где мы присягнули, как волонтёры, затем нас попросили пройти в 6-й номер. Там, даже не спрашивая ни о чём, нам вручили конверты с какими-то бумажками, по которым мы получили всё, что нужно было, в указанном магазине. Всё чрезвычайно просто и спокойно. Здесь же в парламенте волонтёры оставляют свои вещи и получают на руки сёдла, узечки и прочее.

Утром в парламент приезжает **Крюгер**, сопровождаемый почётным конвоем. С президентом все общаются совершенно просто, как с обыкновенным смертным. Вообще я никогда не замечал у буров преклонения перед лицами, занимающими видное общественное положение; везде проявляется стремление к равенству и простоте¹⁴⁹.

Другой источник, как и многие очевидцы, особо разъяснял, что развитие горнодобывающей промышленности мало отразилось на фермерах – потомках европейских поселенцев:

Переворот в экономической жизни, расцвет промышленности, торговли и прилив нежданного богатства мало отразились на условиях быта бурских фермеров, единственным занятием которых оставалось по-прежнему скотоводство и земледелие. Как природные консерваторы в жизни, в политике и религии, они не любят рискованных предприятий, медлительны и непрятязательны в своём домашнем обиходе¹⁵⁰.

Евгений Августус не менее подробно говорил и о своих первых впечатлениях за время короткого пребывания в Претории:

На другой день, едва солнце загорелось над горами, увенчанными рядом фортов, я уже был на ногах, позавтракал и прошёлся по городу, полной грудью вдыхая свежий утренний воздух.

Далеко, далеко за пределами Трансвааля гремят пушки и льётся кровь, но и здесь уже, в Претории, чувствуется тлетворное влияние войны.

Главные улицы города, где раньше кипела жизнь и деятельность, где возвышаются здания банков, испещрённых раззолочёными вывесками торговых контор и крупных магазинов, теперь поражают своим пустынным видом. Витрины и двери магазинов заколочены, конторы больше не открываются, и вместо изящных колясок коммерсантов по улицам грохочут двухколёсные повозки **кафров** и медленно скрипят фургоны фермеров, запряжённых десятью–двенадцатью парами круглогорых быков¹⁵¹. Продажа спиртных напитков совершенно прекращена, а остальная торговля теперь сосредоточена в нескольких немецких и американских магазинах, где цены на все товары достигают неслыханных размеров¹⁵².

Тишиной и миром веет от других улиц Претории: среди густой зелени магнолий и апельсиновых деревьев видны узорные балконы и фронтоны изящных вилл или красные крыши одноэтажных домиков, окружённых цветниками, где на фоне тёмно-зелёных олеандров и *thuja orientalis*¹⁵³ пестрят красные и белые цветки пеларгоний. Обширные фруктовые сады, невозделанные пустыри между кварталами домов – всё это скорее напоминает деревню, чем столицу, если бы переплетающаяся по всем направлениям над головой сеть телефонных проводов не нарушала иллюзии.

К 12 часам дня я был в здании парламента, где сосредоточены правительственные учреждения. У монументального подъезда по обширным коридорам и лестницам везде толкались волонтёры: некоторые из них уже надели вместо тропических дорожных касок широкополые бурские шляпы, украшенные четырёхцветной трансваальской ленточкой¹⁵⁴ и имели через плечо патронные сумки¹⁵⁵.

Поспешил и я оформить своё желание поступить волонтёром в ряды доблестных буров. Процедура, в сущности, очень простая: никакого порядка, никакой системы: кто хотел, являлся статс-секретарю **Рейцу**, почтенному, любезному старику, кто не хотел дожидаться своей очереди в приёмной, направлялся прямо в Departament van de Commandant-General (Управление верховного командующего), где¹⁵⁶ господин **Souza**, брюнет португальского типа, исполнявший роль военного министра, приводил волонтёров к присяге, а секретари его готовили ордеры на получение лошадей, платья, предметов снаряжения и паспорта для отправления в тот или иной отряд¹⁵⁷. Торопливым, прерывающимся голосом прочёл он нам на голландском языке формулу клятвенного обещания защищать независимость республики и слушаться поставленных над нами начальников.

«Zoo waarlijk helpe mij God» (Воистину, да поможет мне Бог) – проговорили мы вслед за ним заключительные слова присяги и затем расписались в большой шнуровой книге. Несмотря на сутолоку, несмотря на то, что тут же за другим столом

суетились и кричали секретари, на лицах волонтёров можно было уловить сознание торжественности этой минуты. Мне вспомнился тёплый майский день, тихий шелест истлевшего в боях полкового знамени и гул сотни голосов, повторяющих слова священника: холода и голод... все нужды солдатские... не щадя живота своего... как расторопному... храброму воину надлежит...

Тут же в одной из комнат министерства валялись винтовки, большей частью старой однозарядной системы **Генри-Мартини** без штыков, патроны, сёдла, уздечки, стремена¹⁵⁸. Столоика была ужасная: чиновники и сам **Souza**, не понимая другого языка, кроме голландского и английского, приходили в отчаянье, искали переводчиков и объясняли недовольным волонтёрам, что **маузеровских** винтовок уже больше нет, что старые сёдла и уздечки выдаются за неимением новых, запасы которых истощились¹⁵⁹. Впрочем, некоторые неугомонные немцы добились ордеров на получение из частных магазинов нужных им вещей, винтовки было им обещано тоже заменить¹⁶⁰.

Я сообразил, что в дороге мне ни скорострельная винтовка, ни новое седло не понадобятся, а на поле сражения сумею добыть и то и другое, а потому удалился из департамента, уговорив и товарищей успокоиться. Сёдла у них были не особенно важные, старые английские, зато вооружены они были лучше других карабинами **Маузера**. Ещё оставалось получить лошадей, а мне нужно было ещё и платье, так как у меня всё украли в Лоренсу-Маркеше и я приехал с одной грамматикой голландского языка в кармане¹⁶¹.

Оказалось, что по счёту в гостинице уплачивает казна и что выбор части и срок отъезда зависит вполне от нас. Подобная деликатность правительства однако ж приводила лишь к тому, что в первоклассных гостиницах проживали по целым месяцам господа волонтёры «формирующие отряды», но на самом деле, предпочитавшие сидеть за табльдотом¹⁶², вместо того, чтобы в чистом поле подвергать свою драгоценную жизнь опасности.

Французский лейтенант Галипо (Галлоно)

Имел я честь познакомиться, между прочим, с лейтенантом chasseurs d'Afrique (французских африканских стрелков), который, пребывая всё больше в залах Grande Hotel, обстоятельно и подробно описывал своё участие в кровопролитных боях на Тугеле и под Колензо в корреспонденциях для одной парижской газеты. Но этот господин хоть изредка приезжал на фронт и «обозревал тактическое положение сторон», а были ещё такие джентльмены, которые гремя шпорами, являлись по несколько раз в Departament van de Commandant-General, изменяя каждый раз только причёску, и требовали лошадей, оружия и припасов для себя и для пяти товарищей, неизменно получали всё это и затем устраивали негласные аукционы при благосклонном содействии сынов Израиля¹⁶³.

Раздолье было разным авантюристам и проходимцам, эксплуатирующим доверие правительства; только бы не зевать, а крюгеровские соверены так и носились в воздухе.

Путаясь по коридорам парламента между волонтёрами, краснощёкими артиллеристами в расшитых мундирах и французских кепи, лысыми членами фольксраада, поставщиками евреями, ведущими оживлённые разговоры с чиновниками, я вдруг услышал шёпот: смотрите, вон президент! Дайте дорогу! Президент, этот патриарх, проповедник и вождь своего народа, прошёл мимо старческой походкой с поникшей головой, как бы не замечая всей этой толпы. Его сопровождало несколько неизвестных мне лиц. Сколько должно быть духовной моцки, какое непоколебимое сознание в правоте своего дела, какая глубокая вера, что не в силе Бог, а в правде у этого старца, поднявшего народ свой на борьбу с грозной владычицей морей!

Из числа сопровождавших его лиц мне указали на высокого плотного мужчину с неспокойным бегающим взглядом. Это старший сын его, начальник тайной полиции. Меня немного покоробило – патриархальная республика и вдруг первенец седовласого президента играет роль **Горона**.

Тогда же мне удалось увидеть героя 15 декабря (1899 г.) Vecht-General **Botha** (боевого генерала **Бота**): выше средне-

го роста, краснощёкий, с умными быстрыми глазами, громкой речью, самоуверенными движениями, он заметно выделяется из среды малоподвижных, флегматичных буров и, по-видимому, пользуется у них не только популярностью, но и авторитетом.

На следующий день я получил лошадей для себя и для товарищей, невидных, но крепких и выносливых, с тавром Z.A.R. (Zuid-Afrikaansche Republiek) (Южно-Африканская Республика); получил по непроницаемому плащу, по одеялу, пару перемётных холщовых сум, баклагу¹⁶⁴ для воды, 120 патронов и прочее. Оставалось получить паспорт на проезд по железной дороге, запастись табаком, трубкой и отправиться в путь-дороженьку.

После зрелого размышления я решил присоединиться к бурам, действовавшим на Тугеле против армии **Буллера**. Другие волонтёры, не торопившиеся, впрочем, с отъездом, собирались в свои отряды, стоявшие под Ледисмитом, под Колесбергом и Кимберлеем. Со мною выражали желание поехать трое русских и один немец, спутники мои по пароходу.

Мои товарищи лихие, прапорщик¹⁶⁵ запаса **Диатроп-тov**, приехавший «поучиться, как люди умирают за свободу», и поручик **Никитин**, захвативший с собой все боевые наставления и инструкции для пехоты, послали на родину прощальные письма с последней оказией и вечером того же дня мы были на вокзале, нагрузили лошадей, задали им корму и в ожидании отхода поезда докуривали последние папиросы.

Наконец пришёл и третий наш товарищ, некий **P.**¹⁶⁶ легкомысленный, но симпатичный юноша в сопровождении своей дамы сердца, приехавшей с ним из России. Заплаканные глазки её говорили красноречивее всякой прокламации о той жертве, которую она приносит на алтарь своего нового отечества, расставаясь со своим возлюбленным, быть может, на всегда. Она уже надела косынку и повязку Красного Креста, что между прочим, очень шло к ней, но на самом деле, она не поступила ни в русский Красный Крест, где врачи тайно по-

ней вздыхали, а сёстры милосердия немилосердно осуждали её безнравственное поведение, ни в голландский, где на каждого раненого или больного и без того приходилось чуть ли не по пяти облегчительниц страданий.

На вокзале же с нами познакомились несколько интеллигентных, хорошо говорящих по-русски евреев. Они искренне обрадовались, узнав в нас своих бывших соотечественников, и пожелали нам вернуться победителями. Когда мы сели в вагон, на наших сидениях оказались корзины сочных персиков, бананов и апельсинов и несколько ящиков тонких сигар¹⁶⁷.

Поезд тронулся. Я вышел на платформу и мимо меня проносились в фантастической пляске искры паровоза, то ярко вспыхивая, то потухая и пропадая в неприглядном мраке тёмной ночи¹⁶⁸. А над спящей землёй горело созвездие Южного Креста в недосягаемой высоте и неподвижное сияние... Тут я вскрикнул от боли: в глаз мне попал раскалённый уголек и я должен был вернуться в купе, чтобы удалить эту гадость, превратившую мои возвышенные размышления¹⁶⁹.

На станциях мне бросилась в глаза масса вооружённых буров, едущих из-под Ледисмита и других мест домой в отпуск. Все они были радостно настроены, смеялись, ликовали, только неизвестно по поводу ли новых побед над англичанами или по поводу того, что им удалось вырваться в двухнедельный отпуск.

У станционных комиссаров мы получали для лошадей снопы овса, а для себя мягкий пшеничный хлеб, круглые жестяные банки с варёным мясом в консервах kornedbeef и сардинки, так что продовольствием в дороге были совершенно обеспечены¹⁷⁰. Вообще комиссарская часть, составляющая слабую сторону во многих регулярных армиях, у буров поставлена замечательно хорошо и, как мне пришлось впоследствии убедиться, гораздо лучше, чем у англичан¹⁷¹.

По мере приближения к границе Наталя, к Драконовым горам, местность принимала всё больше живописный и временам даже дикий характер. Отвесные стены уходящих в голубую высь каменных громад то подступают к самому по-

лотну железной дороги, то исчезают после крутого поворота, открывая вид на обширную долину, в яркой зелени которой сверкает серебристая горная речка. Глубоко под нами виднеются, точно игрушечные, круглые **кафские** хижины. Поезд еле ползёт, взираясь смелыми закруглениями на гору, чтобы в следующую минуту с головокружительной, дух захватывающей быстротой ринуться вниз. Кажется вот-вот колёса сорвутся с рельс, вагоны понесутся в пропасть и... Но всё благополучно: тяжело переводя дух и постепенно замедляя ход, паровоз подкатывает нас к станции Prospect, откуда открывается чудный вид на уходящую за облака раздвоенную вершину Majuba¹⁷². Маюба-Хил (холм Маюба), Амаджуба, – сколько с этим именем связано воспоминаний у буров и у англичан. Здесь, в достопамятном для Трансваля 1881 г., на рассвете 27 февраля 80 буров перебили, точно охотясь за ширингбоками (косулями), 600 англичан под начальством сэра **Коллея**, захватив и его на мушку. С тех пор имя Маюбы вызывает у каждого бура воспоминания о славном прошлом, о славной победе над вековым врагом. Это же имя вызывает у англичанина жажду мести, жажду кровавой расплаты за день позора и унижения английского оружия: *Amajuba, son of a bitch!* (Амаджуба, сукины дети!) – кричали лансеры под Эландслаагтом, атакуя захваченных врасплох буров. Тот же грозный крик раздавался при атаке Спионскопа и будет он греметь до тех пор, пока не прояснятся седые туманы на вершине и Маюба-Хил не увидит или новый позор англичан, или окончательную победу родного народа.

Мои размышления были прерваны тонким голоском легкомысленного, но милого **Риперта**, обольстителя женских сердец: «Нельзя ли будет найти на станции виски или джину? Что-то в горле совсем пересохло!»¹⁷³

Любопытны и оставленные российским офицером описания частично захваченного африканерами Наталя:

Перевалив Маюбу, мы очутились уже в Натале, на английской территории, занятой победоносными полчищами буров. Мимо окна вагона проносились покинутые жителями фермы, брошенные владельцами угольные шахты; уныло чернели высокие дымовые трубы среди развалин обугленных стен; живописный, довольно большой городок Ньюкасл казался совершенно вымершим. Всё кругом носит на себе следы безжалостного, бессмысленного разрушения – и эти развалины, эти груды мусора и кирпичей, это удручающее безмолвие пустынных улиц и площадей напоминают мрачные эпохи средних веков, когда войны носили характер дикой народной вражды, когда считалось недостаточным разгромить врага в чистом поле и всякая победа сопровождалась грабежом, разрушением и насилием над мирными безоружными жителями.

Неужели и теперь ещё, в наши дни, в наш век цивилизации и прогресса, жив этот демон вражды и взаимной ненависти народов, неужели и теперь ещё всякая современная война повлечёт за собой проявление расовой борьбы?

Но английские пленные, которых мне впервые удалось увидеть на вокзале в Гленко, не задавались этими вопросами; они оживлённо беседовали со столпившимися вокруг них бурами, громко хохотали; видно, что они были вполне довольны своей судьбой и главное – достоинствами виски, которым угощал их великолушно какой-то господин в форменной фуражке.

Меня заинтересовали эти молодцы, одетые в красные мундиры¹⁷⁴, в такие же шаровары¹⁷⁵, и обутые в башмаки, сверх которых вплоть до колена была намотана спиральной лентой красная же повязка; на медной пряжке поясного ремня из белой лосины¹⁷⁶ красовался краткий, но многозначительный девиз древних норманнов: *Dieu et mon droit* (Бог и моё право).

Право не разберешь, и **Крюгер** заявил, что Бог будет управлять траекторией пуль, и War office (Министерство обороны Великобритании) украшает именем Бога медную пряжку поясного ремня английских солдат.

Подойдя ближе к пленным, я обратился к одному из них с вопросом: *What is the name of your regiment, my brave?* (Какого

полка будешь, храбрец?) исчерпав этим почти всё своё знание английского языка.

Му brave (храбрец), курносый малый с подслеповатыми глазками – точь-в-точь наш какой-нибудь Мирдюхин 7-й роты, отрапортовал: Royal Dublin Fusiliers (Королевские дублинские стрелки) и показал на шляпу рыжего бура конвойного. На шляпе оказались пришпиленными медные буквы R.D.F., снятые с погона англичанина как военный трофей.

Tobacco please, sir (Пожалуйста, угостите табаком, сэр), пропищал затем бедный soldier (солдат) и я, пожертвовав ему одну из последних остававшихся у меня сигар, стал в уме подбирать слова и фразы, чтобы продолжать разговор, помня, что устав рекомендует расспросы пленных и местных жителей, как одно из средств разведывания о противнике, а не нынче-завтра придётся иметь с этим противником дело.

Но старший конвойный с зонтиком в руке и Маузером за спиной заревел: Turug kerls (Крутые ребята), замахал грозно и нас отделили от пленных; их рассадили по вагонам и поезд тронулся дальше в Преторию. Снова меня поразила масса отпускных буров: пассажирские вагоны 1 и 2 классов были битком набиты бюргерами, с загорелыми, бородатыми физионимиами. Они высовывались из окон, толкались на платформах и размахивали шляпами, что-то такое кричали нам вслед.

Наш же поезд, несмотря на то, что осталось всего нескользко станций до Моддер-Спруйта, где начинается железнодорожное сообщение, заночевал в Гленко, и нам volens nolens (волей-неволей) пришлось устраиваться в пяттером в тесном купе, чтобы как-нибудь провести ночь.

Комфортабельнее всех расположился мой товарищ Диатроптов; у него оказались и ватные одеяла, и тёплый плед¹⁷⁷, и пуховая подушка с белоснежной наволочкой, по углам которой разноцветными шелками были вышиты какие-то арабески и загадочные инициалы.

– Это мне преподнесли в день отъезда N-ские дамы, – не без некоторой гордости заявил владелец, – вот герб Трансваала, вот двустишие:

Ни **дум-дум**, ни лиддит
 Никого не сразит,
 Кто здесь сладко спит.

– А вот в углу вышиты готическими буквами Fraternite (Свобода), Egalite (Равенство), а сверху славянскими – Братство. Они, видите ли, не знали, как по-французски это третье слово. Очень мило, не правда ли? Я буду беречь эту подушечку как дорогую память, как талисман.

– Неужели вы думаете брать её с собой даже на позицию?

– Конечно, посмотрите вот же у буров, которые едут с нами в одном поезде, сколько всякого имущества – и посуда, и матрацы, и клетки с курицами.

– У них фургоны на платформах, у них заводные лошади, у них, наконец, своеобразные понятия о походном довольствии и снаряжении.

Мы долго бы ещё стали рассуждать по поводу подушки, походного снаряжения, но дверь нашего купе отворилась и к нам ввалился высокий старый бур с неизменной трубкой в беззубом рту. Не говоря ни слова он расположился на сидении **Диатроптова**, подложив под себя его пуховую подушку, и вскоре заснул сном праведника. Подобная бесцеремонность этого старца, носившего на себе в двух патронных перевязях двести патронов, да в особо устроенных гнездах плисового¹⁷⁸ жилета ещё сто двадцать, несколько возмутила нас. А хозяин подушки примостился на сундучке и поспешил заявить, что никаких претензий не имеет.

– Я решил даже пожертвовать, если потребуется, своей жизнью за этот народ, защищающий свою свободу, отчего же мне не уступить своей подушки этому почтенному старцу, который один несёт на себе целый патронный ящик, а у нас с вами всего по пятидесяти патронов!

– В наших патронных ящиках больше, – забормотал сквозь сон поручик **Никитин**, – согласно приказа по военно-му ведомству от 1891 г. за №...

– А что, если бы ваши дамы, собственноручно вышившие

этую подушку, знали, что на ней покоится старый бур в засаленных рейтузах?

— У нас в Н-ске его бы на руках носили, как защитника независимой республики. Наконец, собственность — это воровство, — горячо возразил **Диатроптов**¹⁷⁹.

Для пехотного армейского офицера, каким был **Евгений Августус**, длительная езда на лошади натощак, при полном боевом снаряжении, после двухдневной томительной поездки к фронту на поезде, являлось делом крайне непростым, тем более что сказывался непривычный климат и приходилось пересёдливать лошадь:

Утром следующего дня, чуть только первые лучи солнца показались из-за гор, мы были уже на ногах, напоили лошадей, наскребли разбросанную около вокзала солому и дали им корму. Наши же припасы, хлеб и консервы ещё накануне кончились и мы задымили трубки, утешая себя надеждой, что скоро будем у цели нашего путешествия и что в каком-нибудь лагере буров мы утолим как следует свой голод.

Часа через 2 мы были на станции Моддер-Спруйт, в нескольких милях от осаждённого Ледисмита. Станционных зданий почти не видно из-за массы нагромождённых ящиков, бочек и мешков с мукою, рисом, солью и другими продуктами. Беспрестанно подъезжают один за другим громоздкие фургоны, величиной в товарный вагон; в воздухе стон стонит от рёва упряженных мулов и волов, от хриплого крика чёрных погонщиков, пощёлкивающих длинными бичами. Рабочие **кафры** перетаскивали на себе с изумительной ловкостью громадные тюки фуражка, мешки с продуктами и нагружали их на подводы¹⁸⁰, между тем как буры стояли в стороне и невозмутимо дымили свои трубки.

Мы общими усилиями вывели из вагонов своих лошадей, измученных двухдневным путешествием в вагоне, от-

вели их подальше и, завладев первым попавшимся мешком с кукурузой, засыпали им корму. С завистью мы поглядывали на группу буров, сидящих вокруг костра и попивающих чёрный кофе из больших кружек, между тем как мальчишка-кафр в английской солдатской куртке поджаривал на сковороде сочные куски мяса с луком. Мучимый голодом, я решительно подошёл к почтенному с виду буру в больших синих консервах (очках), объяснил ему, путая немецкие, английские и голландские слова, что мы только что приехали, другой день ничего не ели и просим их прежде всего указать, где можно получить нам что-либо закусить, а затем, как нам найти генерала **Жубера**.

Бур, не оставляя своей чашки, махнул неопределённо рукой на груду мешков, а затем в противоположную сторону: Daar is komisaar, daar is de Hooflager! (Там комиссар, там же, где и главный лагерь!) Толку мало, и мы решили, чтобы не тратить даром времени, оседлать лошадей и двинуться в путь; лагерь был, очевидно недалеко, в бинокль можно было видеть белеющие по скатам гор группы палаток; да и лучше было ехать утром, так как день обещал быть жарким.

С большим усилием мне удалось взнуздать и оседлать лошадь и приторочить к седлу скатанное пальто, перемётные сумы, разные мешочки и баклагу. Служив всё время в пехотном полку, я был совершенно неподготовлен к моей новой роли кавалериста-партизана, и со страхом и трепетом вскарабкался на моего буцефала^{181, 182}.

Мой боевой товарищ во времена этих манипуляций стоял смирно, уныло понурив голову, как будто почувствовал, что его оседлал пехотинец.

Точно живая собака на заборе сидит! – вспомнил я изречение знаменитого **Дорохова** в романе «Война и Мир».

Но делать было нечего; скрепя сердце, я заработал руками и ногами, чтобы сдвинуться с места, и догнал товарищей, гарцевавших¹⁸⁴ уже вдали в облаках красноватой пыли.

Правой рукой я держал повода уздечки, а левой – то судорожно хватался за луку¹⁸⁵ седла, то за приклад винтовки, не-

милосердно колотившей меня затвором по спине. А конь мой всё шагал, мотая головой, и по временам переходя самовольно в галоп. О, искренне я тогда раскаивался в своих грехах молодости, в своём безнравственном поведении в полку, помешавшем мне заслужить благоволение начальства и аксельбанты¹⁸⁶ батальонного адъютанта! Тогда бы я усвоил хоть до некоторой степени искусство верховой езды!

Кое-как мне удалось нагнать товарищей, которые авторитетным тоном присяжных гусар указали, как нужно держать повод не ослабляя и не натягивая его, много говорили о шенкелях¹⁸⁷, аллюрах¹⁸⁸ и поворотах на твёрдой и подвижной оси. Но всё это было не то.

Во время одной из остановок нас догнала партия конных буров: хут моэн, хут моэн! (Доброе утро! Искажённое африкаанс – диалект голландского. – Прим. авт.-сост.) – поздоровались они с нами, оглядывая нас с некоторым любопытством. Один из них, невольный свидетель моей вольтижировки¹⁸⁹, молодой бур с открытым симпатичным лицом, отделился от партии, подъехал ко мне и не говоря ни слова, переседал мне лошадь, перетянул стремена и исправил ремень винтовки. All right (Готово), проговорил он и узнав, что мы едем к **Жуберу**, указал на невысокий пригород, за которым расположен так называемый Hooflaager (Главный лагерь), штаб главнокомандующего войсками Федеративных Республик.

Жара стояла нестерпимая; пот струился градом и, смешиваясь с едкой пылью¹⁹⁰, покрыл наши лица слоем жидкой грязи; из наших баклаг мы высосали всю воду до последней капли, в горле пересохло; а далеко кругом ни деревца, ни кустика, под которым можно было бы отдохнуть. укрывшись от жгучих лучей полуденного солнца.

Местами мы переезжали каменистые ложбины засохших ручейков, попадались и лужи мутной зелёной воды.

В нескольких шагах от дороги валяются безобразно раздувшиеся трупы лошадей и быков, над которыми носятся цепкие тучи больших жирных мух.

Вот и крупные африканские коршуны; острый клюв и белые перья длинной шеи изгажены кровью и внутренностями. Услышав звонкий стук копыт, они медленно расправляют свои могучие крылья и тяжёлыми взмахами взлетают в безоблачную боевую высь, чтобы оттуда высмотреть новую добычу.

Нестерпимая вонь всё чаще попадающейся падали далеко кругом заражает воздух, и мы усиленно затягиваемся крепким трансваальским табаком. Но дым, хотя заглушает до некоторой степени зловоние, не спасает нас от назойливых мух, которые жужжат вокруг лица, садятся на шляпу, на платье и ни минуты не дают покоя.

Точно раскаты далёкого грома раздались и постепенно замерли в воздухе звуки орудийного выстрела. Вот оно! Болезненно сжалось сердце, как бы предчувствуя, что там, за горами, за этой тёмной синей далью происходит что-то ужасное; может быть теперь, там, в траншеях, уже корчатся в предсмертных судорогах люди, искалеченные смертоносными осколками, и последние отголоски выстрела заглушаются стонами и воплями. Ещё выстрел, другой, третий!

Неизъяснимое чувство охватило всего меня; сознание, что наконец я буду лицом к лицу с этим грозным неизведанным ещё явлением войны, заставило забыть и голод, и жажду, и усталость после двухдневного путешествия в вагоне, и я поскакал вперёд, точно увлечённый какой-то неведомой роковой силой. Перед нами возвышались столообразные массивы гор, за которыми окопались войска **Вайта**, создавшего из Ледисмита новую¹⁹¹ Плевну¹⁹².

В стороне от дороги, в долине, по которой извивалась небольшая речка, белели палатки. Мы приехали¹⁹³.

Буры зачастую недружелюбно относились к иностранцам, поскольку те, как правило, не слишком стремились на передовую:

Нужно сказать, что присутствие иностранцев-волонтёров не принесло бурам той пользы, какой от них можно было ожи-

дать. Буры нисколько им не доверяли и смотрели на них, как на людей, приехавших к ним учиться¹⁹⁴.

Российская сестра милосердия **Ольга фон Баумгартен** приводила свидетельство непосредственно го очевидца об одном из весьма прискорбных для авторитета иностранных добровольцев случае, подтверждавшим, что среди зарубежных волонтёров хватало нечистых на руку лиц:

К вечеру мы немного развеялись с приездом командира-волонтёра черногорского лагеря (**Николаев**). За ужином он увлёк нас живыми рассказами из боевой жизни англо-бурской войны и коснулся нравов в массе наехавших в Трансвааль волонтёров. Это большей частью авантюристы, искатели лёгкой наживы, в лучшем случае. Вообразите себе, – говорил он, заливаясь громким и весёлым смехом, – явился такой молодчик к статс-секретарю **Рейцу** и требует денег. Всё имущество, что он будто бы вёз с собой, у него выкради и остался он ни с чем, а потому дело трансваальского правительства возместить его потери. Для большей убедительности он показал свой разрезанный чемодан, из которого вынуты были его драгоценности.

Рейц справился на «**Жиронде**», с которой прибыл пострадавший волонтёр. И что же? Ничего подробного – самый настырный обман¹⁹⁵.

Российские добровольцы невольно удивлялись простоте взаимоотношений не только рядовых африканеров, но и их руководителей, и встречаясь с соотечественниками из других отрядов убеждались, что абсолютное большинство зарубежных волонтёров в действительности были никудышными бойцами:

Мы приехали, как выяснилось впоследствии, в лагерь Преторийской команды (Pretoria-District); здесь же находилась и главная квартира **Жубера**.

Чернорабочие негры в английском лагере

Палатки и шатры самой разнообразной формы и величины были раскинуты по склону небольших гор, окаймляющих долину извилистой речки. В промежутках между палатками возвышались громоздкие фургоны с крытым верхом; под брезентовыми навесами хранились пирамиды мешков с кукурузой, сухарями: повсюду валялись внутренности битого скота, пустые коробки из-под консервов.

Время было послеобеденное; **кафры** сидели на корточках вокруг тлеющих костров, облизывая сковороды и котлы, в которых готовилась пища их господ. Из-под палаток на нас безуспешно поглядывали сонные лица загорелых бородатых буров.

Не скоро нам удалось добиться толку и узнать местонахождение палатки **Жубера**; наконец мы на площадке в середине лагеря увидели большой зелёный шатёр, увенчанные четырёхцветным флагом республики. В палатке за столом, заваленным бумагами, сидел Generaal-Komandant – главнокомандующий союзными армиями Трансваальской и Оранжевой Республики **Piet Joubert** (Пит Жубер). Он был один.

Мы всё впятером вошли в палатку, и я не без некоторого волнения повёл заранее обдуманную речь, что мы только

что приехали, просимся в один из отрядов на Тугелу и вообще рады стараться.

Жубер приподнял голову, отодвинул бумаги и, сняв очки, обвёл нас пристальным взглядом. Он пожелал узнать, откуда мы приехали и почему мы не желаем оставаться под Ледисмитом.

Мы ответили, что блокада не представляет для нас ничего интересного, а после неудачной попытки 6 января, буры навряд ли решатся на новый штурм. *Jammer om de manshaaf-ten!* (жалко людей!), англичане и так сдадутся, – был ответ **Жубера**. Пока он писал нам письмо к генералу **Лукасу Мейеру**, я успел разглядеть обстановку палатки, служащей вероятно, для собирания *Krigsraata'a* (военного совета).

Телефон, прикреплённый к среднему устою, десяток венских¹⁹⁶ стульев и большой стол, на котором в беспорядке валялись бумаги – вот и вся меблировка. Между бумагами я успел разглядеть синий план Наталя в крупном масштабе, исписанные карандашом бумажки с донесениями фельдкорнетов, экземпляры английской газеты «Cape Times» и издающийся в Претории «Volkstem».

Вручив записку и протянув всем руку, **Жубер** проговорил: All toom besten! (всего хорошего!). Аудиенция была окончена.

– Ну уж и Главный штаб армии! – ворчал **Никитин**. – Ни адъютантов, ни ординарцев! Какая спартанская простота, – восхищался **Диатроптов**.

Мы стали искать своих лошадей, но тут подошёл к нам какой-то господин в очках и английской жёлтой куртке и объяснил, что он распорядился расседлать их и пустить на траву. Он отрекомендовался бывшим поручиком прусской службы: мы с удовольствием приняли его любезное приглашение и последовали за ним в палатку, где оказались ещё человек шесть волонтёров. Гостеприимные, уже побывавшие в боях, хозяева наши с полным сочувствием отнеслись к нашему плану поступить именно в один из отрядов под Колензо, накормили, напоили нас, а один из них даже вызвался проводить нас до Ломбардскопа¹⁹⁷.

Трудно было узнать прежнего premier-leutenaat'a (лейтенанта), затянутого в рюмочку, в этом волонте в изношенной

куртке с загорелым лицом, обросшим щетинистой бородой. Лейтенант и товарищ его, артиллерийский капитан, одобрили моё решение относительно выбора отряда. В иностранных отрядах вечные ссоры, интриги и недоразумения; начальники, выбираемые самими волонтёрами по большинству голосов, на самом деле не имеют никакого авторитета; немецкий отряд, самый многочисленный, совершенно дискредитирован у буров, а итальянские и французские под предлогом производства никому не нужных рекогносцировок, в сущности, занимаются только мародёрством.

Я ему передал наш разговор с **Жубером**.

– Jammer om de manshaften! (жалко людей) – это основа его тактики, впрочем, вполне рациональной, как вы сами увидите потом. Принцип сбережения людей, при условии нанесения наибольшего поражения противника, у буров разработан замечательно. Не вздумайте только бравировать, когда будете под огнём; у буров всякое ненужное молодечество считается безрассудством и вызывает лишь смех.

Оказалось, нам часов шесть езды до Тугелы, и что мы сегодня ещё до вечера можем проехать в лагерь немецкого отряда, где мы найдем соотечественника, русского офицера **Шульженко**. Лагерь этот к юго-востоку от Plant-randa и оттуда всего три часа езды до штаба **Мейера**. Два немца вызвались быть нашими проводниками. Мы согласились, оседлали коней и, распростиавшись с гостеприимными хозяевами, тронулись в путь.

Один из новых наших спутников преподал мне необходимые правила верховой езды, особенности в управлении бурских лошадей, выносливых и крепких базуто-пони, исправил мне на привале пригонку притороченных к седлу баклаги и перемётных сум и оказался весёлым остроумным собеседником.

– Вы будете на передовых позициях, носом к носу с каки (хаки – имеются в виду английские солдаты. – *Прим. авт.-сост.*), не вздумайте скучать, если в начале не будет серьёзных дел. Помните, что на войне, прежде всего – терпение и исправное пищеварение.

Мы выступили с таким расчётом, чтобы переночевать в лагере немецкого отряда.

Невольно вспоминались полу забытые страницы романов **Майн Рида**¹⁹⁸ из жизни первых поселенцев края. Вот они – колючие кустарники южноафриканского boosh'a (буша), мимозы с мелкими перистыми листьями и острыми колючками. Копыта лошадей то звонко стучали по наслоениям затвердевшей красной глины¹⁹⁹, лишённой всякой растительности, то увязали в мягком ковре ярко-зелёной травы, испещрённой красными и белыми цветками Geranium'a²⁰⁰.

Из-под ног лошадей взлетали, хлопая крыльями и испуская пронзительные крики, степные куропатки и ещё какая-то длиннохвостая птица с блестевшим на солнце оперением. Изредка показывался на пригорках изящный силуэт ши-рингбока и вслед за тем, испуганный топотом, несколькими прыжками скрывался в чаще раскидистых мимоз. Но теперь уж не встречаются прежние многочисленные стада жираф и антилоп; далёкие равнины уже не оглашаются могучим рёвом царя зверей или протяжным воем шакалов. Упорным полувековым трудом человек завоевал этот край; на склонах гор, по берегам рек виднеются распаханные поля, необъятные пастища обнесены изгородями из колючей²⁰¹ проволоки²⁰², вокруг ферм разрослись вывезенные из Европы тополя и фруктовые деревья. Но теперь угрюмо белеют стены разрушенных ферм, покинутых своими жителями; чаще всего попадаются ямы, вырытые гранатами, на земле валяются обрывки истлевших мундиров, осколки снарядов, ружейные гильзы – здесь происходил бой 30 октября (1899 г.)²⁰³.

Небезынтересны и некоторые сведения о безуспешной осаде бурами города Ледисмита, приводимые в воспоминаниях **Августуса**:

По извилистой тропинке, гуськом, мы взобрались на вершину крутой горы и перед нами раскинулась долина Клип-rivера; там, в туманной дали, Ледисмит, окружённый коль-

цом столообразных возвышенностей и корje, на которых окопалась дивизия **Вайта**; вот на севере угрюмо чернеет Pepworth Hill, на котором буры поставили орудие **Крезо Long-Tom**; такое же орудие громит английские ложементы²⁰⁴ с высоты Isimbulwana-Hill; недалеко от того места, где мы остановились, на Lombard-kop, видны батареи двух полевых орудий и мортиры крупного калибра. Наш проводник, участвовавший в кампании с первых дней блокады, давал нам необходимые объяснения, показывал расположение английских и бурских войск и изложил в кратких словах ход неудачного штурма 6 января (1900 г.).

Сам город расположен в котлообразной долине Клип-ривера и со всех сторон окружён кольцом возвышенностей. Таким же концентрическим кольцом горных массивов и отдельных вершин воспользовались буры для размещения своей тяжёлой артиллерии, 3-х орудий **Крезо** 155-мм и 2-х мортир 120-мм. Остальные орудия, полевые 75-мм **Круппа**, горные, отбитые у англичан 30 октября, и несколько скорострелок **Максим-Нордфельда** не могли иметь никакого значения для бомбардировки ввиду громадной дистанции, 3–4 вёрст, отделяющей бурские позиции от английских, и численного превосходства английской артиллерии. **Вайт** располагал двумя 120-мм морскими орудиями, шестью 76-мм и шестью полевыми батареями; кроме того, каждому кавалерийскому и пехотному полку было придано по скорострелке.

Малоуспешность бурского артиллерийского огня, несмотря на искусство наводчиков и крупный калибр осадных орудий, ещё объясняется, кроме дальности дистанции, тем обстоятельством, что из снарядов, особенно позднейшего местного изготовления (в Йоханнесбурге была устроена артиллерийская лаборатория, изготавляющая в день от 250–400 снарядов, но в апреле 1900 г. английским агентам удалось её взорвать), разрывалось всего 50–60%. К тому же английский гарнизон для защиты от навесного огня устроил блиндированные помещения, пользуясь рельсами, шпалами и обломками гранитных скал. Население также устроило себе

подземные помещения и сравнительно мало страдало от бомбардировки.

Окружность всей линии обороны равнялась 22 километрам, так что при гарнизоне в 10 тысяч, на каждого стрелка приходилось на 2 метра с лишком. Но, несмотря на эту растянутость, оборона оказалась достаточно сильной, чтобы отразить как частные попытки отдельных команд, так и штурм 6 января, произведённый в более обширном масштабе.

Президент **Крюгер**, рассказывал нам спутник, встревоженный деятельными приготовлениями англичан, ещё в первых числах января предписал **Жуберу** покончить с Ледисмитом! Скрепя сердце, старый **Жубер** собрал в свою палатку всех подчинённых ему генералов и командиров и сообщил им о воле президента. Большинство было против штурма; один лишь **Бота**, герой 15 декабря, и начальник артиллерии **Тришар** (**Тричард**) высказались за возможность взять Ледисмит открытой силой; их мнение встретило неожиданную поддержку со стороны начальников оранжевых буров, которым уже надоело трёхмесячное сидение под городом. Штурм был решён, но теперь осталось ещё отдельным комandanтам собрать своих фельдкорнетов на второе совещание, а те уже должны были заявить своим людям решение главнокомандующего и уговорить их силой своего красноречия. Как видно, перспектива штурма не очень-то понравилась почтенным бюргерам, так как только несколько команд выразили своё согласие, и вот на рассвете 6 января 500 слишком буров, между прочим, все фрейштатские, незаметно, с ловкостью **зудусов** пробежали по открытой равнине, отделяющей Бестерс-Хил и Вагон-Хил от бурских позиций, напали врасплох на береговые пикеты противника и добрались даже до батарей морских орудий. Но эти смельчаки были переколоты штыками подоспевших Gordon-Highlander'ов. Попав под продольный огонь английской полевой артиллерии, не поддержаные во время другими отрядами, оранжевые буры очистили Цезарь-Хил (холм Цезаря) и отступили, захватив своих раненых и убитых. Для отражения атак на других пунктах оказалось

достаточно действия артиллерийского огня, так что свои резервы англичане могли стянуть к угрожаемым пунктам. По официальным отчётом, потери буров были показаны в 150 убитых и раненых, но их было на самом деле больше; **Крюгер**, воодушевляя бургевров своими проповедями или пророческими сновидениями, отлично умел замалчивать факты, которые бы неблагоприятно отразились на духе населения.

Теперь, продолжал наш спутник, собрано несколько тысяч **кафров**, которые недалеко от станции Нельхорн работают над сооружением плотины через Клип-ривер.

Но навряд ли удастся запрудить реку и затопить город. Инженер, руководящий работой, родом голландец, забыл, что наши горные реки не мутные канавы его родины, и после первых же дождей всё будет смыто течением.

Нам пришлось согласиться с мнением волонтёра, что о выполнении этого проекта и думать нечего, когда переезжают вброд Клип-ривер (реку Клип)²⁰⁵.

Российский доброволец по ходу дела оставил заметки и об отношении белого населения к чёрным непосредственно у театра военных действий:

Среди обрывистых крутых берегов бурно катила свои мутные волны река; течение было до того быстрое, что лошадей относило в сторону, хотя перед этим давно уже не было дождей и глубина доходила всего до двух аршин. В период же половодья, после тропических дождей, вода подрывает берег, сносит вековые деревья и никакие усилия человеческие не в состоянии удержать её буйный порыв.

Дорогой нам встретился **кафр**, закутанный в пёстрое байковое одеяло, с медными браслетами на руках и ногах; немец наш счёл долгом слезть с коня, остановить и обыскать **кафра**.

– Зачем вы это делаете, – спросил я его, – разве англичане пользуются **кафрами** как лазутчиками?

– Ох, и как ёщё! – ответил он. **Буллер** и **Вайт** (генерал – позднее фельдмаршал **Уайт**) командовал окружённым бурами

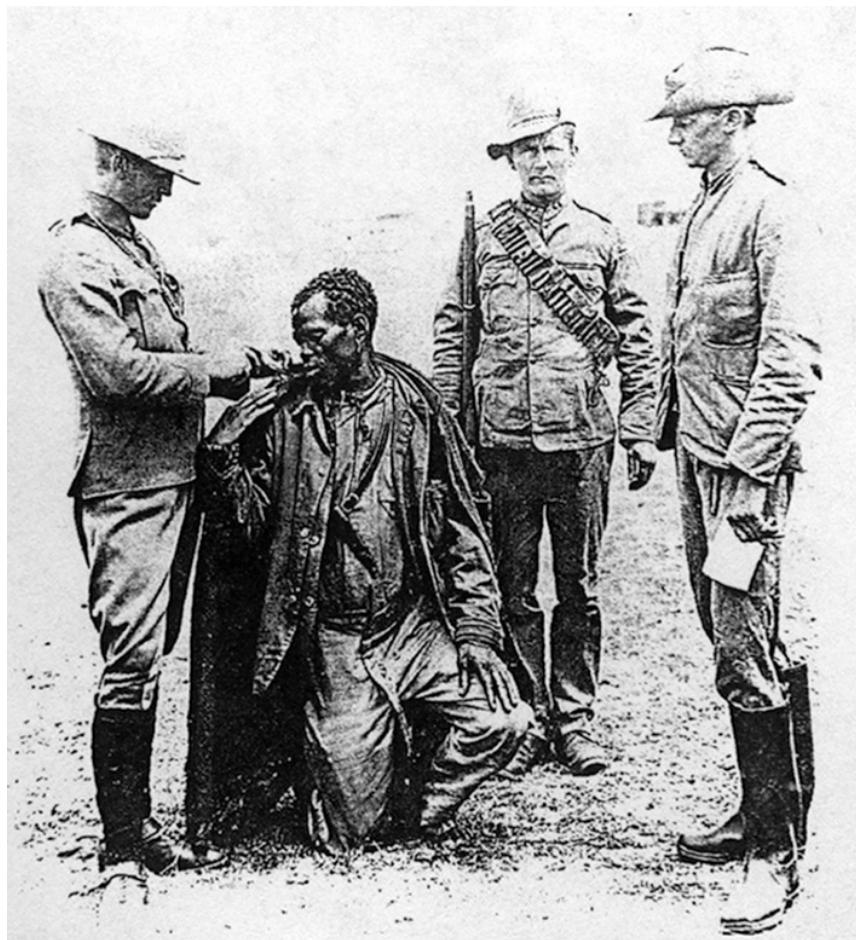

Плотина у Ледисмита

гарнизоном города Ледисмита. – *Прим. авт.-сост.*) прекрасно сносятся друг с другом, несмотря на бдительность наших брандвахт, посредством этих черномазых дьяволов, жадных к английскому золоту. Впрочем, и мы их услугами подчас пользуемся.

Закурив трубку и затянувшись крепким трансваальским табаком, он продолжал: «Я уже восемь лет в стране и отлично знаю **кафров**: от этой войны они ожидают многоного. Рассказывают, что с объявлением военных действий их старшины, потомки бывших королей и верховных жрецов, собрались в неприступных долинах диких Драконовых гор и принесли в жертву своим фетишам трёх быков: чёрного, красного и белого; прежде всех, после нанесённого удара ножом, окочурился красный, затем белый, а дальше всех дрыгал ногами чёрный бык; и вот жрецы по этому оракулу решили, что буры победят рыжих, то есть англичан, но затем поднимутся **кафры, зулусы, басутосы, свази** и все другие народы чёрной расы и что они освободятся от ига чужеземцев²⁰⁶».

Чёрный гонец у англичан

Тяжёлую горную местность и нравы, царившие в одном из иностранных отрядов добровольцев, российский офицер описал так:

А теперь нам осталось ещё проехать долину Клиптривера и вон там, за той горой, где заходит солнце, лагерь немецкого отряда. Vorwärts! (Вперед!)

Клиптривер мы переехали по довольно глубокому, по грудь лошади, броду. Течение было быстрое и у нас не обошлось без инцидента: одного из моих товарищей отнесло шагов двадцать в сторону, лошадь попала в яму, опрокинулась и всадник достался бы в пищу рыбам, если бы появившиеся в этот момент на другом берегу буры не бросились в воду и не выудили бы его и лошадь.

После этого маленьского приключения, вызвавшего общий хохот, мы поскакали галопом, чтобы до темноты прибыть в лагерь²⁰⁷.

Но на юге день быстро сменяется ночью: как только на западе догорели последние лучи заката, на тёмнолубом небе заскрилось созвездие Южного Креста и всё кругом потонуло в непроглядной мгле.

Проводники наши спешились и повели коней в поводу; мы последовали их примеру; спотыкаясь о камни, царапая лицо и руки о колючие ветви мимоз, мы все поднимались в гору, пока, наконец, где-то далеко ещё засветился огонек:

– Ещё с полчаса осталось! – утишили нас немцы.

Ещё полчаса! А у меня горели ноги, спина болела от несносной винтовки **Генри-Мартини**, лошадь, понурив голову, еле двигалась.

Часа полтора мы карабкались по скалам; колючие ветки мимоз исцарапали нам лицо и руки и мы нескованно обрадовались, увидев, наконец, мерцающие вдали красные огоньки лагеря.

Нас провели прямо в палатку коменданта **Кранца**²⁰⁸. Родом немец, но проживший в Трансваале уже лет десять, он своим выбором в начальники немецких волонтёров был обя-

зан репутацией знаменитого истребителя львов, которых он на своём веку убил ровно 68. «А жена моя, о погодите, я вас ещё познакомлю со своей женой, она собственоручно застрелила целых 86!»

Всё это он нам успел рассказать, не забывая, однако же, о своих обязанностях хозяина. В то же время он не умолкая рассказывал нам о своём участии в штурме 6 января, что идея сооружения плотины и затопления осаждённого города принадлежит ему и что он с 500 человек берётся ещё раз штурмовать Ледисмит.

Мы благоговейно слушали его, выпивая чашку за чашкой и уничтожили громадную сковороду с вкусно приготовленными битками.

Между тем весть о приезде новых волонтёров успела облететь весь лагерь и в палатку беспрестанно входили один за другим то прусские premierleitenant'ы, то австрийские rittmeister'ы²⁰⁹. **Кранц** познакомил нас с капитаном генерального штаба шведской армии, который счёл долгом перевести немедленно разговор на Нарвскую битву²¹⁰ и финляндский вопрос²¹¹; пришлось ему напомнить о Полтавской и о вооружениях норвежцев²¹².

Но меня выручил милый **Риперт**:

– Скажите, правда, что у вас в Стокгольме в ресторанах лучшая в мире водка и закуска²¹³ подаются бесплатно?

При одном воспоминании о далёкой родине голубоглазый швед закатил свои глаза и тяжёло вздохнул в ответ.

– А вот ваш соотечественник! – провозгласил **Кранц**, рекомендуя нам молодого человек в лихо заломленной набекренье шляпе со страусиным пером. – Доктор **Зигель**, Дерптского университета. (Ныне – Тарту, Эстония)

Доктор **Зигель**, в шляпе с развевающимся пером и бородкой а **Henri IV**, скорее напоминал мушкетёра из знаменитого романа **Дюома**, чем мирного эскулапа, тем более что вместо повязки с красным крестом носил через плечо патронташ.

Оказалось, что доктору надоело состоять при госпитале и он, не задумываясь, променял ланцет²¹⁴ и зонд²¹⁵ на винтовку

Немецкие добровольцы, осаждающие Ледисмит на стороне буров

и патронаш и теперь с кровожадным упоением, как некогда художник **Верещагин**²¹⁶ под Геок-Тепе, расстреливает людей.

– Господа! Какими судьбами? – закричал кто-то по-русски и мы очутились в объятьях высокого господина с всклокоченной, чёрной как смоль бородой. – Пойдёмте ко мне, побеседуем, у меня же вы переноочуете.

Он оказался штабс-капитаном минной роты одной из крепостей Одесского округа (**Шульженко**) и воспользовался шестимесячным заграничным отпуском, чтобы изучить осаду Ледисмита с артиллерийской и инженерной точки зрения²¹⁷. Но теперь он раскаивался: его не удовлетворяла блокада, ведённая первобытным способом; его бесило бездействие буров, а также то обстоятельство, что он имел глупость поступить в немецкий отряд.

– Почти половина всех этих господ, что вы видели, это авантюристы, которых привлекли сюда или инстинкты гра-

бежа и мародёрства, или которых какая-нибудь грязная история заставила покинуть родину. А сам **Кранц** – это первыйший трусишка, болтун и интриган. Если до сих пор его не лишили звания коменданта, то он этим обязан только своей красавице супруге, которая ездит верхом и стреляет лучше его. Она часто приезжает в лагерь к нам, всегда привозит с собой ящик виски или коньяку²¹⁸, изгоняет мужа из палатки и... А знаете, я у вас останусь! – выпалил всё тот же **Риперт**. Скажите, когда мадам **Кранц**²¹⁹ приезжает?

Переночевав у штабс-капитана, мы наутро с трудом разыскали коней, затерявшихся в табуне, и поехали дальше, теперь уже без провожатого.

Дорога шла всё время по горам: встречные буры весело раскланивались с нами и обстоятельно рассказывали, как и где найти генерала **Мейера**. Где-то глухо раздавались оружейные выстрелы. Мы были ещё под впечатлением вчерашнего приятно проведённого вечера и неожиданной встречи с соотечественником. А чудное утро, о котором в Европе не имеют понятия, лазурное безоблачное небо, с которого лилось море ярко ослепительного света, бархатная зелень гор и долин – всё это располагало к благодушию и мы, без обычных разногласий во мнениях и взглядах, решили отказаться от мысли поступить в какой бы то ни было иностранный отряд, и просить штабс-капитана, показавшемся нам очень симпатичным, перевестись к нам на Тугеду.

– Мы составим отдельное капральство и выберем его капралом. Он старше всех нас и уже второй месяц как на войне, говорил **Никитин** – нужно подать бурам пример правильной организации.

– Нет уж, господа, прежде всего без всякого начальства, – запротестовал свободомыслящий **Диатроптов**, не за тем мы сюда приехали, чтобы подчиняться всяким капралам.

По дороге стали попадаться осколки снарядов, медные трубки шрапнелей, даже целые бомбы, с измятой только головкой и оторванным дном. Громадные, аршина в 2, ямы свидетельствовали о силе линдитных снарядов. Вид этих иско-

Мадам Кранц

верканных, заострённых кусков закалённой стали был не совсем приятный.

— Господа, если меня убьёт вот такой бомбой, то напишите ей; я вам оставлю адрес! — меланхолически произнёс обольститель женских сердец **Риперт**.

— А в самом деле, кто его знает? — подхватил **Никитин** и предложил поделиться адресами и дать друг другу слово, что уведомят родных в случае смерти. Остановили лошадей и со средоточенно каждый стал записывать под диктовку адрес товарища. В безоблачном небе, высоко-высоко над головой, неподвижно летали коршуны.

Лукас **Мейер** принял нас в своей палатке на северном склоне Гроблер-клоофа.

— Вы что, господа, приехали любоваться войной или работать? — поставил он прямо вопрос.

— У вас, генерал, не совсем безопасно можно будет любоваться войной!

Ответом, видно, он остался доволен и угостил нас обедом, прямо генеральским: барайи бок с рисом, чернослив, печенье, виски, кофе. Помощник **Мейера** Assistant-general **Кок** оказался кандидатом Лейденского и Оксфордского университетов, прекрасно говорил на двух языках. Он крайне несимпатично смотрел на положение вещей, резко отзывался о **Жубере**, обвиняя его в малодушии, и не лучшего мнения был о **Кронье**: «Впрочем, впоследствии сами увидите, а теперь закусываете, messieurs; (господа) на позициях у вас этого не будет!»

Он рассказывал, что отец и брат его были убиты под Эландслехте (Эландслагте), что он сам принимал участие ещё в разгроме шайки²²⁰ **Жемсона** (имеется в виду «набег Джемсона» — Прим. авт.-сост.) и показывал нам изящную винтовку с инициалами этого современного флибустьера, бывшего зубного врача.

Затем он познакомил меня с устройством командного управления, показывал ежедневные донесения и рапорты подчинённых ему фельдкорнетов, повёл нас к телефонной станции и к гелиографу, служащему для передачи приказаний²²¹.

О по-настоящему тяжёлой жизни рядовых бойцов в полевых условиях посвятила целый отрывок своих воспоминаний сестра милосердия **Ольга фон Баумгартен**:

16 февраля к нам приехали два русских волонтёра, совершивших с нами морское путешествие. Вид у них был утомлённый, даже можно сказать измученный. Они нам рассказали, до какой степени велика у буров потребность в людях, они берут на войну даже мальчиков. (Последние храбростью превосходят иногда старших.) От волонтёров узнали мы и некоторые подробности боевой жизни. Им приходилось тяжёло, они должны были исполнять всевозможные трудные поручения, носить для укреплений камни, не спать ночами, мокнуть днями под дождём, и по неделям не ходить под кров. Пищу получали они тоже неаккуратно, небольшие отряды действовали самостоятельно, отделяясь от главных частей, и бывали дни, когда они ничего не ели²²².

На российских офицеров-добровольцев, несмотря на победы африканеров, производила тяжёлое впечатление общая неразбериха в тылу и отношение буров к чёрным:

Мы ещё беседовали с ассистент-генералом **Коком**, когда на далёких горах засверкали ослепительно яркие лучи гелиографа. Из сочетания то коротких, то более продолжительных проблесков (по азбуке **Морзе**) сопровождающий **Кока** гелиографист составил немногословную фразу. Оказалось, что **Гиршпорт**, начальник артиллерии, просит о присылке на Брокфонтейнские высоты в лагерь Йоханнесбургской команды ещё несколько орудий.

– Ответьте, что одна maxim-санон (бурское название скорострельного орудия системы **Максима** калибра 37 мм) и одно **крупновское** ещё утром посланы, – приказал **Кок** и при нас заработал аппарат...

Нам нужно было решить вопрос о поступлении в тот или иной отряд. Я вспомнил, что на вокзале провожавшие нас евреи рекомендовали нам фельдкорнета Йоханнесбурской команды **Бен Фиуна** как интеллигентного и очень расположенного к иностранцам начальника.

– Господа, возразил нам (ассистент-генерал) **Кок**, на правом фланге, где и Йоханнесбургский дистрикт, теперь бой в полном разгаре: никому теперь не будет дела до вас; вы сразу попадёте в непривычную для вас обстановку. Мой совет поступить к крюгерсдорцам под Колензо; они, вероятно, примут диверсию к Чивелею, где **Буллер** оставил всего одну бригаду, а наступление нам, пожалуй, больше по душе, чем бесконечное сидение за камнями, под свистом пуль и визгом гранат. А вот и сам фельдкорнет.

К палаткам подъехала группа всадников; задние волокли за собой связанного верёвкой **кафра**. Ехавший впереди высокий бур с седой бородой ловко соскочил с коня и, подойдя к генералу, стал что-то такое ему рассказывать, размахивая руками и указывая на **кафра**. – Они поймали **кафра** – лазутчика из Ледисмита, – объяснил **Кок** и в свою очередь стал спрашивать негра.

Тот только испуганно вращал белыми зрачками. Из-под лоскутьев его одежды выглядывало обнажённое бронзовое тело, мускулистое, жилистое. Лицо его, со следами кровоподтёков и синяков, побурело от страха и стало грязно-жёлтым, как кожа его ладоней. Он, точно в лихорадке, стучал зубами и на все расспросы отвечал какими-то непонятными гортанными звуками: Baas! Baas! (Господин! Господин!)

– Да скажешь ли ты, наконец, *alla Krachta* (бурское ругательство) (чёрт побери), были у тебя какие-нибудь бумаги или нет? – проревел фельдкорнет и ткнул несчастного ногой в живот. Тот только закряхтел и белки его забегали пуще прежнего. – Обыскали вы его как следует? – вмешался Кок. – При нём ничего не было?

– Накрыли мы его в краале²²³, где он, видно, хотел провести ночь; уж тормошили, тормошили мы этого дьявола, да

ничего при нём не было, кроме этой палки. Да ясно, что он лазутчик, чего уж тут, ни одного бюргера по имени назвать не сумел. – Сознайся, goddam! (чёрт тебя дери!) – напустился он снова на **кафра** и для пущей убедительности хватил его палкой по голове. Палка разлетелась вдребезги и из неё вывалилась свёрнутая в трубку бумажка.

Все подскочили к ней, развернули её, и **Кок** с торжествующей улыбкой показал нам отчётиво вычерченный в горизонталях с приложением масштаба план укреплённых бурями End-Hill (холм Энд) и Langer-Hill (холм Лангер); на плане значились все отдельные орудия буров и расположение искусственных препятствий из колючей проволоки.

– Уж это не в первый раз, – говорил нам **Кок**, – что в наши руки попадаются лазутчики **кафры**, доставляющие англичанам самые точные сведения о нашем расположении. Эти молодцы устраивают чуть ли не почтовое сообщение между **Буллером** и **Вайтом**. Расстрелять его! – обратился он к бурам.

– Смертная казнь, смертная казнь в республике! – твердил расстроенный этой сценой свободомыслящий **Диатроптов**.

А злополучный **кафр** стоял, широко раскрыв глаза, точно загипнотизированный направленной на него блестевшей на солнце мушкой. Видно было, как у него тряслись колени, судорожно шевелились пальцы, лицо его из бурого стало почти белым. Baas! Baas! Раздался сухой треск выстрела: бур озабочено завозился с затвором винтовки, выталкивая гильзу, лошади только на мгновение повели ушами и затем продолжали пощипывать зелёную травку; а всего в нескольких шагах от нас пластом лежал сражённый пулей прямо в бровь **кафр** и рыл босыми ногами землю. На затылке его вместо курчавых волос алело громадное пятно крови и мозга. Нам всем стало как-то неловко.

– Интересно ознакомиться с действием современной малокалиберной пули, – пробормотал **Никитин** и хотел было пойти к трупу. – Господа, если вы хотите ехать, вас проведёт фельдкорнет, – напомнил **Кок** и проговорил с любезнейшей

улыбкой: – Счастливой дороги! Соскучитесь в лагере – милости просим ко мне; я журналы и газеты получаю.

– А негров несчастных не будете расстреливать?

Он нахмурился: – Англичане убили отца моего, двух братьев моих; неужели нам церемониться с этими мерзавцами, подкупленными английским золотом?

Мы стали догонять буров, уже поскакавших в свой лагерь²²⁴.

В целом **Евгений Августус** подтверждал крайне невысокое мнение большинства наблюдателей об иностранных добровольцах, даже на примере далеко не худших из них, сражавшихся в одном отряде с африканерами, но не слишком стремившихся в самое пекло и полную пассивность, если не сказать упрямое нежелание буров вести активные боевые действия:

Дорога пересекала железнодорожную насыпь со взорванными рельсами и разобранной проволочной изгородью. Впереди нас расстилалась зеленеющая долина Тугелы; над рекой уже поднимался вечерний туман. Местами виднелись глубокие ямы, взрытые английскими снарядами; повсюду валялись зазубренные осколки, медные ударные трубы, шрапnellевые пули; иногда попадались трупы лошадей с раздувшимися животами и оттопыренными ногами. Невесёлая картина, и мы пускали лошадей галопом, чтобы не задохнуться от невыносимого зловония.

По скату небольшой горы были вырыты землянки, разбиты палатки и шатры Крюгерсдорпского дистrikта (района). Мы расседали коней и фельдкорнет провёл нас к почетному с виду, могучего сложения старику коменданту **Ван-Вейку**. Он встретил нас прочувствованной речью, из которой мы уразумели, что он и все бюргеры приветствуют нас, приехавших из далёких стран и готовых сражаться за правое дело.

– Службу вы будете нести как и все бюргеры: что полагается бюргеру, то и вам будут выдавать.

Затем он пригласил нас переночевать в свою палатку, крепко пожал всем руку, а пока что сдал нас на попечение волонтёрам, которых было человек 20 в Крюгерсдорпском отряде.

Волонтёры встретили нас с чисто товарищеским радушением: лошадей наших привязали к коновязи, задали им корму; нас угостили горячими блинами и кофе, но без сахара, который уже неделю назад весь вышел, и вскоре между нами завязалась оживлённая беседа. Были тут ужасно храбрые с виду венгерцы-гонведы²²⁵. – Мы вам не забудем 1849 год!²²⁶ – ораторствовал Rittmeister **Illash**. – Ну-с, а теперь выпьем по чашке кофе на брудершафт!

Очень симпатичным нам показался барон **Лушинский**, бывший австрийский гусар, ветеран боснийской кампании 1880–1881 гг.

Наш спутник, немец, нашёл своих соотечественников, прусских лейтенантов иunter-офицеров. В числе волонтёров был швейцарец из Женевы, молодой краснощёкий студент, бросивший юридический факультет, чтобы с оружием в руках защищать *les droits des hommes* (права человека); было два родных брата из Штеймарка, скромные, услужливые; был поручик болгарской службы **Бузуков**, ярый нигилист, мечтавший о создании балканской федерации с демократической формой правления: много он нам успел рассказать о своих подвигах в македонских²²⁷ горах, где он командовал шайкой разбойников и сражался с турецкими жандармами. После того как шайка была рассеяна, а его самого турецкие власти заочно приговорили к смертной казни, он бежал в Одессу, а оттуда в Южную Африку.

– *Habe die Ehre* (Хватайтесь за землю), – послышался тонкий фальцет вновь вошедшей в палатку фигуры конной баварской королевской артиллерии Premierleutenant (лейтенант) **Wagner!**

Мы отрекомендовались в свою очередь, разглядывая не без некоторого любопытства почтенного артиллериста. Ка-

кими судьбами занесло его из пивных славного города Мюнхена в далёкий знаменитый Трансвааль? Невообразимо грязная куртка болталаась как мешок на худом теле; поля истрёпанной шляпы прикрывали угловатый череп с коротко подстриженными волосами. Он чувствовал себя как-то неловко среди этих здоровенных, загорелых борцов за свободу; это видно было по его виноватой улыбке, по его неловким манерам. Появление **Wagner'a**, в самом деле сильно напоминающего chevalier de la triste figure, (рыцарь печального образа) сразу вызвало всеобщий восторг.

– Herr **Wagner**, Herr **Wagner!** (Господин **Вагнер!** Господин **Вагнер!**) – слышалось со всех сторон, – нашли вы сегодня своего Росинанта? Написали, наконец, докладную записку президенту **Крюгеру** о необходимости изменить тактику буров? Как пищеварение ваше? – и так без конца.

Вагнер заморгал глазами и, чуть ли не всхлипывая, проговорил почему-то по-французски: – Vous, vous moquez de moi! (Вы, вы издеваетесь надо мной!) Сильный сухой кашель прервал его речь. Он встал и направился к выходу, задевая своими длинными ногами за разбросанные сёдла, стремена, опрокидывая чашки и чайники. Снова взрыв хохота. У венгерского ротмистра даже затряслось довольно солидное брюшко.

Мне стало жаль бедного Herr **Wagner'a**. Быть может он один из всех этих современных ландскнехтов²²⁸, жаждавших крови и добычи, был проникнут более честными и искренними убеждениями.

Я вышел вслед за ним. После душной тяжёлой атмосферы тесной палатки, наполненной табачным дымом и копотью сальной свечки, меня охватила ласкающая свежесть тёплой южной ночи.

Тёмный силуэт баварского артиллериста виднелся на груде камней. Я подсел к нему и стал подумывать, о чём бы завести с ним разговор.

– Вы не родственник ли знаменитого композитора **Рихарда Вагнера**²²⁹, этого царя чарующих звуков и могучих аккордов?

– Vous, vous moquez! (Вы, вы издеваетесь!) – вырвалось у него снова, он хотел привстать, и я только силой удержал его.

Тогда я начал о прозрачном, как янтарь баварском пиве, о красотах его родины, где лесистые горы отражаются в изумрудных озёрах...

– О! – вздохнул **Вагнер** и полилась его несмолкаемая речь, что нет краше страны на свете, как Бавария, с её горами, лесами и водопадами, нет лучше города Мюнхена с его пинакотекой²³⁰, готическими соборами и пивом; не было другого такого храброго и гениального короля, как **Людовик II**,²³¹ теперь над Баварией тяготеет²³² железная гегемония Пруссии, но... Он сам, лейтенант в отставке: прожил много лет в Калифорнии, где у него собственная усадьба; в Трансвааль поехал тотчас же после объявления войны, хотел приступить в артиллерию, но у этих некультурных буров орудия не сведены в батареи, у них нет даже таблиц стрельбы, и вот он попал к крюгерсдорпцам; а простудился во время проливных дождей, когда по целым неделям приходилось жить в горах, без палаток, без костров. Он рад, что мы приехали, эти венгерцы такие вандалы...

Мерно покачиваясь всем корпусом, он говорил, говорил без конца. Меня убаюкивала его тихая речь. С реки доносился глухой ропот волн, как бы подавленный величием этой тихой звёздной ночи. И чернеющие вдали горы, и лагерь, всё спало мирным сном. Но вот послышались отдалённые раскаты пушечных выстрелов. По камням громко простучали копыта лошади. Я очнулся.

– Скажите, вам неизвестно, предпримут ли буры завтра что-нибудь?

– О, это знает лишь фельдкорнет: мы, волонтёры, заступаем завтра на брандвахту.

Торчать на брандвахте, между тем как на правом фланге завтра, быть может, решится участь всей кампании. Я направился к большой двускатной палатке коменданта. При свете фонаря **Ван-Вейк** читал своим фельдкорнетам телефонограмму генерала **Бота**, доставленную только что конным

вестовым от **Лукаса Мейера**. Смысл её оказался для меня неясным, но, к счастью, среди присутствующих нашёлся ковенский еврей, лет десять тому назад оставивший Россию и теперь, как натурализованный бур, ополчившийся на защиту своего нового отечества. Он мне и растолковал смысл депеши. **Бота**, предвидя ночную атаку англичан, требовал немедленной присылки подкреплений.

Комендант аккуратно сложил бумажку, закурил свою коротенькую трубочку и стал совещаться с фельдкорнетами.

– Отряд наш, конечно, сейчас же выступит? – спросил я земляка.

– И что вы думаете? Ежели отсюда послать бюргеров, то здесь никого не останется; и ежели **Бота** сам не справится, то уж мы ему не поможем.

Так видно рассуждали и фельдкорнеты; но всё-таки комендант решил выслать на рассвете человек 30–40, не больше, чтобы осталось достаточно людей для обороны вверенного ему участка позиции.

На моё желание отправиться на правый фланг комендант изъявил полное согласие, причём прибавил с добродушной улыбкой, что торопиться нечего, что и здесь довольно дела найдётся.

– На службу не напрашивайся, от службы не отказывайся, – мелькнуло у меня; но колебался я недолго: здесь выжидание, а там бой.

Тут же в палатке я заснул, положив седло под голову и закутавшись в попону²³³.

Достойно внимания и толковое описание российским военнослужащим подготовки и продвижения отряда буров, в котором служили наши соотечественники, к месту сражения:

Топот коней, говор людей и громкий голос над самым ухом: И пора, вы же хотели ехать! – разбудили меня. По небу неслись тёмные тучи, дул порывистый холодный ветер; неясно выступали очертания палаток и силуэты людей, торопливо

седлающих коней. Порой выглядывала из-за туч луна и, озаря своим бледным сиянием проснувшийся лагерь, придавала всему какой-то фантастический оттенок.

— Komm an! Komm an, Kerls! (Вперёд, вперёд, братцы!), — торопил людей фельдкорнет.

Только при помощи уже готовых к выступлению буров мне удалось найти коня, взнудзить и оседлать его. В последний момент передо мной выросла тощая фигура Herr **Wagner'a**. — Я с вами поеду; все волонтёры и товарищи ваши уехали на брандвахту; только помогите мне найти коня! Гнедой²³⁴, знаете, со звездочкой на лбу.

— Где же мы теперь его найдем? Ах, какой вы, право.

Тут вмешался почтенный купец: — Да возьмите любого коня: и что же вы смотрите? Пожалуй, Бог даст, и назад не вернётесь.

А мне он сунул два бисквита²³⁵ и твердил: — Не удивляйте буров храбростью; бур за камень и вы за камень; они назад и вы назад.

Я поблагодарил его за совет, просил поклониться товарищам и, выждав **Вагнера**, пустился вдогонку за ускакавшими бурами.

По чуть заметным тропинкам, пересекающим и каменистые вершины, и глубокие ущелья, и заросли мимоз, мы держали путь прямо на запад, где в туманной мгле утреннего рассвета восставали одна за другой плоские вершины далёких гор.

Небо прояснилось, ветер затих и яркими алмазами заблистали в лучах восходящего солнца капли утренней росы, покрывающей траву и кустарники.

Отряд наш далеко растянулся по дороге; то отставая, то догоняя друг друга, мчались всадники, в числе которых были молодые безусые парни, гарцевавшие на маленьких косматых лошадках, степенные седобородые буры с раскрытыми зонтиками в руках: у некоторых были заводные лошади, у других **кафры** таскали на себе патронташи, винтовки и мешки с провизией своих господ.

Все они были серьёзны и чем-то озабочены: пронеслась весть, что ночью удалось англичанам захватить и укрепиться на вершине Спионскоп²³⁶. – Daar is de kaki, after de kopje (Там англичане, за горой) – объясняли нам буры, показывая на дальнейшие ещё горы.

А уж там заговорили орудия; всё учащаясь раздавалась оттуда ружейная трескотня, напоминая то удары града по железной крыше, то непрерывный грохот ломовых повозок по бульжной мостовой.

Наконец, перед нами выступила и столообразная вершина самого Спионскопа. На фоне голубого неба виднелись дымки шрапнелей, рвавшихся над самой горой: это бурская артиллерия обстреливала её перекрёстным огнём. Ей отвечали английские орудия, расположенные на том берегу Тугела.

На ярко-зелёных скатах, прорезанных рельефными полосами красного гранита, поднимались бурые облака дыма и земли, и затем доносился глухой взрыв лиддитной бомбы. У подошвы горы мелькали быстро скачущие всадники: появились фургоны Красного Креста, запряжённые 8–10 парами мулов.

Стало жарко. После пятичасового перехода мы остановились наконец в глубоком ущелье на северном склоне горы. Здесь было несколько сот осёдланных лошадей: из повозок выгружались патронные ящики. Немцы-санитары возились вокруг раненых, у одного из них куском снаряда разнесло грудную клетку, острые обломки рёбер торчали наружу, обнажая бледно-розовую ткань лёгких: другой, видно уже в предсмертной агонии, судорожно дрыгал ногами, точь в точь как тот негр-лазутчик²³⁷.

Августус описывает действия англичан в том бою при Спионскопе:

Тревожные тогда дни (в двадцатых числах января 1900 г.) были на Тугеле. Вся почти армия **Буллера**, подкреплённая вновь прибывшей 5-й дивизией **Варрена**, направилась в об-

ход правого фланга буров, к Актон-Хомеу. Но движение это, начавшееся ещё 10 января, не ускользнуло от зорких глаз далеко выдвинутых вперёд сторожевых разъездов брандвахт, и генерал **Мейер** имел полную возможность, угадав вовремя намерения **Буллера**, стянуть все свои силы к угрожаемому пункту.

Штаб-квартира бурского генерала, связанная со всеми участками позиций протяжением в 30 слишком километров, полевыми телефонами и телеграфами, своевременно получала извещения о переходе английского авангарда через Тугелу, о движении конной пехоты **Дундональда** вверх по долинам Вентер Спруйта и о попытках **Варрена**²³⁸ овладеть горным хребтом Таба-Ниама. Очевидно, что **Буллер**, направляя главный удар на правый фланг буров, засевших на труднодоступных высотах Спионскопа и Таба-Ниама, руководствовался вполне рациональным соображением, а именно, овладев этими высотами, он легко мог отрезать оранжевым бурам, составляющим почти половину армии **Жубера**, путь отступления к проходам Драконовых гор.

Этим соображением руководствовался знаменитый полководец семилетней войны²³⁹ **Фридрих Великий**²⁴⁰, который под Цондорфом продвинулся вдоль фронта позиции русских и, оказавшись от своего пути отступления, атаковал их стремительно во фланг. Результатом этого смелого манёвра была полная победа **Фридриха Великого**. Но между **Фридрихом Великим** и сэром **Буллером** была такая же разница, как между мирными полигонами Альдершотского лагеря и неприступными дикими хребтами северного берега Тугелы, на которых оказались бьющие без промаха бурские стрелки.

Буллера ужаснула перспектива подставить свой тыл под удары противника и он с истинно британской упрямостью решился на фронтальную атаку в лоб.

«Go on fellows!» (Вперёд, братцы), – подбадривали английские офицеры своих солдат и вот уже три дня карабкались the soldiers of the Queen (солдаты королевы) по крутым склонам Таба-Ниама; три дня уже гремела артиллерия, но ни ата-

ки пехоты, ни непрерывный град лиддитных снарядов не привели к желаемому результату: не удалось буров выбить из позиций, укреплённых самой природой²⁴¹.

Тогда генерал **Буллер** уступил желанию вновь прибывшего на театр военных действий генерала **Варрена**, жаждавшего подвигов, и дал разрешение на ночной штурм Спионскопа как тактического ключа всей позиции противника.

Вот как проходил бой за Спионскоп.

Ещё с вечера 23 января выступили три батальона бригады **Вудгата**²⁴², два батальона бригады **Кука** и рота колониальной конной пехоты (Thorneycrofts Mounted Infantry). Шаг за шагом, цепляясь за выступы крутого ската, в узкой походной колонне двигались англичане. Расстояние от подошвы до вершины горы равнялось всего пяти километрам, но чтобы пройти это расстояние потребовалось с лишком пять часов. Штурмующим колоннам, под покровом темноты и густого утреннего тумана, удалось подойти незамеченными к бурскому караулу, занимавшему южную оконечность вершины. При свете ручных прожекторов и ракет, с оглушительным криком: Ура! Amadjuva! – англичане бросились на захваченный врасплох бурский пост из 30 человек, рассеяли его и не делая почему-то попыток к овладению всей вершиной, укрепились на занятом южном участке.

Таким образом, северная и восточная оконечность треугольного плато Спионскопа остались в руках буров, которых было в момент занятия горы англичанами не более 90 человек. Утром они открыли убийственный огонь из двух скорострелок, к которым присоединились полевые 75-миллиметровые орудия с Таба-Ниама и два орудия **Максима** 37-мм калибра с высоты левее Спионскопа. Со всех пунктов стали стекаться одиночные люди и целые команды, охватившие всё расположение англичан непрерывной стрелковой цепью. Перекрёстный огонь артиллерии, против которой оказались бессильными артиллерийские орудия, а главным образом меткий оружейный огонь, довёл англичан, скученных за каменными завалами на сравнительно небольшом пространстве, до полного расстройства.

Бурские стрелки постепенно, шаг за шагом, пользуясь разбросанными по скату обломками скал, подползли на 100–80 шагов к площадке, занятой батальонами **Вудгата**, и почти в упор расстреливали англичан. Не помогли подошедшие в течение дня подкрепления, два батальона бригады **Литтльтона**. Недостаток места помешал им развернуться и принять участие в бою, а попав под перекрёстный огонь, они смешались и внесли ещё большее расстройства в отряд **Вудгата**.

Наконец, **Вудгат** сам был тяжёло ранен, а люди, доведённые до отчаяния убийственным градом снарядов и пуль, истомлённые страшной жарой, стали метаться как угорелые, то перескакивая за завалы и сдаваясь в плен бурам, то бросаясь назад с горы и увлекая в диком бегстве вновь подходившие подкрепления.

Ночью полковник **Торнейкрофт**, принявший командование, отдал приказ об очищении горы. Временное занятие её стоило англичанам 50 офицеров и 780 нижних чинов.

О силе огня со стороны буров может дать понятие количество выпущенных в течение дня снарядов, так, например, 75-мм орудия выпустили от 300–480, а скорострелки с Табаниама – 1000 снарядов²⁴³.

Российский подпоручик оставил интересные заметки о тяжёлом сражении при Спионскопе в горных условиях, в котором он первый раз в своей жизни принял участие:

Утолив жажду из холодного родника, пробивавшегося из горной расщелины, мы набили свои патронташи двойным комплектом патронов, сунули несколько пачек в карман и стали карабкаться на скалу. Чем выше мы поднимались, тем чаще и чаще стало раздаваться зловещее шипение снарядов; болезненно отдавался в ушах свист пуль; с каким-то жалобным воем и стоном носились по воздуху рикошетирующие осколки снарядов; брызгами летали во все стороны мелкие камни, комья земли.

Как только мы оставили балку²⁴⁴, у меня защемило сердце предчувствием страшной близости неминуемой смерти; взор мой переходил от искалеченных, вокруг которых уже перестали возиться санитары, к сидевшим на kortochkax **кафрам**, оставленным для присмотра за лошадьми. Остаться бы с ними, – мелькнуло у меня.

Не помню, как я очутился в полосе огня, там, где неподвижные скалы, казалось, дрожали и колебались среди грохота пальбы. Спереди, по сторонам, у самых ног беззвучно шлётапались пули, зарываясь в землю, разлетаясь о камни.

Над головой, напоминая шелест крыльев громадной птицы, жужжали бомбы (снаряды) – ближе и ближе, и вдруг всё застилается тучей дыма и высоко подбрасываемой землёй, мозг сотрясается внезапным разрывом лиддитного чудовища.

– Komm an, kerls! – ревёт чей-то сиплый голос; фигуры буров то мелькают в зелёной траве, то исчезают за острыми ребрами скал. И меня охватывает это неудержимое стремление вперед; точно в каком-то гипнозе, оглушенный адским грохотом, ослепленный ярким солнцем, я рвусь вперёд. Вон расстилается вершина горы, увенчанная несколькими корявыми мимозами, вон бесформенные завалы, там англичане.

Буры припали за камни; они как бы застыли, слились с выступами земли, скрывающими их от залпов противника; не суетясь, не волнуясь, они крепко сжимают приклад винтовки и выжидают, точно хищные коршуны, появления жёлтой каски и блеск штыка. Справа слегка затрещали частые ружейные выстрелы, сверкают гильзы, обоймы; в горле защекотало от едкого порохового газа.

Над завалами рвутся без счёта шрапNELи и медленно расплываются в воздухе дымки снарядов, затмевая яркий свет солнца пеленой дыма.

Англичане от нас всего в 100–150 шагах: в массе жёлтых людей видно какое-то замешательство, какие-то нелепые взмахи руками.

А я, не испытывая ни кровожадности, ни воспеваемого стихотворцами эпического настроения в хаотическом разгат-

ре этой беспощадной бойни, я, я – уже опорожнил все гнезда своего патронаша.

Вагнер, незабвенный мой королевский конный артиллерист, – вот он, ползком, словно краб морской, придвигается ко мне и просит: – Спичечку, что-то курить захотелось! Его грязное лицо, с приставшими комьями земли и запёкшимися струйками крови, светится такой спокойной улыбкой, что я сразу прихожу в себя и с тоской спрашиваю: – Herr **Wagner**, когда же это всё кончится?

– О! Скоро, вероятно! – и как бы в подтверждение его слов, над завалами появляется белая грязная тряпка. Стрельба утихает.

Рядом лежащие с нами буры радостно вскакивают. – Skitt not, kerls! skitt not! (Не стреляйте, братцы!) – кричат они; выбегают вперёд. Но белый флаг скрывается внезапно; снова с большим ожесточением загорается стрельба.

Вон, на завалах, показывается толпа людей: спотыкаясь, падая, они устремляются на нас. Что это, вылазка? Удар в штыки? А у нас уже нет почти патронов, у нас нет штыков. Не выдержать бурам, рассеянным по всему скату, дружного штыкового удара. Но нет, вон англичане, побросав винтовки, подняв руки кверху, бегут прямо к нам: они сдаются в плен. Вон один, с почерневшим лицом, с воспалёнными глазами, бросается, как зверь, на меня. Я невольно замахнулся прикладом, но он припал с каким-то диким хрипом к баклаге и судорожными глотками, как умирающий от жажды, пьёт воду.

И буры, и англичане, за минуту перед тем убивавшие друг друга с кровожадностью озверевших людоедов, стопились в кучу, почерневшие от копоти, забрызганные кровью и мозгами своих павших товарищей, истомлённые, измученные двенадцатичасовым боем; они пьют из общей баклаги, делятся по-братски последним сухарём²⁴⁵.

Именно в ту войну впервые в XX столетии, применялись и ранее широко использовавшиеся растянутые редкие пехотные цепи, мешавшие наступавшему

противнику, даже в достаточной степени вооружённому пулемётами, нанести чувствительное поражение посредством плотного оружейного огня:

Утром 25 января начался обратный переход **Варрена** через Тугелу. Если взятие Спиона скопа можно считать торжеством ружейной тактики буров, то дальнейший их образ действий ниже всякой критики: по проходившим мимо их фронта бригадам **Hart'a** и **Hildyarda'a** не было сделано ни одного выстрела, и благополучно, без новых потерь, англичане переправились на тот берег.

Эта бездеятельность объясняется не тем, что **Бота** знал, быть может, изречение **Наполеона**: отступающему противнику нужно строить золотые мосты, а тем обстоятельством, что блестящая победа, вскружив всем головы, вызвала надежду на начало мирных переговоров и возможное окончание войны. Пока что англичане запросили лишь перемирие для уборки раненых и убитых, а из всех бурских команд 10% бюргеров получили разрешение на двухнедельный отпуск. Оседлав своих коней и забрав своих **кафров**, храбрые бюргеры поскакали по своим мирным фермам, разнося по всей стране радостную весть о славной победе на презренными rookie (рыжие – так называет народ англичан).

А **Буллер**, отведя свои войска в лагерь под Spearmans Camp, донёс во Всеподданнейшем докладе королеве, начинавшемся, как рапорты многих английских генералов того времени, стереотипной фразой: I have to regret... (Я сожалею...), что он только против своего желания дал **Варрену** разрешение на атаку Спиона скопа, но не давая никаких объяснений, почему он всё время боялся оставаться безучастным зрителем и не предпринял даже демонстраций на тот или другой фланг противника, имея достаточно свободных войск под рукой. Зато благополучную переправу войск обратно он выставит чуть ли не победой.

Высокопоучительной является в этом сражении оборонительная тактика буров, характеризующаяся длинными и

тонкими стрелковыми линиями, против которой оказались бессильными и массирование артиллерии противника, и попытка его к прорыву к центру бурской позиции, правда растянутой, но страшной силой своего оружейного огня, которому на этот раз оказали действительную поддержку скорострельные орудия лёгкого калибра.

Потери буров были незначительны, благодаря их растянутому редкому строю, искусному применению к местности и отсутствию резервов в тылу поражаемого пространства: 35 убитых и 78 раненых²⁴⁶.

Российский доброволец написал страшные по своей правдивости воспоминания:

Замолкли наконец последние отголоски кровавого дня.

Не слышно больше ни грома орудий, ни трескотни ружейной пальбы. Всё тихо кругом. Но это не та тишина, что наступает в природе после внезапно налетевшей грозы, когда промчатся тучи и ярче прежнего засветит солнышко и всё на земле снова оживает и ликует.

После этой бойни воцарилась такая гробовая зловещая тишина, что, казалось, сама природа застыла в немом ужасе; угрюмо чернеют горные вершины, в долинах и ущельях заколыхались седые туманы, как бы спеша накинуть покровов на поле браны, где валяются и корчатся искалеченные, изуродованные люди.

И лишь ветер ночной внимает стонам и проклятиям умирающих; и в последний раз потухающие взоры их обращаются к равнодушному небу, где догорают последние лучи багрового заката.

Кончился бой, победа за нами, и завтра весь мир будет поражён вестью о новом поражении англичан.

Только теперь, когда ночь, безмолвная, непроглядная, окутала небо и землю, я почувствовал такую усталость, такое оцепенение, что тут же растянулся на голых камнях, положив шляпу и пустой патронташ под голову. Забыл я про голод и

жажду, забыл про лошадь, которая целый день, не рассёдленная, томится где-то под горой. Не скоро успокоились нервы, измученные, подорванные страшными впечатлениями дня; голова горела, точно охваченная раскалёнными тисками, в ушах всё ещё раздавался какой-то гул и звон, острые камни резали бока и спину – однако ж усталость взяла своё и я заснул тяжёлым сном, без грез, без сновидений.

Но довольно малейшего шороха и вскакиваешь – хватаясь спросонья за винтовку, – где-то раздаётся трескотня ружейных выстрелов.

Тревога ложная: выстрелы замирают, невозмутимо храпят рядом лежащие буры и ночь проходит спокойно. Уже не решатся, видно, англичане на новый ночной штурм²⁴⁷.

Африканеры после успешного кровопролитного сражения без стеснения обшаривали трупы врагов, забирая всё мало-мальски ценное или необходимое. Подпоручик **Августус** как непосредственный очевидец предельно безжалостно описал это отвратительное зрелище:

На другой день назначено перемирие.

С обеих сторон выкинуты белые флаги. На гору поднимаются мерным шагом английские санитары с носилками.

Буры толпами разбрелись по полю вчерашнего сражения и, добродушно улыбаясь, вступают в беседу с английскими носильщиками.

Те угрюмо отмалчиваются и озабоченно снуют между грудами мёртвых тел, отыскивая раненых, ещё подающих признаки жизни.

Нужно обладать нервами мясника, чтобы равнодушно взирать на эту потрясающую душу картину поля сражения, от которой и теперь ещё, при одном воспоминании, у меня холодаеет сердце. Кучками нагромождены тела англичан, искашивших за валами спасения от убийственного огня буров. Разве эти безжизненные громады каменных гор стоили того, чтобы

из-за них погибло столько молодых цветущих жизней, чтобы из-за них пролилось столько крови! Ещё вчера она билась горячим ключом, вызывая жизнь и движение, а сегодня она застыла чёрными лужами на изрытой земле, запеклась на грязных мундирах, на посиневших уже лицах убитых.

Вон лежит раскинув руки и ноги здоровенный детина с красной нашивкой сержанта – снарядом раздробило ему голову и она представляет теперь безобразный ком рыжих волос, крови и мозга.

Вон другой, широко раскрыв глаза, точно живой, с крепко сжатой в руке винтовкой: его молодое безусое лицо застыло с выражением какого-то недоумения: За что? За что? А уж мухи копошатся на лице, залезая в глаза, в рот.

Буры хлопочут над своими жертвами, по праву победителя собирают винтовки, котелки и скатанные одеяла, составляющие снаряжение солдат, отстегивают и снимают с раздувшихся животов поясные ремни и подсумки.

Вон бур, у которого на ногах вместо башмаков изорванные опорки²⁴⁸, заприметил у офицера сапоги с жёлтыми голенищами²⁴⁹. *Bei gute Skunnen!* (Славные сапоги) – ухмыляется он. Но сапог не поддается. Ещё одно усилие – и у него в руках сапог с оторванной ногой. Кость выше колена раздроблена осколком.

С проклятием швырнул он от себя сапог и заковылял дальше. Другие распарывают карманы, снимают бинокли, часы. Зачем всё это мёртвым, если всё равно их оберут свои же санитары.

Look here! (Погляди-ка) – подзывает меня знакомый бур и, улыбаясь, показывает снятый с груди у молодого белокурого офицера бархатный медальон в золотой оправе; в медальоне портрет миловидной женской головки с изящным профилем. *Return happy my Harry* (Счастливо вернуться, мой Гарри), гласит надпись на обороте. Не вернётся бедный **Harry** к своей милой; пал он сражённый вражьей пулей, и хищные коршуны выклюют ему ясны очи, когда-то горевшие юношеским блеском. А она в ожидании весточки из далёкой Африки будет

томиться тоской беспредельной пока, наконец, в списке убитых во славу британского оружия не появится знакомое дорогое имя. Застонет, зарыдает бедная; будет она проклинать эту славу британского оружия, эту жестокую бессмысленную войну, отнявшую у неё её счастье, её жизнь.

Невыносимое зловоние и отталкивающие картины оби-
рания и раздевания трупов заставили меня покинуть поле
сражения и я пошёл за своей лошадью, размышая дорогой
о трагической участи женщин, которым иногда так горько
приходится раскаиваться, что скромному пиджаку предпоч-
ли блестящий военный мундир²⁵⁰.

Лагерное житье для российских добровольцев было делом далеко нелёгким. Но не легче было и объяс-
нить рядовым бурам, надеявшимся на военную под-
держку от ряда европейских государств, в том чис-
ле и России, – почему этого не происходило:

Вернувшись в лагерь Крюгерсдорпского отряда под Ко-
лензо, мы зажили более мирной жизнью. Наступил период за-
тишья, хотя англичане и считали своей обязанностью при-
сылат нам ежедневно по десятку, другому снарядов. Но это нас мало беспокоили и мы из стенок гранат (имеются в виду снаряды. – Прим. авт.-сост.) сложили очаг, на котором шипе-
ли и поджаривались сочные куски ростбифа или шашлыка.

Мяса было в изобилии; каждый день убивалось для от-
ряда по быку или по несколько жирных баранов. Отрядный
комиссар выдавал вкусные белые сухари, рису, соли, сало в
консервах, цейлонского чаю или кофе.

Я вздумал варить борщ из мяса и гиациントовых²⁵¹ клубней,
дикорастущих по склонам горы. Борщ получался очень пита-
тельный, по всей видимости, хотя и своеобразного вкуса. Са-
хар, которого не всегда хватало, заменялся вареньем или фрук-
товым мармеладом в жестяных круглых коробках. Из муки и
back-powder углекислого порошка мы ухитрялись делать оладьи,
пышки, лепёшки. Случайно подстреленный шириングбок (косу-

ля) или куропатка и компот из персиков придавали нашим обедам некоторое разнообразие и буры, питавшиеся более скучно, так как у них приготовлением пищи заведовали **кафры**, не без зависти поглядывали на жирный суп с луковицами, огромные бифштексы с рисовой кашей и румяные лепёшки с вареньем. Мы иногда великолушно угощали их произведениями своего кулинарного искусства, тем более что они нас никогда не привлекали к грязной работе разделки туши и на нашу артель всегда доставались лучшие куски – филе, язык.

Бурам часто присыпали полевой почтой из дома разные лакомства, сдобные пирожки, корзины с фруктами, и они никогда не забывали поделиться с нами. Вообще они к нам, русским, относились с большим вниманием и любезностью, чем к другим иностранцам.

Сидишь, бывало, в палатке у какого-нибудь почтенного бура и у нас за чашкой кофе завязываются подобные беседы:

- А у вас в России есть коровы?
- Есть.
- И овцы есть?
- И овцы есть.
- И дороги железные? – продолжает он расспрашивать.
- И дороги железные!

Задумается бур, попыхтит трубкой и вдруг задает следующий вопрос:

- А когда же царь русский заступится за наш народ?

С большим вниманием прочитывались фантастические известия, появлявшиеся часто в йоханнесбургской газете «Standart and Digger News» (Изыскательские и общие новости) о военных приготовлениях России, о мобилизации войск Кавказского и Туркестанского военных округов, о движении русских на Герат и прочее²⁵².

Каждая подобная статья вызывала оживлённые толки среди буров. Признаться и нас, лишённых всяких вестей с далёкой родины, иногда смущала возможность каких-либо осложнений на востоке. А вдруг в самом деле Россия объявит войну Англии и мы, заброшенные судьбою за тридевять

земель, должны сражаться здесь в нижнем звании за совершенно, в сущности, чуждое нам дело, без всякой пользы для формулярного списка!

А укошит нас английская пуля, так даже в «Инвалид» не попадем, и беззащитные вдовы и сироты лишатся эмеритуры!²⁵³

Крепко мы иногда призадумывались.

Но резонные рассуждения поручика **Никитина**, что на случай войны России с Великобританией, мы и здесь нанесём англичанам не меньший вред, чем командая полуротой на Памире, утешали нас до некоторой степени.

— А я, — заявлял откровенно вольнодумец **Диатроптов**, — я хоть и состою прaporщиком запаса, но всеми силами постараюсь отбояриться²⁵⁴ от участия в войне, вызванной дипломатическими недоразумениями или стремлениями к захвату чужой территории; а здесь я с оружием в руках защищаю священные *droits des hommes* (права человек), свободу, равенство, братство (для белых жителей, ибо чёрное население обеих бурских республик не имело никаких политических прав.

— Прим. авт.-сост.) и всё такое прочее.

Проще всех смотрел на вещи милый **Павлуша Риперт**: — Наше дело маленькое, выпил и ёщё!

Никто тогда из нас не сомневался в благополучном исходе кампании, мы все были уверены, что разгромим этих презренных мореплавателей, выдумавших некогда бокс, а теперь ёщё лидит и **дум-дум**, и победителями, лихо заломив шляпу накребень, вступим в Дурбан (столица Наталя).

Мечтать о прошлом или задаваться тревожными вопросами о будущем было, в сущности, и некогда; заботы и интересы повседневной лагерной жизни поглощали целиком всё свободное от разъездов или полевых караулов время. По очереи один из нас готовил обед, кипятил чай; другие купались или стирали бельё под сводами разрушенного железно-дорожного моста, куда не долетали осколки; вечером нужно было загонять с пастища коней; их привязывали на ночь к коновязям, устроенным из шпал и проволоки и, пользуясь на-

ставлениями опытных австрийских ротмистров, мы усердно занимались уборкой и чисткой коней.

Бесцельное сидение в траншеях на горе и высматривание в бинокль английских батарей и блиндированных поездов со стороны Чивелея уже успело утратить прежний интерес. Гранаты противника рвались иногда очень удачно, но нас уже не волновал вид убитых и раненых и мы как-то тупо стали относиться к чужим страданиям.

Одним словом, жизнь в стане бурских воинов вовсе не представляла непрерывный пикник; все прелести привольной бивачной жизни бледнели в сравнении с теми мучениями, которые причиняли нам нестерпимая жара, невыносимое зловоние повсюду валяющихся внутренностей битого скота и остатков пищи, а главным образом, тучи назойливых мух, от которых не спасали ни дым крепкого трансваальского табаку, ни тень палатки, ни купанье в реке. Не мудрено, если в конце концов на всех нас нашла какая-то апатия, мысль как-то вяло работала и мы по целым дням бродили, точно сонные, оживая только ночью, когда выпадала очередь занимать брандвахту²⁵⁵.

Далее офицер, в частности, рассказывал об одном из совместных с африканерамиочных дежурств и происшедшем за это время довольно заурядном для той войны, но весьма показательном случае:

Безмолвно чернеют спящие вершины, лишь глухо шумят быстрые волны Тугелы, а на той стороне, далеко-далеко дрожит в тёмном небе могучее зарево английского лагеря.

И с неудержимой силой пробуждаются тогда воспоминания о далёкой родине, покинутой из-за увлечения какой-то призрачной идеей.

Теперь там зима, занесло всё снегом сыпучим, ветер гудит и завывает в необъятном просторе полей и дремучих лесов. С тоской блуждает мой взор по своду небес, но нет ни Полярной звёзды, ни Медведицы, нет ни одной родной звезды.

дочки; равнодушно сверкает с недосягаемой высоты чуждое мне созвездие Южного Креста. И куда же меня занесла нелёгкая!

Вот теперь я с карабином в руках, бур-часовой и больше ничего: на пост меня поставил капрал и сменил капрал, а ведь когда-то я сам, и недавно ещё, числился в строевом рапорте в графе штаб- и обер-офицеров. И изволь теперь недреманным оком зорко глядеть на сторону противника, а так и клонит ко сну, так и смыкаются усталые глаза. Одна за другой, непрерывной вереницей, возникают картины полковой жизни: брандвахта над Тугелой – сторожевая служба – охранение бивака по новому уставу полевой службы, – давно ли я рассуждал об этом на тактических занятиях в офицерском собрании? Со стеснённым сердцем, чувствуя на себе грозный взгляд командира, тычешь булавками по лесам и болотам, изображающим окрестности славного града Александровска²⁵⁶. Противник ожидается с северо-запада. С помощью **Левицкого** задача решена. С глубокомысленным видом руководитель выслушивает объяснения.

Что вы мне, видите ли, толкуете о сторожевых заставах, о разъездах? А на биваке-с, где у вас место для стирки белья?

Голые стены неприветливой гауптвахты, на столе коптит керосиновая лампа; скука, тоска, в сотый раз перечитывая каллиграфически написанную инструкцию о допуске к денежным ящикам с хитрым росчерком какого-то комендантского адъютанта; на обороте причудливые арабески и рифмованная чушь, плоды фантазии досужих господ карательных начальников.

Вспоминаются залитые светом тротуары Краковского предместья, сверкают витрины магазинов, раззолоченные вывески ресторанов: по торцовой мостовой гремят коляски, экипажи: разодетая жизнерадостная толпа запрудила тротуары: мужчины в цилиндрах и бобовых воротниках, а дамы – дамы, точно вырезанные из модного журнала картинки. И я, в новеньком с иголочки пальто, сшитом в кредит у портного, сливаюсь с толпой; мне отдают честь встречные солдаты,

кланяются знакомые. А вот и она: из-под меховой шапочки сверкнули чёрные глазки.

Pass ob! pass ob! daar kom de khaki! (Гляди в оба! Там англичане!) – шепчет подкравшийся ко мне бур и указывает на противоположный берег. Я встрепенулся, протёр глаза и, сжав в руке заряженную винтовку, припал к земле рядом с буром, тонкий слух которого уловил какой-то шорох и движение в кустах по ту сторону реки.

Я весь превращаюсь в слух и зрение, но по-прежнему раздаётся лишь шум реки, да тихий шелест густо разросшихся кустов. Несколько минут проходит в напряжённом ожидании. Но вот я ясно различаю гаухой стук копыт, над тёмной поверхностью реки обрисовываются какие-то силуэты – они плывут к нам – это англичане! Возле самого уха раздался сухой треск выстрела, другой, третий; где-то ещё в стороне застремали выстрелы. Над спящей рекой пронёсся болезненный стон и замер.

Skitt not, porca madonna! skitt not, maledetto! (Не стреляйте, мадонна свинья! не стреляйте, проклятье!) – гремят диким хором голоса плавущих к нам людей.

Onse menschen! Jtalienshe corps! (Наши люди! Итальянский отряд) (добровольцев) – вздохнул с облегчением мой товарищ, поставил курок и бросился им навстречу.

К берегу сбежались остальные люди нашей брандвахты, лежавшие сзади в прикрытии, и с недоумением окружили вступивших на берег всадников. Их оказалось человек 15. Двое из них волокли третьего, очевидно, раненого. Беспомощно у него отвисли руки и покачивалась голова. Мутным взором он обводит столпившихся вокруг него людей, как бы желая угадать невольного убийцу.

Буры молчат угрюмо и не отвечают на бешеную руготню итальянцев.

Начальник их, знакомый мне по слухам, капитан **Риччардо** (**Риччиарди**), высокий мужчина с орлиным носом и чёрной как смоль бородой, накинулся на нашего капрала, потрясая револьвером. Porca madonna! (мадонна свинья!) – кричит

он прерывающимся от злобы голосом, – отродье ты **кафрское!** жирафа безглазая! вы убили у меня человек! вы ранили моих двух лошадей! Череп тебе размозжу!

Оказалось, что отряд его возвращался из разъезда, во время которого у них была стычка с английским пикетом, у которого им удалось отбить двух лошадей. А теперь, направляясь к броду, они не рассчитывали, что натолкнутся на брандвахту и что буры, приняв их в темноте за англичан, откроют по ним огонь. А больше всего злило отважного капитана то обстоятельство, что одну из отбитых у англичан лошадей, наивьюченную захваченной добычей, ранило шальной пулей и её унесло быстрым течением.

Скоро наступил рассвет. Итальянцы, всё ещё испуская проклятия, тронулись дальше, в свой лагерь, захватив с собой умирающего. Прошло несколько дней и грустный эпизод этот был предан забвению²⁵⁷.

Любопытно, что российский военнослужащий, на примере допроса бурами пленного англичанина, достаточно здраво оценивал боеготовность и моральный дух британской армии:

Нашей брандвахте удалось захватить беглеца из Ледисмита. Его привели на допрос к фельдкорнету. Он рассказывал, что незамеченным прошёл линию обложения, днём скрывался в ущельях, а ночью пробирался к Тугеле. Измождённое бледное лицо, лихорадочно горевшие глаза, окровавленные ноги и платье, висевшее клочками на худом теле, говорили красноречиво о лишениях, перенесённых им в пути. Жадно англичанин, рядовой полка Gordon Highlander, накинулся на предложенные ему мясо и сухари. На расспросы о том, долго ли ещё будет держаться гарнизон Ледисмита, он дал ответ, достойный солдата: «До тех пор, пока у нас хватит патронов и снарядов!»

– А надолго их ещё хватит? – иронически спрашивали буры.

– А до тех пор, sons of a bitch (сукины дети), пока вас **Буллер** не прогонит обратно за Маджубу!

Ответ – хоть прямо в хрестоматию.

Но добродушные буры, не обижаясь, продолжали потчевать пленника.

Им и так было хорошо известно от перебежчиков и лазутчиков-кафров, что положение Ледисмита критическое, что среди гарнизона и жителей свирепствуют дизентерия²⁵⁸ и лихорадки, вызванные тем, что подземные помещения, в которых население искало защиту от бомбардировки, заливались водой; целая треть гарнизона было неспособна кнесению службы; съестные припасы приходили к концу, рационы урезывались с каждым днём и люди питались почти одной кониной. Стал ощущаться недостаток и в огнестрельных припасах, главным образом в снарядах для морских орудий крупного калибра, взятых с броненосца (тяжёлого бронепалубного крейсера) «**Powerful**» (Могущественный). Но **Вайт** и не думал о сдаче, и упорная защита Ледисмита служит ярким свидетельством стойкости и выносливости английского солдата, и займёт почётное место в истории английской армии рядом с обороной Гибралтара в 1703 г. и Лукнова в 1857 г.²⁵⁹.

Обе стороны в ту войну вели перестрелку с применением крупнокалиберной артиллерии:

Всего несколько дней прошло после плачевной неудачи на Спионскопе, а уже к началу февраля **Буллер** счёл возможным предпринять новую попытку к прорыву бурской обсервационной армии. Если готовность англичан и служит до некоторой степени доказательством бодрости духа и доверия солдат своим вождям, то с другой стороны, при чисто пассивном характере оборонительной тактики буров, ни разу не сумевших воспользоваться выгодами данного положения, ряд таких частных неудач, какими являются отбитые атаки при Колензо 15 декабря и Спионскопе 24 января, не должны были

существенно отразиться ни на духе войск, ни на решимости **Буллера**.

Британская настойчивость и упрямство, как основные черты национального характера, снова выступают при оценке последующих действий английского полководца.

Операции **Буллера** с 5 по 7 февраля имели целью овладеть отдельной возвышенностью, подступающей к северному берегу Тугелы, Вааль-Кранс. Стрелковые окопы буров, тянувшиеся непрерывной линией с Спионскопа через Брокфонтейнские высоты, по Вааль-Крансу и дальше до Гроблерскоофу, с утра 5 февраля подвергались усиленному обстрелу со стороны Свартс-копа, с противоположного берега.

Кроме имевшейся раньше в распоряжении **Буллера** артиллерии (7 полевых батарей, 1 мортирной, 1 горной и 8 морских орудий), он получил в подкрепление восемь 15-санитиметровых мортир и 3 батареи морской артиллерии. Но совокупный непрерывный огонь этой внушительной по калибру и по количеству орудий артиллерии, сконцентрированной на вершинах Свартс-копа, не произвёл желаемого действия.

Благодаря искусному применению стрелковых и орудийных окопов к местности, глубине рвов и закрытиям, устроенным из железнодорожных шпал и рельс и представляющим таким образом надёжную защиту даже от навесного огня мортир, буры сравнительно мало страдали от бомбардировки и могли спокойно выжидать пехотной атаки, не вступая в сопротивление с подавляющей артиллерией противника.

Наступление англичан велось следующим образом:

Бригада **Wynne** (11-ая батарея York and Lancaster, I батарея South Lancashire, (**Wynne** принял командование 11-ой бригадой после раненого на Спионскопе генерала **Будгата**). перешла Тугелу по броду Portietersdrift, и развернулась в боевой порядок, повела наступление на Брокфонтейнские высоты, но дойдя на 1200 метров до бурских позиций, залегла и открыла безуспешный огонь, поддержаный пятью полевыми и одной мортирной батареей.

Тем временем другая бригада, **Lyttletona** (III батарея Kings Royal Rifle Corps, I батарея Durham Light Infantry, I батарея Rifle Brigade и II батарея Scots Rifles) вдоль подошвы Zwartskop'a направилась ниже по течению реки и в мёртвом пространстве извилистого берега Тугелы по наведённому pontонёрами мосту перешла на тот берег, направляясь атаковать Вааль-Кранс.

Бригада **Wunne'a**, действовавшая на левом фланге, была почему-то отзвана вместе с приданной ей артиллерией, получившей новое назначение. Пока артиллерия снималась с позиций и стала переправляться через Тугеду, бурские орудия, до сих пор молчавшие, открыли сильный огонь, так что переезд на новую позицию не обошёлся без потерь. Пришлось убрать и привязной воздушный шар, находившийся при артиллерии **Wynne** для рекогносцировки бурских позиций.

Новая позиция английской артиллерии, к северо-востоку от Zwarts kop'a, оказалась более выгодной, и бригада **Литтлтона** наконец достигла вершины Вааль-Кранса, стрелковые окопы которого были оставлены бурами.

Но и как на Спиона скопе, положение этой бригады, далеко зарвавшейся вперёд и не поддержанной другими частями, оказалось критическим: её громил перекрёстный огонь с Дорнклофа, где буры поставили орудие 155-мм калибра, и с Брокфонтейнских высот.

На другой день её сменила бригада **Hildyarda**, но и свежие части, попав под убийственный огонь, пришли в такое смятение, что о дальнейших успехах нельзя было и думать. Бурские гранаты зажгли сухую траву и кустарник по сторонам горы и английские войска, освещённые ярким заревом пылавшего всю ночь пожара, представляли отличную цель для наводчиков.

В ночь на 7 число **Буллер** отозвал войска и отвёл их в старый лагерь под Чивелеем, потеряв 20 офицеров и 350 нижних чинов убитыми и ранеными.

К нам в Крюгерсдорпский отряд лишь доносились отголоски артиллерийского боя. Пока что нас не тревожили. Ещё за

несколько дней до движения **Буллера** на Вааль-Кранс, осмотрительный комендант наш **Ван Вейк** вытребовал из главного лагеря за Гроблер-Кофом, где хранились боевые припасы, продукты и так далее, два фургона с шанцевым инструментом и в ожидании возможного наступления англичан на Колензо предложил людям заняться углублением и расширением своих траншей.

Пришлось и нам вооружиться лопатами и мотыгами и приняться за дело.

Это было не то, что скомандовать звучным голосом «По носкам борозди!» и, задымив папироску, с наставлением оконного дела в кармане, гулять позади роты, ковыряющейся в сыпучих песках Белянского лагеря. Здесь нельзя было и думать, чтобы блеснуть перед бурами своими познаниями по части фортификации. Руководимые каким-то инстинктивным чутьём, они безошибочно выбирали линию огня; очертания брустверов сливались до такой степени с прилежащей местностью, что за несколько шагов не было никакой возможности угадать о расположении стрелкового окопа за изгибами и складками почвы, за разбросанными камнями и обломками скал.

Глубина траншеи обыкновенно доходила до пояса и глубже; наружная стенка рва выкапывалась свodoобразно, так что в некотором роде заменяла блиндаж при сидячем положении. Вместо ступенек служили камни, на которых становились для стрельбы и по которым выбирались из траншеи.

Окопы не тянулись непрерывной линией, а строились на группы в 6–10 человек. Там, где оказывалась возможным располагать окопы этажами, получая таким образом двух- или трёхъярусную оборону, они соединяли неглубокими ходами сообщения. Заметно было стремление располагать траншеи выходами в какое-нибудь ущелье или балку, так что занятие или оставление их стрелками ускользало от внимания противника.

Каждый бур, не ожидая распоряжения свыше, заранее складывал в траншее мешки с сухарями, жестяные коробки

corned beef (тушёнка с кукурузой), консервированного мяса чикагского производства и несколько баклаг или холщовых мешков с водой. Патроны выдавались в неограниченном количестве, не пачками, а целыми ящиками или мешками. Мне приходилось видеть, между прочим, ящики с английским клеймом Rifle Cartridges (винтовочные патроны) за № и литерами такими-то; здесь хранились патроны **дум-дум**, не с отпиленной головкой, а с оболочкой, снабжённой четырьмя продольными надрезами. Многие буры были вооружены винтовками **Ли-Метфорда**, отнятыми у убитых англичан, и они без всяких угрызений совести употребляли английские же пули **дум-дум**.

Шанцевый инструмент, лопаты и мотыги больших размеров, были конфискованы правительством республики из складов и магазинов торгового дома «Beckett Company», специальностью которого было оборудование золотых приисков.

С непривычки, на первых порах, работа показалась нам прямо непосильной; при каждом ударе мотыгой о скалистый грунт искры сыпались во все стороны, кровавые мозоли появлялись на руках, пот струился градом, работать нужно было, а того и гляди, что пристукнет куском лиддитной бомбы. Засесть же в одну из готовых уже траншей, это, по понятиям почтенных буров, было равносильно покушению на чужую собственность, и мы общими силами трудились над сооружением своей.

У бедного **Павлуши Риперта** вскоре пропала всякая охота к практическому изучению фортификации и земляных работ и он, великодушно уступив нам своё место в вырытой лишь на четверть яме и изломавший шанцевый инструмент, заявил, что обойдётся и так: в случае бомбардировки устрою себе вал из мёртвых тел.

Наше участие в делах 5–7 февраля (1900 г.) выразилось только тем, что из Крюгерсдорпского отряда было вытребовано человек сто для подъёма **Long-Tom'a** на вершину Dorn-Kloof'a, при помощи канатов, рычагов и катков.

Колоссальное орудие (завода **Creuzot**), которому подобного не имелось в английской артиллерию, на 60 волах было пе-

ревезено с Энд-Хила (Холма Энд), из-под Ледисмита, и теперь потребовались соединённые усилия 200 человек, чтобы втащить его на гору. Накануне столько же буров трудилось над разработкой дороги, над устройством платформы из дубовых досок и бруствера из мешков с землёй. Человек 50 было занято переноской снарядов.

Чтобы скрыть от англичан работы по сооружению батареи и отвлечь внимание противника, хитроумные подчас буры употребили следующий манёвр: на одной из соседних вершин, не занятой ими, они разложили правильными кучками камни, вымазали их с наружной стороны известью и пустили туда для довершения иллюзии нескольких негодных под седло лошадей. Английские наводчики не преминули открыть убийственный огонь по мнимой батарее, громили её целый день и лишь поздно заметили свою ошибку – когда **Long-Tom** уже выставил своё грозное дуло из амбразур возвездённой батареи.

Молодцы-артиллеристы, некоторые ещё в чёрных, расшищих шнурами мундирах французского образца, захлопотали вокруг орудия, определили на глаз расстояние, установили требуемый угол возвышения и достали колоссальную гранату. По знаку находящегося тут же на батарее генерала **Бота**, бомбардир²⁶⁰ лихо рванул шнур и грязнул выстрел с такой силой, что содрогнулась гора; мне казалось, что лопнула барабанная перепонка, в глазах замелькали тёмные круги, и я невольно прислонился к брустверу.

А на прислугу орудия нашло то вдохновение, которое всегда охватывает присяжного артиллериста в бою; стальное чудовище, как бы проникаясь волей и мыслью наводчика, послушно открывает свою зияющую пасть снаряду и снова и снова изрыгает его с оглушительнымstonом, внося смерть и погибель в ряды озадаченных врагов.

Заговорила и английская артиллериya, несмотря на наступившие сумерки; справа и слева стали падать гранаты; осколки с треском отскакивали от камней или глухо шлёпались о мешки бруствера, обдавая нас мелким песком и землёй.

Потянуло знакомым удушливым запахом лиддитных газов. Стоявший на платформе поручик **Никитин** громко выражал своё неподдельное восхищение по поводу меткой стрельбы английской артиллерии. Без вилки пристрелялись, дьяволы, первый снаряд так и угодил в самую точку!

Но за первым снарядом завизжали и засвистели следующие и мне стало жутко от этой меткости – все они рвались возле самой батареи.

Невольно я залюбовался молодцами-артиллеристами, как они, сохраняя полное хладнокровие под непрерывным градом осколков, бодро и молодцевато, не суется, не волнуясь, подносили гранату за гранатой, заряжали и наводили точно на учебном полигоне. Не обошлось, однако ж, без жертв; сколько стало ходить по платформе, залитой кровью; под горой замелькали фургоны Красного Креста.

Hip-hip-hurra! – заорали вдруг буры, когда от их гранат задымились и вспыхнули ярким пламенем сухая трава и кустарник между горой и Тугелой. Hip-hip-hurra!

Теперь стрельба могла продолжаться всю ночь. Величественное зрелище представлял пожар: огненные волны, разрастаясь всё шире и шире, охватили густой кустарник; видно было, как взвивались и трепетали длинные языки пламени над тёмной рекой, выдавая расположение столпившихся в беспорядке войск противника, огонь которого с каждой минутой всё ослабевал.

Буры, торжествуя неминуемую победу, нестройными голосами затянули какую-то песню, на мотив кафешантанного куплета, и, взявшись за руки, заплясали вокруг орудия.

En Buller floeg turug
Long-Tom skitt em ruck!
Pass ob for de Faalpenzer!

(Одна из немногих военных песен, распеваемых бурами. В переводе приблизительно: И **Буллер** побежал – Его Лонг-Том доконал – Берегись Трансваальцев, брат! Faalpenzer – собственно белокожие – буры, в отличие от roonieke – рыжих англичан).

Хор гремел и заливался:

Pass ob! pass ob! pass ob for de Faalpenzer!

Pass ob! pass ob! pass ob for de Faalpenzer!

Запевала снова выводил высоким тенором:

Kom burghers bei makar...

Achtung! Skit vorwarts! (Смирно!) (Внимание!) (Продолжай стрельбу!) – грозный окрик лейтенанта, начальника орудия, положил конец необузданному веселью, напомнившему мне почему-то, пляску каннибалов²⁶¹ вокруг идола, забрызганного кровью человеческих жертвоприношений.

Песня замолкла; а стрельба продолжалась всю ночь до рассвета, пока последние колонны англичан не скрылись за Тугеду²⁶².

Очень немногие русские подданные поехали добровольцами воевать на стороне англичан:

В Екатеринославе (ныне – Днепропетровск), если верить «Приднепровскому Краю», нашлись два бурофоба, оба – купеческие сынки из мелких и из не особо обременённых делами. Молодые люди скучали в ожидании приключений, и война в Трансваале явилась для них весьма желательным приключением. Разумеется, пришлось выдержать борьбу с родными, но в конце концов победа осталась за храбрецами, – они укатили в Туманный Альбион. Недавно от искателей приключений получены известия, что они уже приняты в качестве добровольцев в английскую армию и готовятся к отплытию в Трансвааль²⁶³.

Российский офицер **Леонид Семёнович Покровский** (позднее погибший в рядах буров, в конце декабря 1900 г., в самый разгар партизанской войны) переслал домой с оказией несколько писем, которые были напечатаны весной–летом 1900 г. в газете «Варшавский дневник». Эти воспоминания интересны и тем, что автор подробно описывал и участие в боях своих соотечественников:

*Из Трансвааля
(от нашего корреспондента)*

1-ое письмо

Претория, 4 февраля

Мёртвая тишина царит в Европейской гостинице, где я остановился по приезде в Преторию. Сильная жара от отвесно падающих лучей южного солнца загнала немногих обитателей гостиницы в свои номера. Ушёл и я с накалённого солнцем балкона и, раскинувшись на мягкой постели моего номера, решил полежать. В сладкой дремоте носился я на боевом коне вокруг Ледисмита. Грозно смотрят большого калибра английские орудия, почему-то ясно и отчётиво выделяясь на укреплённых высотах центра города. Уныло выглядят полуразрушенные и заброшенные жителями домики Ледисмита. Неотступная мысль о взятии этого прославленного на весь мир укреплённого пункта нарушает и без того тревожный сон. Легко сказать взять. Но как, каким образом?? Ваше Высокоблагородие²⁶⁴, к вам приехал русский офицер из Ледисмита, вот он, здесь, прикажете принять?

Подобный оклик услужливого еврейчика из соседней лавочники тотчас разбудил и немало удивил меня.

– Кто, где, почему из Ледисмита? – бормотал я, вскочив с постели.

– А вот позвольте представиться: поручик **Арнольдов**, – проговорил, входя в номер стройный молодой брюнет с быстро бегающими карими глазками и с пушком вместо бороды. Одетый в костюм бура с традиционной шапкой на голове, мой новый коллега производил приятное впечатление и быстро завладел моими симпатиями.

– Ну что, как Ледисмит?

– Ледисмит-то ничего, всё по-старому, а вот на Тугеле так интересно: буры каждый день бьют англичан.

– А много там англичан?

– Англичан-то только у Тугелы 30 000, а дальше – у Колензо, у Эсткорта, у Питермарицбурга – несть числа, а вот буров-то на Тугеле всего 6000, да и те разбросаны маленькими командами

Гостиница «Трансвааль» в Претории

Бурские полевые окопы под Маггерсфонтейном

по всей Тугеле на протяжении 40–45 вёрст. Положим, на Тугеле все позиции – (у) буров. По эту сторону реки тянется длинный горный хребет с отвесными к реке скалами, а по ту сторону, у англичан, в большинстве случаев, вёрсты на 2–4 – равнина, даже без маленьких бугорков. Но зато сколько буров и сколько англичан? Ведь и сравнивать нельзя. А несмотря на то, ведь как эти буры воюют? Наступают англичане в больших силах. Буров сотни две на позиции. Они принимают бой и метким артиллерийским и ружейным огнём обращают в бегство многочисленного противника, а помохи, подкреплений не просят. Надо правду сказать – эти молодцы со своей новой тактикой способны уничтожить великую нацию.

– Ну а вы-то бывали англичан?

– О, и как часто! В маленькой-то перестрелке почти каждый день участвовал, а вот в серьёзном деле был пока только один раз. Это – сражение при Спионскопе, да рассказывать-то долго..

– Как? Вы участвовали в сражении при Спионскопе? Да ведь это пока самое интересное сражение! Нет уж, вы расскажите, иначе я вас не отпущу.

– Ну, уж если вы такой настойчивый, вооружитесь терпением и слушайте.

– Ровно две недели тому назад наша команда, всего шестьдесят человек, была назначена в резерв сторожевых постов. Англичане стояли по ту сторону Тугели, верстах в 4-х от реки, в лесистых горах. Буры заняли позиции на вершинах Спионскопа. Спионскоп – это длинный (более 4-х вёрст), параллельно реке горный хребет, и очень высокий (саженей 20–25), усеянный громадными камнями, за которыми так хорошо скрываются буры, весьма крутой к реке и пологий к нашему лагерю, где почивали спокойные бюргеры. По реке, шагов на 80–100 один от другого, были выставлены сторожевые посты. Да у моста стояло 10 человек. Мост-то буры не уничтожили в надежде со временем самим переправиться по нему, когда англичане начнут отступать. Между мостом и Спионскопом, опять-таки параллельно реке, тянется холм саженей

10 высоты, длиной около 3/4 версты. За этим-то холмом мы и засели. Наше назначение – поддержка сторожевых постов – собственно, для формы только. Ведь не могли же бы мы, шестьдесят-то человек, принять бой. Отступать? Да на фронте нельзя, высоко и круто, не влезешь скоро-то, а в сторону – далеко, а мы были без коней. Здесь охрана вообще неважная. Сторожевые-то посты ведь выставлены только там, где броды есть, это – недалеко по обе стороны моста. А где глубоко, буры особенно не охраняют: знают, что вплавь англичанам не перебраться (как у всякой горной речки, на Тугеле течение быстрое), а лодок и плотов они не имеют; лес-то видите, мелкий. Редко разве проедет разъезд, на обязанности которых, собственно, и лежит охрана всей реки.

Дело было за полночь. Лежим это мы да покуриваем южноафриканские трубки. Один молодой бур что-то рассказывал, должно быть, что-нибудь весёлое: все смеялись. Я, конечно, туда же для компании, хотя ни черта не понимаю по ихнему. Неподалеку **кафры** варили для нас кофе.

– **Вания!** Попьём что ли кофейку-то? А то скоро, кажется, англичане придут, – окликнул меня мой боевой трансваальский приятель **Бузуков**, бесшабашная²⁶⁵ головушка: был в трёх кампаниях, трансваальскую переживает четвёртую. Он, оказывается, ходил по ту сторону Тугелы, хотел высмотреть англичан, да чуть сам не попался ихним солдатам.

Вдруг, откуда ни возьмись, с горы кубарем слетел бородатый бур, да как заревёт во всё горло: «Англичане большими силами переправляются через мост: многие уже на этой стороне!»

– На гору! – скомандовал наш фельдкорнет. Пока я искал для себя удобный камень, чтобы скрытно и, главное, безопасно для себя можно было стрелять в противника, наши посты уже отступили на нас. За ними следом шли англичане. Мы, конечно, сразу же дерка, давай Бог ноги, поближе к своим. Англичане заняли наш холм. Начинало светать. Тёмные силуэты заметно двигались на вершине брошенной нами позиции. «Двинуться вперёд, а потом отступить и заманить англичан

на эту сторону холма», – проговорил прискакавший какой-то бур. Мы поползли на животах, пользуясь всяким камушком и кустиком как закрытием от неприятельского глаза. Вот уже у подошвы горы. Ещё немного вверх... и мы столкнемся с английскими штыками, жутко!.. Ну, слава Богу, вот и камни! Наконец-то добрались и теперь есть где укрыться! «Хорошо ещё, что англичане не стреляли в нас, когда мы пошли по равнине», – говорили между собой мои храбрецы-соседи. Мелькающие всё время на вершине горы тени вдруг почему-то скрылись. Наш передовой боковой секрет сообщил, что англичане спустились немного по скату горы. Оказывается, эти меднолобые решили, что не стоит из-за каких-то 60 человек и ружья марать, заберем, дескать, их живьём, без выстрела, да и себя не обнаружим, а их было 1 regiment (полк) – 800 человек. Мы-то тогда не знали, что их так много. Ну что же? Они вниз, а мы – наверх, и всё ползком. Доползли это сажени на 3–4 от вершины, да и засели, наверх-то не полезли, побоялись наткнуться, притом и камни-то попадались уж больно хорошие. Живо раскупорили мы свои патронташи и, расположившись шагов на пять один от другого, уже прицеливались к вершине, готовые пристрелить первого храбреца. Англичане по расчёту времени решили, что мы уже должны быть на вершине, и вот, взяв ружья на руку, первая их шеренга чинно двинулась в атаку. Подходят к вершине, глядь..., а нас-то и нет, не видно. Высунули они свои головы в нашу сторону, дескать, буры, где вы? А мы паф, паф, паф – и полетели пропущенные английские головы; да прямо на нас немедленно появилась вторая шеренга: такая же участь. Третья – то же. Дальше – по две шеренги, они сдуру-то шли в затылок и одна пуля убивала двоих.

Были и такие, что подходили к нам почти вплотную, это которых мы не успевали пристрелить на вершине, так таких достреливали уже в упор. Тяжело тогда было: руки устали, плечо от отдачи выстрелов болит... Ведь сколько пришлось стрелять-то!! И верите, все пули у них в голове. На двадцать-то пять шагов ведь можно было без промаха стрелять.

Ну и ругал же я их за ихнюю тактику. Стреляю и ругаюсь. Мне как русскому офицеру, изучившему до тонкостей военное искусство, да ещё в деле ведения боя в поле, побывавшему в ежовых рукавицах моего начальства, обидно было, очень обидно было смотреть на подобное извращение стратегии и тактики. Ну, зачем они уходили с горы-то? А потом: пустили в атаку шеренгу – побили; другую – побили. Видишь что-то плохо, ну и гони сразу всех; всех-то не успеют перестрелять, да гони не шагом, а бегом, да и на вершине-то не останавливайся, да не выглядывай: «Эй, буры, где вы?» Ну где же пре-восходство организованной армии? Единственно, что у них есть, так это сплочённость части в том смысле, что когда уже человек триста (300) валялось на нашей стороне, из пожелавших всем родным и знакомым никогда не ходить в атаку на буров, так все остальные, без исключения все, оставили попытку взять нас живьём, не хотели и стрелять в нас и – давай Бог ноги! А мы тогда на гору, опять за камни, и по пятам давай посыпать им **Маузеровского** гостинца.

В это время загорелся бой по всей линии. Грохот орудий, трескотня выстрелов с обеих сторон положительно оглушали, а часто разрывавшиеся вблизи снаряды и с визгом пролетавшие над головой **дум-дум** мешали сосредоточиться и хорошо уяснить картину боя. Но вообще все выгоды позиции были на нашей стороне. Высоко над нашими головами пролетели бомбы с вершины Спиона скопа и удачно разрывались в толпе неприятеля. Да к нам прибыло 1 орудие и сокрушительной картечью преследовало остатки улепётывавшего от нас полка. Рассыпавшиеся далеко по обе стороны моста многочисленные ряды англичан уже повели наступление, невзирая на сильный огонь буров, направляемый как с вершины Спиона скопа, так и с нашего холма подоспевшими подкреплениями. Но середина, сильно поражаемая нашим артиллерийским и ружейным огнём и увлечённая бегством отбитых нами, вспомнила о возможности спасения и бросилась через мост. А фланги сначала подумали, но в силу сплочённости своего бараньего стада в деле отступления, не хотели отставать от

своих и вот... понимаете, ничего подобного в жизни я никогда не видал, да и не увижу! Ну и хаос, ну и картина!

Вот так войска, ну и дисциплина!... Сначала все бросились на мост, но там и без того громадная толпа, страшная давка, шум, крик, гам... точь в точь как французы на Березине. Тогда все в реку. Да многие на броды-то не угодили, глубоко, тонут. А буры по ним из-за камушков всё жарят, да жарят. Раненые утопающие хватаются за здоровых: драки и – вместе тонут. А течение-то быстрое, несёт и больных и здоровых, и живых и мёртвых. Всего в этом сражении англичан было 6000 человек. Выбыло из строя убитыми и ранеными до 3000 человек. Да и немудрено: ведь мы их лупили всё время, пока они не убрались в свои лесистые горы, а это далеко по ту сторону реки. Из отбитого же нами полка, из 800-то человек, мы справлялись после, осталось в живых всего только 174 человека.

Видал я баранов, много видал, но таких, как англичане ещё не видывал.

А славное было дело-то! Не знаю, удастся ли вам побывать в таком! Ведь из 60-то человек мы все живы и здоровы. Прямо – чудо. Вот только кофейку с **Бузуковым** я так и не выпил, так угостите хоть вы.

Леонид Покровский²⁶⁶.

Приведём и статью доктора **Кухаренко** из русско-голландского санитарного отряда о своих соотечественниках-добровольцах:

Среди буров

VIII

В столице буров.

Претория, 10 февраля нового стиля

Встретил я здесь и русского, некоего господина **Арнольдова** из Самары, который уже больше месяца в этих краях и служит волонтёром в рядах буров. Я убеждён, что это русский офицер. Он около недели пробыл под Ледисмитом, а всё

остальное время был на Тугеле, где принимал участие в многодневных сражениях в двадцатых числах января.

Там он был контужен осколком бомбы в живот, пролежал неделю в госпитале, а теперь совершенно здоровый, отдыхает здесь, в Претории.

Это очень симпатичный молодой человек, горячо сочувствующий бурам, он в восторге от них. Много интересного сообщил он мне, так, например, что буры различными способами стараются выманить как можно больше снарядов из Ледисмита. Они устроили, между прочим, следующее.

Особенно значительный вред приносила англичанам, как известно, огромная пушка буров, прозванная **Длинным Топом**. Англичане в продолжение многих недель старались повредить её, однако, безуспешно. Когда снаряды стали всё ближе и ближе падать на прежнем месте, буры тихонько убрали её в другое место, оставив на прежнем месте длинное бревно. Англичане целую неделю палили в это бревно, пока, наконец, разбив его в щепки, не заметили обмана.

Под Ледисмитом произошёл ещё один любопытный эпизод. Во время одного сражения 500 ирландцев, забрав силой 200 англичан, привели их к бурам. Англичан отправили военнопленными в Преторию, а ирландцы работают теперь с бурами.

Английская артиллерия, по словам господина **Арнольдова**, ниже всякой критики. Выпускают они снаряды зря, безо всякого результата. В последнем сражении при Тугеле они выпустили около 100 000 снарядов, а убито лишь 6 буров, а ранено около десятка, да и то пулями. Буры не стреляют зря, бьют лишь наверняка и попадают с первого же снаряда, не пристреливаясь, а сразу. Из ружья англичане стреляют не лучше. При этом играют роль ещё некоторые побочные обстоятельства.

Дело в том, что воздух здесь, в Трансваале, замечательно чист и прозрачен; далёкие предметы кажутся близкими; опытный глаз бура определяет расстояние легко, чего англи-

чанин не может, конечно, пули не попадают. Затем, приближаясь к неприятелю, англичане часто забывают переставить прицел; находили, например, на убитых англичанах ружья с прицелом в 1200 шагов, между тем как они пали в ста шагах от неприятеля. Буры бьют англичан как зайцев.

– Нам жаль их, – сказал мне один старый бур. – Бьём их, как в карты играем.

Это последнее выражение употребляется здесь повсюду как обозначение лёгкого незатейливого дела.

– Страшно и обидно, – рассказывал господин **Арнольдов**, смотреть потом на эти кучи тел, лежат иногда по 30 человек, исключительно с головными ранами. О раненом солдате англичанин не заботится, бросает его по большей части на произвол судьбы. У них большой недостаток в медицинской помощи. Убитых англичане закапывают кое-как, неглубоко. Обыкновенно руки и ноги трупов торчат из земли. Разлагающиеся трупы разбухают, вылезают из земли, отравляют воздух. По ночам страшное зловоние, невозможно дышать, если ветер с могил дует на лагерь.

Англичанин счастлив попасть в плен; большего желания у него нет. Солдаты, взятые в плен, пляшут и поют от радости. Они знают, что останутся в живых. Буры замечательно хорошо обращаются с пленными, ласковы с ними, предупредительны.

– Первый кусок ташат ему, – рассказывал господин **Арнольдов**.

На Тугеле на стороне англичан участвовало 6000 **кафров**. Около 150 взято в плен; в Претории вообще много пленных **кафров**.

По словам господина **Арнольдова**, в армии буров около 20 бывших русских офицеров, большинство – артиллеристов.

Dr. **Вл. Кухаренко**²⁶⁷.

Русский подпоручик рассказывал и о своих спутниках-соотечественниках:

Из Трансваала

(от нашего корреспондента)

II-ое письмо

Претория, 6 февраля 1900 г.

– Кто там? Войдите!

– Я, – отвечал звучный приятный баритон, дверь отворилась и вошёл мой новый товарищ.

– А-а, господин **Арнольдов**, пожалуйте, здравствуйте, присаживайтесь. Где это вы вчера пропадали? Ждал, ждал я вас... Мне так хочется с вами поговорить. Ведь в прошлый раз мы так с вами болтались, что я даже не спросил вас, где вы служили и как вы попали в Трансвааль?

– Я служил в Бузулукском резервном батальоне, вышел в запас и вот уже месяц, как я в Трансваале. Ехал через Одессу и Порт-Саид, где пересел на немецкий пароход. Сильной качки на море, к счастью, не было, вообще дорога была тихая и спокойная, вот только конец немного смешной: ведь мы были в пленау у англичан. Не доходя Лоренсу-Маркеша, наскоцил на нас английский крейсер и без всяких разговоров увёл в Дурбан, а там выкинул на нашем пароходе английский флаг. Вот, значит, и плен! Капитан наш кричит: «Как вы смеете, почему?» А ему говорят: «У вас военная контрабанда и волонтёры для Трансваала, вот мы и задержим вас». Тогда капитан к немецкому консулу, а тот телеграмму императору **Вильгельму**, а **Вильгельм**-то телеграмму в Лондон – **Виктории**, дескать если через 24 часа английский флаг не будет спущен с немецкого парохода – объявляю войну. Конечно, из Лондона сейчас же распоряжение: отпустить на свободу. Но пока длилась вся эта канитель, прошло пять дней, пять мучительных дней. На берег, конечно, никто с парохода не сходил, опасно. В городе-то легко ведь можно задержать, кроме англичан никто бы не знал. На другой день нашего плениения на пароход явились английские офицеры с солдатами, опрашивали пассажиров, кто, куда едет и зачем? Спрашивают и меня: Вы кто? – Русский. – Ваша должность? – Офицер. – Куда едете? – В Трансвааль – Зачем? – Денег много, так хочу посмотреть Южную Африку, а оттуда – в Америку.

– Ну и отвязались. А вы-то давно в Трансваале? Где вы служите? Знаю, что вы офицер, а фамилии-то вашей мне не сказали, говорят, трудная.

– Приехал я в Преторию 26 января, служил в Варшаве в Белгорайском полку, а фамилия моя совсем не трудная: **Покровский**.

– Так почему же вы, господин **Покровский**, до сих пор в Претории, если приехали сюда ещё в январе? И отчего я вас вижу в постели. Вы нездоровы?

– О да! И очень сильно. Ещё в Мозамбике я заболел от насосов.

К тому же на пароходе «**La Gyronde**» (Жиронда) кормили нас отвратительно скверно. С тех пор у меня дизентерия. Это бы ещё ничего, если бы не другая беда. Удалось мне здесь достать конька-горбунка из-под Бовы-Королевича. Очень быстрый, и поскакал я на нём в горы посмотреть форты вокруг Претории. Попалась на дороге змея. Я, конечно, зазевался, ведь змея-то африканская, не российская, надо посмотреть, еду и всё оглядываюсь. Поводья-то опустил. А с другой стороны, другая змея, и прямо на лошадь. Конь мой как шарахнется в сторону и выбросил меня из седла. Я упал, да ногой на камень. Камень-то острый, глубоко врезался в ногу, образовалась большая рана. Пока я добрался до Претории, да пока нашёл доктора – меня лечил нашего Красного Креста доктор **Давыдов**, – времени-то прошло много, рана опухла, закрылась и загноилась. Кроме того, маленькие африканские насекомые разъели большое место. Вот теперь и страдаю. Ездить не могу, ходить много не могу. Прямо в отчаянии... Товарищи все мои уехали на поле брани, а я лежу здесь один-одинёшенек. Ни книг, ни газет здесь наших нет. По-французски из окружающих меня никто не говорит, а по-русски хоть еврей хозяин и понимает немного, да о чём с ним говорить-то? Он только и норовит handel (торговлю) сделать. Пробовал я писать, да перо валится из рук. Скука одолела страшная. Ведь целые дни вот так и лежу на постели. В России никогда не плакал, а здесь слёзы сами катятся. Вот видите и теперь.... Ведь обид-

но!... Приехал воевать, да не видавши неприятеля, сам вздунал умирать. Бог знает, когда я поправлюсь! Да и перед бурами совестно. Явился к ним болеть. Ведь у них и своих больных много.

– А вы бы в госпиталь легли?

– Что вы, что вы? Не бывши-то на войне Да за что же меня там лечить-то будут? Ведь там лечат даром, а что я сделал для трансваальского правительства? Только хлеб ем. Будь я хоть день на войне, дело другое; но сейчас ведь я лечусь на собственные средства, которые, к слову сказать, иссякают до последней копейки. А здесь всё страшно дорого. Нет, я лучше вот что сделаю. Поеду-ка я в Ледисмит, да один в атаку на английскую батарею.... И страданиям конец и смерть почётная!

– Ничего тут стыдного нет. Это просто от скуки вы сами себя так настраиваете. Ведь уже одним приездом в Трансвааль вы доказали ваше желание быть здесь полезным. А разве вы виноваты, что заболели? На войне пока ещё в вас не нуждаются, а когда вы выздоровеете, вы тысячу раз успеете фактически принести посильную помощь Трансваалю. Нет! Здоровьем надо дорожить. А вот я ведь тоже самое – нездоров, а уехал с театра войны в самый разгар. А почему? Надо лечиться. Заболел я там на другой день после того боя, о котором я вам уже рассказывал, стоял я с некоторыми из нашей команды на вершинах Спионскопа, любовался местом вчерашнего побоища. Вдруг, откуда не возьмись, лиддитная граната, да и разорвись около нас. На мне были тогда одеты два патрона-таша через плечо крест на перекрёст и пояс с патронами. По этому поясу и патронташам меня и задело одним осколком, да хорошо ещё, что задело-то гладким боком. Не успел я одуматься, как уже валялся в обмороке. Пояс и патронтashi-то разорвались. Только через два часа, и уже в лагере, я очнулся весь бледный и с молоком на губах (оказывается, молоко-то на губах у меня ещё не обсохло). И вот теперь я считаюсь контуженным. Видите, и хожу-то всё живот поджавши. Не могу ничего есть и желудок совершенно не работает. Повалялся я немного в госпитале под Ледисмитом, да там плохо. Кастрорка

и касторка – всё и лечение, а климат не совсем здоровый. Я оттуда и удрал. Теперь думаю здесь отдохнуть и полечиться у одного русского доктора – господина **Рейтмана**. Он уже 15 лет как в Трансваале, с громадным состоянием, в отличном имении имеет свою больницу, там же у него и золотые россыпи. От Претории это недалеко – два часа езды на лошадях. Я с ним уже знаком. Когда я приехал в Преторию, он, узнав от одного **кафра** о приезде русского офицера, немедленно же прикатил из имения и разыскал меня. Покутили мы тогда здесь с ним славно. Теперь он мне предлагает отличный уход, последнее слово медицины, отдельный флигель, сад, лошадей, здоровый горный воздух и всё даром. Как тут не согласиться, да ещё больному-то! Недельки две-три я там полечусь, отдохну, поправлюсь. Вы за это время тоже успеете здесь выздороветь, вот и отлично.

Поедем тогда вместе воевать: и удобнее и веселее. Я немного знаю здешнюю обстановку, вы немного уже говорите по-здешнему, вот мы вдвоём-то и сойдемся. Только главное – не торопитесь уезжать и выздоравливайте хорошенъко. Если мы попадём в мою старую команду, так нам там с **Бузуковым** будет весело. Да, а ваши-то русские где? Можно бы с ними! Да, кстати, кто здесь из русских-то, расскажите.

– Пока немного. Первым приехал сюда один штабс-капитан какой-то минной роты, фамилии его не знаю. Потом поручик М-ского (Ярославского) полка Я-Н (**Едрихин**). Он в этом году окончил академию Генерального штаба по 2 разряду (неточность, **Едрихин** закончил по 1 разряду) и вот двинулся в Трансвааль применять свои академические познания на деле. Затем – вы, а потом и мы.

– А вас сколько?

– Волонтёров-то – шесть человек. Мой однополчанин поручик **Августус**, прапорщик запаса Н-ского²⁶⁸ полка **Диатроптов** и я, мы трое едем из Марселя. В Порт-Саиде к нам сели сотник **Гучков** и какой-то банкирский писарёк: еврей – не еврей, а что-то вроде того (**Риперт?**). **Гучков** служил в лейб-grenадёрском Екатеринославском полку, а потом в донских

казаках, уже три года как в запасе, последние два года по выходу в запас был в Манчжурии, в охранной страже; это очень богатый человек, едет с денщиком, его отец и брат – московские купцы-миллионеры. На Мадагаскаре в Диего-Су-арец ещё прибавился Екатеринбургского полка подпоручик **Никитин**. Да этого я не считаю, он уже староват годами-то, а мы ведь все молодые. Затем Красный Крест – 33 человека и подполковник **Гурко** – наш военный атташе.

– Да знаю, я с ним виделся в Ледисмите и вот при каких обстоятельствах. Уже собрался я совсем уходить из госпиталя, как мне сказали, что приехал русский генерал **Гурко**. Ну, думаю, слава Богу, теперь уж англичанам несдобровать, наш старый генерал частенько бывал врага, не даром фельдмаршала получил, пришёл конец **Буллеру!** Спешу повидать его и вижу: русский офицер, ещё моложавый, в мундире подполковника. А где же генерал? – спрашиваю я. Да вот он, – указывают мне на подполковника. Представляюсь. Оказывается, это сын знаменитого генерала подполковник **Гурко**, ваш, Варшавский, и приехал не воевать, а военным атташе. Вот какая история с ним случилась. Стоим мы на батарее. Во время перестрелки с англичанами долго снаряды разрывались хотя и вокруг нас, но не близко. Но вот одна сорвала крышку с зарядного ящика. Кто-то сказал: Здесь опасно. А в то время другая граната – тррраах, и разорвалась сзади нас, шагах в 15. Крик, шум... смотрим, а один лежит на земле, только я его не знаю, говорили, что капитан **Потапов**.

– А-ах, это штабс-капитан **Потапов** – пристроился агентом по военной части при Красном Кресте и вот теперь поехал вместе с **Гурко** посмотреть, как воюют буры.

– Там вот этого **Потапова** обдало в ноги мелкими камнями; не ранило, а только одежду немного порвало. Как встало, бледный был. Ещё бы! Ведь могло убить! **Потапов** горюет, а **Гурко** улыбается: господа, у меня прекрасная фотография вышла!!... Оказывается при нём был маленький фотографический аппарат и ему удалось снять гранату в момент её разрыва.

– Вот как! А я ведь, признаться, не думал, что он такой храбрый!

– Ваше Высокоблагородие, вас одна русская барыня спрашивает, она здесь в салоне ждёт, – проговорил в дверь еврей-хозяин.

– Это ещё что? Интрижка?

– О нет, нет, господин **Арнольдов**, что вы! Спаси меня Бог от такой напасти! Это, вероятно, одна русская дама пришла навестить больного. Она ехала вместе на пароходе.

– Да кто же она?

– О, это интересная женщина. Когда-нибудь расскажу вам о ней.

Леонид Покровский²⁶⁹.

Приведём и следующее письмо нашего храброго соотечественника:

Из Трансвааля.

От нашего корреспондента

III-е письмо

Ледисмит

15 февраля 1900 г.

Ни шумных рукоплесканий, ни торжественных криков ура, ни тёплых сердечных пожеланий успеха и благополучного возвращения, что обыкновенно сопровождает всех здешних воинов, ничего этого не было при моём отъезде из Претории на театр военных действий. Я поехал к Ледисмиту. С дневным поездом пассажиров очень мало. Буры предпочтывают уезжать из Претории в 8 часов вечера. Пустые вагоны, пустой вокзал вообще плохо отзываются на нервах, а на разинченных – тем более. Мрачные мысли неотступно преследовали меня: Что будет со мной? А если убьют? Но ведь на то же пошёл, – успокаивал я сам себя. Вполне я это понимал, смотрел на всё слишком просто, но человеческая душа бывает очень прихотлива. Случались ли с вами большое горе или весьма большая радость? Если – да, то вы сами знаете,

как велика бывает тогда потребность открыть свою душу кому-нибудь из друзей, из близких вам, высказаться... А почему нет? Отчёта вы себе не отдаете. Вы знаете только, что вы получили какое-то невольное облегчение, как вы говорите, – будто гора с плеч свалилась. Бывает и другое состояние нашей души. Берешься за какое-нибудь опасное дело, знаешь, что выполнишь его, надеешься на себя, на свои силы и, во всяком случае, не боишься результатов, даже и дурных, но... невольно хотелось бы поддержки, хотя бы одного только тёплого ласкового напутственного слова. И это-то слово как бы придает энергии, успокаивает возмущающиеся нервы.

Это вообще не трусость и не боязнь неведомого, нет... Это общая слабость человеческой души. Если вы проверите себя и проверите в надлежащей обстановке, то вы согласитесь со мной...

Всё это быстро пронеслось в моей голове. И понял я своё одиночество... Вспомнил я родину, отца, мать... Как горько поплакали бы они, провожая своего сынка на опасное дело. Вспомнил я прощальные проводы на вокзале при отъезде из Варшавы: мои добрые товарищи, знакомые дамы, барышни²⁷⁰... мои признательные к начальнику, унтер-офицеры. Как просты, сердечны и тёплы были их напутственные пожелания. А вот мой верный друг **В.Ф.М.**, своим светлым и ласковым взглядом, да добрым словом всегда умевший успокоить мои возбуждённые нервы. С какой любовью сует он мне в багаж последние №№ русских газет, бутылку старого венгерского, шоколад.

А поезд уже давно идёт и далеко унес меня от столицы Трансваала. Быстро мелькают в окнах вагона зелёные вершины гор, показывая то одну, то другую сторону. А колёса стучат, да стучат, то учащая, то замедляя выбиваемый ими такт. Нервно покачиваются вагоны, наклоняясь то в одну, то в другую сторону. Неудобна для езды проложенная в горах железная дорога Южной Африки. Прямой путь невозможен. Туннели бы были бы слишком часты, а, следовательно, дорога обошлась бы очень дорого. Строители предпочли проложить рельсовый путь прямо по скатам гор, не стесняясь вышиной

подъёмов. То приходится огибать большую гору, то карабкаться на вершину её, лавируя по одному и тому же скату в три или четыре пути, с обязательным наклоном поезда в сторону возвышенности. Но что неприятно, так это стремительная быстрота при спусках с гор и весьма медленное карабкание на вершину.

Картина однообразия была прервана известковыми заводами в окружности города Flesfantijp. Огромные склады плит ослепительной белизны, разбросанные на большом протяжении, свидетельствуют о богатых известковых залежах. Из всех городов, попадавшихся на пути, остановил на себе моё внимание город Heidelberg, расположенный в живописной долине, по обеим сторонам маленькой горной речонки, щеголявшей своей чистотой и строго правильной и красивой распланировкой. Здесь всё мило, всё уютно. И солнце как будто не так палит. И народонаселение почему-то симпатичнее, а женщины – много красивее, чем в других местах Трансваала. На попутных станциях вагоны понемногу наполнялись бурами, то впервые едущими на войну, то возвращавшимися из кратковременного отпуска или из госпиталей. Стало оживлённее. Беседы, толки, споры не умолкали ни на минуту, некоторые заговорили о Ледисмите и Коленсо. В последнее время, после Спионскопских дел, ввиду большого сбора войск неприятеля в Капской колонии, оранжевые буры вместе с их артиллерией были отзваны из-под Ледисмита и Коленсо к Кольберу, в своё отчество; туда же было послано и много буров Трансваала. Защитники Коленсо и Тугелы решили, что в Натале война кончена и что после Спионскопа англичане не захотят атаковать сильные позиции.

Ходили слухи, что много войск неприятеля отзваны в Дурбан и далее в Кап для вторжения в Оранжевую Республику с юга и для защиты Кимберлея. Со дня на день ожидалась сдача Ледисмита. Уже буры в некоторых местах сами перешли Тугелу, выгнали англичан из Коленсо, всё, казалось, благоприятствовало, и улыбающиеся физиономии иррегулярной армии надсмеялись над европейской тактикой и европей-

скими воителями. Но вдруг генерал **Буллер** сосредоточивает большинство своей армии у Коленсо и открывает сильнейшую артиллерийскую канонаду. И понеслись гранаты десятками, сотнями, тысячами... Поняли, что сила и солому ломит. Куда девалась их самоуверенность??!!.. Всюду опасения, всюду неблагоприятные предположения.

Легко сказать, – говорили они мне, – ведь у нас под Коленсо всего только две с половиной тысячи, а их, англичан-то, до четырнадцати тысяч. Вот тут ивой! Да и то мы надеемся победить, – добавляли они уже с заметным недоумением в голосе, – ведь правда, да? И в этом, правда, так вот и слышалось: Ну скажи, что правда, что тебе стоит, видишь, я боюсь, поддержи же меня! Узнав, что я русский, большинство тотчас же окружило меня и все стали спрашивать о русской политике в Азии, Герате, Афганистане. Индия интересовала их не менее Коленсо. Отчего вы не хотите идти в Индию, для вас теперь самое время разгромить Англию, – осыпали меня со всех сторон подобными вопросами мои возбуждённые соседи. Долго мне пришлось увершевать, что у России слишком много своего внутреннего дела, самим русским нельзя начинать войну, что ещё так недавно по почину России собиралась в Гааге конференция по вопросам о международном мире, и наконец, говорил, что нам Индия и вообще какая-либо чужая земля не нужна и что у нас и так очень много земли. Мои соседи со вниманием слушали и соглашались по каждому пункту в отдельности и даже поддавливали, но представьте себе моё удивление и даже озлобление, когда после всех моих доводов, мне красноречиво заявили: вы боитесь Англии, а потому и не воюете с ней, да это не только вы, русские, да и вообще все европейцы.

Зачем же я так долго убеждал их, зачем же они выслушивали мои доводы и даже соглашались со мной. Да, наконец, к чему весь этот разговор, если все они с заранее предвзятым решением? – размышлял я, ошеломлённый подобным исходом нашего разговора. Оправдываться, оспаривать я находил недостойным для русского офицера: слава русского оружия, доблести и храбрости русского воина далеко гремят за предела-

ми России и одинаково известны им, африканерским бурам.

– Это они вас подзадоривают, – заговорил со мной по-французски мой сосед по скамейке, голландец т-р **Kothe**, живший в Занзибаре и недавно приехавший в Трансвааль, – они просто хотят, чтобы Россия объявила Англии войну и тогда прикончится война в Трансваале.

– Но зачем же они всё это мне-то говорят, ведь я же ничего не могу сделать для них, – возразил я.

– О, нет, – заявил мой сосед, – буры надеются, что вы напишете в Россию и что ваше письмо там подействует.

– Да ведь не могу же я объявить Англии войну, хотя бы даже и в газетах, а если и напишу, так разве послушают меня? – начинал горячиться я.

Тем временем подъехали мы к Elandslaachte, знаменитому каменноугольными копями. Отсюда идут блиндированные поезда. Оседлав свою лошадь, я оставил свой багаж любезному **Kothe**, а сам поскакал на Моддер-Спруйт, последнюю станцию перед Ледисмитом. При станции – лагерь для приезжающих. **Kothe** приехал с поездом раньше меня и уже хлопотал у чайника с кофеем. Немного отдохнув и закусив, я отправился в главный лагерь, – это недалеко, 1/2 часа езды.

Что-то мне скажет генерал **Жубер**? – волновался я, нахлестывая своего уставшего коня.

Леонид Покровский²⁷¹.

Немало любопытного описал в своей весточке на родину российский подпоручик:

Из Трансвааля.

(От нашего корреспондента)

IV-е письмо.

Коленсо

19 февраля 1900 г.

Вечер близился к концу, чувствовалась прохлада – заходившее солнце уже не жгло своими лучами и давало полную

возможность человеческому глазу любоваться красотами южного заката. В шагах ста передо мной на небольшой возвышенности расстипался бурский лагерь. Я замедлил быстрое движение моей лошади и поехал шагом. Большие, вычурные, разнообразных видов палатки, то совершенно круглые, суживающиеся вверху, из белой, серой или зелёноватой очень толстой парусины, все они отличались пестротой отделки. Цветная кайма, покрывавшая все швы палатки, являлась как бы необходимостью, рябила в глазах и придавала лагерю издали вид букета всевозможных цветов. Почти у каждой палатки тут же стояла большая фура, вроде киргизской кибитки, нередко покрытая тентом, предохранявшим и от отвесных лучей солнца, и от проливных дождей. Мулы, лошади, быки, козы, куры, петухи – всё это массами бродило тут же между палатками, заражая землю и заражая воздух.

Таков главный лагерь под Ледисмитом, резиденция генерала **Жубера**. Около одной из крайних палаток виднелась кучка седовласых длиннобородых старцев, слушавших неторопливую речь бура, только что передо мной подъехавшего к ним. В двадцати шагах от них я слез с лошади и подошёл к старцам, надеясь между ними увидеть прославленного генерала. Не видя мне знакомого по фотографии лица, я, после обычного приветствия, спросил на смешанном голландско-бурском наречии, где палатка генерала **Жубера**. Узнав, что я русский офицер, эти старички так быстро заговорили, перебивая один другого, что я решительно ничего не понял и только догадывался по взмахам рук об указываемом мне направлении. Узнав, что генерал **Жубер** дома, попросил одного из буров доложить обо мне, подавая свою визитную карточку.

– Зачем я пойду, – ядовито усмехаясь, ответил он мне, – мне его не надо, а если тебе надо генерала, так иди сам, я не пойду.

Попробовал я попросить о том же другого, вышедшего из соседней палатки, но результат был одинаков. Горя со стыда, что они смеются надо мной, я решил поскорее скрыться от них и отправился без доклада. Помещение, куда я во-

шёл, по первому впечатлению представляло из себя как бы деловую канцелярию, но без книг и бумаг. Натянутая двойным тентом, эта большая четырёхугольная палатка, поддерживаемая толстыми брусьями, играла роль приёмной генерала. Большой стол в отдалении, за ним сундук, несколько стульев вокруг стола и у стен, толстый слой травы на земле, вот и всё убранство её. Здесь же происходили и военные совещания. Сам генерал сидел за столом и диктовал что-то секретарю, очевидно, какое-то приказание. Несмотря на свою уже значительную седину, он выглядел ещё далеко не стариком, держался прямо, немного полный, выше среднего роста, представительный, он производил симпатичное впечатление. Одет он был так же, как и все буры, а также имел грязные загорелые чёрственные руки простого крестьянина.

При моём входе в палатку он встал и спокойными шагами направился ко мне навстречу, любезно протягивая мне руку, с ловкостью молодого корнета я быстро щёлкнул шпорами, отвесил низкий поклон, крепко пожал протянутую мне мускулистую руку и опустился на предложенное мне кресло. Генерал сразу же узнал во мне иностранца. Маленькая французская бородка и чистенький пока ещё щеголеватый костюм с непременными воротничками и манжетами сразу же показывали, что я не обитатель Трансвааля, хотя я и был вооружён по-бурски и имел даже бурскую шляпу. Прочитав мой трансваальский паспорт и письмо статс-секретаря **Рейца**, генерал немедленно же угостил меня чашкой кофе и в разговоре посвятил меня во все подробности настоящего положения военных дел. Рассказал о штурме Ледисмита, об осаде его, о безвыходности гарнизона, о пассивности действий генерала **Уайта**, о предполагаемой скорой сдаче Ледисмита, не преминул упомянуть о славных спионскопских делах и даже остановился на ежедневных сражениях под Коленсо.

Леонид Покровский²⁷².

Весьма интересные письма оставил **Леонид Семёнович Покровский**:

Из Трансваала

(От нашего корреспондента)

V-е письмо

Коленсо

19 февраля 1900 г.

— Очень у них артиллерии много, — сказал мне **Жубер**, — ведь так и сыплют. Вот сейчас под Коленсо выставили более 30 пушек и изо всех сил всё время стреляют, а у нас там только 5 пушек. Да и солдат с Тугела **Буллер** перевёл под Коленсо, набрал всего 14 000 человек. А наших там всего 2400 человек.

После неудачных неоднократных атак Спионскопа, **Буллер** приказал ещё один, и последний раз, произвести решительную атаку этих позиций, для чего собрал туда почти все свои войска и всю артиллерию. Обидны, конечно, ему были постоянные неудачи и слишком большие напрасные затраты. Одна только спионскопская артиллерия англичанам стоила 150 000 (фунтов) (полтора миллиона рублей). Можете судить, сколько они выпустили в нас снарядов!.. А людей ихних сколько там погибло!!.. Но солдаты решительно отказались атаковать вновь Спионскоп и не хотели слушать своих офицеров. Атакуйте сами, вместе с **Буллером**, — говорили солдаты офицерам, — а мы не хотим зря изыхать. Пришлось отказаться. А тут **Уайт** из Ледисмита требует скорейшего освобождения. Если, говорит, на этих днях не освободите, сдаёмся.

А **Буллер** всё уговаривает его обождать. Ведь они каждую ночь разговаривают посредством электричества. Да не успеет **Буллер** прийти в Ледисмит, как Уайт действительно сдастся. Он бы и не хотел, да солдаты того требуют. Всего их там было 15 000 человек; 2000 сдались в плен во время первой вылазки; 3000 — умерло, а остальные чуть ли не все лежат нездоровые. Лихорадка их одолела, да и еды мало, а тут ещё наши пушки, да ружья покоя не дают; сейчас у них даже на содержание караулов не хватает людей. Всё это я знаю от наших шпионов-лазутчиков; у меня есть три молодца, которые частенько наведываются в Ледисмит и узнают кое-что для меня.

– Я их видел в Претории и даже разговаривал с ними, один из них ещё ходит в штанах английского офицера, – перебил я генерала.

– Да, да, – продолжал генерал, – есть такой. Так вот после всего этого **Буллер** и сосредоточил у Коленсо, оставив на Тугеле небольшие отряды кавалеристов и конной пехоты. По видимому, он сильно торопился пробраться в Ледисмит, тем более их очень беспокоит устраиваемая нами дамба на Klier-River, боятся, чтобы не затопило Ледисмит. Да вы это, впрочем, знаете, статс-секретарь **Рейц** пишет мне, что вы – сапёр, можете делать всякие фортификации и чтобы я послал вас на дамбу в помощь строителю. Но, я думаю, лучше если бы вы поехали под Коленсо, там для вас много будет работы.

Я, конечно, не преминул согласиться и предложил полную готовность своего труда на всё то, что только захочет генерал.

Поддерживая разговор о Ледисмите, я, между прочим, спросил: «А отчего вы не хотите взять Ледисмит приступом?» И тут же стал развивать план атаки. Достал свои карты, планы, прокладывал параллели, проводил подземные траншеи, доказывал возможность ночной атаки положительно без потерь, советовал пользоваться слабостью неприятеля вовремя, убеждал, что тогда и **Буллер** не будет так предприимчив, потеряв Ледисмит и, оставив Наталь, что тогда разрозненные силы буров можно будет соединить вместе...

Генерал слушал меня со вниманием, следил за моими чертежами, но когда я кончил, не менее горячо стал опровергать мои доказательства.

– В ваших планах, – говорил он, – мы ровно ничего не понимаем, а что такое атака, это мы испытали на собственных шеях и больше атаковать никогда не будем. Всякая атака ведёт к массе потерь, к массе смертей, а это не в наших принципах. Жизнью надо дорожить, жизнь надо беречь, а тем более нам, бурам, когда нас и так немного. Кто же будет воевать с англичанами, если мы будем подставлять себя под выстрелы?

Я снова начал доказывать, что в подвижных траншеях можно скрыться от неприятельского огня, что атака должна

быть удачна, так как местность к бурам благоприятствует и они её отлично знают, что ночная, и, особенно, удачная атака не повлечёт за собой потерю атакующего, а если таковые и будут, то весьма ничтожные, что они вполне окупаются захватом десятитысячной армии неприятеля и громадных складов воинского снаряжения, что это вконец деморализует неприятельскую армию. Но все мои доводы очевидных выгод атаки разбивались о несокрушимо железное мнение генерала. Тогда я решился на последнее средство – предложил сформировать особый отряд из иностранцев, человек в 500, и с ними брался захватить платранду (возвышенная укреплённая местность), а когда остальные укрепления и сам город сдадутся сами собой, не более, как через час после захвата платранды. «Ведь иностранцев вам жалеть уж не приходится, лишняя обуза после войны», – не без колкости добавил я генералу.

– Нет, – сказал мне генерал, – всё это лишний огонь в бою. Затем он поблагодарил меня за то живое участие, которое я готов проявить в деле войны, выразил своё большое удовольствие по поводу нашего маленького спора, и в заключение добавил: «Буры не доверяют иностранцам и вы ничего здесь сделать не можете. Но если вы будете спорить с бурами и навязывать им своё мнение, то этим вы только вооружите толпу против себя. Это такой народ, с которым необходимо соглашаться и держаться общего мнения. Вам придётся делать только то, что все делают и что он находят удобным делать. Из неоднократных опытов своей боевой жизни я убедился, хотя я тоже бур, что подобное мнение об иностранцах далеко не всегда справедливо, но что делать, моё мнение – единичное мнение, толпу не убедишь, тем более они имеют свои особые основания думать так, а не иначе!»

Вошедший в это время сын генерала попросил нас обедать и разговор прекратился. Стол был накрыт в шатре генерала.

Я был голоден и далёк был от мысли поддерживать какой бы то ни было разговор и за всё время своим аппетитом ничуть не уступая любезным хозяевам, наперерыв предлагав-

ших мне то одно, то другое кушанье, да и себя не забывавшими. Надо отдать справедливость в кулинарном искусстве супруге генерала, старушке, бывшей здесь же в лагере и ни за что не хотевшей оставаться в Претории. После обеда я простился с генералом и его сын отвёл меня в большую просторную палатку некоего преторийского адвоката, где мне предложили мягкую постель. Багаж, лошадь – остались на попечении генерала. Ну, слава Богу, наконец-то можно рассстегнуться, а то патронташ с полным числом патронов, тяжёлый револьвер, да затянутый в талию костюм и так уж сильно давили меня, а тут ещё сытный обед... Просто беда!..

Леонид Покровский²⁷³.

Наблюдения нашего соотечественника о штабах бурских военачальников весьма поучительны:

*Из Трансвааля
(от нашего корреспондента)
V-е письмо
Коленсо
20 февраля 1900 г.*

Хорошо спалось мне в главном лагере. Усталый, с удовлетворённым желудком, на мягкой постели я не просыпался до утра. Благодаря заботливости генерала **Жубера**, приказавшего не беспокоить меня никаким даже шумом, шатавшиеся кругом палатки коровы и лошади были уведены. Мой адвокат, проснувшись очень рано, помня строгие инструкции генерала, ходил на цыпочках по бесшумному полу, боясь разбудить меня. В сладкой истоме нежился я, вспоминая вчерашнюю беседу с генералом. Лёгкий шелест откинувшейся входной полы и нетвёрдое лопотание высунувшейся к нам физиономии разбудили меня. Оказывается, генерал просил меня к себе. Наскоро одевшись, я поторопился оставить своего нового хозяина. Два слова о нём. Это – состоятельный преторийский адвокат, ввиду закрытия с момента войны всех учреждений, одинаково и судебных, лишенный всякой дея-

тельности решил пристроиться в главном лагере. Все тунеядцы стремились сюда. Да как и не хотеть? В другом лагере пришлось бы ходить на позиции, ежеминутно подвергать свою жизнь опасности, оставаться под дождём, валяться в грязи, холодать и голодать.... а здесь не то. Службы никакой, дела никакого, гранаты сюда не достигают, пища готовая, от правительства мягкая постель, чистое бельё, весёлое общество, чего же лучше? И вдобавок почёт – состоять в свите и охране генерала.

У генерала уже готов был утренний кофе и небольшая закуска. За завтраком мой любезный начальник предупредил меня, что есть попутчик в Коленсо и, если я спешу, то могу ехать сегодня.

– Я хотел, – говорил он, – отправить вас на Тугелу к генералу **Бота**, это очень предпримчивый и даровитый генерал, уже проявивший себя спионскими делами, но под Коленсо сейчас больше работы и я уже заготовил для вас письма к генералу **Мейеру**. Согласны ли вы? – Мне оставалось только рассыпаться в благодарностях за такие заботы самого генерала.

В приёмной канцелярии, куда мы прошли после завтрака, я ожидал своего пакета; старый секретарь никак не мог отыскать. В это время торопливо вошедшая старуха, жена генерала, начала возиться у сундука, того самого большого сундука, стоявшего за канцелярским столом, в котором, я думал, хранятся все секреты войны. Вот думаю, хоть и баба, а знает всё, сейчас найдёт мои бумаги. Но каково было моё удивление, когда она одну за одной выволокла оттуда всевозможные женские юбки и разные чепчики и душегрейки!.. O, Sancta Simlicitas! (O, святая простота!)... Деловая канцелярия, военные советы и бабы юбки – всё вместе!

Наконец, мои бумаги нашлись, и я, сопутствуемый благословениями генерала, лихо гарцевал по дороге в Коленсо. Мой проводник, молодой человек лет 25, оказался весёлым малым. Особенно он был доволен, что я говорю с ним по-бурски и всё время хвалил меня за это. За моё разумение бурского наречия

эти похвальбы мне пришлось слышать в Претории и в вагонах по дороге, и под Ледисмитом. Офицер, обращались ко мне мои собеседники, а это хорошо, что ты говоришь по нашему, хороший бур будешь; а то другие приедут из Европы, им говоришь – поедем на позиции, а они смотрят и ничего-то не понимают!.. Какой толк то от них?

День обещал быть жарким; по небу носились тяжёлые тучи, предвещавшие одну из тех страшных гроз, которые бывают летом в этих горных и закрытых со всех сторон местностях. Нам приходилось карабкаться всё время по возвышеностям, изрезывавшим окрестности Ледисмита вдоль и поперёк. То и дело: то вверх, то вниз. Несмотря на отсутствие ветра, с дороги поднимается плотная, едкая красноватая раскаленная пыль, которая приставала к потным лицам, забиралась в глаза и в лёгкие. Однако мы мало обращали внимания на все эти трудности пути и торопились к месту назначения. Вот с этого холма, что вправо, виден весь Ледисмит, как на ладони, – заявил мне мой спутник.

Я предложил ему дать отдых лошадям и мы взобрались на указанную гору. Тих и печален Ледисмит: ни малейшего движения, ни малейшего шума, даже артиллерийская стрельба, с таким ожесточением поддерживавшаяся вчера, сегодня прекратилась. Расположенный в глубокой, широкой и очень длинной горной котловине, он как бы оазис в пустыне, ласкал ещё издали глаз путешественника. Белые постройки его совершенно утопали в зелени садов, высокие деревья которых почему-то и без ветра тихо и мирно качались и как бы манили наблюдателя, обещая под длинными ветвями своими покой и отдохновение от жары усталости.

Вдали видна сильно укреплённая неприятелем платранда. Во всех направлениях белеют лагери осаждающих буров. А вон там раскинулся английский госпиталь, две горки, около которых расположился Красный Крест и куда были вывезены из Ледисмита женщины и дети, считались, по обоюдному соглашению воюющих нейтральными, следовательно, неприкосновенными. **Уайт** молодчина! Зная самое больное место,

видя самые удобные подступы к своим укреплениям и к городу в случае атаки неприятеля, решил завладеть этим клочком земли без кровопролития и попросил разрешения отправить туда свой Красный Крест, и куда были вывезены из Ледисмита женщины и дети, будто бы сильно страдающих в городе от огня неприятеля. А там, дескать, им будет хорошо.

Действительно, хорошо, да и не только хорошо, а отлично, но не для женщин и детей, а для самого **Уайта** и его гарнизона. А **Жубер**, по простоте и доброте душевной, согласился. Ну, вот и сиди теперь, да жди, когда сдадутся. На днях я объехал Ледисмит кругом, ознакомился с местностью и имел возможность, с высоты птичьего полёта, снять план окрестностей в смысле расположения лагерей осаждающих буров. Видел, между прочим, заброшенный английский лагерь. С этим лагерем вышел курьёз, доказывающий наивность буров в военном отношении. Один отважный бур пробрался ночью на соседнюю с лагерем гору и наблюдал за лагерем. Оставленные англичанами у палаток несколько чучел английских солдат благодаря качанию ветра он принял за живые фигуры. В результате целые сутки подряд буры сильно обстреливали этот показной лагерь и, конечно, много выпустили напрасных снарядов, а англичане сидят да посмеиваются.

Наши наблюдения были прерваны грохотом орудий, раздававшихся со стороны Коленсо. Скорей, скорей, поедем туда! – закричал я своему спутнику и, быстро вскочив на лошадь, уже летел, выбравшись на дорогу.

Впервые я был охвачен таким сильным порывом понюхать боевого пороху, самому пострелять, участвовать в деле, побывать под пулями, под гранатами, всё испытать, всё ощутить...

И весь отдался я этому порыву. Ничего не видел я, ничего не чувствовал. Одни только орудийные выстрелы всё гулче и гулче отдавались в моих ушах, и я ощущал какую-то потребность лететь стремглав, торопиться, спешить туда, туда!..

– Эй-ге-гей, офицер, обожди! Куда полетел? Стой! – кричал сзади мой отставший компаньон.

– Какое стой, когда там бой! – прокричал я и в свою очередь и снова немилосердно хлестнул своего коня, к счастью моего проводника я скоро был остановлен непреодолимым препятствием. Мы подъехали к Kliep River, около которой по обеим сторонам и на мосту столпилось такое множество беспорядочно разбросанных всевозможных фигур (фур?) и телег, что о скорой переправе через реку нечего было и думать. Запряжённые 20–30 быками тяжёлые повозки стояли одна против другой, каждая желая пробраться первою. Крик, шум, гам, ни к чему не ведущие споры, доходящие чуть не до драки, да слишком крутие песчаные берега, в которых совершенно утопали колёса, – всё это ещё более задерживало и без того нелёгкую переправу. Воды здесь, в виде недалеко строившейся дамбы, было меньше обычного, а потому образовавшиеся по обоим сторонам моста сильно каменистые и неровные броды были тоже сплошь набиты быками, мулами и повозками. С большим трудом удалось нам переправиться через эту быструю речонку, постоянно опасаясь слететь с тех камней, по которым цеплялись наши лошади, или – ещё того хуже – быть задетыми длинными ветвистыми, остроконечными рогами бесновавшихся быков.

Я уговорил своего проводника отказаться от окружной дальней дороги и мы поскакали прямо на выстрелы. Уже недалеко оглушительные звуки, уже слышно завывание летящих снарядов...

Бамммм... – раздалось вдруг сзади нас так громко и так неожиданно, что мой конь вскочил на дыбы и чуть не выбил меня из седла. Я немедленно же поскакал посмотреть образовавшуюся воронку и разорвавшиеся осколки большой гранаты.

– Куда, куда полетел, – останавливал меня мой спутник, – вон смотри: другая, третья, четвёртая, так и разрываются все вокруг нас, ещё убьют.

– Пятая, шестая, седьмая... – смеясь, подсчитывал я, продолжая отыскивать осколки.

– Ишь ты какой прыткий! Ещё из-за него да и меня убьют, – брюзжал мой компаньон.

– Бабушка ворожила, тебя и меня отворожила от всяких гранат и напастей, – шутил я над его беспокойством.

Подлетевший к нам в это время артиллерист погнал нас прочь. «Шляетесь тут на виду у англичан, – кричал он, – в вас стреляют, а в нас попадают; уходите по добру по здоровью».

– А где здесь генерал **Мейер**? – заикнулись было мы. – Уходите, говорят! – заревел наш артиллерист. Делать нечего, мы ретировались. Подъехали к стрелковой бурской позиции, спрашивали, где генерал **Мейер**

– Уходи, уходи отсюда, вас англичане видят, – закричали и там на нас.

Поехали далее, спрашиваем, но и там всё те же ответы, и никто не хочет слушать нас, а гранаты так и сыплются со свистом пролетая над нашими головами и образуя на месте разрыва громадные столбы дыма и пыли.

Леонид Покровский²⁷⁴.

Леонид Семёнович Покровский описал и нежданную встречу с соотечественниками:

Из Трансваала

VI-ое письмо

(Это письмо, и последующие, относятся к событиям давно минувшим, но тем не менее они представляют и теперь известный интерес. Автор прислал нам свои сообщения с оказией; с лицом, выехавшим из Трансваала в Россию, и не посыпал их ранее по почте, так как установлено, что большая часть писем из Южной Африки не доходит по назначению.

– Прим. газеты «Варшавский дневник».)

21 февраля 1900 г.

Коленсо

Пробродив добрых четыре часа с позиции, из одного лагеря в другой, измучившись крупными подъёмами и спусками в усеянной громадными камнями горной местности без всяких дорог и тропинок, я и мой проводник, наконец, добрались до генерала **Мейера**. Он стоял около своей

кибитки. Это громадный широкоплечий человек лет сорока пяти с весноватым (веснушчатым?) лицом, густо обросшим тёмной с проседью бородой, большим широким носом и толстыми губами, прикрытыми порыжевшими жёсткими усами. Изогнутые дугой брови окаймляли его голубые глаза, беспокойно перебегавшие с одного предмета на другой и не выдерживавшие пристального взгляда. Он как будто стыдился своего огромного роста и его ноги, вследствие ли этого, или по каким другим естественным причинам, были слегка изогнуты. Одетый в высокие сапоги, в короткий пиджак с открытой жилеткой, показывавший светлую фланелевую рубаху этот генерал своим видом сильно напоминал провинциального второй гильдии²⁷⁵ купца. Если бы его короткий пиджак заменить тёмно-синей поддевкой, а бурью шляпу – простой фуражкой с козырьком, да посадить в большой русской деревне за прилавок торговать дёгтем²⁷⁶ и маслом, то там бы он казался бы более на месте, чем в качестве командира под Коленсо.

Молодцевато подъехав к нему и любезно раскланявшись и отрекомендовавшись, я не встретил от него обычного приветствия и рукопожатия, после чего ни мало не задумавшись, сам первый подал ему руку. Наши европейские привычки у буров не признаются.

Всякого рода донесения, сообщения, приказания, на здешнем военном жаргоне одинаково называются рапортами. Подал я и свой паспорт. Быстро прочитав письмо от генерала **Жубера**, рекомендовавшее меня как полезного защитника Трансваля, могущего не только стрелять, но умеющего и выбрать выгодную позицию и хорошо знающего «всякие фортификации» (выражение генерала), **Мейер** кивнул в пространство головой и, ни к кому собственно не обращаясь, под нос себе пробормотал: «Хорошо, обождите здесь». Скорее догадавшись, чем поняв, что это относится ко мне, я остался ждать, не расседливая своей лошади. Жду час, жду два, жду три... что же думаю, дальше-то будет, пора бы перестать ждать.

Увидал генеральского секретаря (адъютанта), спрашиваяю, долго ли мне ещё ждать? «Да вы оставайтесь здесь пока, при генерале, вам же сказано, располагайтесь поудобнее, а что дальше, там видно будет, – проговорил ломанным французским языком этот несимпатичный секретарь-немец. – А вот, кстати, и другой русский офицер. Эй, **Крафт**, иди же скопей сюда», – закричал он подъехавшему всаднику. Пока тот слезал с лошади и привязывал, я успел разглядеть подъехавшего. Это был высокий плотный мужчина, одетый в чистенький африканерский костюм, вроде костюма генерала **Мейера**, только вместо пиджака в куртке цвета хаки, изящно обтягивавшей его высокую талию. Его нежный совершенно белый цвет лица, без всяких признаков растительности, сразу указывал в нём иностранца. Даже его голубые глаза, покрытые белыми очками и толстые губы, так сердито складывавшиеся при движении его рта, смотрели по-европейски.

– Вы – лейтенант **Галлоно**, – с большим апломбом заговорил он по-французски. – Позвольте представиться – капитан **Крафт**, я вас сегодня целый день ишу.

– Здравия желаю, – перебил я его просто по-русски.

Оказывается, мой новый знакомый принял меня за лейтенанта **Галлоно**, командира французской кавалерийской команды, в состав которой он и намеревался поступить. Благодаря бороде и тёмному цвету лица, или просто случайно, но все в Трансваале меня считают французом и бурами в разговорах всегда обращаются ко мне с вопросом: *U het fransch man?* (Вы – француз?). Разговаривая с **Крафтом** по-русски, я был удивлён предложенным мне откуда-то на русском же языке вопросом: «Вы тоже русский человек?» Говоривший состоял пока также при генерале **Мейере** и оказался 17-летним юношем **Кравченко**, уехавшим (хотя и с согласия матери) из Москвы в Трансвааль. Он уже успел схватить натальскую лихорадку и, не совсем оправившись, вышел из бурского госпиталя из-под Ледисмита, жалуясь, что во время горячки у него там украли багаж, лошадь, что с ним там дурно обращались и его никогда не понимали.

— Да говорите ли вы на каком-нибудь иностранном языке, — спросил я его? — Нет, кроме русского, ни на каком, — наивно проговорил юнец. И он хотел, чтобы его в Трансваале понимали!!.

Снабдив кое-чем **Кравченко**, мы заключили триумвират и так как уж вечерело, стали располагаться на ночлег и устраивать свой багаж. У меня, его, положим, почти и не было и дорожил я только своей николаевской шинелью, которая спасала меня от сильных холодов южный ночей. Но за лошадь и седло приходилось опасаться, тем более, что прошлой ночью у **Крафта**, ночевавшего в другом лагере, украли его собственную лошадь, купленную им за 300 рублей в Претории, и теперь этому огромному мужчине приходилось ездить на маленькой клячонке, данной в Претории для его **кафра**, который, к слову сказать, сбежал от него с первой же станции, оставив барина без прислуги.

— Ну, господа, тащите!

— Что такое, что вы хотите? — спрашивали меня мои земляки.

— А кому какая вахта²⁷⁷, будем сами часовыми для своих лошадей и багажа, — говорил я, предлагая им билетики с цифрами: 1, 2 и 3. Мне досталась третья очередь, с 11 до 1 часу ночи и с 3 до 4 часов утра. На этот раз не повезло, время неважное, как раз самый сон! За такими занятиями нас застал страшный ливень. Пошёл такой дождь, что под открытым небом оставаться не было возможности, и мы второпях бросились под первую фуру, где уже расположилось множество **кафров**. Но, увы, чувство обоняния не позволило там долго оставаться. Я первый подал голос за бегство. Но куда? Вот вопрос. К счастью, дождь уменьшился, а к меньшему мы уже привыкли, и мы выползли из своего укрытия.

— Ну что ж, господа, пора спать, — и **Крафт** начал устраивать свои чемоданы. Разостлали мы под покровом неба одно одеяло да бурку **Крафта**, моей шинелью прикрылись и завалились. А кругом грязь, вода, сверху моросит.

– Покойной ночи, – проговорил **Крафт**, уходя к лошадям, довольный, что ему досталась первая смена. Это было 17 февраля.

Леонид Покровский²⁷⁸.

Любопытное описание оставил **Леонид Семёнович Покровский** о встрече с **Александром Николаевичем Шульженко**:

Из Трансваала
VII-ое письмо
24 февраля 1900 г.
Станция Питерс

Следующий день не принёс нам ничего утешительного. Генерал **Мейер** утром поехал разбирать события прошедшей ночи. Большая дорога к позициям сильно обстреливалась неприятельской артиллерией. То там, то сям то и дело разрывались гранаты. Пришлось ехать окружным путём, пробираясь по неудобным ущельям между отвесными скалами.

Времени на это потребовалось много и генерал прозевал обычный час своего обеда.

– Ну что? Как дела? – спрашивали его по возвращении. – Прошедшего не вернешь, – сердито ответил он.

Когда после его обеда я думал напомнить о себе и узнать, долго ли ещё мне ждать и чего собственно ждать, генерал заился в своей палатке и улёгся спать. Солнышко грело вовсю, уничтожило грязь и всякую мокроту, подсушило и подбодрило нас, и мы, сильные и крепкие духом, хотя и немощные (от голода) телом, взобрались на гору, у подошвы которой раскинулся наш лагерь. Живописная картина предстала перед нами. Шагах в 800 от нас впереди две горки, стрелковые позиции буров, сплошь обсыпались английскими снарядами, неприятельские **Максимы** непрерывно рокотали, посылая сразу по 5–6 гранат, падающих одна от другой на недалёком расстоянии. Гром от ежеминутного разрыва снарядов заглушал всякий шум. Облака то белого, то жёлтого дыма и пыли,

после каждого разрыва густо покрывавшие обе горки, закрывали дальний вид, а на этом скате за камнями сидели и лежали буры и, не торопясь, постреливали. Внизу же у горы мирно паслись лошади этих стрелков, и как будто ничего не подозревали. Попадавшие сюда гранаты как будто не беспокоили их ни своим свистом при полёте, ни своим шумом при разрыве. Если же случалось, что какой-нибудь осколок попадал в лошадь, то это бедное животное тупо озиралось, как бы соображая в чём дело, и глухо ржало? (неразборчиво) беспомощно падало, мучаясь в предсмертных судорогах. А около них всюду сновали скакавшие всадники и торопившиеся экипажи. Здесь была большая езжая дорога и, конечно, одна только необходимость заставляла проезжавших пробираться в этом опаснейшем месте, а не где-нибудь вдали от выстрелов. Влево от нас, бурливо журча, бежала быстрая Тугела.

Ширина её здесь, у Коленсо, местами доходила до 40 шагов, но больше этого я не видел. Броды по ней, где и встречаются, весьма опасны, сильное течение невольно уносит далеко в сторону от намеченного пути, каменистое дно не даёт возможность ступить шаг за шагом по твёрдой и ровной почве. По берегу реки извилисто пролегала железная дорога. По сторонам река была ещё наша и на огромных платообразных возвышенностях её расположилась часть бурской артиллерии, пока молчавшей, чтобы скрыть место своего близкого нахождения. Ту-ту-ту-ту-ту!! – вдруг испугал нас громкий басистый звук нашего **Максима**, увидевшего, что дела наши плохи и что неприятельская артиллерия становится для нас всё более и более грозной. Вслед затем загремели и другие наши орудия. И началось жаркое артиллерийское дело!!.. Англичане были на то, чтобы заставить буров отступить, и как горохом обсыпали их стрелковые позиции своими лиддитными гранатами, а буры хотели заставить замолчать неприятельскую артиллерию и удачно подбивали их орудия.

Налюбовавшись этой картиной, мы с **Крафтом** захотели поближе ознакомиться с окружавшими нас позициями и уже скакали по открытой равнине к высоким горам направо, как

вдруг нас окликнул проезжавший мимо всадник, одетый в грязный костюм бура, с всклокоченной чёрной бородой.

— Господа, дайте хоть полюбоваться на вас, видать, что русские, и по всему заметно — офицеры!

Говоривший оказался премиальным пресимпатичнейшим штабс-капитаном **Шульженко**. Он находился в немецком лагере под Ледисмитом и как раз днём был почти всегда свободен, приехал под Коленсо посмотреть на сражение. Он привлек нас к себе и через час мы уже подъезжали к немецкому лагерю. Лагерь был расположен с юго-западной стороны Ледисмита и был защищен небольшими возвышенностями от неприятеля. **Шульженко** здесь хорошо устроился, расположившись в просторной палатке с одним пожилым господином из балтийских немцев, говорившем также и по-русски.

— Видите, как у нас здесь хороши и чисто, сразу видно, что мы тут долговременные, — пояснили нам наши хозяева. Действительно, немецкий лагерь поражал своей чистотой и порядком.

На совершенно ровной местности все палатки, белые как снег и все одинаковые, были расположены в два ряда на далеком расстоянии одна от другой, а посередине и кругом зелёная непримятая трава с разнообразными полевыми цветами. Такой чистоте, положим, много способствовало отсутствие здесь присущего здешним лагерям всякого рода скота и беспорядочных фур и телег. Немцы почти все были пешими, а если и имели лошадей, то они паслись в стороне. Всевозможные продукты и мясо ежедневно доставлялись свежими с Моддер-Спронта. — Наш лагерь очень богат, — хвалился мне **Шульженко**, — чего вы только не найдёте в наших палатках: и кровати, и стулья, и столы, и качалки, даже мраморные умывальники есть, а кухонной утвари так прямо не оберёшься, и всё это мы взяли с окрестных ферм. Громадными котлами и теми не побрезговали, и теперь кипятим в них воду для тёплых ванн. Здесь мы только днём, а по ночам уходим на позицию. Там каждый три часа дежурим, а остальное время спим тут же, в траншее, где и дежурили. В дождливые ночи при-

ходится плохо: укрыться от непогоды некуда, а уйти нельзя – не позволяют, да и того гляди – подстрелят. Один немец у нас отошёл только на пять шагов вперёд и там пошевелился, так ему моментально всадили две пули. Этот обычай стрелять на всякий шорох немцы позаимствовали у буров, открывавших огонь чуть ли не по летучим мышам. Часовых и каких-нибудь секретов вперёд от себя они никогда не высылают. Когда я закинулся было об этом нашему командиру **Кранцу**, так он замахал руками и ногами: «Что вы, что вы, опасно; да и кто же пойдёт в эти секреты?». Наша немощная команда, кажется самая трусливая: все хотят остаться живыми и никто не идёт на опасное дело.

Я захотел воочию осмотреть их запасную для боя позицию, и пока наш немец занимался приготовлением для нас обеда, а **Крафт** лёг отдохнуть, мы с Шульженко быстро спустились к ручейку и стали подниматься на соседнюю гору. По гребню её, местами с пологим спуском к стороне Ледисмита, местами совершенно отвесным чуть ли не в бездонную пропасть, были вырыты с большими перерывами весьма разнообразные, но только неправильной формы траншеи. Ширина рва по внутреннему фасу доходила от 1/2 аршина до 2 аршин, насыпь была весьма разнообразной высоты и ширины, зачастую, в зависимости от грунта. В большинстве случаев она была выложена из камней, если не имелось уже таковых на месте. Почти везде были проделаны маленькие амбразуры – отвёрстия для ружья и глаза; таким образом, голова оставалась закрытою от глаза неприятеля, хотя и не защищённо от его выстрелов вследствие тонкости земляной насыпи и отвёрстий между более солидными камнями. Эта работа была делом рук оранжевых буров, недавно уехавших на другой театр военных действий, в своё отечество, под Кольсберг, и оставивших своё достояние в пользу немцев.

– А вот и моя скала! – объяснил мне **Шульженко**, – представьте, в эту могилу, кроме меня с моим немцем, никто не хочет идти, говорят, опасно. Если сюда заберутся англичане, то тут нет пути отступления, как видите, где ход снизу, тут

же и наверх, а сзади и с другой стороны тоже скала, все и боятся, зато как удобно отсюда подстреливать англичан!... Да и закрытие-то естественное: такие громадные камни, что и бомбой не прошибешь.

Возвратившись в лагерь мы нашли обед уже приготовленным, а наших компаний, хлопотавшими у открытого стола; и тотчас же все принялись за еду. Когда мы с **Крафтом** ещё раз рассказали о нашей голодовке, то смеху и осторожности не было конца, а хороший обед казался ещё вкуснее. Сожитель **Шульженко** оказался большим знатоком кулинарного искусства и вполне удовлетворил нашим аппетитам.

– Не стесняйтесь, не стесняйтесь господа, верните свое, – подзадоривали нас наши хозяева. – Мы уж и то обещали, – отшучивались мы. Однако пора было собираться домой. Мы поблагодарили радушных хозяев, распостились и ускакали на ночлег. Хотя мы расположились опять на том же месте, прямо на земле, но уже не в грязи и не голодные, а потому не ругались, а дёйный бой был удачен для обеих сторон: буры, хотя и не по всей линии, отступили за Тугелу, да и здесь очистили свои передовые позиции, а англичане потеряли подбитыми и приведёнными в негодность 5 пушек. Это было 18 февраля.

Леонид Покровский²⁷⁹.

Приведём и статью о добровольцах, с которой потом полемизировал российский волонтёр **Леонид Покровский**:

О добровольцах

Буры не желают интернациональных добровольцев. Они отказываются от их помощи; странно, казалось бы, на первый взгляд; – у буров людей мало, воевать некому; англичане грозятся повернуть весь мир вверх тормашками и уничтожить буров, если не искусством, то силой, а между тем буры неохотно берут в свои ряды добровольцев из Европы. Техники, артиллеристы, оружейники принимаются ими с распростёртыми объятиями, но борцов за Трансва-

аль они не желают. Но почему же? Мне кажется, что они смотрят на наших русских, французских и иных земель добровольцев, как смотрит дворник на барина, взявшегося за топор: оставьте, дескать, барин, не господское это дело, ручки испортите. Такими баричами должны казаться солдатам бурам господа добровольцы. Кто поспешил предложить свои услуги Трансваалю? Разве были между ними мужики, родившиеся в деревне, всю жизнь проведшие среди природы, выносливые, сильные, крепкие, хладнокровные? Нет. Ехали только господа. Иной отправлялся глядеть на человеческую бойню от скуки, другой от сочувствия к бурам, третий – потому что это в моде, четвёртый – потому что надеялся там командовать если не дивизией, то, по крайней мере, полком и, наконец, пятый стремился научить, преобразовать, наставить и победить...

Какой-нибудь богатый человек, пресытившийся светскими удовольствиями, кутающийся в лёгкий мороз в мехах, а в дождь выезжающий не иначе как в карете, вдруг задумывает совершить *partie de plaisir* в Трансвааль. Он начинает всем рассказывать почти что шутки ради, что он едет помогать бурам в Трансвааль; все дивятся, жалеют, жмут руки, дамы влюбляются, барышни немеют, помилуйте – бур! К бурам едет! Лучший чемоданщик готовит выюки и постели, седельник седла, приносят палатки, ружья. Комнаты загромождены ящиками, сундуками, чемоданами. Плотники и упаковщики пилят и стругают, а сам виновник переполоха в новеньких гетрах и велосипедных штанышках сосредоточенно курит папиросу за папиросой и взор его устремлен в потолок. Он думает – какие женщины в Трансваале, есть ли прачки, и как он будет командовать этими несчастными бурами. И сами буры ему рисуются какими-то несчастными пейзанами (крестьянами) из балета, весьма обласканными, что к ним прикатила столь важная персона. Доброволец солдат видел только на часах и на параде, для продовольствия своего предусмотрительного запасся консервами и вином. Когда такой субъект начи-

нает выгружать свои чемоданы в Претории, то скромным и непрятательным бурам кажется, что к ним приехал англичанин.

П. Николаев²⁸⁰.

Целое письмо русский офицер посвятил своим соотечественникам-добровольцам и описанию отнюдь не спартанского житья африканеров на передовой:

*Из Трансвааля
VIII-ое письмо
Фолькскуйт
1 апреля 1900 г.*

Считаю необходимым опровергнуть неверные сведения о русских добровольцах, сообщённые в «Петербургской газете» господином **Николаевым**, рисующих наших соотечественников с непривлекательной стороны.

Добровольцев в Трансваале набралось довольно много. Более всего, конечно, немцев (больше пруссаков и меньше австрийцев); из них две трети – народ мастеровой, рассчитывающий по окончании войны оставаться в Трансваале и поживится здешним золотом и алмазами. Все они – сомнительных нравственных качеств. Остальная треть немцев – офицеры и несколько искателей приключений.

Много здесь и французов (рвавшихся отомстить за Фашоду, щедро наделённых от особого во Франции комитета по отправлению добровольцев в Трансвааль (что не тайна!) необходимыми на дорогу финансами и на абсент особо. Между ними есть и типы, есть и типики. Во многом между собой они и разнятся, но в одном все одинаковы: поголовно все любители спиртных напитков. Абсент, ром, коньяк, ликёры... только и видишь там, где француз. Понагляделся таки я, пока мы ехали от Марселя до Трансвааля. Говорят, русские любят выпить. Что правда, то правда! Но в области абсента и рома едва ли нашёлся бы любитель состязаться с французом. Немало

приехало в Трансвааль и американцев, бросивших калифорнийские обедневшие россыпи и поспешивших на более тучные золотые нивы Трансвааля. Немало также и голландской молодёжи ввиду знания государственного языка, по преимуществу занимающей здесь места писцов и чиновников. Понаехали и итальянцы и греки – мелкие торгаши, обидевшиеся на правительство за открыто выраженные симпатии англичанам в деле предложения вооружённой помощи; перебежали границу и некоторые португальцы. Попадаются и испанцы, и швейцарцы, и ирландцы, и, наконец, славяне: сербы, болгары и черногорцы. Почти все эти добровольцы привлечены слухами о неистощимых запасах золота и жаждут на живы. И как белое пятно на всём этом чёрном фоне выделяются наши немногочисленные русские добровольцы. Вот они все наперечёт, по порядку времени прибытия в Трансвааль: **Шульженко, Едрихин, Арнольдов, Кравченко, Покровский, Августус, Никитин, Диатроптов, Гучков, Рукерт, Крафт, Николаев**, князь **Багратион-Мухранский**, другой кавказец **NN (Сапаров?)**, **Ганецкий, Максимов, Рубанов, Семёнов**, граф **Бобринский и Дрейер**. Большинство из них (13 человек) – военные и все, бывшие офицеры. Желающих поживиться трансваальскими богатствами между ними нет никого. К совершающим Partie de Plaisir в Трансвааль вначале, действительно, можно было отнести трёх-четырёх лиц, но когда они с готовностью взялись за оружие и оказались солдатами ничуть не хуже нас, приходится разубедиться в этом. Русские добровольцы, покинувшие своих родных, бросившие службу, карьеру, решившиеся на всевозможные лишения, встали в ряды и потянули общую неприглядную лямку, своим мужеством и выносливостью поощряя падающих духов воинов, смело идя на опасные предприятия, с ежеминутным риском для собственной жизни за народ для них совершенно чужой. Это ли не самопожертвование!

Не скрою, что почти у всех офицеров была ещё одна затаенная цель, – это понюхать настоящего боевого пороху, испытать себя в серьёзной опасности, закалить, приготовить себя

на случай необходимости своей родине и, главное, поучиться на практике тому делу, тому искусству, которому каждый военный посвятил всю свою жизнь. С другой стороны, если хотите, все наши невзгоды, все наши лишения, кроме несомненной пользы, особенно для офицеров, невольно вознаграждаются теми новыми познаниями, теми новыми впечатлениями, которые должен выяснить даже ненаблюдательный путешественник, проехавший столько морей, столько чужих земель. Всё это вместе так полезно и так симпатично!

Большинство наших добровольцев прикатило в Трансвааль с одной перemetной сумочкой, совсем налегке. Если же и были такие, что предусмотрительно запаслись для своего продовольствия консервами, бисквитами и вином, выгружали свои чемоданы в Претории, как пишет господин **Николаев** в своём фельетоне, то они даже на железнодорожных служащих, видевших всякие-всякие багажи, не произвели ровно никакого впечатления. Слова скромные и непритязательные «буры» возможны и правдоподобны только в описаниях господина **И. Николаева**. Каждый бур едет на войну с такими громадными чемоданами, с такими большими запасами съедобного, набирает столько разных чашек, чугунков, котелков и кастрюль, что поистине непритязательному русскому человеку, глядя на всё это, невольно думается: да уж не на новую ли ферму он перебирается? На дне его сундуков, под спудом, лежат большие запасы не сахара, а настоящего сахара, на отсутствие которого так сильно жалуются в Трансваале, немало и прочих лакомств вроде леденцовых конфет, столь любимых бурами, но ни за что они не угостят этим вас. Частенько масса заготовляемых ими продуктов портится, тухнет, так что приходится выбрасывать, а всё же бур не поделится с вами ничем и с улыбочкой посмотрит на своё погибающее добро. Буры удивляются, правда, количеству нашего багажа, но не множеству его, а малочисленности и смеются над нашей легкомысленностью. Не зная организации здешней неорганизованной армии и доверяя советам преторийских главарей, мы и на поле военных действий едем с чем Бог послал, а

зачастую с одной своей переметной сумочкой; а в результате, конечно, холодовки и голодовки, раз не пристанешь к какому-нибудь иностранному отряду, где всегда можно найти и приют, и покой.

Буры не желают иностранных добровольцев, потому что эти добровольцы все господа баре, а не мужики, – пишет **И. Николаев**. Это далеко не так. Успев приглядеться к иностранцам до войны, в большинстве случаев проходимцам, исследателям лёгкой наживы, буры относятся к ним весьма недоверчиво, а так как они обладают громадным самомнением, считая себя самым умным народом земного шара, то на сцену невольно является зависть, так как очень много иностранцев – специалистов военного искусства. А если прибавить сюда счастье, которое сопутствовало бурам в начале войны, то нежелание присутствия иностранцев, граничащее с пренебрежением, становится вполне понятно. На самом деле, дай иностранным специалистам бразды правления в их руки, да победи после этого буры англичан, весь успех ведь был бы приписан иностранцам, а разве это возможно, разве допустимо для самого умного народа, разве это мыслимо для народа, где каждый сам полководец и сам генерал?!. Впрочем, когда англичане поколотили буров на обоих театрах военных действий, так наши гордецы стали податливее и всю их спесь как рукой сняло. Теперь даже заискивают у иностранцев и упросили их всех соединиться в один иностранный отряд с полной самостоятельностью действий.

Почему не предложили свои услуги Трансваалю мужики, родившиеся в деревне, всю жизнь проведшие среди природы, выносливые, сильные, крепкие, хладнокровные, а поехали только господа? – спрашивает **И. Николаев** в своём фельетоне.

И странно и стыдно рассуждать так!!.

Да знают ли ещё наши мужики-то об этой войне? Разве **И. Николаев** оповестил их, разве он согласился обрабатывать за них поля и огороды, кормить их семьи, разве он вложил в них столько решимости ехать за тридевять земель, в чужие

страны, и, быть может, на верную смерть, разве он снабдил их, неимущих, необходимыми финансами на дальнюю дорогу???

Леонид Покровский²⁸¹.

Следующее, весьма интересное письмо нашего соотечественника, оставившего свой след в истории англо-бурской войны, к сожалению, является последним подробным сообщением о его пребывании там:

Из Трансвааля

XI-ое письмо

Фольксруст

1 апреля 1900 г.

Один из моих знакомых, прослушав несколько моих корреспонденций, сказал мне, что я непоследователен; то англичан ругаю, то буров ругаю. Возможно, и, даже думаю, справедливо.

Но ведь я не литератор, а всего-навсего случайный корреспондент, описывающий всё то, что проходит в этой интересующей весь мир далёкой стране. Перед моими глазами всё то, что переживается здесь мною и другими русскими. Я пишу о фактах, только о фактах, каковы бы они ни были и в чью бы пользу они не говорили. Фантазии, вымысла нет в моих письмах. Я описываю здешнюю жизнь с текущими событиями. А если жизнь непоследовательна, значит и мои письма непоследовательны. Не моя в том вина. Да дело-то не в том. Продолжаю свои сообщения и опишу, что делалось в Трансваале 20 февраля.

Ночью прибыл к нам с Тугелы генерал **Бота** для совещания с **Лукасом Мейером** и другими генералами, собравшимися также сюда. О чём они говорили в своей закрытой наглухо палатке осталось для всех тайной, но из дальнейших событий выяснилось, что решено было отодвинуть назад лагери, под артиллерийские позиции избрать занимаемые нами высоты, а стрелковые позиции оставить на местах остановки,

по отступлению буров. Ровно в 3 часа ночи наш немногочисленный лагерь поднялся и повозка за повозкой, все вразброд куда-то двинулись, и даже не по одной дороге. Куда ехать, к кому приставать, раздумывали мы. Ведь нельзя же ехать за какой-нибудь телегой, ровно как караульщики! Пока **Крафт** возился где-то со своей лошадью, а **Кравченко** пристроился при повозке с нашим багажом, рассчитывая, что там насчёт продовольствия будет сподручнее, наш лагерь опустел, телеги скрылись за горами, оставались одни только верховые. В темноте не видно, кто свои, кто чужие, и мы наугад поехали за первыми отъезжавшими. Это оказалось свыше человек 20-ти, свита генерала **Бота** с ним самим во главе, удалая, лихая компания, больше голландская и вообще европейская молодёжь. Знание ими европейских языков нам было на руку. И у нас завязался живой разговор.

Сейчас получилась телеграмма из Дурбана, от полковника **Брауна**, пишет, что попал в плен и англичане разрешили ему о том нас подробно уведомить – начал выкладывать последние новости симпатичный секретарь **Бота** (секретарь – по нашему, адъютант). Полковник барон **Браун** – это командир кавалерийского полка германской службы, приехал сюда в Трансвааль вместе с майором германского Главного штаба бароном **Рейнценштейном**. Оба они не военные атташе, нет! То есть сами собой. А они явились сюда и здесь живут не то официально, не то неофициально. Бурам не помогают, не воюют, ездят по позициям, снимают их, описывают ход военных действий, казалось бы, лишние совсем люди, а живут при генерале **Мейере**. Как они сами заявляют, германское военное министерство дало им заграничный отпуск и послало в Трансвааль поучиться войне, познакомиться с последними новостями боевого искусства.

Майор барон **Рейнценштейн** – академик²⁸² и надеется скоро издать для своего отечества описание трансваальской войны. Ездили по позициям они всегда вместе и, надо отдать справедливость, работали весьма усердно.

События истекших дней они уясняли себе много лучше самих здешних генералов. Увлечённые своими успехами под

конец они зарвались некстати. Полковник барон **Браун** по-платился. В один из последних дней, перебравшись за Тугелу, задумали они осмотреть поближе английские позиции, решая вопрос, чему приписать дневной успех англичан, но незнакомые с местностью, заспорили, где лучше пробраться и разъехались а разные стороны, условившись через час соединиться на мосту Тугелы. Уже на обратном пути полковник **Браун** был замечен англичанами. Несколько кавалеристов преследовали его. Конечно, он мог бы благополучно ускакать от них, но тут приключилась беда. Летя стремглав, он заскакал в противоположную перегородку. В Африке все заборы из колючей проволоки, надо ли отделить свои владения от соседа, оградить ли дорогу или распланировать свои пастваща на участки, всюду ставятся проволочные заборы с такими колючками, что не перелезешь через него, ни в промежутки. Забор направо, забор налево, и перед носом забор. Что поделаешь? А ножниц-клещей для разрезывания проволоки у нашего полковника не оказалось. А кавалеристы уже настигали, высоко взмахивая отточенными саблями, предвещая верную смерть. Нервное движение руки, носовой платок... и белый флаг полковника **Брауна** уже развевается над его головой, красноречиво свидетельствуя о добровольном пленении.

– Просил прислать все вещи в Берлин, – закончил наш оратор своё повествование. Заря занималась, светало.

Пропутешествовав значительное время по полуусохшему дну какой-то горной речонки, мы остановились отдохнуть и перекусить. Пока чайники кипятились, а флейш (мясо) поджаривался, меня представили генералу **Бота** и мы совместно стали обсуждать настоящее положение дел. На брошенных бурами позициях показались англичане. В бинокль нам весьма отчётливо представлялось малейшее их передвижение, каждое их действие. Даже взмахивание лопат с выбрасываемой земли на месте, где рыли они траншеи, и то было видно.

Генерал **Бота** уже делал распоряжение вызвать сюда одно оружие, обстрелять их и заставить прекратить работу закрытий, но... но вышло иначе. Мы тоже не остались незамеченны-

ми и англичане не пожелали иметь лишних свидетелей своих действий. Граната, разорвавшаяся немного в стороне от нас, пробила одиноко стоявшую на скате горы палатку и сильно встревожила спокойно почивавших там одного бура и **каф-ра**. Другая разорвалась тут же поблизости. Следующая граната взяла более верное направление и разорвалась шагах в 15 сзади нас, просвистев свои прощальную песню совсем над нашими головами. Всё торопились седлать лошадей, многие уже были готовы, а я всё ещё не мог растолкать сонного **Крафта**, не желавшего обращать никакого даже любознательного внимания на валявшиеся кругом его осколки.

– Моих здесь нет, – сквозь сон мычал он мне.

– Да все уже уезжают, – закричал я.

Дальнейшая граната, направленная на место, где только что паслись наши лошади, разогнала окончательно нашу публику. Пока **Крафт** ловил свою лошадь, пока седлал её, неумело застегивая то ремень не там, то пряжку наоборот, времени прошло немало и наша компания скрылась в ущельях.

– А что, не остаться ли нам здесь немного, при чае с закуской, стреляют-то теперь в них, а не в нас, – предложил я своему спутнику.

Тот согласился и принялись за уничтожение чего Бог послал, как нас окликнул прискакавший секретарь.

– Генерал вас ждёт, едемте скорее, здесь одним-то легко заблудиться.

– С тоской отсюда уезжаем, – запели мы с **Крафтом**.

– А где вы запростились, господа? Нам надо торопиться, здесь можем нарваться на английскую артиллерию, – смеясь встретил нас генерал **Бота**.

– Да больно шлейф²⁸³ хорошо поджарился, – отшучивался я.

– Вот русские всегда так, – сказал генерал, – читал я одну вашу военную статью: завтрак под пулями, – в них стреляют, а они, знай себе закусывают. А и войско у вас хорошее! Для меня всегда ваши полководцы – первый пример.

– Странно, почему так, – возразил я. – Для буров ведь нет примеров, они сами умнее всех, пример для всех!

— Я хоть и бур, — сказал генерал, — да не такой, как другие. Я понимаю и разделяю умение и неумение, счастье, удачу и знание. Видите, я окружён какими молодцами, они почти все европейцы. А ведь это тоже не по-бурски. Посмотрите на состоящих при **Жубере** или при **Мейере** и сравните с моими молодцами. С этими не пропадешь, хоть самому сейчас в бой с англичанами, не выдадут! У меня лодырей, укрывающихся от боя нет. На моих прямо любо-дорого смотреть.

Я посмотрел всю свиту ещё раз и ещё раз убедился, что эти не выдадут.

— Дальше ехать нельзя, надо слезать, — сказал наш передовой, показывающий дорогу.

Мы очутились в глубокой расщелине с большими крутыми камнями, с глубокими впадинами. И без того скверная дорога стала невозможной. Лошадям приходилось прямо скакать вниз, опасаясь ежеминутно отступиться и сломать себе ноги, или же подниматься чуть ли не всеми ногами одновременно на высокие камни.

— Скачки с препятствиями, — сказал я своим соседям.

— Да наши лошади к этому привычны, — ответили мне несколько голосов.

— Нет, не все привычны, — возразил я. — Вон моего товарища до сих пор нет, где-то застрял.

И действительно, отъехав немного назад, я убедился, что лошадь **Крафта** ни за что не хотела взять даже первого препятствия, как он ни бился над ней. С большим трудом нам еле удалось стащить её вниз. Он тянул за узду, а я за хвост, и уже собственной силой так боком и свалили. На втором препятствии потребовалось не меньше времени. Дальше пустили в ход плетки, хлысты, но успех был одинаков. А генерал нас поторапливал. Я извинился, попросил нас не ждать и уверял его, что мы их сейчас догоним. Они уже скрылись, а **Крафт** всё лупил свою клячу. Добрых часа полтора провозились ещё мы в этом ущелье пока, наконец, из него выбрались. Два раза мой Амур (так звали мою лошадь), не привязанный за неимением к чему, удирал вперёд, пока мы возились у лошади

Крафта. Приходилось ловить его, возвращаться назад и приниматься за старое. Три раза пришлось поругаться с приятелем, желавшим уложить на месте из своего карабина это дьявольски непослушное животное и много других бед приключилось с нами в эту злосчастную пору!!.

Выехали на поляну и не обрадовались. Куда ехать? Нам было ясно, что мы заблудились, но мы стыдились высказать это вслух. Перед нами открывалась масса лощин. Надо было выбрать которую-нибудь из них. Влево англичане, вправо можем наткнуться на англичан, – рассуждали мы, – поедем прямо.

Покружили вокруг большой горы и приехали на то же место.

– Неудачно лощину выбрали, – ругался мой компаньон.

Солнышко не выглядывало и мы никак не могли в незнакомых горах, хоть приблизительно, ориентироваться. Компаксы наши остались в сумке у **Кравченко** и приходилось определять всё на глаз. Как на грех никто из противников не начинал боя и выстрелов не было слышно. Мы поехали на авось.

Долго проплутав, выбрались, наконец, к лагерю Свати-Ланд и узнали дорогу к своему лагерю. Надо было попасть как раз на противоположный конец расположения буров, по дороге ещё вёрст 25. Усталые лошади не хотели идти, а истощённые желудки чего-то сильно, сильно просили.

– **Георгий Владимирович**, вон на ферме Красный Крест, а в дверях видна розовенькая кофточка, поедем-ка туда!!

Непокинутая ферма оказалось английская, а розовенькая кофточка – молоденькая хозяйка, отказавшая нам в хлебе и воде: «У нас решительно ничего нет, – пищала она, – нас самих буры кормят, они отобрали у нас всё, а за то что мы не бунтуем, они не гонят нас; да и моего джентльмена нет дома».

– А если мы сами пороемся в ваших погребах, – сказал ей **Крафт** по-английски.

– Там ничего нет, да вы не будете делать это, вы не буры, а европейцы, это видно, к тому же здесь рядом Красный Крест, – протестовала она.

– Ваши глазки спасли вас от нашествия иноплеменников, – сказал ей **Крафт** на прощание и мы повернули к белому флагу с Красным Крестом.

– Господа! Три дня не ели, заблудились, потерялись, умираем с голода, накормите, – взмолились мы полуслуги-полусерёзно к подошедшем докторам.

Не более как через пять минут чай кипел, мясо жарилось, рассёдленные лошади с жадностью рвали траву.

– А чьего вы Красного Креста, – полюбопытствовали мы на прощание.

– Мы-то европейцы, голландцы, а Красного Креста трансваальского. А вы кто?

– А мы – русские офицеры, не забудьте, пожалуйста, поместить в ваших отчётах об аппетитах русских воинов.

– Нет, нет, не забудем, – смеялись они.

Только в 4 часа дня нашли мы свой лагерь. Это с трёх-то часов ночи. **Кравченко** там не оказалось. Сказали, что он ушёл на позицию Эрмело. Лошадь моя отказывалась двигаться и я пошёл пешком отыскивать своего молодого соотечественника. Минут через 15 пути я выбрался на совершенно ровную местность, обстреливаемую гранатами. По ней приходилось идти вплоть до позиции Эрмело тысячу шагов. Добрался я благополучно и стал наводить справки о **Кравченко**. Его здесь не было.

– Вот вчера около нас какие-то двое сидели на скале, – сказал мне один из присутствующих.

– Да это он и есть, – подхватило несколько других, указывая на меня.

По вчерашнему делу мы все уже были знакомы и разговаривались. Эрмельские буры потеряли там 30 человек убитыми и ранеными и двух пленными.

Они не вылезли из-под камней вовремя, а потом нельзя было, ну и сдались.

– А отчего вы не приходили к нам вчера, а остались там, на скале? – спрашивали меня.

– Да ведь без паспорта нельзя к вам, а мне генерал ещё не дал паспорта, говорит, будьте при мне.

– Да, это верно, – соглашались другие.

Уже вечерело, взошла луна.

– Хотите лошадь, поедем в лагерь, – предложили мне буры.

Остававшиеся на ночь на позиции не хотели оставлять при себе и без корма лошадей, а потому заводных было много. Я не отказался от подобного предложения. Дорогой буры рассказали мне, что сегодняшний день прошёл почти без перестрелки, только артиллерия неприятеля после полудня обстреливала все дороги, по которым приходилось двигаться и открывать себя бурам.

– А на позициях мы пока не показывались, – добавляли они.

Лагерь генерала **Мейера**, бывший днём рядом с лагерем Эрмело, переехал опять на другое место и отсюда мне уже пешком снова (пришлось) разыскивать своих. Через час я был на месте, у почтовой станции Pieters. Шёл мелкий дождь, а потому все заползли в палатку. Один **Крафт**, не спавший в ожидании меня, расположился под открытым небом у ствола высохшего дерева и ругался на чём свет стоит.

– Ничего, ничего, – успокаивал я его, – я больше вашего устал, да и то не ворчу. Что делать, помокнем ещё под дождём, не век же так. Завтра покончим с **Мейером**, а пока давайте лучше спать.

А **Кравченко** так и не вернулся. Где он и где искать его?

Леонид Покровский²⁸⁴.

Приезд каждого нового русского, а тем более богатого соотечественника, могущего помочь жившим в бурском полевом лагере российским подданным, особо отметил в своих воспоминаниях **Евгений Августус**:

Тем временем приехал к нам в отряд новый волонтёр, состоящий на льготе по Кубанскому войску сотник²⁸⁵ **Гучков**; привёз он собственную палатку и много всякого добра: на-

стоящего московского чая и сахару, гороховой колбасы и давно уже невиданных нами папирос, а храброму **Павлуше Риперту** письмо из Претории. Такое блаженство и восторг отразились на его безусом молодом личике, что и на костлявой, заросшей щетинистой бородой физиономии королевско-барского лейтенанта, присутствовавшего при чтении письма, появилось нечто вроде улыбки: O, ich habe auch geliebt. (Я уже полюбил)

Багажом и палаткою **Гучкова** заведовал вывезенный им из Москвы денщик, старый **Иван Петрович**. Он доставил нам столько весёлых минут, что я посвящу несколько строк его памяти.

В сапогах гармоникой, возбуждавших удивление и зависть буров, в красной кумачовой рубашке, поверх которой он, несмотря на нестерпимый зной, всегда носил тёплый жилет, при часах и цепочке, с картузом²⁸⁶ на лысой голове, он напоминал гостинодворского мелкого приказчика, занесённого Бог весть какими судьбами, за моря, за тридевять земель, в стан бурских воинов. Но **Иван Петрович**, воплощение всех достоинств бессмертных Санчо-Панса и гоголевского Петрушки, живо освоился с непривычной для него обстановкой; расторопный, услужливый и добродушный в высшей степени, он добровольно взял на себя обязанности метрдотеля и стал заведовать нашей кухней: «Уж вы там себе сражайтесь, а бифштекс, али там котлету, я вам изготовлю на лучший манер, слава Богу, служил у господ».

Двух мальчишек **кафров**, которых фельдкорнет велико-душно предоставил в наше распоряжение, он привёл в христианскую веру, дав каждому по имени. Ты, **Ванюша**, принеси ватеру (воды), понимаешь? а ты, **Петруша**, дров, понимаешь? ну чем огонь разводят, понял?

Чернокожий карапуз только хлопает глазами.

– Амба, ляпа, бой! – кричит **кафру**, чтобы вывести **Ивана** из затруднения.

О бурах он был невысокого мнения и открыто симпатизировал англичанам.

— Так зря взбунтовались и начальства-то настоящего нет у них. А вот англичане, что и говорить! У нас, к примеру сказать, в Москве есть купцы английские – так очень даже народ политичный.

Мы до слёз хохотали, когда он, услышав впервые зловещий визг снарядов над головой, одним прыжком очутился под стоящим вблизи фургоном, откуда выбрался лишь с наступлением вечера.

Но он скоро привык и к этой музыке и только тщательнее закрывал котлы, чтобы в борщ или жаркое не попадали взрываемые гранатами комья земли и щебня.

— Ишь ты, нехристи, хоть бы перемирие, что ли заключали, когда добрые люди пищу готовят!

Нашей мирной лагерной жизни, однако ж, не суждено было долго продолжаться; над нами собирались грозные тучи и вскоре разразилась катастрофа, приведшая к полному debacle (разгрому) бурской армии.

С 15 февраля противник стал проявлять усиленную бдительность. Мимо нашей позиции тянулись густые колонны войск, батареи, обозы. Было очевидно, что **Буллер** намеревался теперь атаковать наш левый фланг, ряд крутых возвышенностей по ту сторону Тугелы. Хотя движение это и происходило вне пушечного выстрела, но тем не менее **Long Tom** был перевезён на вершину ближайшей к нам возвышенности Гроблерс-клооф, и над нашими головами перекрецивались теперь и свои, и английские снаряды. Усилилась и канонада по занятой крюгерсдорпцами горе.

Мы уже не ночевали в палатках, а всё время проводили в траншеях, в напряжённом ожидании наступления англичан со стороны Колензо²⁸⁷.

Разумеется, непосредственное описание событий англо-бурской войны – дело историков и исследователей. Однако мнение непосредственного участника тяжёлых сражений, помноженное на знание им военных сводок и умение доступно излагать свои

мыслям, весьма любопытно, тем более что подпоручик **Евгений Фёдорович Августус** в своих мемуарах довольно обстоятельно и одновременно доходчиво описал причины первоначальных военных неудач англичан и побед оборонявшихся в гористой местности африканеров:

К началу октября англичане располагали лишь незначительными силами: 15 000 армией **Вайта** в Натале и небольшими отрядами в Кимберлее, Мафекинге и (Южной) Родезии. Буры, взявшие в свои руки инициативу войны, господствовали, таким образом, над волей противника и имели полную свободу действий. И вот как они ей воспользовались: главнокомандующий генерал **Жубер**, имея в своём распоряжении 35 000-ную армию, назначил в Наталь всего 17 000, двинув их тремя колоннами через проходы Драконовых гор, а остальную часть распределили для второстепенных действий под Кимберлеем, Мафекингом и для охраны границ со стороны Родезии и Свазilandia.

Для вторжения в Капскую колонию (бурами) были назначены генералы **Девет** и **Оливье** с отрядами в 6000–7000 человек; **Кронье** с отрядом в 6000 человек должен был обеспечить осаду Кимберлея, где находились несметные богатства алмазных рудников и скрывался сам виновник войны (имеется в виду **Сесиль Родс**. – Прим. авт.-сост.), за голову которого Трансваальским правительством была назначена премия в 20 000 фунтов. Эта награда, и главным образом надежда поживиться при взятии города, и привлекла массу европейских волонтёров под стены Кимберлея.

Крупную ошибку совершил **Жубер**, что он сразу не направил все свои силы в Наталь, не потому только, что там находились главные силы англичан, не потому, что Наталь, вдавшись клином между Оранжевой и Трансваальской Республикой был ближе всего к границе, а потому что для дальнейших операций он не мог оставить в своём тылу укреплённый город с многочисленным гарнизоном и силь-

ной артиллерией, ограничившись лишь блокадой недостаточными силами.

Однако ж по счастливой случайности эта стратегическая ошибка **Жубера** послужила невольной причиной тактических успехов буров, отразившихся на дальнейшем ходе войны. Как **Буллер**, так и **Метуэн** уж очень легко поддавались давлению общественного мнения в Англии, которое под тяжёлыми впечатлениями первых неудач требовало во что бы то ни стало побед и, главным образом, выручки осаждённых гарнизонов Ледисмита и Кимберлея, что и заставило этих генералов, лихих рубак, но плохих тактиков, произвести целый ряд необдуманных атак, кончившихся плачевным поражением английских войск.

Кто следил за ходом военных операций, тот не мог не заметить, что у всех английских генералов, до **Робертса**, не было строго обдуманного стратегического плана; вина их в том, что при выборе главной операционной линии они не хотели отрешиться от частных соображений, вроде освобождения осаждённых гарнизонов и стремления громкой победой восстановить упавший престиж британского оружия.

Высадка **Буллера** в Натаle доказывает, конечно, твёрдое знание этим генералом тех основных принципов стратегии, по которым следует направить удар на главные силы противника и выбирать кратчайшую операционную линию, какой, в сущности, и является Дурбан-Претория; но он не принял в соображение, что пересекающие эту линию Драконовы горы, при совершенстве оборонительной тактики буров, представляют такую непреодолимую преграду, что о дальнейших успехах, после освобождения Ледисмита, нельзя было и думать.

Движение генерала **Гатакра** на Колесберг-Стромберг-Блумфонтейн было связано с теми же препятствиями в силу характера местности и необеспеченности путей сообщения в тылу армии.

Путь, избранный **Метуэном** для освобождения Кимберлея, являлся наиболее целесообразным, во-первых, потому что равнинная однообразная местность, лишь изредка пере-

резанная неглубокими оврагами и ложбинам высыхающих летом рек, не представляет никаких удобств для оборонительной тактики буров, а во-вторых, для подвоза войск и продовольствия войск имелись артерии железных дорог, связывающих гавани Капштадт и Эст-Лондон с Де-Ааром, а Порт-Элизабет с Миддельбургом, так что войска, артиллерия и обоз прямо с пристаней могли быть нагружены в вагоны и доставлены до самой границы. Наконец, выбор такой операционной линии угрожал Блуумфонтейну и Кронштадту и открывал дорогу в Йоханнесбург и Преторию.

Говорят, что у **Буллера** был подобный план, но под давлением прессы и лондонского War-Office (Военного министерства), он высадился в Дурбане и перенёс, таким образом, центр главных военных операций в Наталь.

Впоследствии уже **Робертс** исправил его ошибку, избрав вышеуказанный путь, что и привело к успешному результату, к разгрому бурской армии. Недаром говорят, что война – лучшая академия полководцев.

К концу первого периода войны буры повсюду оказались победителями. На Тугеле все усилия **Буллера** разбились в прах. В Капской колонии генерал **Гатакр**, желая покончить с бурами ночной атакой, сам попался в засаду и потерпел чувствительное поражение при Стормберге. Не лучше шли дела лихого спортсмена **Френча**, который при Колесберге терпел поражение за поражением от **Девета**, одного из лучших бурских вождей.

А **Метуэн**, который с нескрываемым презрением отзывался о бурах, этих грязных фермерах с всклокоченными бородами, пожелал фронтальной атакой в лоб, по всем правилам бокса, сокрушить неподатливого противника и погубил в боях 27 ноября и 11 декабря цвет английской армии, гвардейскую и шотландскую бригады.

Английская печать оправдывала ряд этих позорных поражений тем, что будто бы страшные потери англичан вследствие губительного огня буров доводили атаковавшие войска до полного расстройства.

Но стоит лишь обратить внимание на статистические данные и мы увидим, что не высокий процент выбитых из строя, а отсутствие боевой подготовки и истинно солдатского духа были причиной поражений.

Потери наши в кампанию 1877/1878 гг. доходили иногда до 40–90% (под Плевной, горным Дубняком, Ени-Зарой); немецкие полки под Гравелотом, Сент-Прива, Вертом лишились от 15–45%, а у англичан? Самые кровавые дни на Спионско-пе, Маггерсфонтейне, Колензо стоили англичанам не больше 4–9% средним числом.

Эти красноречивые цифры говорят сами за себя и грустно подумать, что ложное представление о могуществе Великобритании так долго кошмаром тяготело над Европой, а Россию довело до Берлинского конгресса.

И маленький, до сих пор почти неизвестный народ смело принял вызов грозной владычицы морей, перед которой несколько лет тому назад отступила Франция в Фашодском вопросе, и нанёс им целый ряд позорных поражений.

Но буры не сумели воспользоваться всеми выгодами своего положения. Почти ни одного не было примера перехода в наступление с тем, чтобы настойчивым преследованием смять и уничтожить отступающего после отбитой атаки противника. Не было примера, чтобы буры, со своими отлично приспособленными к непрерывным передвижениям конными войсками и лёгкой артиллерией, запряжённой выносливыми мулами, произвели бы в более обширном размере партизанский набег на растянутые, вначале почти беззащитные линии **Метузена** или **Буллера**, хотя на их стороне было и знание страны, и сочувствие местных жителей-африканеров.

Главную причину последующих неудач буров следует искаать во врождённой наклонности их к пассивному сопротивлению, в нежелании подчиниться строгой дисциплине, требующей не рассуждения, этой важнейшей воинской добродетели, и в отсутствие популярного вождя, способного в своём лице, в своей воле, воплотить все силы и волю народа.

А в то же время у них не было такого вождя, одного слова, одного появления которого было бы достаточно, чтобы воодушевить и увлечь за собой всю эту массу храбрых людей, лихих всадников и метких стрелков, готовых до последней капли крови драться за свою свободу и независимость.

Ни для кого не составляло тайны, что престарелый **Крюгер** изо дня в день ожидает помощи извне, что флегматичный **Пит Жубер** и хитроумный **Кронье**, сыгравший впоследствии роль маршала **Базена**²⁸⁸, принадлежал к той партии, которая желает примирения с англичанами и готова даже на уступки.

А **Бота, Девет** и президент **Стейн** тогда ещё не пользовались известностью и не могли иметь решающего значения в вопросах о характере и способе ведения войны.

И это всё привело к тому, что англичане, благодаря бездействию буров, выиграли необходимое время, исправили свои ошибки и, пользуясь несоразмерностью сил, раздавили в неравной борьбе противника.

В самой Англии известия о непрерывных поражениях произвели потрясающее впечатление. Сознавали, что никогда ещё со времён Крымской кампании 1855 г. и восстания сипаев в 1857 г. государство не переживало столь критического момента. Ещё несколько таких побед и восстанут поголовно капские африканеры, только выжидающие случая, чтобы отряхнуть ненавистное английское владычество, и тогда – конец господству англичан в Южной Африке, а там, быть может, и распадение всемирной монархии колосса на глиняных ногах.

Но тут во всей силе высказалось упорство и энергия английского народа. Не обвиняя генералов в измене, не проклиная армии, не оправдавшей возложенные на неё надежды, правительство и общество стало употреблять все усилия, чтобы с честью выйти из тяжёлого положения.

Когда после поражения **Буллера** под Колензо 15 декабря была мобилизована и отправлена в Южную Африку 7-я дивизия и в метрополии уже не осталось больше регулярных во-

йск, последовал приказ королевы о формировании отрядов из волонтёров и Jomanry (19 декабря). Столица выставила специальный полк (City London Volunteers) (лондонские добровольцы), на экипировку которого в один день было подписано 75 000 фунтов стерлингов (750 000 рублей).

Дамы высших кругов общества приносили в дар военному министру не корпию, не перевязочные средства, а изящные скорострельные²⁸⁹ или горные орудия.

Парламенты колоний также предложили свои услуги и из контингентов Австралии, Канады и Новой Зеландии были сформированы части конной пехоты и артиллерии.

Милиция²⁹⁰, обязанная по закону службой исключительно на материке, выразила согласие пожертвовать своей привилегией и отправиться в действующую армию (на годичный срок).

Нижним чинам было обещано жалование в размере от 5–10 шиллингов (2.1/2 – 5 рублей) в день, смотря по роду оружия, причём они обязаны были заводить обмундирование на собственный счёт.

Боевая пригодность всех этих вновь сформированных войск, которым списки ведутся ещё в мирное время, не высокая, хотя чины милиции и волонтёры ежегодно призываются в учебные сборы сроком на 30 дней, причём налагают больше на стрельбу залпами и на ружейные приёмы времён **Веллингтона**.

Вот, например, способ, принятый на обучении одиночной стрельбы, не лишенный некоторой оригинальности: на сто шагов ставится круглая мишень bullseye (глаз буйвола) диаметром в 1 фут, на 200 шагов – та же мишень, но уже с диаметром в 2 фута; на 300 шагов – диаметр 3 фута и так далее. На учебном полигоне проценты попавших пуль получались, вероятно, изрядные, а на поле сражения стрелкам приходилось горько разочаровываться, видя, что бурские головы вовсе не обладают способностью раздуваться с увеличением дистанции.

Офицеры милиционных войск лишены основательного военного образования, так как право на получение патента

лейтенанта было предоставлено каждому джентльмену, умевшему производить несложное ротное ученье и вести авангард и арьергард. Не лучше было и комплектование людьми.

Сытая английская буржуазия, откращиваясь от страшного признака общей воинской повинности, не жалела средств на экипировку и формирование милиционных и волонтёрских батальонов, куда и поступали отбросы и подонки беднейшего населения окраинных фабричных центров. Тяжёлое экономическое положение, вечная безработица и жизнь впроголодь и заставили голытьбу лондонских трущоб осаждать тысячами вербовочные конторы, где записывали желающих сражаться на далёких полях знойной Африки за родину, за славу. Причинами страшной болезненности и смертности в английских войсках является главным образом физическая слабость, худосочие и непривычка к перенесению трудов походной и боевой жизни людей, которых при зачислении на службу почти не подвергают медицинскому осмотру.

Лучший элемент, это Jomanry, конные волонтёры, которые комплектовались из населения земледельческих округов Англии; им в награду за верную службу были обещаны земли, фермы и скот боров.

Нельзя обойти молчанием следующий малоизвестный факт: перед отправлением в поход полки, имеющие знамёна или штандарты, оставляли таковые в лондонском Tower'e, (Tauэр) под бдительной охраной полисменов.

Это, конечно, делает честь лондонской полиции и даёт армии право гордиться тем, что ни одно знамя, символ воинской славы и доблести, не досталось в руки презренным бурам²⁹¹.

Августус в своих мемуарах предельно безжалостно, как честный хроникер и непосредственный участник тех событий, описывал тяжелейшие сражения с напиравшими британскими войсками и жуткую панику у африканеров при неожиданном наступлении англичан:

А у нас, на Тугеле, всё шло по-прежнему. По-прежнему паслись наши кони на обширном лугу между рекой и железной дорогой; ночью высыпались по обыкновению брандвахты; из траншей было видно, что противник не намерен нас тревожить и что его колонны направляются мимо Колензо к горам на нашем левом фланге, а то, что англичане принялись более усиленно обстреливать нашу гору, мало нас беспокоили. В Крюгерсдорпский дистрикт не доходили вести ни о движениях **Робертса**, ни о снятии осады Кимберлея.

Но вот 18 февраля, во время обеда, прискакал к нам во весь дух генерал **Лукас Мейер**, собрал комandanта и всех фельдкорнетов и вслед затем раздались крики: На коней! На коней!

Поднялась невообразимая суматоха. Из землянок и палаток повылезали мирно храпевшие буры, поспешно надевали винтовки и патронташи, стали сгонять лошадей. Словно угремые метались по всему лагерю фельдкорнеты, созывая и топроя людей. Земля дрожала под копытами коней, сгоняемых **кафрами** с пастища. Успевшие оседлать лошадей, не дожидаясь остальных, с гиком пустились куда-то по дороге и пропадали в облаках красной пыли. От англичан не ускользнуло движение, внезапно охватившее лагерь, и они открыли учашённый огонь по нашей горе.

Зловещий свист шрапнелей, дикие взвизгивания **кафров**, топот ошалевших коней, хриплые крики буров, от которых нельзя было добиться никакого толку, – всё это производило одуряющее впечатление.

Мы успели поймать и оседлать своих лошадей, но, желяя узнать в чём дело, кинулись к палатке комandanта. Его уже не было. В палатке копошился наш знакомый, ковенский еврей, собирая какие-то пожитки. Дрожащим от волнения голосом сообщил он нам, что оранжевые буры покинули свои позиции на горах левого фланга, что англичане показались уже на самой Тугеле и что **Бота** вызвал на помощь крюгерсдорцев и намерен перейти в наступление, чтобы отбросить англичан.

– Наконец-то наступление! – заликовал **Никитин**, – идём господа!

Мы уговорились держаться по возможности вместе и ускакали вслед за бурами. Лагерь опустел.

Никогда я не забуду этой бешеной скачки по горам и ущельям. Нечего было и думать держаться вместе; всадники, мчавшиеся полным карьером, рассеялись кто куда; ветер свистел в ушах, а вдогонку нам визжали и шипели градом сыпавшиеся шрапнели. Ничего я перед собой не видел, ничего не сознавал. И вдруг мне почему-то поразительно ясно представился безрукий нищий с медалями за турецкую кампанию, которого я давно, ещё мальчиком, привык видеть на паперти собора. Лишь бы не искалечило – мелькнуло у меня! Тут что-то сверкнуло перед глазами и меня со страшной силой выбросило из седла. Конечно, я убит! – подумал я. Не помню, сколько я лежал без памяти, но когда очнулся, то невольным движением ухватился, прежде всего, за нос – пенсне не было, оно отлетело куда-то в сторону. Я встал только несколько помятый внезапным падением.

В нескольких шагах от меня бился мой конь, тяжёло поводя ребрами и с кровавой пеной у рта; осколком выворотило у него все внутренности. Выстрелом в ухо я прикончил страдания моего бедного буцефала, нашёл пенсне, качавшееся на стебельке травы, сел и задумался о своём положении. Куда я пойду пеший? Стрельба всё ещё гремела вдали, но сюда уж не направлялись большие снаряды. Кое-где мелькали быстро скачущие всадники, но они исчезали скоро из виду, не расслышав моих криков, и я остался один среди этих молчаливых гор, залитых ярким сиянием полуденного солнца.

На пригорке показался **кафр** на гнедом коне. Я узнал его, он был нашего отряда и всегда возил за своим хозяином перемётные сумы с провизией и чайником.

Отниму у него коня, мешки он и так понесёт! – быстро сообразил я. Но черномазый видно угадал моё намерение ссадить его с коня, заработал усиленно голыми пятками и пу-

стился вскачать. Я сорвал винтовку, приложился, но у меня не хватило духу, чтобы пристукнуть **кафра**. Чёрт с ним, пойду пешком!

Но в этот момент подъехал ко мне мелкой рысцой ни кто иной как Herr **Wagner**, ведя другого коня в поводу. Он был, видимо, в хорошем расположении духа и беззаботно мурлыкал какую-то песню. Выслушав мой рассказ, **Вагнер** покачал головой: «So, so! Я всегда говорил, что в таких случаях полезно иметь заводную (дополнительную?) лошадь. Вот я, когда все уехали из лагеря, и выбрал себе другого коня. Отличный будет рысак²⁹², доложу я вам».

– Уступите вы мне его теперь! – взмолился я.
– А если подо мной коня **убьёт**? Как же я тогда, – невозмутимо ответил **Вагнер**.

– А если вас убьют, зачем вам тогда двух лошадей?
– И это возможно! Пожалуй, вы правы, – глубокомысленно произнёс **Вагнер**. – Пожалуй, я вам уступлю другого коня, но только вы мне дадите расписочку, что при первой же возможности он будет мне возвращён. Пишите! – С благосклонной улыбкой он протянул служивший у него записной книжкой засаленный Taschenkalender fur koniglich bayrische (карманnyй календарь для королевско-баварских).

Делать было нечего. Отчего я **кафра** не пристрелил! – вздохнула я. Нацарапал я ему расписку, но тут **Вагнер** снова задумался: «Вот не знаю, какого вам, в самом деле, коня дать: мой-то хороš, а может быть, этот лучше?»

Он счёл долгом слезть с коня и долгое время провёл в созерцании несчастной клячи, очевидно, брошенной кем-нибудь из буров, как никуда не годной.

– Так и быть, возьмите его, – великодушно произнёс он, наконец. – Будь на вашем месте ротмистр или другой кто-нибудь, я бы ни за что не согласился; только для вас, помните! Но расписку вы мне не так составили – следует обозначить все приметы лошади и подписаться полным званием.

Исполнил я и это, но когда я оседлал и сел на коня, то облегчил свою душу таким фельдфебельским трёхэтажным

глаголом, что даже кляча моя, из целомудрия, повела ушами.

– Что вы сказали? – осведомился с любезнейшей улыбкой Herr **Wagner**, понимавший по-русски столько же, сколько и моя кляча, когда мы уже тронулись дальше.

– О, ничего! – уверял я. – Но помните, если вы попадёте в плен к англичанам и если мне представится возможность освободить вас, то это я сделаю не иначе, как взяв с вас предварительно расписку.

Пришпоривая коней, мы нагнали партию незнакомых буров. Они оказались из отряда Эрмело. **Бота** и их вызвал на подмогу и они спешили, чтобы соединиться со своим отрядом у понтонного моста, откуда их, вероятно, поведут для атаки Booshrand'a, уже занятого англичанами. Положение выяснилось: зарвался, значит, **Буллер**, и, быть может, англичан ожидает новый Спионскоп. Лишь бы отыскать свой отряд и своих товарищей. Радостно и ярко сверкало солнце на безоблачном небе, могучим отголоском раздавался в горах и зеленеющих долинах гром пушечных выстрелов, и как-то легко и весело стало на душе.

Там, где Тугела среди высоких гор, подступающих к самому берегу, круто поворачивает на восток, бурами был наведён широкий понтонный мост. Здесь происходило что-то неизвестное. Пологий, хорошо разработанный спуск к реке и самый мост были запруженны такой массой народа, всадников и повозок, что в первый момент трудно было разобраться, кто куда двигается.

В воздухе стоял непрерывный гул и стон от рёва волов, крика и шума тысячной толпы, в которых я по жёлтым повязкам вокруг шляп узнал оранжевых буров. De kerls flog turug, goverdam! (Удирает народ... будь они прокляты!) (Парни бегут обратно. Божье проклятие!) – ворчали буры из Эрмело и стали пробиваться к мосту. И мы последовали за ними, спешившись и ведя коней в поводу, по их примеру. На мосту была страшная давка и теснота. Настилка из шпал дрожала и заливалась водой под напором фургонов, орудий и зарядных

ящиков; лошади скользили, вставали на дыбы; жалобно мычали упряжные быки, испуганные шумом быстрого течения и криками возбуждённой толпы.

Кое-как, по колено в воде, я прошёл мост с измятыми боками и с одним поводом в руках; – лошадь моя осталась на мосту. Но и теперь не оказалось никакой возможности пройтись дальше: на том берегу столпилась тысячная масса народа. Здесь были и наши крюгерсдорпцы; среди толпы возвышалась стройная фигура генерала **Бота** на белой крупной лошади; он что-то такое говорил толпе, размахивая широкополой шляпой, но голос его заглушался не умолкающим рёвом животных и криком и галдением растерявшегося народа. Глухо ревел вдали водопад, глухо доносилась из-за гор канонада – и все эти нестройные звуки слились в какой-то подавляющий, угнетающий душу хаос.

Толпа вооружённого народа оказалась охваченной паникой и, в самом деле, перед нами развернулась потрясающая картина дикого, беспорядочного бегства. Но это бегство с не-проступных позиций было вызвано не появлением, не победой англичан, а роковой вестью, что во Фрейштат (Оранжевое Свободное Государство) вторглись несметные силы **Робертса** и что поддержка и оплот буров, трансваальский лев **Кронье**, замышляет измену.

С быстротой молнии, неизвестно кем пущенный, слух этот облетел фрейштатцев; покинули они свои траншеи, забрали обоз и пушки, и решили отправиться на родину для защиты своих ферм и семейств²⁹³.

Напрасно **Бота** их убеждал и уговаривал – его не слушались, речь его перебивалась гневными восклицаниями: Хорошо тебе говорить, генерал! ничто не грозит твоему семейству, а у нас там остались женщины, дети!

И **Кронье**, и **Жубер**, все вы изменники! – ревел старый бур, потрясая жилистым кулаком, – вы нас продали англичанам!

Три дня мы дрались на Бощранде, без воды, без сухарей! вы нас не поддержали! поздно теперь, генерал! – кричал друг-

гой, у которого голова была обмотана окровавленной тряпкой. Злоба и безнадёжное отчаянье читались на всех лицах.

На горе зачастили выстрелы, отчётиво послышались знакомые залпы английской пехоты. – Daar kom de Khaki! de khaki! (Англичане идут, англичане!)

И этот безумный крик, вырвавшийся у какого-нибудь мерзавца, всполошил и привёл в ужас людей, которые ещё недавно перед этим неустранимо отбивали атаку за атакой в десять раз сильнейшего противника. Всё хлынуло в диком смятении к мосту, увлекая за собой и перешедших на этот берег. Опрокидывались возы, заметались волы, всадники давили пеших. И я был сбит с ног напором обезумевшей толпы; насилу я пробился к берегу, измятый, окровавленный. Но я отомстил за себя тем, что схватил первую попавшуюся лошадь без всадника и, сев верхом, присоединился к своим. Конь подо мной оказался горячий, полукровный и я не сожалел, что дохлая кляча **Вагнера** осталась где-то на мосту.

С гор спускались всё новые толпы отступавших оранжевых буров. Но вот опять загремел властный голос **Бота** и вокруг него столпились трансваальцы. Тут были и наши Крюгерсдорпцы и люди из отрядов Эрмело, Винбурга, Каролины, Боксбурга и многих других дистриктов; к ним примкнули даже часть оранжевых буров. Смятение немного улеглось. И снова заговорил **Бота**, снова зазвучала его страстная, самоуверенная речь; лицо его дышало отвагой. – Веди нас, генерал! – прогремели ему в ответ сотни голосов. И я, пришелец среди этого народа, тогда пережил и понял тот порыв воодушевления, с которым солдат идёт на смерть и погибель по одному мановению вождя.

Кто-то положил мне руку на плечо. Я оглянулся и увидел своих товарищей; в глазах их горел тот же огонёк. Мы молча пожали друг другу руку.

– Kom an! kom an, Krugersdorpshe! (Вперёд, крюгерсдорпцы!) кричал наш комендант, старый **Ван-Вейк**, размахивая цветным зонтиком, с которым он никогда, ни на походе, ни в бою, не расставался. Нам сказали, что поведут нас в обход

уже занятых англичанами гор. Стало темнеть и с реки повеяло прохладой.

Двигаться пришлось вдоль берега реки, по едва заметному карнизу отвесных каменных громад. Шли в одиночку, гуськом, ведя лошадей в поводу. Внизу под ними клокотал и ревел величественный водопад во всю ширь реки. Но некогда было любоваться чудной картиной; один неверный шаг – и вместе с лошадью пришлось бы скатиться в зияющую пропасть, где бешено кипели и пенились волны реки.

Пройдя эту опасную тропинку, мы вышли к широкому ущелью, где приказано было спешиться и оставить лошадей. Ехавший всё время впереди командант отошёл в сторону, стал пропускать мимо себя и считать бургеры, идущих гуськом по тропинке, и насчитал 420 человек крюгерсдорпцев. Это было первый раз, что при мне производится счёт людям. Затем без команд, без окриков, без разговоров, стало известно, что мы должны занять вершину горы, где предполагалось встретить английский пикет.

С поразительной ловкостью, избегая малейшего шороха, буры начали проворно карабкаться по крутым скатам горы, усеянной острыми выступами и ребрами скал. А на вершине всё тихо; не ожидают, видно, англичане ночного нападения. Но вот под кем-то оборвался камень и в тот же момент затрещали выстрелы и над нами пронёсся целый рой пуль. Ползущий рядом со мной бур взмахнул руками, уронил винтовку, и с жалобным протяжным воем скатился вниз. Не до него! Вот уже плоская вершина, по которой мелькают и перебегают какие-то тени. В наступившем мраке вспыхивают огоньки ружейных выстрелов. Я спотыкаюсь о чьи-то тела.

Немногочисленный английский пикет очистил поспешно гору, на которой расположился Крюгерсдорпский отряд, и в ту же ночь мы приступили к сооружению завалов, наваливая вырытые руками камни один на другой. Проработали мы таким образом всю ночь до рассвета, содрав ногти и кожу с пальцев; настал день; буры уже лежали за солидными завалами из искусственно приложенных камней и посмеиваясь

глядели на наши закрытия из каких-то булыжников. А на далёких горах уже заговорила английская артиллерия; снаряды не долетали и ложились впереди нас, но зато всё чаще и чаще стало раздаваться зловещее шипение ружейных пуль. Скрепя сердце, мы решили продолжать начатую работу; уж ругали мы тогда и **Буллера**, и **Чемберлена**, и **Кронье**, и **Крюгера**, но теперь важнее всего для нас было иметь надёжное укрытие от предстоящей бомбардировки. Общими усилиями мы разворачивали громадные глыбы, подкатывали их к брустверу, причём **Диатроптов**, некогда слушавший университетские лекции, не преминул сказать несколько слов о пермских и триасовых формациях и так далее. Один лишь милый **Павлуша Риперт**, по обыкновению, отвилival от работы, отговариваясь тем, что ему сделалось дурно от вида лежавших позади нас изуродованных трупов английских солдат. Но зато он вызвался с величайшей охотой пойти с нашими баклагами за водой на Тугелу, что, в самом деле, было подвигом, так как ведущий к реке скат обстреливался продольным огнём англичан, засевших на соседней горе.

Сильно мы страдали от жажды и зноя; от навесных лучей жгучего солнца до того раскалялись камни, что к ним больно было прикоснуться рукой. Нам были доставлены ящики с патронами, а про хлеб позабыли; к мучившей нас жажде присоединился голод; лишь тugo набитый папиросами портсигар **Фёдора Ивановича (Гучкова)** поддерживал до некоторой степени угасающую бодрость духа.

А англичане тем временем выкатывали батарею за батареей; снаряды их разносili наши завалы; далёким отголоском разносилось по горам мерное постукивание скорострелок (пулемётов), обдававших нас продольным огнём; английская пехота всё время держалась на почтительном расстоянии, не переходя в атаку, а надеясь выжить нас артиллерийским огнём. Снаряды их рвались так удачно, что предсмертное хрипение умирающих и стоны раненых стали раздаваться всё чаще и чаще. И сердце сжималось тоской при мысли, что и нас ожидает та же участь, что, может

быть, в последний раз нам улыбаются прощальные лучи заходящего солнца.

Но, несмотря на весь трагизм нашего положения, я не мог не улыбнуться, видя с каким жаром **Никитин**, скорчившись за завалом, занимается разборкой и сборкой английской винтовки **Ли-Метфорда**, отбитой им накануне у англичанина, и спорит с **Бузуковым** о том, как считать нарезку прицела, на ярды или на метры, и это в то время, когда над головой то и дело рвались шрапNELи.

Так прошёл день-другой и к вечеру стало известно, что решено отступление. В тёмную ночь, в страшную грозу и лихень, мы, незамеченные англичанами, покинули гору, спустились к лошадям и тем же путём направились к реке.

Это была ужасная ночь. Тропическая гроза разразилась с такой силой, что каменные громады содрогались и стонали, внимая раскатам непрерывного грома. Ослепительные зигзаги молний по временам разрезали непроглядный мрак ночи и на мгновенье освещали бушевавшие каскады реки и неясные очертания тысячи всадников, карабкающихся по крутым утёсам.

Лишь только окончилась переправа всех войск, как мост был взорван динамитом.

Теперь нестройные полчища буров потеряли, видимо, всякую связь; всадники то небольшими группами, то в одиночку метались во все стороны и исчезали во мраке ночи.

По сторонам дороги валялись беспомощные раненые. Их заливало потоками дождя и вопли несчастных заглушались воем бушевавшей непогоды.

Каким-то чудом, накричавшись до хрипоты, мне удалось найти своих товарищей. Все оказались налицо. Измученные, голодные, угрюмые, промокшие до костей, нам было не до разговоров, и мы молча тронулись в путь сами не зная куда.

Но вот затихла гроза, перестал дождь и на востоке заалел небосклон. **Фёдор Иванович** поделился последними папиросами и мы разговорились, обсуждая наше положение. Нам нужно отыскать крюгердорпцев, вероятно, буры

на этих горах займут новую позицию, – говорил **Никитин**. Какие там новые позиции, прежде всего, нужно поесть и выпиться!

Натолкнулись мы тогда на лагерь, очевидно, только что покинутый бурами: между опрокинутыми изломанными фургонами и брошенными палатками кое-где ещё тлели костры, валялись разбитые ящики, котлы, распоротые мешки с кукурузой и сухарями, смешавшимися с грязью и навозом. Жадно мы накинулись на сухари, разведя громадный костёр, и заснули, как убитые, хотя **Фёдор Иванович**, как более благоразумный, говорил, что следовало бы выставить часового и предлагал взять первую очередь на себя. В ответ ему раздалось лишь дружное храпение.

Один только **Вагнер** не мог сомкнуть очей своих; долго он ещё сидел у костра, перечитывал мою расписку и, видно, ломал голову, каким это образом его гнедая бесхвостая кляча превратилась в статного вороного коня, которым я завладел во время переправы.

Но недолго удалось нам поспать – над ухом раздался резкий голос **Бузукова**: англичане! вставайте! англичане! Бывший македонский агитатор, который во времена своих разбойничьих похождений усвоил похвальную привычку спать, не снимая ни патронташа, ни винтовки, услышал сквозь сон какие-то подозрительные звуки, вскочил на ноги и убедился к своему ужасу, что недалеко от места нашего ночлега английские pontonёры работают над наводкой моста через Тугеду. Согнать коней и растормошить нас было делом одной минуты. Через час мы были уже в безопасности и присоединились к своим крюгер-сдорпцам, считавших нас безвозвратно погибшими.

С радостными воплями бросился к своему барину старый **Иван Петрович**, оставленный в день выступления. Три дня он томился в неизвестности о судьбе **Фёдора Ивановича**. «Нынче вот только я набрел на своих, узнал ихнего начальника по зонтику, да ведь с ним не сговоришься, так и не мог добиться, где они вас покинули. Ну вот и опять все вместе! Слава Тебе, Господи! Сейчас я вам чайку изготовленлю!» – за-

Английский понтоонный мост

хлопотал наш **Иван Петрович** вокруг весело трещавшего кочстра; у него оказались и чай, и сахар, и сухари и даже баночки три варенья; а кружки и чайник он раздобыл у храбрых венгерцев. Мы несказанно удивились, найдя всех их в добром здоровье, сытых, румяных и чистеньких. Пока мы наслаждались горячим чаем, ротмистр, покручивая усы, посвятил нас в свои подвиги. Оказалось, что он со своими соотечественниками остался в лагере и выдержал упорный бой, защищая брод у Колензо: «Пули жужжали как шмели, несколько раз, представьте себе, полки англичан ходили в атаку с развернутыми знамёнами».

— Да ведь, собственно говоря, у англичан нет ведь знамен; они оставлены в Tower'e, — осмелился я перебить достойного потомка **Кошута**²⁹⁴.

— Так вы слову офицерскому не верите? — вскочил другой, лейтенант австрийской пехоты, с петушиным пером на тирольской шляпе²⁹⁵.

– Bassama-teremtete! (венгерское бранное слово) – провозгласил третий, окинув нас вызывающим взглядом.

– Вот дайте только кипяточку допить! – проворчал **Никитин**, мускулы которого внушали венгерцам некоторое уважение и они предпочли удалиться с видом оскорблённого достоинства, настыривая марш **Ракочи**²⁹⁶.

Армия **Буллера** перешла Тугелу, и громадным четырёхугольником белели палатки англичан на том месте, где за несколько дней перед этим стояли шатры Крюгерсдорпского отряда. Но буры готовились к упорной обороне; отряды, сильно поредевшие после паники 19–20 февраля, снова пополнялись людьми, вызванными из отпуска; вернулись и те, которые после первых неудач бросились бежать без оглядки и теперь устыдились своего малодушия; таких было немало. Но Гроблер-Кооф, оставшемся в руках буров, поставили перевезённое из-под Ледисмита орудие, знаменитый **Лонг-Том**; были привезены фургоны с шанцевым инструментом, и на всех горах закипела работа: строились батареи, возводились окопы и ложементы²⁹⁷.

Вскоре началась подготовка буров к обороне на новом участке:

Наш отряд расположился на Pieters-hill, группе высот, соединённых седловинами и изрезанных глубокими ущельями. Между тем как одна смена людей работала на горе и выставляла брандвахты, другая отдыхала верстах в двух за горой в обширной долине, по которой струилась извилистая речка, скрытая в густых зарослях мимоз. Здесь же находилась большая ферма только недавно покинутая своим владельцем, **Питерсоном**, который славился, как один из самых богатых людей во всём Натале. Ему принадлежали обширные пастбища между Тугелой и Клип-ривером, на которых паслись бесчисленные стада овец и рогатого скота. Сам – бур по происхождению, – он после успехов **Буллера** захватил семью и часть имущества и бежал в Преторию, зная, что ему грозит суровое

наказание за содействие трансваальцам. Не церемонились англичане с натальскими и капскими фермерами бурского происхождения.

Грустный вид представляла теперь эта ферма, утопающая в бархатной зелени густолиственных оранжевых деревьев. Живые изгороди из громадных кактусов и роскошных олеандров в полном цвету смяты или подрублены; в саду паслись лошади и волы; повсюду валялись остатки хозяйственного имущества, разбитые сундуки, изломанные молотилки, конская упряжь, колёса фургонов; в самом доме расположился лазарет Красного Креста: оттуда несло тяжёлым запахом карболки,²⁹⁸ кровью забрызганы белые стены комнат, мебель и разбросанная по полу солома, на которой валялись раненые. Они не стонали, не охали, а молча отдавали себя в распоряжение докторам, которые им здесь оказывали первую помощь и затем отправляли их дальше. Тяжёлое впечатление производили эти несчастные, всё больше покалеченные осколками артиллерийских снарядов.

Вот один, у которого вся голова и лицо обмотаны почерневшими от крови бинтами, сilitся приподняться, но беспомощно падает назад. О, mij vrouv! **Katherine!** (О, жена моя! **Катерина!**) – хрипит раненый; снова заворочался и изо рта его хлынула струя алой крови.

Бредит, несчастный! – подумал я, но в эту минуту из соседней комнаты вышла высокая стройная женщина с чайником в руках, в громадном белоснежном чепчике, из-под которого пробивались золотистые локоны роскошных волос. Такое глубокое, беспредельное горе выражалось в чертах её чудного лица, что я сразу угадал в ней жену этого страдальца; бросила она свой дом и родных и поспешила сюда, чтобы облегчить страдания, утешить своей лаской того, кто ей дороже всего на свете. Поставив чайник на пол, она тихо наклонилась над раненым и стала менять повязку. Стали вносить новых раненых. «Чего вы здесь торчите? – грубо накинулся на меня бур-фельдшер с вспотевшим лицом, весь окровавленный. – Ох, уж эти уитландеры! они

всему виной; они разнюхали золото, затеяли войну и теперь, туда же, за нас сражаются!»

Я покорно вышел и направился в сад. Здесь, под тенью цветущего олеандра, буры только что похоронили одного из этих уитландеров, всеми любимого тихого, скромного **Рауха**, одного из двух братьев штирийцев. Его, бездыханного, с зияющей раной на лбу, принесли с Pietershill, и брат смастерили над насыпью могилы деревянный крест с надписью: «Родился в Штейермарке 1 мая 1875 г. убит на Pietershill 21 февраля 1899 г.»

Как раньше в лагере под Колензо, так и теперь у Pietersfarm, буры, свободные от наряда, собирались каждый вечер по зову фельдкорнета на молитву. Благоговейно склонив обнажённые головы, они внимали словам фельдкорнета, читающего какую-нибудь главу из старинной Библии в кожаном переплете с медными застёжками; затем кто-нибудь сплывши, неуверенным голосом затягивал молитву; толпа подхватывала – и растут, и льются звуки старинного хорала, всё усиливаясь и оглашая безмолвную долину. Замрёт последний отголосок молитвы и из толпы тесно сбившегося народа выходит какой-нибудь проповедник и импровизатор, вдохновлённый благодатью свыше. Откинув в молитвенном экстазе голову, как бы созерцая пылающее на тёмном своде небес созвездие Креста, этого символа страданий и победы, он молчит минуту, другую, и затем начинается его страстная, громкая речь, прерывающаяся вздохами и возгласами: «Gelieve broeder! (Возлюбленные братья), – говорит он, – Бог всемогущий, всесильный прогневался на народ свой избранный, но пройдёт час испытания, силы небесные ополчатся на защиту неверующих».

И ожидают суровые лица бойцов, в глубине их души зарождается светлая надежда на помощь Всевышнего и завтра они снова пойдут в бой за родину, за свободу, не страшась ни смерти, ни мучений. Любил я присутствовать при этих вечерних молитвах, меня трогала их детская простодушная вера, но каждый раз у меня возникала мысль, что ведь и англичане такие же благочестивые христиане, что ведь и они призыва-

ют того же Бога, поют такие же хоралы, с умилением слушают такие же проповеди. Почему же никто из народов христианских не руководствуется внушением христианской совести и почему эти народы, в кровожадномupoении истребляющие друг друга, ещё призывают на звон и бряцание оружием благословение Божие?

Не мне было задавать, не мне было разрешать подобные вопросы; нужно было заняться более существенными и важными делами: загнать лошадей на ночь в огороженный проволокой kraal, прочистить винтовку и приготовить себе что-нибудь на ужин. На ферме осталось много всякой птицы, индюков, кур; в окрестностях бродили стада коз, баранов и свиней; в речке попадались крупные черепахи и крабы. Но тогда было не до упражнений в кулинарном искусстве. Беспрерывно громила нас английская артиллерия и мы дни и ночи проводили в траншеях, отражая атаки противника. Не жалел **Буллер** людей, чтобы выбить нас наконец с последних позиций, отделяющих его армию от Ледисмита²⁹⁹.

Приведём одну из статей **Евгения Августуса** о краткой передышке в дни тех тяжёлых боев:

Маленький фельетон

Старый бур

(Из воспоминаний участника англо-бурской войны)

Замолк, наконец, грохот ружейной пальбы; перестали шипеть в раскалённом воздухе смертоносные осколки гранат и шрапнели. Замолкли последние отголоски кровавого боя, но долго ещё наболевшие нервы, измученные страшными впечатлениями дня, не могут успокоиться, и эта наступившая вдруг тишина кажется болезненным пробуждением от какого-то тяжёлого, угнетавшего душу кошмара.

Но вот с реки повеяло прохладой, и свежим порывистым дуновением ветра уносит удущливый запах гари и крови!

Ещё час тому назад она билась горячим ключом в жилах людей, ещё час назад она вызывала жизнь и движение, а те-

перь – холодная, скользкая – она сияет чёрными пятнами на бархатной зелени колючих кактусов, на изрытой снарядами сырой земле.

Кровь запеклась ручейком на жёлтых грязных мундирах английских солдат; она темнеет застывшей пеной на посивевших уже лицах искалеченных людей.

В воздухе жужжат целые тучи жирных зелёных мух: они копошатся на безжизненных лицах, заползают в глаза, в рот, покрывают густым слоем вывалившиеся внутренности.

Вот ещё корчится в предсмертных судорогах какой-то несчастный, дико он взмахнул рукой, опрокинулся на взничь и зарылся лицом в сырую землю, заглушившую его последнее хрипение. а высоко-высоко в ярком бесчувственном небе неподвижно парят коршуны. Будет им пир на славу.

Молодцами поработали нынче буры. Бешеные атаки **Будлера** отбиты на всех пунктах. Pieters-Hill, эта громада безжизненных голых камней, осталась за нами. Но зачем она понадобилась англичанам? Зачем её защищали буры?

Вокруг маленькой 75-миллиметровой пушки хлопочут артиллеристы. Тщательно протирают они башлыком прокопавшее от порохового нагара дуло, тщательно прочищают затвор, и скоро эта адская машина заблестит точно детская игрушечка.

Недалеко от стрелковой траншеи, усеянной расстрелянными гильзами и блестящими обоймами, сидит старик-бур с седой как лунь бородой. Могучий стан его изогнулся и мутные стеклянные глаза из-под нависших серых бровей неподвижно уставились на лежащие перед ним трупы, трупы его сыновей.

Первый – это рослый красавец; бледное лицо, застывшее с выражением какого-то немого удивления, обрамлено кудрявыми золотистыми волосами; руки сложены на груди; он точно спит спокойным сном и, что это сон непробудный, о том говорит лишь маленькое кровавое пятнышко на высоком лбу. Уложила первенца шальная пуля **Ли-Метфорда**.

А у второго и грудь, и куртка, и кожаный патронташ истерзаны, видно, осколком; у него белеют острые обломки рёбер и виднеется нежно-розовая ткань лёгких.

А третий – это бесформенная масса обрывков платья, крови, мяса – хорошо угодил снаряд; как это у него уцелела обшитая зелёным сукном баклaga?

Точно дуб вековой, корявый ствол которого уныло возвышается среди сраженной, прибитой к земле молодой заросли после промчавшейся бури, старик сидит, безмолвно шевеля губами и не отрывая глаз от дорогих ему трупов.

И вспоминает он далекую ферму, утопающую в зелени оранжевых деревьев. Под тенью их развились его дети, росли, возмужали; там и теперь ёщё раздаётся лепет краснощёких внуков, ожидающих возвращения с войны отца, деда. Неужели ему одному суждено вернуться? Зачем не его первого сразила английская пуля?

К старику подошла группа буров с лопатами и мотыгами.

– Вставай, **Потгитеp**, будет тебе! Похороним твоих сыновей!

И они приступают к работе. Некогда вырыть могилу, грунт скалистый, да и измучились они за день. Наскоро вырывается углubление и стариk слышит как камни сначала беззвучно, а затем с грохотом ударяют один о другой. Куча растёт. Стариk **Потгитеp** застонал глухо; он вспомнил, что у него ёщё был сын, четвёртый; он когда-то проклял его, позабыл о нём и только теперь, когда камни холодные принакрыли навек трёх сыновей, радость и свет его одинокой жизни, в глубине его зашевелились воспоминания о прошлом.

Давно это было. Мирно жило старому **Потгитеpу** среди необъятного простора зелёных равнин, окаймленных си-неющими вдали вершинами неприступных гор; но вот в горах этих оказалось золото, появились какие-то чужестранцы с лихорадочно горевшими глазами и цепкими руками, и всё преобразилось; зашипели, задымились паровые чудовища, засверкали на солнце белоснежные горы перемытого золотоносного кварца.

Недалеко от его мирной фермы возник целый городок жестяных переносных домиков; в них копошились, кричали, смеялись пришлые люди. Над одним из таких домиков появилась раззолочённая вывеска: Bottle Store (винный магазин; распивочная) и от соколиного взора старика не ускользало, что его любимец, стройный **Веньямин**, лучший стрелок и наездник во всём округе, по целым дням, по целым ночам просиживал за прилавком Store'а; приковывали его не звон гиней, не ряды бутылок с одурманивающим виски, а очаровали, притягивали с неудержимой силой чудные глаза молодой **Ревекки**, красавицы-еврейки. А глаза эти, то вспыхивающие как метеор в непроглядную ночь, то потухающие под бархатными ресницами, довели юношу до того, что он наконец потребовал у отца выделения ему части наследства и заявил, что уезжает с **Ревеккой** в далёкий Дурбан и там, даже без благословения родительского женится на ней.

Потухла у старого **Потгитера** неизменная трубка, грозно засверкали его глаза, и он хотел заставить сына, чтобы тот на старой Библии в пожелтевшем кожаном переплете поклялся ему оставить и позабыть навсегда обольстительную еврейку. **Веньямин** угрюмо молчал.

На другой день он исчез навсегда, исчезли с ним и звонкие гинеи, накопленные отцом долгими годами, из взломанного сундука; исчезла и красавица **Ревекка**.

Тогда отец собрал всю семью, удручённую горем, созвал домашнюю прислугу, дрожащую от страха, и при всех на той же Библии проклял блудного сына, поправшего и волю отца, и заветы семьи.

Старый **Потгитер** очнулся; кто-то положил руку ему на плечо. Перед ним стоял чернобородый фельдкорнет.

– **Потгитер**, тебя зовёт сын твой! – проговорил он мягко.

– Вот они! – простонал старик, указывая на груду камней. – Уж эти заснули непробудным сном, ты их увидишь на том свете: тебя зовет **Веньямин**.

Старик выпрямился во весь рост и смутно обвел взглядом

молчаливые вершины тёмных гор, на которых играло и переливалось кровавыми лучами заходящее солнце.

– Пойдём за мной! – повторил фельдкорнет.

У той же траншеи лежало несколько раненых английских солдат, подобранных бурами на поле сражения; искалеченные, изуродованные, они хрипели и корчились под руками санитаров.

Потгитер как бы окаменел, но в следующее мгновение он весь задрожал и припал к земле.

У ног его страшно расширил глаза, с мертвенно-бледным лицом лежал английский солдат с красной нашивкой сержанта. Грудь его порывисто поднималась, из полураскрытоего рта хлынула струя алой крови и вслед затем раздалось какое-то хрипение, старый бур схватил его шею рукой, глаза их встретились.

– **Веньямин** мой, последний мой! Не умирай! – стоныл **Потгитер**.

– Отец, прости... она меня бросила... я... я... прости...

Снова с зловещим клокотанием выступила из сжатых губ кровавая пена, умирающий прильнул жадно к бокалу с холодной родниковой водой; руки его судорожно обхватили загорелую шею отца. А старик прильнул к лицу несчастного сына, которого он проклял когда-то, которого он нашёл теперь в числе ненавистных врагов. Седая борода его обагрилась кровью сына, сраженного, быть может, его же рукой.

– Прости отец... дай мне умереть... прости сына... – Последняя дрожь пробежала по молодому телу, ноги вдруг вытянулись и он испустил дух, так и не услышав последнего слова родного отца, последнее «прости».

Непроглядная мгла охватила своим покровом заснувшую землю. С кустов над Тугелой раздавалось, точно издеваясь над злобой и кровожадностью людей, мирное воркование горлинок³⁰⁰ и звенел серебряными колокольчиками несмолкаемый хор лягушек.

Евгений Августус³⁰¹.

Англичане, вновь не считаясь с потерями, шли на пролом, африканеры немного оправились после понесённых тяжёлых поражений на других участках фронта, вновь яростно отбивали нападение:

Я помню бой 24 февраля, когда цепь за цепью, волнуясь и колыхаясь, наступала широким полукругом (пехота) по скату горы, занятой Крюгерсдорпским отрядом. Меткий огонь наших скорострелок вырывал целые ряды у англичан, но цепи опять смыкались и сгущались, сзади напирали новые массы. Казалось, что эта грозная лавина сметёт всё на своём пути и раздавит горсть смельчаков, засевших в наско-ро вырытых траншеях; но эти люди, забрызганные кровью и грязью, бесстрашно выжидали подхода англичан.

И вот когда массы наступающего противника очутились на расстоянии прямого выстрела, их встретили таким огненным градом, что вся гора усеялась мёртвыми телами. Не остановился бешеный порыв озверелого врага, свежие батальоны стали подниматься на гору, отдельные храбрецы побегали так быстро, что можно было видеть их красные, вспотевшие лица, сверкающие на солнце штыки. Но не дошло на этот раз до рукопашной схватки, все усилия ирландской бригады разбились об стойкость буров. Один только полк Royal Inniskilling, атаковавший наши ложементы, потерял с лишком 300 человек, и **Буллер** был принужден просить перемирия для уборки убитых и раненых. Вид поля сражения был ужаснее, чем на Спиона скопе.

После перемирия атаки англичан возобновились с той же яростью, но и с тем же успехом; они окопались в 300 шагах впереди и громили нас оттуда своими пулемётами **Максима**. И наловчились же английские наводчики: пули их скорострелок³⁰² так и визжали над самым ухом, лишь только выставишь голову за бруствер.

Без пищи, без сна, мы держались ещё четыре дня и под конец я до того отупел, что тут же, под сильнейшим огнём³⁰³, засыпал в траншее, заваленный безобразно раздувшимися и

*Австралийский или британский пулемётный расчёт
во время англо-бурской войны в 1900 г.*

посиневшими трупами. Некому было их закапывать, да и не зачем: в небе носились стаи коршунов и по ночам раздавался протяжный вой шакалов, от которого кровь стыла в жилах. Ограничивались тем, что в редкие моменты затишья выбрасывали трупы за бруствер.

Из 420 брюгеров, которых насчитал наш командант **Ван-Вейк** на Тугеле, осталось налицо не более 80–90; много легло на Pietershill, но большинство, вероятно, разбрелось, считая дело потерянным. Исчезли и наши молодцы-венгерцы; они, как мне потом рассказывали, под благовидным предлогом рассорились с одним из фельдкорнетов, забрали фургон, мулов, трёх **кафров** и отправились пожинать новые лавры в Фрейштат.

Тогда же погиб смертью героя наш общий любимец, **Павлуша Риперт**, – лиддитная бомба³⁰⁴ угодила в самую трашею и искалечила его до неузнаваемости; кровью и мозгами забрызгало рядом лежащих товарищей его. Не суждено ему было увидеть окончание войны и зажить фермером со своей возлюбленной, как мечтал он об этом, сидя, бывало, с нами в тёмные ночи за бивачным костром.

А королевско-баварскому лейтенанту жестоко пришлось поплатиться за то нескрываемое презрение, с которым он,

как присяжный артиллерист, относился к своей малокалиберной винтовке: ни разу не занявшись чисткой или разборкой своего **Маузера**, он довёл ружьё до такого состояния, что в один из этих дней, когда нам приходилось выпускать патроны сотнями, ствол и затвор разорвало вдребезги³⁰⁵. В глубоком обмороке, с окровавленной физиономией, его поволокли на перевязочный пункт. Но на Pietersfarm, переполненной ранеными, не хватало уже ни перевязочных средств, ни медицинского персонала и **Фёдор Иванович**, с помощью своего денщика, решил отправить **Вагнера** и раненного в тот же день **Диатроптова** в Гленко, где, по слухам, находилось отделение русского Красного Креста.

Мне посчастливилось, и я отдался лишь тем, что три дня охал, судорожно хватаясь за бок. Случилось это так. Английская пуля пробила мне гнёзда патронташа, расплющила пули лежавшей там пачки патронов, и отскочила, не задев даже кожи, хотя удар был до того сильный, что я пошатнулся и у меня захватило дыхание; но, по всей вероятности, пуля попала с рикошета, иначе бы мне несдобровать и мне пришлось бы, как капитану Копейкину, пролить в некотором роде свою кровь и навсегда отказаться от счастья снова командовать полуторой на законном основании.

Из волонтёров остались лишь я, **Никитин**, да **Бузуков**. Побуждённые каким-то гауптмюндионским духом, мы дали друг другу слово держаться до конца.

27 февраля грянул последний бой. Горы сотрясались и стонали от гула бомбардировки. Мы лежали уткнувшись носом в обсыпавшийся вал наших окопов, задыхаясь от едких газов лиддита, забрасываемые песком и осколками камней и снарядов, бороздивших землю по всем направлениям. Так мы лежали до вечера, когда вдруг на горах левее нас, занятых богсбурцами, появились круглые каски англичан. Наш обошли с обоих флангов.

Лежавшие неподвижно в траншеях буры зашевелились; затрещала частая суетливая стрельба. С воплями буров смешались грозные крики разъярённых англичан: Amadjuba! son

R.H.S.

Extract from the Diary of a Baby in Matakong. 1900.

"It isn't so much the shells that I object to,
It is this everlasting standing on one's head while
Mother does her washing!"

Скетч Баден Пауэлла: «Я не очень против снарядов; но хоть стой на голове (от запахов), когда мамаша занимается стиркой»

of a bitch! (Амаджуба! (годовщина битвы на горе Маджуба); сукин сын!)

Прямо на нас бежал какой-то бритый англичанин, видно, офицер, в широкополой, напоминающей гриб, каске. Hands up! bloody-fool beggars! (Руки вверх! Проклятый нищий!)(точнее – проклятые нищие), хрюпал он, потрясая револьвером. Кое-где буры схватились в рукопашную, отбиваясь прикладами, кулаками. Замелькали белые платки. Всё это длилось не более десяти минут, во время которых я был в каком-то чаду. Не помню, как я вырвался из толпы врагов, опьяняённых победой; в руках у меня оказался один ствол винтовки. Из 80 буров вернулось всего 17, в том числе **Никитин** и **Бузуков**, спасшиеся каким-то чудом³⁰⁶.

У кого остались лошади, те ускакали вслед за отступившими ещё с утра главными силами буров; у меня и **Никитина** лошади были убиты ещё накануне и мы пошли пешком, в каком-то тупом оцепенении; острые камни раздирали нам ноги, колючие ветви били по лицу. И мы всё шли, шли на север, туда, где залитые лунным сиянием, вставали молчаливые вершины Ломбардс-Копа. Порывистый ветер гнал по небу клочки разорванных туч, эти тучи неслись туда же, на север, как бы указывая нам путь. Удручающее безмолвие царило вокруг; лишь изредка, с новым порывом ветра, долетал глухой топот коней или скрип колес³⁰⁷.

О тех жестоких боях российская пресса писала следующее:

Колензо. 3 марта (19 февраля). (Рейтер). После взятия штурмом Питер-Гилля, который буры защищали с величайшим упорством, англичане взяли в плен свыше 100 человек, в том числе много голландцев. Пленные не хотели верить, что **Кронье** сдался³⁰⁸.

Полезно, как полагают авторы данной работы, процитировать и мнение **Евгения Августуса** о тех кро-

вавых боях, составленное на основании британских источников:

Вот, по официальным английским отчётом, изложение операций **Буллера** с 14 по 24 февраля. После того как три последовательные попытки **Буллера**, направленные против центра (15 декабря) и правого фланга буров, окончились полнейшей неудачей, он решил овладеть горами, на которые опирался весь левый фланг.

С этой целью он направил ещё 14 февраля конную пехоту, состоявшую под начальством лорда **Дундональда**, на Hussar Hill, куда стянули и главные свои силы, а с 15 числа на горе расположились 18 орудий крупного калибра морской осадной артиллерии и мортирной батареи и 48 полевых орудий.

Вся эта грозная масса орудий сосредоточила свой огонь на Green-Hill, откуда отвечали лишь три орудия буров. Артиллерийское состязание не привело ни к какому результату.

...Местность восточнее Колензо представляет ряд возвышенностей, командующих над северным берегом Тугелы. Бурами были заняты и укреплены траншеями следующие высоты: Hlangwane-Hill и Monte-Christo (та же гора, что у буров называлась Бушранд), связанный широкой седловиной с горой Монте-Цинголо.

16 числа бригада **Hildyard'a** перешла речку Гомба-Спруйт и расположилась у подошвы Монте-Цинголо. 17-го англичане перешли к более решительным действиям.

Бригада **Barton'a** демонстрировала против Green-hill, конная пехота **Дундональда** направилась в обход левого фланга буров, а бригада **Hildyard'a** стала подниматься по крутым, заросшим густым кустарником, скатам Цинголо, овладела этой горой и, встречая лишь слабое сопротивление со стороны противника, завладела на другой день и горой Монте-Кристо. 19 числа и гора Hlangwane оказалась во власти англичан. По официальным телеграммам видно, что буры нигде не оказывали серьёзного сопротивления, траншеи покидались ими преждевременно и только вновь перешедший через Тугелу от-

ряд задержал на некоторое время дальнейшее движение. Но огнём артиллерии, переехавшей на Green-hill, и этот отряд был принужден к отступлению, и 21 числа войска **Буллера** перешли Тугелу у Колензо.

Движение **Буллера** к Гроблер-Кофу и Питерс-Хилу было менее удачно. Сражения 22, 23 и 24 февраля (1900 г.) нужно признать поражениями англичан. Особенно сильно пострадала ирландская бригада **Hart'a**. Начальник 11-й бригады, генерал **Wynne**, был тяжёло ранен и уступил командование полковнику **Китченеру**, брату начальника штаба. Тогда **Буллер** перевёл 64-ю бригаду обратно за Тугелу, которая, незамеченная бурами, вновь перешла реку восточнее Питерс-Хила. Обход удался вполне. После отчаянного сопротивления буров англичане взяли гору, сняли осаду Ледисмита и с громадным обозом в 1400 повозок направились в Гленко. Со стороны англичан не было никакого преследования и отступление буров завершилось беспрепятственно.

1 марта **Буллер** вступил в освобождённый Ледисмит. Его восторженно приветствовали гарнизон и жители, изнуренные 4-месячной осадой. Голод и болезни довели гарнизон до того, что из 10 000 с лишком только 3000 могли нести службу. Зарядов оставалось всего 40 на орудие. Ясно, что при таких условиях гарнизон бы не выдержал нового штурма и прибытие **Буллера** нельзя не назвать своевременным. Армия **Буллера** потеряла за период с 14 по 27 февраля 112 офицеров и 2032 нижних чинов убитыми и ранеными, а перенесённые труды и лишения сделали её неспособной к энергичному преследованию противника. Причину успехов **Буллера** следует искать, однако ж, не в его талантах полководца, не в доблести и выносливости его армии, а в том, что бурам, знавшим о гибели **Кронье**, нельзя было больше держаться в Натале, и отступившие с Тугелы и из-под Ледисмита отряды их, частью перешли во Фрейштат, частью укрепили и заняли проходы в Драконовых горах и расположились в ожидании дальнейшего движения **Буллера** на высотах Biggorsberg'a, южнее Гленко.

Изнуренный гарнизон Ледисмита был отведён для отдыха в лагерь под Питермарицбургом; **Вайт** получил отпуск и вернулся в Англию, где был встречен с восторженными овациями, как самый популярный герой дня³⁰⁹.

В самой Англии весть об освобождении Ледисмита вызвала всеобщее ликование народа, доходящее до исступления. Пасмурная деловая физиономия Лондона стала вмиг неузнаваемой: дома, магазины разукрасились флагами и декорациями; толпа разодетого по праздничному наряда запрудила все улицы и площади; колокольный звон сливался с пушечной пальбой и криками и песнями ликующего народа. Дамы, уличные мальчишки, почтенные джентльмены бегали по городу, размахивая флагами и надписями: *Hip-hip-hurrah for White* (Ура **Вайту!**) Bravo **Buller!** **Joubert** old fool (**Жубер** – старый дурак). Необузданый восторг этой миллионной массы, ... особенно поражал иностранцев, знающих невозмутимость и хладнокровие англичан...

Честь британского Union Jack (Юнион Джек – название британского флага. – *Прим. авт.-сост.*) была теперь спасена, самолюбие народа удовлетворено, но далёкие от мысли заключить мир и оказать снисхождение побеждённым, английские джингоисты больше чем когда-либо ревели: *fight it out!* (драться до конца!) и требовали продолжения войны *for a glorious sake* (за дело славы и чести).

Снова загремели пушки, снова полилась кровь...³¹⁰

Софья Изъединова особо отметила в своих воспоминаниях страшное впечатление, приведённое на рядовых африканеров пленением генерала **Кронье**:

Окружение **Кронье** при Паардеберге и плен четырёх тысяч человек было первой серьёзной неудачей, к тому же поражением человека, считавшемся у них непобедимым. Его поражение явилось для них (бюргеров) чем-то столь неожиданным и чудовищным, что в последующие периоды войны смерть или плен кого-либо из наиболее даровитых и прослав-

ленных вождей – **Девета, Бота, Деларея** – никогда не подорвало бы защиту в такой мере, как тогда плен **Кронье**.

Если бы он со всеми своими сподвижниками, попавшими в ловушку, погиб геройской смертью, сама сила впечатления, боли и негодования заставила бы забыть всё личное, создала бы борцов и мстителей. Но если самый храбрый и стойкий из бургеров, **Пит Кронье**, мог сдаться англичанам, то что же останется другим, есть ли для них возможность бороться? В этом впечатлении было настояще значение победы англичан³¹¹.

Задержимся на воспоминаниях российского подпоручика более подробно, ибо они очень образно передают обстановку тех тяжёлых дней глазами непосредственного участника событий:

Мы шли всю ночь, спотыкаясь на каждом шагу, цепляясь и карабкаясь по отвесным утёсам, с которых свешивались цепкие ветви колючих мимоз, рвавших нам платье, хлеставших по лицу.

Острые камни раздирали обувь, и я лишь с трудом поспевал за **Никитиным**, тёмный силуэт которого то пропадал, то вновь вырисовывался предо мной.

И в беспросветной тьме, окутавшей эти разбросанные в диком хаосе скалы и утёсы, силуэт его принимал какие-то чудовищные очертания, и меня охватил безотчётный страх, что вот-вот эта шагавшая впереди фигура вдруг сольётся с мрачной тенью тихо шелестевших деревьев и исчезнет, и я останусь один, брошенный, забытый всеми; меня настигнут лансеры.

Я опустился в полном изнеможении на выступ камня и окликнул **Никитина** упавшим голосом.

Тотчас же его могучая фигура выросла передо мной, и он своим обычным резким голосом, в котором звучало теперь не-притворное участие, спросил меня: Уморились? Ну что ж, посидим, всё равно толку нет; так, пожалуй, и с дороги собьём-

ся. Мерзавцы буры, – продолжал он, закурив трубку и присев рядом со мной. – Ускакали вот вовремя, а про нас и позабыли; чтоб им ни дна, ни покрышки!

А англичане хороши: обошли нас с обоих флангов; лошадей наших укокошили; главное, у меня в перемётной суме новые башмаки, да гороховый консерв остались. А **Буллер, Буллер**-то! – никакого преследования разбитого противника!³¹²

Я не мог не улыбнуться, слушая, как мысли его самыми неожиданными зигзагами перескакивали с одного на другое.

Но мне было не до разговоров: страшные впечатления пережитого дня выплывали, вспыхивали и вновь расплывались перед глазами; руки и ноги отказывались повиноваться, как бы скованные какой-то свинцовой тяжестью; мне хотелось припасть к сырой земле и заснуть, заснуть мёртвым сном, забыв, что мы далеко отстали от своих, что мы, может быть, сбились с пути, и что нас могут настигнуть грозные лансеры.

– Ну, ну! Будет клевать носом! Отдохнули, да и в поход! Вот уж и заря занимается!

До рассвета уж не долго оставалось. Над острыми зубцами гор заалели багровым пламенем края туч; белой пеленой заколыхался туман над ущельями и оврагами, откуда послышалось воркование горлинок. При свете наступавшего дня мы увидели, что мы забрали далеко влево и вместо того, чтобы идти по дороге, проложенной бурами, всё время двигались по крутыму скату горы, усеянному обломками и валунами.

Мы выбрались на дорогу. Глубокие следы колёс тяжёлых фургонов, сломанные повозки, брошенные мешки и ящики – всё это доказывало, что здесь недавно проходил бурский обоз.

По совету товарища я изодрал мешок, обмотал ноги тряпками и, перевязав их бечевой, почувствовал себя способным пройтись хоть тихим учебным шагом в три приёма.

Наконец, мы увидели столпившиеся у берегов речки наши повозки, это был лишь хвост обоза, и далеко впереди видне-

лись нескончаемые вереницы фургонов; часть их продолжала медленно подниматься по косогору, а другая расположилась, видно, для отдыха, по обеим сторонам речки.

Измученные ночным переходом волы и мулы разбрелись по долине и пощипывали высокую сочную траву.

Кое-где между фургонами дымились костры; сидевшие вокруг них буры поджаривали на ружейных шомполах³¹³ свой неизменный билтонг или грели кипяток. На нас никто не обратил особого внимания.

Waar is Krugersdorpsche menschen! (Где крюгерсдорпцы!) – спрашивали мы у них. Но не скоро мы могли добиться толку; буры, сидевшие истуканами, угрюмо отмалчивались или указывали рукой куда-то по направлению уже уехавших фургонов.

Вдруг меня окликнул кто-то слабым голосом. Я обернулся и увидел высунувшееся из-под крыши фургона знакомое лицо нашего капрала. Как он осунулся, побледнел! Лоб его был обмотан почерневшей от крови тряпкой, глаза его горели лихорадочным огнём, и каждое слово ему, видно, стоило страшных усилий. Оказалось, что его ранило ещё 26 февраля, но не в траншее на Pieters-hill, а в то время, когда он, как комиссар, распоряжался в тылу доставкой мяса и сухарей для сражающихся.

– Я уже думал, что не увижу вас больше, друзья мои! Как это вас Бог сохранил! – проговорил он с трудом, и слабая улыбка озарила его осунувшееся лицо. – Теперь что же, погибла Республика, и вам бы лучше уехать на свою родину.

– Тоже капрал называется! – проворчал **Никитин** и, указывая рукой на синеющие вдали горы, старался утешить раненого: Daar, lekker positie! alle burgher biemakaar! (Там хорошие позиция: все бургеры соберутся вместе.)

Но капрал отрицательно покачал головой: «Нет, теперь всё потеряно, если Европа не заступится», – твердил он.

Малоутешительный этот разговор, конечно, не мог придать нам особенной бодрости духа; из дальнейших слов капрала мы узнали, что крюгерсдорпцы находятся далеко впе-

реди, что блокада Ледисмита снята ещё накануне, и что буры успели увезти все свои орудия.

Не известно ещё, какое решение предпримут **Жубер** и **Бота**; вероятнее всего, что отступать будут до самых Драконовых гор и лишь на перевалах Маджубы решатся дать отпор англичанам.

Больше нам капрал ничего не мог сообщить, но, заметив, что у меня вместо винтовки осталось одно ложе да ствол, он попросил принять на память свой карабин **Маузера** с искусно вырезанным на шейке приклада именем владельца и числом и месяцем тех сражений, в которых капралу пришлось принять участие: Kristoph, Flies, Dornkop, Glenkoe 20 oct., Dundee 22 oct., Kolenzo 15 dec. 1899 г. А лошадей вам даст комендант, — закончил капрал, сильно утомлённый продолжительным разговором и, пожелав нам счастливого пути, крепко пожал руки.

Мы тронулись дальше и скоро нагнали Крюгерсдорпцев, ещё издали заприметив знакомый зонтик фельдкорнeta. Повозки двигались медленно, почти через каждые два часа останавливались, чтобы дать отдых из сил выбившимся волам. Буры на каждом привале расседливали лошадей, разводили костры из сухого навоза или веток мимозы и, отдохнув часик-другой, снова впрягали волов и продолжали отступление. Можно было удивляться беспечности буров, двигавшихся без всякого прикрытия, но ещё непонятнее казалось поведение англичан: разгромив буров на всех пунктах и освободив Ледисмит, куда вечером 28 февраля вступила кавалерия **Дундональда, Буллер** и не думал о каком-либо преследовании, как бы считая армию буров уже не существовавшей.

Особенно злился **Никитин**, видя явное пренебрежение к принципам тактики как со стороны буров, так и со стороны англичан: «Ни арьергарда, ни тыльных дозоров, — говорил он, с какой-то злой поглядывая на почтенных бургевров, трусивших мелкой рысцой по сторонам своих громоздких фургонов. — Вот бы теперь из-за горы этой выкатилась бы конная батарея, или два-три эскадрона понеслись бы в атаку — пики

в руку, шашки вон! Вот это – это...» – и он захлебываясь от восторга, рисовал мне блестящую картину лихой кавалерийской атаки на обоз, беспечно двигающейся без всякого прикрытия.

– А мы-то? – говорил я, стараясь его вернуть к действительности. – Ведь у нас с вами и лошадей то-нет, мы первые попадёмся под удары сабель.

– Мы-то? – горячо возражал он. – А мы сейчас вагенбург и огонь пачками. По кавалерии!

Как видно, отступление это принесло нам некоторую пользу в смысле освежения и расширения наших тактических познаний; но зато, с другой стороны, оно представляло и свои неудобства, не говоря уже о таких пустяках, что, не имея возможности раздобыть себе лошадей, ноги наши покрылись струпьями и ссадинами, что пытаться приходилось впроголодь заплесневелыми сухарями да билтонгом, кусками кое-как высушенного на солнце мяса, в котором копошились и извивались жирные белые личинки мух. Других припасов не было у буров. К тому же дождь, и платье промокало до последней нитки, обсушиться не было никакой возможности, на ночь костры не разводились и мы в часы непродолжительныхочных привалов, стучали зубами и ежась от пронизывающего ночного ветра, забивались куда-нибудь в угол фургона, переполненного бурами, которые не совсем дружелюбно относились к нашему вторжению в свои семейные ковчеги. Они, закутанные в тёплые одеяла и непромокаемые плащи, беззаботно покуривали трубки; а на нас было только то платье, в котором мы ехали в траншеях на Pieters-hill; одеяла и плащи остались притороченными к седлам убитых лошадей наших. Никто из них не догадывался, однако ж, поделиться с нами лишним одеялом. Но мы не особенно возмущались подобным отношением буров к нам, отлично сознавая, что им не до нас, что многие из них лишились в бывших кровавых боях кто сына, кто брата или отца, что дальнейшая война потребует от них ещё бесчисленных жертв, и мы, случайные пришельцы сре-

ди этого народа, забывшие мудрую пословицу: **Ерёма, Ерёма**, сидел бы ты дома, старались не падать духом и мужественно переносить все невзгоды, угрожавшие нам хроническим насморком или, по крайней мере, брюшным тифом. Назвался груздем – полезай в кузов.

Таким образом, мы на другой день докочевали до станции Эландслаагте. С невольной грустью я вспомнил, как всего месяц тому назад мы, полные надежд и упнований, высаживались на этой станции, чтобы отправиться на Тугеду. А теперь, побеждённые, голодные, оборванные, мы приютились в каком-то домике, где нам удалось развести огонь. Дорогой к нам присоединился **Бузуков**, и мы втроём молча сидели вокруг раскалённой докрасна железной печки, стараясь высушить своё платье.

Крупные капли дождя барабанили по цинковой крыше, а в разбитое окно вырывался гул сотни голосов, рёв упряженых быков, пронзительные свистки паровозов.

На станции, запруженной тысячной толпой возбуждённого народа, повозками, зарядными ящиками и орудиями, происходила сцена, напоминающая картины из романа «Debacle» (Разгром) **Золя**³¹⁴. На платформе станции перед поездом, уже готовым к отправлению, толпились, кричали и метались буры, отыскивая свободные места в вагонах. Куда девались обычная флегма и хладнокровие этих людей! Толкаясь и ругая друг друга самой отборной бранью, они карабкались на крыши вагонов, на площадку тендера, обрывались, падали. В другом месте происходили ожесточённые схватки из-за мостков, посредством которых нагружались на платформы фургоны и ящики орудий; бревна мостков трещали и ломались под тяжестью неповоротливых фургонов; лошади и волы, испуганные свистом и грохотом паровозов, метались во все стороны, спотыкаясь об рельсы, попадали под вагоны. Поезд уходил за поездом, но толпа на станции всё увеличивалась; всё прибывали новые партии конных буров, надеющихся воспользоваться железной дорогой для скорейшего отправления к Маджубе. А дождь лил как из ведра; тяжёлыми

тучами нависли над станцией удущивый дым и копоть паровозов, непрерывные свистки которых резким диссонансом покрывали весь этот нестройный гул криков и рева.

Все усилия бурских комендантов и генералов, которые накричались до хрипоты, стараясь водворить хоть некоторый порядок, не приводили ни к чему. Их не слушали, сбивали с ног; люди самовольно захватывали вагоны и паровозы и нагружали своих лошадей и повозки, не обращая никакого внимания на многочисленные фургоны Красного Креста, переполненные ранеными. Доктора и санитары, ещё с утра ждавшие своей очереди и озабоченные участью раненых, ходили, как растерянные, среди этой толпы вооружённых, озверелых людей, из которых каждый только помышлял об одном, как бы спасти свою шкуру, совершенно забывая об общем деле.

А из зданий по обеим сторонам железнодорожного полотна, где во время блокады Ледисмита хранилось громадное количество запасов всякого рода, **кафры** выносили мешки, ящики, бочки. Но только часть их могла быть нагружена в вагоны, остальное сваливалось кучей, куда попало. Буры расколотили ящики и бочки ружейными прикладами, набивая в свои мешки сахар, кофе, расхватывали платье, башмаки, бельё. Воспользовавшись этим погромом и я с **Никитиным** обновили свой гардероб и, кроме того, запаслись продовольствием, несколькими коробками консервов, масла и сладких сухарей. Но вот откуда-то потянуло гарью, фигуры буров, ко-пошившихся в опустошённых складах, исчезли в густых клубах удущивого дыма, и огненные языки пламени шпия и извиваясь в борьбе с потоками дождя, охватили станцию со всех сторон.

Буры решили сжечь всё то, что не могло быть увезено по железной дороге и досталось бы в добычу англичанам.

По временам раздавались оглушительные громовые раскаты – это буры взрывали железнодорожные сооружения, водокачку, поворотные круги, трубы и мосты.

В окрестностях, подёрнутых серой завесой неустанно лившего дождя, клубились и тучи дыма, и высоко взвивались

к небу огненные столбы; это горели каменноугольные шахты и покинутые жителями фермы. Хмуро глядело небо на эту картину всеобщего разрушения, зловещих пожаров и дикой паники тысяч людей. Казалось, что в эту массу вселился какой-то мрачный демон ненависти и разрушения; отступая в безотчётом страхе перед грозным врагом, колонны которого каждую минуту могли появиться на далёких горах, буры дали волю своим инстинктам истребления и решились камня на камне не оставить в брошенной ими стране.

Наступила ночь, и снова потянулись к северу нескончаемые вереницы громоздких фургонов. Глубоко завязали колёса в жидкой грязи дорог; фургоны скрипели и покачивались на крутых спусках и подъёмах; погонщики, **кафры**, забрызганные грязью, то и дело пощёлкивали длинными бичами и, выкрикивая гортанным голосом какие-то странные слова, подбадривали измученных волов. А буры, сидевшие на фургонах, невозмутимо покуривали свои коротенькие трубки и задумчиво глядели на далёкий небосклон, где трепетало и вспыхивало зарево пылающей станции и угольных шахт³¹⁵.

Постепенно паника стала проходить и африканеры стали вновь готовиться к обороне от наступавших британских войск:

Лишь у Гленко приостановилось отступательное движение бурских отрядов.

Президент **Крюгер**, узнав по телеграфу о неудачах, постигших буров на Тугеле, немедленно выехал экстренным поездом из Претории в Гленко и здесь, под открытым небом, обратился с горячей речью к тесно обступившему его народу. Страстные слова маститого старца не пропали даром – к бурам, уже отправившимся после тяжёлых впечатлений последних поражений, вернулась прежняя бодрость духа, и решение Кригсрата задержать дальнейшее наступление англичан на Биггарсбергах было встречено полным сочувствием всего народа.

Мне, к сожалению, не удалось уже застать **Крюгера** в Гленко. Башмаки, взятые мной на станции Эланслаагте и надетые прямо на босую ногу, ещё сильнее потёри ступни ног, покрытые язвами и ссадинами; не мудрено, что я, таким образом, далеко отстал от бурских фургонов, хотя они и плелись черепашьим шагом.

Прошли пасмурные дождливые дни. Небо прояснилось, и горы и зеленеющая равнина Сундей-ривера купались в ярких лучах зноного солнца. А я всё ковылял и ковылял, подпираясь, как палкой, карабином, пока, наконец, за последней вершиной Биггасбергских гор не появилось утопающее в густой зелени Гленко, где я надеялся отдохнуть и отыскать своих. Но я был слишком измучен, чтобы ещё до наступления вечера дойти до города. Ноги горели точно в огне, в горле пересохло, и в полном изнеможении я опустился на землю, решившись провести последнюю ночь где-нибудь под сенью колючего кактуса.

Недалеко от меня журчал ручеёк, пробиваясь светлой струёй из расщелины скалы; я утолил мучившую меня жажду холодной, как лёд, водой и заодно выудил крупного краба; как он бедный ни барахтался своими клещами, но я его крепко сжал в одной руке, пока другой не собрал сухих былинок и веток и не зажёг их спичкой. Проткнутый шомполом краб затрепетал над пылающим огнём, и я с наслаждением каннибала уже приготовился сожрать его. «No hut, Baas!» (Нехорошо, господин), – послышался чей-то голос; я отвёл глаза от костра и увидал перед собой старого **кафра** со сморщенным, как у обезьяны лицом, в изорванных панталонах и куртке, но с накрахмаленной манишкой³¹⁶. Его появление было так неожиданно, что я схватился за винтовку. Но старый **кафр**, заметив моё движение, укоризненно покачал головой. «No hut, Baas!», – повторил он. Затем он подсел к костру и протянул мне вынутые из кармана крупные колосья золотистой кукурузы. «Lekker milis» (Вкусная кукуруза), – толковал он, зарыл в горячую золу колосья и через две минуты подал мне пшеничную кукурузу, ослабясь своим беззубым ртом. Я с удоволь-

ствием поел сладкие пшеничные зёрна кукурузы и в благодарность за угощение великодушно преподнёс старику шиллинг [12 пенсов]. Он, видимо, обрадовался подарку, закивал курчавой головой, замахал руками, и кончилось тем, что он пригласил меня следовать за ним.

В стороне от дороги, на расчищенной площадке, которая с одной стороны примыкала к проволочной изгороди железной дороги, а с другой к маисовому (кукурузному) полю, возвышалась группа круглых, сплетённых из тростника и листвьев хижин, огороженных таким же плетением. Мне и раньше приходилось видеть посёлки туземцев, ещё сохранивших в этой местности Наталя характерные особенности своего быта и культуры, но лишь издали, и теперь я охотно воспользовался приглашением **кафра** и вошёл за ним на чисто вымечтенный дворик. Здесь нас встретила целая куча голых ребятишек; две собаки особой южноафриканской породы, вроде борзых, со злобным ворчанием кинулись мне под ноги, но по звуку хозяина покорно отошли в задний угол двора, где женщина, закутанная пёстрым одеялом, доила козу с какими-то наростами на лбу.

Я залюбовался конусообразным домиком, напоминающим громадную опрокинутую корзину, искусно сплетённую из тонких стеблей тростника, но старик, всё время добродушно ухмыляясь, указал на маленькое отверстие в стенке хижины и прополз туда первым. Я снял винтовку и прополз на четвереньках вслед за **кафром**. Пока я успел привыкнуть к темноте, к нам вошла женщина и, оскалив ослепительно белые зубы, поставила передо мной глиняные миски с молоком, разрезанными надвое тыквами и плошками из маисовой муки, испечёнными в золе. Женщина что-то заговорила на звучном **кафрском** языке, напоминающем по своей певучности и богатству гласных итальянский: Ману эла, баас, фига лина.

Меня обдавало запахом её бронзового, обнажённого до пояса тела; отвислые груди её болтались перед самым носом. Прежде всего, я выпил кислое, своеобразного вкуса, молоко,

уничтожил лепёшки, поковырял в тыкве. А она всё продолжала что-то лопотать и смеяться, подливала ещё молока, размочала грязные тряпки с моих ног, устроила мне мягкое сиденье из циновок и ловким движением скинула с меня патронташ. «Ту шиллинг, ту шиллинг баас! (искажённое английское two shillings – два шиллинга. – Прим. авт.-сост.)» – произнёс старый **кафр**, поднимая два пальца левой руки, и морщинистое лицо его расплылось в широкую улыбку. А очаровательная хозяйка моя залилась звонким хохотом и придвинулась ещё ближе ко мне. Я, наконец, сообразил, в чём дело. Недаром так близко от хижины проходили железная дорога и телеграф; цивилизация сделала своё дело, и я, доверчиво вступивший под гостеприимный кров этого дяди **Тома**³¹⁷, очутился в ми-лом обществе обезьяноподобного сутенёра и его обильно усна-щённой зловонным маслом прелестницы.

Далёк я был от мысли, откровенно говоря, разыгрывать роль благочестивого **Иосифа**, но на этот раз меня спасло то, о чём никогда не упоминают в своих произведениях, рома-нах, драмах даже самые крайние представители натурализма; одним словом, выпитое мной в изрядном количестве кислое молоко оказалось своей присущее ему действие на желудок, и должен был стремглав выбежать из хижины. Недаром фран-цузы говорят: L'estomac est l'ennemi de l'amour (Желудок – враг любви).

И ночь я провёл самым целомудренным образом, вдали от объятий этой **Цирцеи**³¹⁸ шоколадного цвета, на дворе, на куче сухих маисовых стеблей.

Старик **кафр** на другое утро, как ни в чём не бывало, угостили меня снова горячими лепёшками и молоком; но, хотя оно на этот раз и оказалось свежим, однако я решился, во избе-жание всякого соблазна, немедленно отправиться в путь. Че-рез несколько часов я был в Гленко.

Президент **Крюгер** уже выехал из Гленко. Его старания поддержать упавший дух бургевров и убедить их в необ-ходимости защищаться на Биггерсбергских горах, пред-ставляющих последнюю преграду при движении **Булле-**

ра к Маджубе, видимо, увенчались некоторым успехом: на станции был назначен командант; между Преторией и Гленко восстановилось правильное движение поездов; коменданты и фельдкорнеты деятельно собирали людей своих дистриктов; при станции были устроены склады припасов платья, белья, сапог; полевая хлебопекарня работала день и ночь. Из пекарни мне выдали без всяких разговоров свежеиспечённый хлеб, но, когда я сунулся в дощатый барак³¹⁹, где производилась выдача белья и башмаков, комиссар, голландец, смерил меня подозрительным взглядом и объявил, что он все припасы и вещи выдаёт не иначе как по записке фельдкорнeta.

Напрасно я ему показывал свои окровавленные ноги, изодранную куртку, надетую прямо на голое тело. «Все вещи, присланные из Претории, уже распределены между отрядами; отыщите свой отряд, там вам всё выдадут». Я plonул с досады и ушёл на станцию. Среди многочисленных буров, разбивших палатки вдоль железнодорожного полотна, я не встретил ни одного крюгерсдорпца; никто даже не мог сказать, где в данный момент находится отряд.

Наткнулся я на своих знакомых, бравых венгерцев; они оказались обладателями низенькой палатки и фургона, до верха нагруженного всяkim добром, консервами, сёдлами, одеялами; храбрый ротмистр **Иляш**, окружённый своими приспешниками, горячо спорил о чём-то; они, видимо, обсуждали вопрос, что приготовить на обед, зарезанного барашка, или кур, которых оципывал **кафр**. Барон **Лушинский**, закутанный в одеяло, кивнул мне головой и стал жаловаться, что его донимает ревматизм³²⁰. «Вас искал приехавший недавно в Гленко новый русский волонтёр, князь **Ганецкий**³²¹», – сообщил мне барон, – а мы знаете, намерены сформировать свой венгерский легион разведчиков и действовать самостоятельно – auf eigene Faust; (собственной рукой) с этими бурами всё равно толку нет!»

Невольно вспомнилось мне доблестное поведение этих достойных потомков **Ракочи** и **Гергеля**³²² во время боёв на Туге-

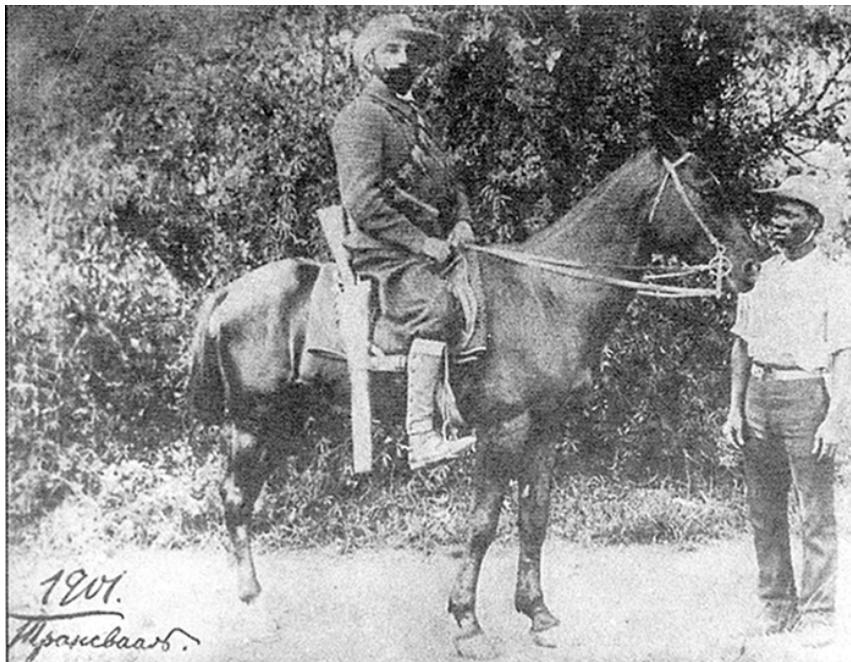
ле. Усатый ротмистр, живая реклама чудодейственной венгерской помады, стал мне рисовать блестящую картину их будущей партизанской деятельности, приглашая меня прискучнуть к ним, но я, поблагодарив за честь, раскланялся и пошёл дальше.

Нужно было найти приют на ночь. Грозовые тучи заволокли всё небо. На потемневшем горизонте вспыхивали огненной лентой проблески далёкой зарницы. С минуты на минуту должен был разразиться ливень. Все здания оказались уже занятymi незнакомыми мне бурами; склады и амбары на ночь запирались; оставалось одно – или вернуться к венгерцам, или скрыться в какой-нибудь пустой вагон. Но мне посчастливилось отыскать, наконец, свободный уголок в полуразрушенном доме недалеко от станции. Засветив спичку, я рассмотрел сломанную молотилку, жестяные цилиндры для ссыпки маиса и несколько мирно хранившихся фигур. На полу валялись мешки, кожи, разное тряпье, и я с наслаждением, после долгих ночей, проведённых на острых камнях, растянулся на мягкому ложе. Ветер скрипал и завывал в стропилах крыши, жестяные листы её звенели и гудели, соседи мои громко хранили и иногда выкрикивали во сне какие-то непонятные слова. Вдруг что-то тяжёлое, живое, зашевелилось у меня на груди – я похолодел от ужаса, мороз пробежал по коже, и я выпрямился, раскинув мешки и шкуры. Крысы! «Чтоб их чёрт побрал!», – вскрикнул я.

Возле меня зашевелилась какая-то тёмная фигура и придвигнулась ко мне: «Вы русский? Как вы сюда попали?»

При свете зажженной спички я разглядел безусое улыбающееся лицо незнакомого мне молодого человека

Между нами завязалась беседа. Случайный товарищ мой оказался бывшим воспитанником либавской гимназии, сыном зажиточного купца. Несколько лет тому назад он, начавшийся **Майн-Рида** и **Купера**³²³, бросил родных и гимназию и, скрывшись в трюме английского парохода, бежал в Америку. Три года он в качестве юнги³²⁴ плавал по морям и океанам, пока ему не надоела суровая школа моряка. В Капштадте он

Алексей Николаевич Ганецкий в Трансваале

дезертировал с корабля и вот, без гроша в кармане, пробрался он в Йоханнесбург, поступил конторщиком на золотые прииски, где успел заработать изрядную сумму денег, и с объявлением войны одним из первых явился к **Шилю**, формировавшему немецкий легион. Теперь он состоял в отряде **Кранца**, который после снятия осады Ледисмита расположился лагерем недалеко от станции.

Грюнштейн – фамилия либавского гимназиста – зажёг огарок свечки и достал из своей сумки пачку папирос и шоколаду. Всё это было добыто им из магазинов Дунди, куда немецкие волонтёры ездили ежедневно производить фурражировки, или, говоря попросту, опустошали брошенные владельцами дома и магазины. Свечка уже догорала, снова кры-

сы забегали по полу, а **Грюнштейн** всё продолжал мне рассказывать о своих похождениях и планах: «Вот кончится война, я снова поступлю на прииски Симмеринга, буду играть на бирже, заработаю миллион и вернусь в Либаву, и поступлю в драгунский полк вольноопределяющимся³²⁵». Не скоро удалось мне заснуть³²⁶.

Августус так и не смог найти свой временно рассевшийся после поражения Крюгерсдорпский отряд и решил вступить в образовавшийся Русский отряд:

На следующий день я пошёл на вокзал и бесцельно бродил по платформе, надеясь встретить кого-нибудь из товарищей. Ко мне подошёл какой-то господин с повязкой красного цвета и с двуглавым орлом на соломенной шляпе. «Господи, на кого вы похожи! Насилу узнал вас! Поживите у нас, отдохните, поправитесь». Меня до некоторой степени смущило любезное приглашение доктора, оказавшегося заведующим отделением русского Красного Креста здесь, в Гленко; я знал, что милые соотечественники, члены нашего санитарного отряда, с плохо скрытым недоверием относятся к русским волонтёрам, считая их всех за бродяг и искателей приключений, но в данный момент желание повидать, поговорить со своими было до того сильным, что я, пролепетав несколько слов, пошёл за доктором.

В хорошо устроенном лазарете, над которым развивался русский флаг, меня радушно встретили состоящий при отряде капитан Генерального штаба **Потапов**, выздоровевший уже товарищ **Диатроптов** и наши санитары-солдаты. Я несказанно обрадовался, увидав родные скуластые лица солдат, молодцов-гвардейцев.

Мне дали чаю, сухарей, варенья. Санитары обступили меня и, как командированные по казённой надобности, чувствуя своё превосходство надо мной, «исключённым из списков полка и роты», благосклонно расспрашивали: «Как вы, значит, во-

евали там? Много ли убили англичан? Получаете ли вы какое жалование или приварочные?»³²⁷ Я по мере сил старался удовлетворить любопытство солдат и, выпив бесчисленное количество стаканов чаю, распростился с гостеприимными хозяевами. Я всё ещё не оставил мысли отыскать свой отряд и решил обратиться за нужными справками к генералу **Жуберу** или **Бота**, которые, как мне сказали, находятся в Гленко. В палатке **Бота** я застал господина **Зандберга**, изображающего собой адъютанта, начальника штаба и личного секретаря генерала. На прекрасном французском языке он мне сообщил следующие новости: что Крюгерсдорпский отряд ещё не в сборе, что комендантом его, вместо умершего от ран **фан Вейка**, назначен фельдкорнет **Остгаузен**, и что мне для получения всего необходимого следует обратиться к нему. Пошёл я к **Остгаузену**, но тот заявил, что у него нет ни лошадей, ни платья; всё это будет получено только на днях, а пока что он выдал мне великодушно order³²⁸ на получение хлеба и мяса из складов на станции. На мой вопрос, где находятся люди Крюгерсдорпского отряда, он только развёл руками. Пришлось ни с чем вернуться в свою хижину, где я встретил вчерашнего своего знакомого и штабс-капитана **Шульженко**; к нам присоединился **Бузуков**, приведший с собой ещё одного болгарина, молодого, симпатичного **Коларова**³²⁹. Мы стали обсуждать своё положение. **Грюнштейн** советовал нам всем поступить к **Кранцу** в немецкий отряд. Но **Шульженко**, прослуживший 3 месяца с немцами, и слышать не хотел о возвращении к **Кранцу**. Уж лучше к итальянцам, к **Ричарди (Риккиарди)**, а то в какой-нибудь бурский отряд. Против последнего горячо высказывались болгары, особенно **Коларов**: у нас даже гайдамаки³³⁰ в Македонии признают своих начальников и соблюдают известную воинскую дисциплину, а у буров этого и помину нет. Вы у них теперь, после разгрома, ни лошадей, ни платья не добудете. И он рассказал массу фактов, рисующих в неприглядном свете отношение буров к иностранным волонтёрам:

– У меня отняли лошадь во время отступления; капрал взял мою винтовку **Ли-Метфорда** и всучил мне какую-то

восьмилинейную³³¹, **Винчестера**³³². Я уеду в Преторию, буду жаловаться **Рейцу!** И подумаешь, что для этих буров я бросил родину, должность и сражаюсь уже третий месяц!

Случай свёл меня с тем князем, о котором говорил барон **Лушинский**. **Ганецкий** произвёл на меня самое приятное впечатление; да и нельзя было, имея перед глазами грязные, косматые фигуры буров, не залюбоваться высоким, стройным красавцем с тщательно остриженной бородкой, в изящном, с иголочки костюме, в котором бы не стыдно прокатиться на велосипеде по тенистым аллеям Bois de Bologne (Булонского леса). **Ганецкий**, сын известного боевого генерала, прослужив несколько лет в одном из блестящих гвардейских полков Петербурга, вышел в отставку, и вскоре после объявления войны имя его появилось в петербургских газетах, как одного из первых русских волонтёров, отправившихся к бурам. Маленькое tournee (турне) по Европе несколько задержало его отъезд в Трансвааль, и лишь в конце февраля он прибыл в Преторию в обществе трёх французских офицеров с дрейфусовскими физиономиями³³³.

Любим драться со врагами
 Пулей пуле отвечать,
 И с бутылкой пред огнями
 На биваке пировать!
 Любим шумное веселье
 Нектар в чаше круговой... (**Денис Давыдов**)

В большой, комфорtabельно обставленной квартире **Ганецкого** собрались почти все наши, которым удалось вернуться с Тугелы. Тут был и **Диатроптов**, в красной кумачовой рубахе и в смазных сапогах, купленных им у солдата, санитара Красного Креста; были тут и испытанные трудами бури боевой **Никитин** и штабс-капитан **Шульженко**; пришёл и **Гучков**, который привёл с собой новых волонтёров, недавно приехавших из России в Трансвааль; один из них, господин **Николаев**, человек свободной профессии, смахивал не то на антрепренера провинциальной труппы, не то на хозяина бакалейной лавки. Про него рассказывали, что он приехал в

Преторию с целым отрядом черногорцев и предложил правительству свои услуги в качестве начальника самостоятельного отряда. Двое других оказались петербургскими студентами, только что закончившими курс технологического института. (Одним из них был **Владимир Семёнов**, а вторым – его закадычный друг **Владимир Рубанов**. – Прим. авт.-сост.) Мы живо перезнакомились, и между нами завязалась оживлённая беседа. Радущие гостеприимного хозяина, звуки родной речи, сознание, что мы, наконец, среди своих, что нас всех свела сюда, под знайное небо чужой страны, одна мысль, одна идея, всё это действовало возбуждающим образом. Звенели стаканы и эмалированные чашки, служившие нам бокалами, пары вина и коньяк затуманивали нам головы, разгорались глаза, и голоса звучали задором молодости, надежды; все мы жаждали подвигов и бранной славы.

– Господа! – провозгласил **Ганецкий**. – Я надеюсь, что не ошибусь, если скажу, что у вас, затерявшихся, разбросанных в разных бурских отрядах, среди неприветливых, подчас даже недоверчиво относящихся к иностранцам буров, не раз являлась мысль, желание сплотиться вместе, составить свой самостоятельный отряд. Нас немного, но мне кажется, что если бы все присутствующие соединились бы вместе, выбрав достойного опытного начальника, наш, русский по духу и составу отряд, затмил бы собой и немцев, и французов, и ирландцев. Славные подвиги наших доблестных партизан, бессмертных **Сеславина**, **Давыдова**, **Фигнера**³³⁴ послужили бы и нам примером.

– Образцом партизанской войны могут служить и рейды **Стюарта** в северо-американскую войну! – вставил **Никитин**. – Я и книгу эту взял с собой в Трансвааль; а пока что вы раскупорьте нам ещё бутылочку коньячку!

– Вот, вот! – захлопотал хозяин. – Прошу, господа, вот и закуски, консервы, сухари сладкие, вот и папиросы!

– Господа, – провозгласил **Ганецкий**, воодушевляясь всё более и более, – подумайте, какое нам здесь, при условии настоящей войны, представляется обширное поле деятельности

сти: рейды, набеги на пути сообщения противника, порча железных дорог, взрывы мостов, туннелей, ночные нападения, захват обозов; часть из вас, низко вам кланяюсь, народ обстрелянный, окуренный в пороховом дыму, и вы до сих пор действовали в составе нестройных бурских ополчений, неспособных к активным операциям, где бы можно проявить лихость, отвагу, неустрешимость. Всё время вы только сидели в траншеях, да отстреливались – то ли дело лихой кавалерийский налет, атака батареи. Свист картечи, мы рубим прислугу. А у всех у нас этот дух отваги, эта жажда риска и опасности, – это доказывает, что мы отряхнули лямку мирной гарнизонной службы и променяли обеспеченную, спокойную жизнь на треволнения и ужасы войны!

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъярённом океане,
Средь бурной тьмы и грозных волн
Всё, всё, что гибелю грозит
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья...

(Александр Пушкин. Медный всадник)

– продекламировал молодой технолог, приспособивший непочатую бутылку коньяку.

– Ну, не знаю, – проворчал неисправимый **Никитин**. – Какое тут упоение в бою, когда первым делом нужно заботиться о ровной мушке.

– Вот именно! – подхватил **Ганецкий**. – Хладнокровие, выдержанка и дисциплина огня теперь в современной войне важнее всего. И мы должны организовать все действия нашего отряда самым разумным, строго обдуманным образом. Тогда только, при сочетании отваги и обдуманности, результаты будут самые блестящие. Мы страх наведём на англичан, прогремим далеко за пределы Трансваля, об нас будут печатать в иностранных газетах, нам будет доставаться всевозможная военная добыча, а теперь вы, господа, лишены даже самого необходимого платья.

– Не из-за чести, денег или славы приехали мы сражаться за буров, – резко прервал красноречивого оратора **Диатроптов**. – Мы знали, что нас ожидает на войне; нам не страшны ни лишения, ни невзгоды и в будущем; если идея о формировании отряда и встречает среди нас полное сочувствие, то, конечно, не потому, что нас прельщает возможность безнаказанно производить набеги, грабежи и мародёрства.

– Господа, не то я хотел сказать, вы меня не поняли! – спохватился **Ганецкий**. – Ведь согласитесь сами, что партизанские действия, намеченные целью нашего отряда, неизбежны без захвата пленных, обозов, даже денежных сумм.

– Верно, что даже уставом предусмотрено, – снова встал **Никитин**. – Захватываются корреспонденция, телеграф, денежные суммы.

– Ну вот, именно так, – обрадовался **Ганецкий**, встретив неожиданную поддержку. – Конечно, мы не последуем примеру итальянцев, которые, пользуясь тем, что на войне всё дозволено, грабят и английские, и бурские фермы. Мы себе поставим более широкие, чисто тактические цели. Но, прежде всего, нам всем нужно заново экипироваться, получить лошадей, вооружение, динамит и так далее. А я всё это устрою, у меня обширные связи в Претории.

Поздней ночью кончилась наша беседа. Со станции доносилось шипение паровоза. Как огненные глаза какого-то чудовища, горели фонари, бросая кровавый отблеск на рельсы. Возбуждённые разговором и выпитым вином, мы долго ещё ходили, разбившись на отдельные группы, вдоль полотна железной дороги, разрабатывая до мельчайших деталей план формирования русского партизанского отряда. Мысль выбрать **Ганецкого** начальником встретила всеобщее сочувствие. Много мы испытали, много перенесли и перечувствовали во время сидения в траншеях над мутной Тугелой. Мы узнали, что ни республиканские доблести, ни беззаветная храбрость и мужество отдельных людей не могут искупить недостатка воинской организации и отсутствия воинской дисциплины. А теперь нам представлялась

возможность подать бурам пример правильной организации. Быть может, наш, слабый числом, но сильный духом, русский отряд послужит в будущем ядром, вокруг которого сплотятся нестройные бурские ополчения и мы уснули, убаюканные розовыми мечтами о будущем: отряд наш разрастается, формируются сотни лихих кавалеристов, батареи скорострелок, дальние рейды наши наводят панику на англичан, сам **Китченер** попадается нам в плен и с достоинством благовоспитанного джентльмена вручает нам свою шпагу и орден Подвязки³³⁵.

Люди различных национальностей собирались под знамёна Русского отряда **Ганецкого**:

Вопрос о формировании русского самостоятельного отряда в принципе был решен ещё тогда, в палатке **Ганецкого**, при первой встрече нашей. И мечты эти, зародившиеся под влиянием винных паров и пылких речей хозяина, не рассеялись бесследно, как дым, а приняли осозаемую форму; от слова мы перешли к делу.

Одно нас смущало: малочисленность нашего будущего легиона. С Тугелы нас вернулось четверо; к нам примкнули либавский гимназист **Грюнштейн** и два петербургских студента; на **Гучкова**, уехавшего в Преторию, нельзя было рассчитывать, – его расстроенное здоровье требовало более или менее продолжительного отдыха. Господин **Николаев**, во главе со своими молодцами-черногорцами, благоразумно держался в стороне, не желая отказаться от почётной роли начальника отдельного отряда, что обходилось ему, однако ж, не дешёво: каждый из черногорцев получал от батьки **Николая** по 10 шиллингов в день; им, конечно, не было расчёта бросить столь щедрого начальника и перейти к нам. Каким образом **Николаев** ухитрился набрать двенадцать этих черногорцев, вооружённых кинжалами, револьверами и винтовками, как он их доставил в Трансвааль, и какими источниками он пользовался, чтобы выплачивать им содержание – по 5 рублей каждому

в сутки, – всё это было покрыто мраком неизвестности, да и сам **Николаев** казался очень романтической личностью.

По целым дням лежал он в своей палатке, выпивая бесчисленное количество чайников и рассказывая внимательно слушавшим бурам историю черногорского народа. Тучный, с кроткими голубыми глазами, он производил комическое впечатление среди усатых, атлетического роста черногорцев, смиренно стоявших перед ним сняв шляпы. Кто тогда мог предполагать, что этот борец за идею, соривший деньгами, не кто иной как служивший в каком-то коммерческом учреждении в Киеве, который до того увлекся бурами, что тайком, под чужим паспортом, бежал в Трансвааль, предварительно захватив, как и подобает храброму и расторопному кассиру, приличную сумму денег. **Николаев** вернулся впоследствии в Россию и дело его недавно разбиралось Киевским окружным судом.

Тогда, конечно, мы ничего этого и не подозревали и немало огорчились, узнав от **Ганецкого**, что **Николаев** отказывается примкнуть к нам.

Ещё больше удивил нас **Никитин**, который с первого же дня отнёсся к нашей затее скептически, и, наконец, откровенно заявил: «Ничего хорошего из этого не выйдет; из вас будут плохие подчинённые, а **Ганецкий**, по-моему, неподходящий начальник: уж больно он красноречив. Я, по крайней мере, отказываюсь от чести служить в вашем отряде».

Лишиться **Никитина**, этого бесстрашного солдата и хорошего товарища, с которым нас связывала двухмесячная боевая жизнь на Тугеле, было для всех нас неожиданным и неприятным сюрпризом. Когда все мои просьбы и доводы не привели к желаемому результату, сам **Ганецкий** принялся его уговаривать.

– Вы поступаете не по-товарищески, – говорил он, ухватив **Никитина** за единственную пуговицу его рваного пиджака, – вы вносите разлад в общее дело; напрасно вы сомневаетесь в моих способностях, в моём умении управлять людьми. Знаете ли вы, что я кончил курс одним из лучших в офи-

церской школе? Я, кроме того, старше вас всех по службе; да и свист пуль и боевая обстановка мне хорошо знакомы, ведь я на Кавказе принимал участие в облавах на знаменитого разбойника **Керим-пашу!**

Но упрямый **Никитин** твердил одно: «Нет уж, увольте, вы сами по себе, а я сам по себе. В Натале я изучил горную войну, и теперь поеду во Фрейштат, ознакомлюсь со степной войной. Я приехал, собственного говоря, не затем в Трансвааль, чтобы формировать отряды, и чтобы проверить выводы **Дурона**. Я к вам в отряд не поступлю-с!»³³⁶

Нечего было и думать, чтобы уломать **Никитина**. Так он и уехал из Гленко, и с тех пор я его потерял из виду. Только вот недавно, уже вернувшись из английского плена и вновь поступив на службу, я как-то случайно, просматривая в «Русском инвалиде» списки раненых и убитых в Китае, натолкнулся на фамилию **Никитина**. Какая, право, насмешка судьбы! Уцелел он под градом английских пуль и гранат для того только, чтобы его на всю жизнь искалечила шальная пуля косоглазого хунхуза³³⁷.

После отказа **Николаева** и отъезда **Никитина** мы все как-то упали духом и потеряли надежду на возможность осуществления нашей цели. Не приуныл только **Ганецкий**, который продолжал действовать с прежней неутомимой энергией. Весь день он был на ногах, хлопотал, суетился, бегал по вокзалу, встречая новых волонтёров, прибывающих из Претории; меня он послал завербовать в отряд литовских эмигрантов, которые в числе восьми человек, как ему было известно, несли охранную службу на одном из сторожевых постов вдоль железнодорожной линии Претория–Гленко. Я с удовольствием вызвался исполнить это поручение. Не доезжая станции Гаттингенруйт, верстах в восьми от Гленко, я натолкнулся на пост; старшим оказался бравый литвин (литовец), бывший фейверкер³³⁸ 1-й гвардейской артиллерийской бригады, **Савицкий**. Я объяснил им цель своего приезда и, пуская в ход всё моё красноречие, старался убедить их поступить к **Ганецкому** в отряд.

– Что ж, дело хорошее! – степенно проговорил **Савицкий**, – если ваш начальник сын того генерала **Ганецкого**³³⁹, что командовал нами под Плевной, то толк, значит, будет. И то сказать, немцы, французы, ирландцы, все сообща действуют. Вот и вам, господам офицерам, собраться бы вместе; и мы пристанем, дело хорошее. Тут ещё у другого моста, человек шесть наших. Завтра обсудим сообща, да и скажем вам. А пока что, закусите, Ваше благородие, чем Бог послал; время военное!

Я поинтересовался узнать, каким образом они попали в Трансвааль и как им живется здесь. Все они были родом из Ковны, приехали в Южную Африку года 2–3 тому назад и недурно устроились в Йоханнесбурге, выписав даже жён и родственников из далёкой России. Некоторые работали на золотых приисках, у других были свои мастерские, колбасные, булочные. Война, вызвавшая всеобщий застой в делах, застала многих из них поступить в ряды буров. В числе моих новых знакомых оказалось несколько запасных солдат; все они отзовались с радостью на моё предложение, не говоря уже про фейверкера, которого смущало лишь одно обстоятельство: «Как я оставлю свой пост? Мне должна быть смена прислана». Я развеял его сомнения, сказав, что **Ганецкий** похлопчет у **Жубера**. Не забыл он, видно, ещё науку солдатскую.

Литовцы не знали, чем и как угостить меня. Граждане независимой республики, за тысячи вёрст от России, они смущались, когда я им подавал руку, обращаясь к ним на вы. На столе появилась бутылка виски: Ваше благородие, не откажитесь выпить с нами рюмочку – вместе сражаться будем!

Я конечно не отказался, закусил отлично зажаренной дикой куропаткой и после ужина обратил внимание на стоявшее в углу барака пианино.

– Откуда это у вас?

Они улыбнулись: здесь кругом всё брошенные и разграбленные фермы. Вот мы пока стоим здесь и устроились подомашнему. Пианино, посуда, книги, всё из ферм натащили. Всё равно пропадёт зря. А **Генц**, что в двух верстах отсюда, на другом по-

сту, тот даже ребеночка брошенного нашёл. Взял да отправил по железной дороге к своим в Йоханнесбург. Одна жалость! Бежали бурские фермеры, как (англичане) Ледисмит освободили, да сгоряча и ребенка позабыли! уж дело такое!

– А играет из вас кто-нибудь?

– Как же, вот **Ягелло** всякие польки³⁴⁰ может!

Ягелло, симпатичный красивый мальчик лет 17, улыбаясь сел за пианино и пальцы его быстро забегали по клавишам. Зазвенели, загудели разбитые струны. Полька сменилась краковяком³⁴¹, краковяк мазуркой³⁴² и вдруг он взял несколько аккордов и запел звучным тенором:

– Разлука, ты разлука!

Чужая сторона...

Здесь, в Гленко, звуки родной песни, песни русского солдата, фабричного!

...Никто нас не разлучит,

Как мать сыра земля...

Как она надоела там, дома! Её и наигрывает визгливая шарманка, её распевают пьяные голоса мастеровых, а здесь у меня дрожь пробежала по телу и что-то подступило к горлу.

Хор заливался и гремел:

...Не ветер в поле свищет

Военный гром гремит

Никто так не страдает

Как милый на войне...

Раздался резкий свист паровоза. С оглушительным треском и грохотом пронёсся по мосту поезд. Когда красные огоньки его потонули во мраке непроглядной ночи, я вспомнил, что мне нужно отправиться в лагерь, домой, дать отчёт **Ганецкому** о результатах моей поездки. Я распростился с любезными хозяевами, взяв с них слово, что они придут завтра к нам, и пустил рысью коня по знакомой дороге.

На следующий день перед палаткой **Ганецкого** собралась большая толпа народа.

Савицкий привёл человек шесть литовцев; хорошо одетые и вооружённые винтовками и патронташами, они пред-

ставляли разительный контраст с оборванными португальцами, с физиономиями висельников. **Ганецкий** их где-то выкопал и поверив их страстному желанию сражаться против своих исконных друзей и покровителей, англичан³⁴³, велико-душно принимал в отряд. Штабс-капитан **Шульженко** с радостной улыбкой, точно встретив старых знакомых, болтал на каком-то гортанном непонятном нам языке с группой людей, с хищными носами и всклокоченными чёрными волосами – с греками, служившими раньше в американских войсках и дезертировавших с Кубы; говорили они с ним – по-турецки³⁴⁴.

В стороне, дожидаясь своей очереди записаться в отряд, таскались смуглолицые, подвижные итальянцы; их привёл к **Ганецкому** бывший унтер-офицер bersaglieri (берсальер³⁴⁵) (конная пехота) **Корнетти**, который в составе отряда **Ричи-отти Гарибальди**³⁴⁶ дрался с турками под Лариссой, в греко-турецкую войну 1897 г.

Над всеми ними возвышалась стройная высокая фигура del capitano russo (русского капитана) **Ганецкого**; рядом с ним, вооружённый бумагой и карандашом, сидел **Грюнштейн**, либавский гимназист, исполнявший роль его личного секретаря и переводчика.

Прусский лейтенант **Doeseler** в щеголеватой жёлтой куртке с выхолеными белокурыми усами, француз, худощавый, высокого роста маркиз **De-Breuil**, остзейский барон **фон Буш** в золотых очках и типичнейший еврей, лет 30, отрекомендовавшийся нам запасным ефрейтором 8-го Смоленского драгунского полка, дополняли картину этого смешения языков и народов.

Странное дело! Здесь были люди, собравшиеся со всех концов земного шара, точно шакалы хищные на пир кровавый. У большинства из них было тёмное прошлое, многих из них, вероятно, разыскивало на родине правосудие; многих привлекли в Трансвааль просто скрытые инстинкты грабежа и мародёрства. Правительство республик за всё время войны никого не приглашало на службу, никого не вербовало, а приехавшим на свой риск и страх волонтёрам не платило жало-

ванья; сами буры относились с этим современным крестоносцам недоверчиво, подчас даже грубо. А волонтёры между тем шли сотнями и тысячами в Трансвааль, тратя свои последние деньги на дорогу, приезжали уже без копейки в Преторию и, однако ж, мало кто оставался в городах, где при бессилии властей, при царившей тогда анархии, рыцарям без страха, но не без упрёка, предоставлялось более обширное и сравнительно безопасное поле деятельности, а большинство из них отправлялись к фронту, на войну, рвались в бой. Что их толкало туда, в эту бойню? Что заставляло их терпеливо, безропотно переносить голод и жажду, холод и зной, подставлять свой лоб под пули английские? И всё ведь это бесплатно, не ожидая ни вознаграждения, ни орденов, ни славы. Значит, были среди этих людей, о которых **Бота** как-то выразился: все европейские волонтёры или идиоты, или жулики, – были среди них люди убеждённые, люди с честными, идеальными стремлениями, в душе которых трепетала жилка удачи и молодечства, облагороженная рыцарским порывом помочь, спасти слабого и угнетённого.

Многие из них пали в кровавом бою и кости их белеют теперь на горах и равнинах знойного Трансваала или затянуты илом на дно мутной Тугелы; многие из них с надорванным здоровьем больные, искалеченные, томятся в английском плену. И эти безвестные герои кровью своей запечатлели готовность человека к самопожертвованию!

Ганецкий, записав волонтёров всевозможных национальностей и профессий, распределил их по капральствам: итальянцы и греки составили своё отделение с **Корнетти** во главе; над греками был назначен капралом **Шульженко**; я получил в своё ведение русское отделение. **Du-Breuil** и **Дезелер** остались не у дел; последний вломился было в амбицию, но успокоился, когда ему было обещано, что если число немцев и голландцев увеличится, ему будет поручено начальство над ними. Пока что ему подчинялся один барон **фон Буш**.

Диатроптов согласился взять на себя заведование комиссарской частью, тоже пока в будущем, так как отряд был ли-

шён всего необходимого, лошадей, палаток, продуктов и прочего.

На мою долю, как наиболее ревностного сотрудника **Ганецкого**, выпала довольно щекотливая работа: нужно было написать устав для нашего отряда. В первых параграфах я стремился выяснить цель сформирования и характер будущих действий отряда, причём изложил необходимость соблюдения известной дисциплины. Составление каждой статьи требовало крайней осмотрительности; понятие о дисциплине этой вольницы могло быть лишь относительное и я во всём должен был применяться к инстинктам и понятиям людей, совершенно ещё не сплочённых между собой, относящихся друг к другу недоверчиво и уважающих лишь грубую физическую силу. Оригинальный устав этот, который с успехом мог бы служить шайке **Чуркина**³⁴⁷, гласил, например, следующее:

Начальствующие лица могут быть назначены и смещены лишь на выборах большинством голосов.

Власть начальника в лагере и в походе относительная, а в деле, под огнём, абсолютная.

За неисполнение важного приказания ввиду неприятеля начальник вправе убить подчинённого.

Выбор цели действий и способ выполнения задуманного предприятия обсуждается всеми чинами отряда.

Всякая военная добыча составляет общую собственность отряда.

За неисполнение принятых к руководству (параграфов) устава виновный приговором товарищей исключается из отряда, причём у него отбирается лошадь и винтовка и так далее в таком же роде.

Устав этот, переведённый на французский, голландский и итальянский языки был прочтён всеми и при общем одобрении принят к руководству. Итальянцы, португальцы и вся прочая голытьба казалась очень довольной, что, наконец, им удалось пристроиться, что, наконец, их соединило общее дело, общая идея. И будь у них способный начальник, кото-

рой силой своего авторитета, своего личного обаяния сумел бы внушить всей этой разношерстной толпе чувство долга, товарищества и взаимной поддержки – в руках начальника вольница эта преобразилась бы в грозную силу³⁴⁸.

Для улаживания необходимых формальностей с формированием нового отряда потребовалось время:

Теперь нужно было ещё получить санкцию главнокомандующего **Жубера**, чтобы отряд мог считаться действительно существующим.

Депутация в составе **Ганецкого, Грюнштейна, Шульженко** и меня отправилась к **Жуберу**, главная квартира которого находилась тут же, в Гленко, верстах в двух от нашего стана.

По-прежнему четырёхцветный флаг развевался над зелёным шатром главнокомандующего; по-прежнему на столе валялись экземпляры газет, план Наталя, написанные карандашом бланки с донесениями фельдкорнетов. Только лицо его как-то осунулось, в бороде прибавилось больше седых волос, да глаза потускнели, потеряли прежнюю живость и блеск.

Сколько жестоких ударов нанесла судьба престарелому **Жуберу**, сколько нравственных мучений пришлось пережить ему! Орлом перелетел он Драконовы горы, нанёс англичанам целый ряд кровавых поражений, имя его прогремело по всему свету и вдруг – изменило ему счастье, неудача за неудачей, и на закате дней рухнули все его надежды видеть торжество родного народа и дождаться свободы и полной независимости республик.

Жубер равнодушно выслушал пылкую речь **Ганецкого**, что сформирована сотня³⁴⁹ русских казаков, неторопливо потянулся за пером и крупным, неровным почерком вывел свою подпись на требовательной ведомости, предназначеннной для предъявления в главный Comissariat в Претории.

– Alltoom besten! – проговорил **Жубер** глухим, старческим голосом. Это была моя последняя встреча с ним.

Теперь предстояла самая сложная работа: снабжение всех 36 человек отряда всем необходимым: платьем, лошадьми, оружием и прочим.

В Преторию вызвался поехать сам начальник отряда – **Ганецкий**; помощниками его по получению предметов вооружения и снаряжения были назначены **Диатроптов**, **Грюнштайн** и я. Лошадей должны были принимать, в качестве экспертов, драгуны наши, прусский лейтенант **Дезелер** и **Лейба Карнан**.

Перед самым отходом поезда в наш вагон влетел итальянец с просьбой посмотреть, не захватили или не подменили мы по ошибке его винтовку **Ли-Метфорда**, которая ещё утром бесследно исчезла из его палатки. Поиски, конечно, ни к чему не привели – у всех у нас оказались свои винтовки, и мы бедного итальянца со смехом вытолкнули из вагона. Поезд тронулся и долго мы ещё видели из окна, как он, окружённый своими товарищами, жестикулировал руками. Хорошо было сидеть на мягким диване и смотреть, как в окне вагона непрерывной вереницей проносились палатки лагерей, табуны пасущихся коней и волов, разрушенные фермы, зеленеющие долины и массивы дальнейших гор. Сознание полной безопасности, уверенность, что все ужасы смерти, все невзгоды бивачной жизни остались теперь далеко позади, там где-то, за этой синей далью, ритмическое постукивание колёс как-то успокаивало, усыпляло измученные, надорванные нервы. Невольно смыкались глаза и я, растянувшись на мягкому сидении, хотел уже предаться сладким грезам, как вдруг в дверь моего купе ввалился **Дезелер**, с дико вытаращенными глазами и бледным искажённым лицом. Сразу бесцеремонно его подталкивал не кто иной как **Лейба Карнан**, почему-то с винтовкой в руках.

Я вскочил в недоумении.

– В чём дело?

Лейтенант не отвечал. Лицо его нервно вздрогивало и глаза беспокойно перебегали с **Карнана** на винтовку, с винтовки на меня.

– В чём же дело?

Запасной ефрейтор, видимо, наслаждался смущением лейтенанта, как художник любуется эффектной картиной.

– Вот, – произнес, наконец, **Карнан**, отчеканивая каждое слово, – винтовка нашего итальянца. Она была аккуратно завернута в газетную бумагу, перевязана веревочкой, и я нашёл её над сиденьем господина офицера. Совсем нехорошее дело! Нельзя красть у товарища! Нужно доложить господину ротмистру. Вот я только с вами хотел посоветоваться, как быть.

Лейтенант несколько овладел собой и несвязно, прерываясь голосом, стал объяснять мне, что здесь одно недоразумение, что ему, видно, подложили винтовку, что жид этот никакого права не имел рыться в его купе, сам, вероятно, хотел и стянуть что-нибудь. Наконец, кто же больше заслуживает доверия, офицер германской армии или какой-то бродяга жид, и так далее.

Тогда и **Карнан** вошёл в азарт и на прекраснейшем немецко-жидовском жаргоне (имеется в виду идиш – искажённый немецкий диалект. – Прим. авт.-сост.) стал отчитывать злополучного лейтенанта: «Ну и что же такое, что я жид? Да, я простой, тёмный еврей, мне и сам Бог велел красть и обманывать гоев (не евреев), – но я солдат, пять лет прослужил в полку и знаю, что нет больше греха, как украсть что-нибудь у товарища, с которым ешь и спишь вместе; да ещё на войне! А вас поймали с поличным, чего же больше! Стыдно, вдвойне стыдно вам, как офицеру! Что о вас подумают **Ганецкий** и все товарищи (по оружию), когда узнают, что винтовку нашли у вас? Что подумают о нас буры? На следующей же станции я заявлю коменданту и вас отправлю в тюрьму, – не посмотрят, что вы себя называете немецким офицером. Нет, вам не место среди нас, вам лучше перейти к англичанам, чтобы в тюрьму не попасть!»

– Не выдавайте меня... я по ошибке... я больше не буду! – бормотал несчастный. Жалко было смотреть на него.

Поезд замедлил ход. В окнах замелькали красные фонари. Кто-то постучал в дверь: я запер её на крючок и, край-

не взволнованной этой сценой, обратился к **Карнану**: «Нельзя ли уладить дело как-нибудь? Право, лучше будет! Подумайте, **Карнан**, нельзя ли без огласки? Вернём винтовку хозяину, а господин **Дезелер** или покинет отряд навсегда, или даст нам слово, что в первом деле искупит свою вину смертью. А вам, лейтенант, если вы в самом деле, носили когда-нибудь офицерский мундир, вам нет другого исхода, как омыть свой по-зор кровью. Вспомните геройскую смерть графа **Цеппелина** под Эландслаагте! Я вам обещаю, что все останется между нами. Теперь, **Карнан**, всё от вас зависит. Помните, все под Богом ходим!»

Некрасивое рябое лицо этого сына Израиля засветилось вдруг доброй улыбкой и он, в знак согласия, протянул мне за-скорузлую грязную руку.

– Буду молчать, Ваше благородие, если вы этого желаете. Буду молчать, потому что теперь война, и бурам каждый человек дорог. Винтовку я сам отдам её хозяину; выдумаю что-нибудь, ну скажу, что сам захватил ружьё по рассеянности. Я уж выпутаюсь. А вам, господин **Дезелер**, лучше не возвращаться к нам. В Претории или на минах йоханнесбургских больше подходящего для вас дела!

Уже во время непродолжительного путешествия в вагоне можно было убедиться, что буры не потеряли веру в успех дальнейшего сопротивления. Проезжая Драконовы горы мы видели, как на вершине Маджубы, командовавшей над Лангс-Некским проходом, копошились тысячи **кафров**, согнанных бурами для возведения траншей и батарей для **Лонг-Томов**. По просёлочным дорогам тянулись бесконечные вереницы фургонов с семействами и домашним скарбом натальских буров. Злополучные фермеры, не ожидая добра от нашествия победоносной армии **Буллера**, торопились отвезти свои семьейства в Преторию. На всех станциях в Вакерстроме, в Стандertonе, в Эландсфон-тейне были расклейены афиши, возвещавшие народу, что **Крюгер** на совещании со **Стейном** решил отказаться от всех мирных переговоров с Англией и продолжать борьбу дальше, до последнего человека, до последнего патрона.

В Претории мы всё нашли по-старому. На вокзале в ожидании поезда из Лоренсу-Маркеша сновали юркие жидки, коммиссионеры гостиниц, разносчики апельсинов; на улицах кипела по-прежнему мирная жизнь; в садах резвились и бегали дети; из открытых окон коттеджей доносились аккорды рояля; бойко торговали переполненные народом кофейни и boarding-house'ы (ночлежные дома). Только в тех зданиях, над которыми развевался флаг Красного Креста, всё было тихо; там, в комнатах с завешанными окнами, лежали раненые, больные и умирающие. У ворот госпиталей толпился народ, женщины, дети; на лицах их можно было уловить выражение скорби и тревожного выжидания. Очевидно, они искали своих родных в госпитале, не нашли их и теперь увидев нас, осадили расспросами: откуда мы, не из команды ли Эрмело, не знаем ли мы **Пит Форстера** и так далее. Высокая женщина, вся в трауре, с классическим лицом римской матроны, ещё сохранившем следы былой красоты, настойчиво добивалась от меня, не знаю ли я **Самуэля Потгитера**. Это мой последний сын – двое остались на Спионскопе, один теперь с **Кронье** в плену, четвёртый дома без ноги, а от последнего, младшего, до сих пор ни одной весточки.

Мне казалось, что все эти матери, жены, дети смотрят с немым укором на нас, здоровых, вернувшихся целыми и невредимыми с полей сражения, с войны, отнявшей у них столько дорогих жизней. Зачем вы вернулись с фронта? – часто спрашивали нас встречные, – ведь oorlog (война) ещё не кончена? Или уже khaki так близки?

Нас удивляло то, что в Претории народ имел самое смутное представление о ходе военных операций, а в особенности последних роковых событиях. Многие, с которыми приходилось нам разговаривать, считали известия о сдаче **Кронье**, о снятии осады Ледисмита за ложные или, по крайней мере, преувеличенные слухи. На стенах вокзала и правительственные здания висели телеграммы от 20–24 февраля: от обнародования же последних известий правительство благоразумно воздержалось до поры до времени.

На этот раз мы не остановились у своего бердичевского земляка, а по приглашению **Ганецкого** направились к Европейской гостинице, одной из лучших в Претории.

Хозяин гостиницы, тип разжиревшего еврея-космополита, низкими поклонами встретил нашего командира.

– Я вам прикажу приготовить те же апартаменты, что вы занимали раньше, mon Prince!(мой князь), – проговорил он с приятной улыбкой и сам повёл **Ганецкого** по устланной коврами лестнице. На нас, грязных, оборванных, с загорелыми, почерневшими физиономиями, он не обратил никакого внимания. Мне с **Диатроптым** прислуга отвела маленькую, тёмную комнату с окнами, выходящими на задний двор. Но и эта комната показалась нам роскошной после ночей, проведённых на голых камнях – умывальник, с целым куском благовонного мыла, кнопки электрического звонка, кровать с чистым бельём, с пуховой подушкой.

– Эх, самоварчик бы теперь со сдобными булочками! – возмечтал **Диатроптов**, и я себя чувствовал точно как дома, в Зубцове!³⁵⁰

Обедали мы в гостинице, за табльдотом. Ярко освещённая громадная зала, звон посуды, говор и смех многочисленной нарядной публики, – с непривычки обстановка эта отуманила, вскружила нам головы и мы сидели точно в чаду. К нам подсаживались какие-то благообразные джентльмены, предлагали виски, пиво, интересовались узнать, откуда и зачем мы приехали в Преторию. Вдруг ко мне протолкнулся лейтенант, тот самый, с которым разыгрался неприятнейший инцидент в дороге, одетый с иголочки, вылощенный, выбритый, я насили узнал его. С покровительственным видом он взял меня под руку и сказал: «Herr Camerad (Дорогой товарищ) (буквально: господин товарищ), с вами желает познакомиться старый друг мой, редактор «Кёльнской газеты» господин **Max**, пойдёмте к нему».

Max или **Bax**, хорошо не помню теперь, представительный седобородый старик в золотых очках, занимал в глубине залы отдельный столик, уставленный вазами с фруктами и

замороженным шампанским. Он встал из-за стола, любезно подошёл навстречу и между нами завязалась оживлённая беседа: – Я про вас читал в *Volksstem*. Вы всё время дрались на Тугеле – как вам удалось вернуться оттуда? Как теперь там дела?

Я по мере сил старался удовлетворить его любопытству, хотя не мог удержаться, чтобы не сказать по адресу военных корреспондентов вообще несколько колкостей.

Мах добродушно улыбнулся: – Вы сами могли строчить отсюда корреспонденции для русских газет, послали же вы письма с дороги в «Новое Время». Но у вас *une ame de tambour* (голая душа барабана) – вам здесь не сиделось, вы не утерпели и переменили карандаш на карабин. Я это знаю, сам был в молодости репортёром в 1870–1871 гг. и в 1877–1878 гг. До статочно пришлось понюхать пороху!

Мах перешёл на русский язык, которым он владел довольно свободно. Участвовал в кампании 1877–1878 гг. в качестве газетного корреспондента, он близко знал **Скобелева**, **Радецкого**³⁵¹, **Тотлебена**³⁵² и других выдающихся деятелей минувшей войны. Меткие характеристики этих лиц чередовались с малоизвестными эпизодами и отдельными фактами

Рассказывал он, между прочим, что **дон Карлос**, (король Испании?), который приехал в Главный штаб Русской армии в качестве волонтёра с целью получить какое-нибудь назначение, был встречен довольно недружелюбно главнокомандующим и так и уехал ни с чем. Интересен был один из его анекдотов, что **Тотлебен** уже после заключения Сан-Стефанского договора получил от султана ценный подарок – дойную корову, и какое недоумение подарок этот вызвал в высших сферах. **Мах** коснулся и тех натянутых отношений, которые существовали между методическим хладнокровным героем Севастополя (**Тотлебен**) и пылким **Скобелевым**, одно имя которого наводило страх и трепет на правоверных. Рассказывая про белого генерала, он вспомнил известного капитана **Узатиса**, который своей безумной храбростью заслужил такое доверие **Скобелева**, что тот поручил ему охрану своей матери, путешествовавшей, уже после

войны, во время оккупации, по Болгарии и Македонии со значительными суммами денег, предназначенных для восстановления разрушенных болгарских церквей. Как известно, престарелая мать **Скобелева** подверглась нападению разбойников и была зарезана со всеми своими спутниками. Казаки и жандармы, вызванные по тревоге из ближайшего селения, напали на след разбойников и окружили их в какой-то мельнице. Не желая отдаваться в руки правосудия, разбойники после отчаянного сопротивления подожгли мельницу и погибли все до одного под пылающими развалинами мельницы.

Между обезображенными трупами разбойников нашли и тело **Узатиса**. Как это случилось, что он не разделил участия остальных спутников генеральши, и каким образом он попал в шайку разбойников, так и осталось до сих пор невыясненным и общее мнение считало его настоящим виновником убийства генеральши с целью ограбления.

Мах, знаяший довольно близко **Узатиса**, не верил в его виновность, не считая его способным на подобное чудовищное преступление. **Мах** знал такой факт про **Узатиса**, что тот как-то отдал все свои деньги, около 20 000 рублей, промотавшемуся казначею одного из полков оккупационной армии, и тем спас его от суда. И этот человек, презиравший деньги, украшенный тремя георгиевскими крестами, общий любимец товарищей, для того только уцелел среди дыму и пламени плевенских редутов, чтобы погибнуть позорной смертью, с клеймом преступника, убийцы матери своего начальника и благодетеля³⁵³.

– Ты знаешь, что в Претории, в одной гостинице с нами, живёт недавно приехавший из России жандармский полковник³⁵⁴ **Максимов**. Говорят, что он тайный агент нашего правительства, что у него самые обширные полномочия и, между прочим, ему приказано представить подробный отчёт о действии и поведении русских волонтёров в Трансваале. Пренеприятнейшая история!

– Что за вздор? Как ты мог поверить подобной сплетне?

Разговор этот происходил в нашей комнате. Был уже третий час, когда мы с **Диатроповым** вернулись из общей залы.

Я раздёлся и уже сладострастно потягивался на мягкой перине, а храбрый соперник мой взволнованно ходил из угла в угол и продолжал высказывать свои опасения на счёт таинственного полковника.

– Ты вот всё болтал с каким-то очконосом по-немецки, а я пошёл в курительную залу выкуриТЬ трубочку. Слыши русскую речь; за одним из столов, вижу, сидит **Ганецкий** и спорит с кем-то. Вдруг ко мне подходит какой-то господин небольшого роста, знакомится и говорит, что слышал про меня, как про красного. Я не знал, что и ответить ему! – Успокойся, **Алексей Николаевич!** – забормотал я сквозь сон, всё это ерунда. Завтра поговорим! Ложись спать!

Но **Диатроптов** не давал мне покоя.

– Это не по-товарищески; тебе, конечно, всё равно; если вернёшься в Россию, снова поступишь на службу, в полк. А я ведь часто вёл речи о свободе, открыто высказывал свои взгляды и ему всё это, вероятно, известно. Не тебе одному я говорил, что дед мой, царство ему небесное, ослеп и оглох в казематах Петропавловки (Петропавловской крепости). Вот, если удастся вернуться в Россию, могут и законопатить, куда Макар телят не гоняет. Ты вот что, голубчик, не откажи, пожалуйста, если завтра увидишь полковника **Максимову**, объясни ему, что я теперь воочию убедился в преимуществе монархической формы правления над республиканской; здесь, в республике, я стал самым ярым консерватором; моё искреннее, непоколебимое убеждение теперь, что только твёрдая отеческая власть губернаторов и градоначальников может предохранять государство от гибели. А всякие парламенты, свобода голоса и прочее только приводят, в конце концов, к гибели. Да слушай же ты! – возопил он и бесцеремонно растормошил меня, – ты должен всё это передать завтра **Максимову**; тебе он поверит как офицеру.

– Оставил ли меня, наконец, в покое? – заревел я, окончательно выведенnyй из терпения, – какую теперь власть имеют над тобой какие-нибудь жандармы или околосоточные? Какое им дело до твоих политических убеждений? Да меня,

главное, оставь в покое, а то, ей-богу, хвачу из винтовки, а завтра донесу твоему тайному агенту рапортом, что пристукнул тебя по долгу службы, как зловредного нигилиста!

На другой день мы все с **Ганецким** во главе направились в парламент. Чиновники Camissariat'a на этот раз отнеслись к нам гораздо любезнее и предупредительнее. Громкого имени русского графа оказалось достаточно, чтобы все формальности по выдаче нам бланков и ордеров были уложены в несколько часов.

Русские евреи, с успехом подвизавшиеся в роли поставщиков правительства, встретили нас не менее любезно. Палатки, кухонные принадлежности, шанцевый инструмент, платье, бельё, сапоги, сёдла, баклаги, – всё мы получали исключительно из рук этих расторопных комиссаров, с которыми у бурского правительства было заключено условие на поставку платья и предметов снаряжения. В начале кампании казна им уплачивала банковскими билетами или звонкой монетой, а когда запас денег истощился, они благоразумно отказались от получения по счётам облигаций Южно-Африканского банка или акций голландской железной дороги Претория-Лоренсу-Маркеш взамен денег, и уплата производилась уже золотом в слитках. Благодаря щедрости правительства, симпатии евреев были всецело, до последнего момента конечно, на стороне буров, хотя, например, почтенный **Абрамович**, у которого **Ганецкий** заказал русский национальный флаг и такие же трёхцветные кокарды к шляпам, втихомолку уже выкраивал английский Union-Jack, предвидя занятие Претории в недалёком будущем английскими войсками.

Евреям, всё больше выходцам из России, вообще жилось недурно в Трансваале. Президент **Крюгер** к ним как-то благоволил – одному из них предоставил монополию на устройство единственного в стране водочного и ликёрного завода³⁵⁵ – Eerste Fabricken (завод по производству пороха) близ Претории; другому – монополию на выделку спичек в Йоханнесбурге. Первый из них в несколько лет нажил миллионы и в знак благодарности хотел воздвигнуть в Претории, на площа-

ди перед зданием парламента, памятник **Крюгеру**. Пьедестал из полированного гранита уже красовался на площади, обнесённый лесами, но война помешала работам – статуя, заказанная известному итальянскому скульптору, так и осталась в Европе; леса развалились и, вероятно, до сих пор уныло возвышается среди обширной площади пустой пьедестал, если англичане не догадаются увенчать его бюстом **Чемберлена** или **Робертса**.

О йоханнесбургских евреях ходил следующий анекдот: выстроив величественную синагогу, постройка которой обошлась им в несколько миллионов, они послали приглашение президенту почтить своим присутствием церемонию освящения. Старый **Крюгер**, кряхтя, надел цилиндр и фрак и явился в синагогу. Раввин, после совершения установленного ритуала освящения, попросил президента сказать несколько слов в ознаменование торжества. Президент вышел вперёд, сложил молитвенно руки и немало не задумавшись, произнёс отчётливо, на всю залу: Объявляю синагогу открытой во имя отца и сына и духа святого!

Скандал вышел ужасный – евреи, проклиная тот день и час, когда им пришло в голову пригласить президента, решили отказаться от выстроенной синагоги и приступили немедленно к сооружению новой³⁵⁶.

Продолжим пространные цитаты из воспоминаний **Евгения Августуса**:

Отряд русских добровольцев, организованный и получивший санкцию главнокомандующего ещё в Гленко, мог считаться, как видно из прежних глав, действительно существующим и готовым к выступлению в поход лишь после снабжения людей лошадьми, оружием и вообще всеми боевыми припасами.

После двухдневной возни и беготни по канцеляриям военного министерства, где всё ещё орудовал наш старый знакомый **Souza**, по складам и магазинам комиссаров и постав-

щиков, всё было, наконец, уложено. 34, выбранных нашими экспертами-ремонтёрами лошади, всевозможных мастей и возрастов, находились пока в конюшнях Преторийской конной полиции. Лошади эти привели бы в ужас любого командира обозного батальона, или даже содергателя извозчичьей биржи: часть из них дикие невыезженные трёхлетки, basutroppu, а большинство – жалкие росеннанты с набитыми спинами, слабоногие, запалённые.

Но лучших лошадей не могло нам дать правительство; им давно уже, ещё перед нашим приездом, были конфискованы для военных надобностей лошади городской конки, частных владельцев и даже извозчиков.

Зато нашу гордость составляли нагруженные до верха два фургона, к которым имелась полная новенькая упряжь и шесть пар мулов. На фургонах помещались ящики с винтовками и ружейными и револьверными патронами, подрывные материалы – динамит, капсюли и бикфордов шнур; аккуратно были уложены палаточные принадлежности, ба-клаги, котлы, чарки³⁵⁷, даже пара машинок для рубки котлет; кофе, рису, сахару, пшеничных сухарей, мясных консервов, банок с вареньем jam – всего имелось в изобилии; не был забыт и мешок табаку и комплект трубок; громадный ящик с бельём, платьем, шляпами и ботинками занимал чуть ли не полфургона.

С таким багажом отряд наш мог бы беззаботно двинутся в самые отдалённые, неизведанные ещё дебри Африки, не для производства, конечно, партизанских набегов, а для меновой торговли с дикими туземцами.

Приданые нашему отряду, по просьбе **Ганецкого, кафры** забились под колёса фургонов и оттуда искося поглядывали на своих новых господ. Среди них выделялся рослый седобородый **зудус**, который помнил ещё короля **Кетчевайо**; другой, **базутос (басут)** оказался грамотным и читал всё время подаренную ему миссионером английскую Библию; остальные, закутанные в жалкие лохмотья байковых одеял, принадлежали к племени **машона**. Я, заинтересовавшись этими

представителями коренного населения Трансвааля, решил заранее заниматься на досуге научными исследованиями в области антропологии и этнологии.

Мы, с трубками в зубах, в разноцветных новехоньких теперь пиджачных костюмах, обходили в последний раз фургоны, испытывая, хорошо ли всё прикреплено и уложено. Отправку на вокзал и нагрузку отложили на другой день; жаль было, откровенно говоря, расстаться с мягкой кроватью гостиницы; при одном воспоминании о ночах, проведённых в траншеях, в горах, среди диких скал и колючих мимоз, нас охватывал ужас. Уже прошло то увлечение, тот пыл, с которым я когда-то рвался в поле, в бой. Не хотелось верить, что я, в самом деле, был, где-то там, на войне, среди дыму и пламени Натальских гор, что рядом со мной корчились и стонали раненые и умирающие, что меня не тронули лиддитные бомбы... всё это казалось каким-то полуза забытым страшным сном. Стоит ли возвращаться туда, стоит ли ещё раз переживать все ужасы и невзгоды войны? А здесь хорошо, невыразимо хорошо! Мир и тишина. Тёплый ветерок еле колышет тёмную листву высоких пальм и магнолий. Серебристый свет полной луны ложится фантастическими узорами на дорожках сада. Ласкающий воздух южной ночи пропитан одуряющим ароматом тропических цветов; над белыми венчиками их кружатся ночные мотыльки, огненнымиискрами носятся высоко над головой светляки. Вот вдали зазвучали мягкие аккорды рояля; звуки растут, переливаются, замирают, слышен смех и звонкий женский голос. Сердце защемило чувством беспредельного одиночества, тоски, неудержимого желания мира, блаженства; не в страданиях ведь счастье, не в вечной смене новых и ярких ощущений. Зачем я здесь? Домой бы, на родину, снова мундир, реверс³⁵⁸, Исаия ликуй!

Позор, стыд! Вот и домечтался! Всем известно, до чего довела **Ганибала**³⁵⁹ стоянка в Капуте, а я вот хотя не **Ганибала**, однако же, совершенно размяк, совершая для пользы пищеварения прогулку по ботаническому саду Претории. Завтра в поход!

Вернувшись в гостиницу, я успел отряхнуть от себя всякую меланхолию и с вниманием стал прислушиваться к разговорам публики, ещё не расходившейся по своим номерам и с оживлением беседовавшей в залах, коридорах. Кто-то из голландских чиновников принёс известие, что мирные переговоры **Крюгера** и **Стейна** не привели к желанным результатам – ответная нота главнокомандующего английской армией **Робертса** требовала в суровых выражениях полного и безусловного подчинения обеих республик Англии. Последовавшая затем прокламация **Крюгера** призывала народ к продолжению борьбы; в ней, между прочим, говорилось, что Господь всемогущий внемлет мольбам скорбящего народа, что силы небесные ополчатся на защиту избранного народа и что начнется для англичан день второй Маджубы. В прокламации намекалось и на то, что рано или поздно следует ожидать вмешательства иностранных держав, к которым решено отправить особое посольство.

Новости эти вызвали самые разноречивые толки среди присутствовавших. Большинство относились скептически к исходу дальнейшей борьбы, считая её бесполезной. Слышались злобные восклицания по адресу президента. Old fool (старый дурак), ворчали некоторые джентльмены, собравшиеся вокруг хозяина гостиницы, который, не стесняясь, высказывал свои опасения, что не удастся ему получить своих денег с правительства, если война будет продолжаться с таким же успехом. Все эти почтенные uit lander (ойтландеры) и очень и очень даже смахивающие на жидов, разжиревшие и разбогатевшие в Трансваале, в начале войны были самыми горячими поклонниками Оом **Paul'a**, (дяди **Поля** – прозвище президента **Крюгера**. – Прим. авт.-сост.), а теперь уже прикидывали в уме, какой барыш им дадут поставки для интенданства победоносной английской армии.

Но стоило лишь появиться в дверях какому-нибудь буру с загорелой бородатой физиономией, с патронташем через плечо и трубкой с зубах, как разговор принимал уже другой оборот: хвалили мужество бурского народа и ругали на чём свет

стоит презренных roonike. «Вот пусть только англичане появятся под стенами Претории, мы им покажем!», – воскликнули достойные джентльмены. Некоторые из них состояли в набранной из мирных обывателей Претории Speciaal-Politie, назначением которой было поддержание общественного порядка и спокойствия, и они немало гордились своими револьверами, висевшими на поясном ремне.

В соседней комнате, где помещался буфет с крепкими напитками, собралась компания правительенных чиновников, угощавших бежавшего из английского плена фельдкорнета **Спруйта**. Официально продажа крепких напитков была воспрещена во всей стране; буфеты, даже в такой первоклассной гостинице, как «European Hotel», были заколочены, но ради такого случая, и для таких влиятельных гостей, хозяин считал возможным нарушить закон.

На столе красовались бутылки с заманчивыми этикетками Scotch Whisky и других изделий английской водочной промышленности. Пили, по обыкновению, без всяких закусок, мешая виски с сельтерской водой. Все уже порядочно охмелели и с раскрасневшимися лицами и мутными глазами слушали в десятый раз повествование **Спруйта** об осаде и сдаче **Кронье**, о том, как ему удалось спрыгнуть на полном ходу поезда с платформы, и после каких приключений он, пробравшись через всю английскую армию, наконец, очутился в Претории. Потрясая мохнатыми кулаками, выпрямляясь во весь свой богатырский рост, фельдкорнет **Спрут** ревел осипшим голосом: «Продал **Кронье** свой народ, как **Иуда**, предатель, за тридцать серебряников! Я ему говорил, уходи, **Пит Кронье**, кругом khaki, что саранча степная... уходи, пока время! Дай, тиј jong, ещё скляночку, у меня горит сердце! Не твоё дело, фельдкорнет, ответил он мне, я командант-генерал! и продолжал смазывать колёса своей тролли. А теперь roonike уж там, они в Блумфонтейне, оранжевые (жители Оранжевого свободного Государства) вывесили белые флаги, наши бегут. Дай ещё вина, чего англичанам оставлять! Будьте здоровы! Эх, горе нам!»

Kronje is gefang

Mit all sijne man

Pass ob for de Roonike – запел, покачиваясь всем телом, белокурый бюргер, чиновник парламента.

Я вспомнил песню и пляску артиллеристов на батарее **Лонг-Тома**, тогда, в славные дни боя за Вааль-Кранс. Тот же мотив, да слова уже не те.

Pass ob, pass ob, pass ob for de roonike! – подхватили сопутыльники нестройными дикими голосами; кулаками они выбивали тakt по столу; бутылки и стаканы подпрыгивали, опрокидывались, звенелобитое стекло.

De burgher flog terug

Mitin **Mauser** of'n Ruck

Pass ob for de Roonicke (переделка бурской военной песни, приведённой в одной из предыдущих глав. В ней буры с едкой иронией осмеивают свои же невзгоды, свои же неудачи). К сожалению, у меня как из той, так и из этой популярной песни не осталось больше куплетов в памяти.

В переводе это значит приблизительно следующее:

Кронье взят в плен – со всем своим войском, берегись, брат, рыжих. Бюргеры бегут врассыпную с винтовками за спиной и так далее... – хором гремели пьяные голоса. Всех покрывал могучий бас фельдкорнета. Но вдруг у него оборвался голос, он закрыл лицо руками и припал ко столу. Послышались глухие рыдания: Моя жена... мои дети.

– Я газ потушу! – заявил немец-кёльнер с прыщеватым лицом, Пора кончать! Уходите к себе!

В раскрытое окно потянуло прохладой рассвета. На улицах та же тишина, то же безмолвие. Фельдкорнет привстал, окинул мутным взором опустевшую комнату, грохнулся об пол и тут же захрапел, заснул тем же крепким сном, каким он после утомительных брандвахт и походов спал на расщелинах корje.

Тем временем в моей комнате произошёл знаменательный диалог между двумя представителями русских волонтёров, имевший весьма важное значение для нашего вновь организованного отряда. Диалог этот в некотором роде решил судьбу его.

Я застал **Ганецкого** и полковника **Максимова** уже в последний момент спора. Оба они были возбуждены в высшей степени, голоса звучали страстно, нетерпеливо. В комнате сидел ещё **Диатроптов**: видно было, что ему весь этот разговор не только надоел, но и в высшей степени неприятен, и что ему очень спать хочется.

— Так вы отказываетесь от своего честного слова, данного мне ещё на пароходе? В последний раз, вот при свидетелях вас спрашиваю? — наступал на **Ганецкого** полковник.

Еле сдерживая свою злобу и обращаясь к нам, как бы ожидая поддержки, **Ганецкий** ответил:

— Вот мы сообща сформировали отряд; но идея исключительно моя. Никакого я вам слова не давал; это вы ошибаетесь, полковник. Наконец, начальник выбирается большинством голосов. Выбор товарищей остановился на мне! Я не намерен отказываться в Вашу пользу от чести командовать русским отрядом!

— Это ваше последнее слово?

— Моё последнее слово! — с вызывающим видом заявил **Ганецкий**, да лучше всего — вот спросите мнение товарищей; вам, вероятно, известны взгляды поручика **Дрейера**, Алексея Николаевича, штабс-капитана **Шульженко**; вероятно, в мою пользу выскажется и **Евгений Фёдорович**; а все прочие, да те, кто остались в Гленко, — сомневаюсь, чтобы они отказались от меня!

— Так вот что, господа! — резко отчеканивая каждое слово, произнёс **Максимов**, — я вас выведу на чистую воду. Теперь я не хочу говорить о том, кто среди русских волонтёров распустил слухи о том, что я жандарм и тайный агент; об этом поговорим в другой раз!

Из дальнейших слов полковника **Максимова** выяснилось, что ещё во время путешествия на пароходе **Ганецкий** высказал ему своё желание составить отряд из русских волонтёров, не скрывая надежды взять начальствование на себя, но с оговоркой, что готов отказаться от роли начальника, если найдётся другой, более достойный, в чём и дал честное слово **Максимову**.

Теперь же, когда сформирование отряда и выбор **Ганецкого** стали уже свершившимся фактом, притязания **Максимова** вызвали неожиданный отпор не только со стороны **Ганецкого**, но и со стороны **Диатроптова**, и только что прибывшего в Преторию нового русского волонтёра поручика **Дрейепа**; у последнего возникло какое-то недоразумение, чуть ли не перешедшее в скору, с **Максимовым**.

Таким образом, честолюбие и нежелание **Ганецкого** подчиниться **Максимову**, в связи с теми таинственными слухами, которые заставили бедного **Диатроптова** узреть в нём политического сыщика, лишили **Максимова** всякой надежды занять среди нас то положение, которого он вполне заслуживал по своей боевой репутации и личным качествам. Политика **Ганецкого** увенчалась полным успехом.

Судьба нашего отряда была решена.

Повествование о последовавших затем боевых действиях и подвигах русского отряда является для меня задачей нелёгкой, неблагодарной, чтобы не сказать больше. Слишком свежи ещё воспоминания о всём пережитом и воспоминания эти скорее грустного, мрачного свойства, чем приятного.

Вот, между прочим, что пришлось мне читать в одном из № «Нового Времени» уже после возвращения на родину:

Из провинциальной печати

В Саратов вернулся из Трансваала некий техник господин **Грингоф**, и в качестве сведущего лица интервьюирован был репортёром «Саратовского дневника» и наплёл ему следующее:

– Как вели себя в Трансваале русские добровольцы?

– О, – улыбнулся господин **Грингоф**, – неважно, очень неважно! Начать с того, что по прибытии в Трансвааль они получили от буров лошадей и ружья, но на другой же день лошадей пропили. То же было бы, вероятно, и с ружьями, но их в кабаках не принимали! Наконец, лишившись лошадей, они стали добывать их таким остроумным способом: обрезывали постромки у извозчичьих лошадей, а извозчикам выдавали квитанции: получайте, мол, за своих лошадей с буров! Вообще

порядка и дисциплины у наших добровольцев совершенно не было. Да это и понятно – здесь не было грозного начальства, к которому русский человек привык, а у буров дисциплина понимается несколько иначе: вне сражения между низшими и высшими чинами у них дружеские отношения, им не нужен кнут – довольно слова.

– Всё же русские участвовали в военных действиях?

– Да, в нескольких сражениях, но, в конце концов, их распущенность привела к тому, что буры перестали брать с собой русских, а начальник отряда, капитан **Ганецкий**, сбежал (?!) от добровольцев в Москву.

Русские люди, побывавшие в Трансваале, не замедлят, вероятно, отозваться на легковесную и неприличную болтовню, автор которой едва ли не жид³⁶⁰.

Я не считал нужным выступить в печати с опровержением обвинений господина **Грингофа**, личности, мне совершенно неизвестной, хотя и следовало выяснить всю нелепость его измышлений, не от имени тех, которые благополучно вернулись на родину, украшенные дешёвыми лаврами трансваальских героев и своим участием в войне или восстановили свою репутацию или прослыли за рыцарей без страха и упрёка, а от имени тех, которые легли костью на поле брани, искупив смертью солдатской все грехи – вольные и невольные.

Почтенный сотрудник «Саратовского дневника» со строгостью классного наставника, прежде всего, осведомляется у сведущего лица, как вели себя русские добровольцы в Трансваале, а потом уже, спохватившись, ставит вопрос: Участвовали ли волонтёры в сражениях?

Оказывается, что русские волонтёры, пропившие своих лошадей и винтовки в кабаках, всё-таки принимали участие в нескольких сражениях.

Хоть на том спасибо господину **Грингофу**.

Вслед за этой заметкой появилось на столбцах той же газеты письмо **Максимова**; хотя и в нём есть некоторые неточности, например, относительно отношения **Филиппа Бота** к

Русскому отряду, но я привожу его полностью, как имеющее значение для обрисовки типов русских волонтёров.

Русские добровольцы в Южной Африке

(письмо в редакцию)

В «Саратовском дневнике», со слов бывшего в Трансвааале добровольца господина **Грингофа**, напечатаны поклёпы на русских добровольцев в Южной Африке.

Я был в близких сношениях с правительственныеими лицами Трансвааля и Оранжевой республики, знал лично почти всех бурских генералов и командантов, а также имел немало друзей между бурами, но никогда ни от кого не слыхал даже намёка на те гнусности, в которых упрекает господин **Грингоф** нас, русских, да и сам не видел ничего подобного. Хотя не все русские добровольцы были на высоте великой задачи – борьбы за великое дело правды и справедливости, но эти немногие, благоразумно пристроившись к тёплым местам вдали от поля битвы и, не гоняясь за славой и высшими идеалами, держали себя скромно и прилично (за исключением двоих, которых назову по имени, когда нужно будет). Большинство же не посрамило русского имени в далёкой Африке. Назову некоторых из этих: сотник **Гучков**, лейтенант **Строльман** (убит), подпоручик **Никитин**, граф **Комаровский**, подпоручик **Никитин**, поручик **Августус**, прапорщик **Диатроптов** и другие. Пусть назовёт господин **Грингоф** имена тех лиц, которым он приписывает взводимую им клевету и я, зная всех добровольцев, бывших в Трансвааале, с уверенностью говорю, что опровергну поклеп, взводимый на русских людей.

Если и были некоторые нарекания на Русский отряд получника **Ганецкого**, то это касалось не русских, состоявших только 1/2 отряда (всего в отряде **Ганецкого** было около тридцати человек), а того разноплеменного сброва, из которого состояла часть отряда. Конечно, в этом сброде находились личности весьма невысокого нравственного качества. Буры это знали, а потому никогда не смешивали русских с ними. Если генерал **Филипп Бота** и был недоволен русским отрядом, то этому был виновен начальник отряда, не сумевший дисци-

плинировать сброд своего отряда, а не русские, составлявшие его меньшинство³⁶¹.

Любопытно и описание операций британской армии после пленения **Кронье**, сделанное **Августусом**:

Повторяю, что нелегко мне писать о дальнейших наших приключениях, связанных с боевой деятельностью русского отряда; нужно собраться духом; вот почему я из области личных воспоминаний перейду пока к другой, строго академической теме, и следующую главу посвящу очерку военных действий за март месяца 1900 г., не лишённых некоторого интереса в смысле исследований операции **Робертса**, последовавшей после пленения **Кронье** 27 февраля. Успешные действия лорда **Робертса** на Моддер-ривере против армии **Кронье** имели прямым последствием не только снятие осады Ледисмита, но и ослабление численного состава бурских команд, предназначенных для вторжения в Капскую колонию. Последовавшая затем сдача **Кронье** вызвала панику среди буров. Как фрейштатские на Тугеле, так и буры в Стромберге, Дортрёхте и Ренсбурге, боясь за свой путь отступления, уходили самовольно с позиций. Выборные начальники не имели возможности бороться с малодушием, охватившим бюргеров. Здесь ярко высказался присущий всем милиционным войскам недостаток: личные интересы каждого бюргера, опасавшегося за целость своей фермы, за участь своей семьи, заставили позабыть их о важнейших целях войны. Узкий кругозор бура, усматривающего главную задачу войны с англичанами в защите родного дистрикта, не был в состоянии обнять важность взаимодействия на различных театрах военных операций, требующего от каждого и полного забвения своих личных расчётов, и соображений в пользу одной, руководящей всеми, идеи.

Но бурские ополчения того периода войны не выработали ещё сознания важности дисциплины. Почти полное отсутствие её объясняет ту панику, которая после сдачи **Кронье**

охватила бурские команды, до того времени успешно действовавшие на севере Капской колонии. Не только одиночные люди, но и целые отряды стали уходить из занятых областей. Английский генерал **Клементс** вступил 1 марта без боя в Ренсбург, а затем и в Колесберг, покинутые отрядом комandanта **Шемана**. Отступающие буры держались ещё несколько дней у Норвала-Понта, а затем, взорвав железнодорожный мост через Оранжевую реку, перешли на северный берег её.

Войска **Клементса** двигались по следам отступающих буров, перешли беспрепятственно на тот берег реки, и с 15 марта приступили к сооружению pontонного моста и к восстановлению разрушенной железнодорожной линии Колесберг–Норваль-Понт.

Часть бурских сил, отрезанных в своём отступлении движением **Робертса** на Блумфонтейн, направилась обходным путём через Форесмит и Моддер-ривер, а другая, более многочисленная, двинулась к востоку на Смитфилд для соединения с отрядами, отступавшими из-под Стромберга и Дотрёхта.

Все эти отряды сосредоточились у Рувиля и Смитфилда под начальством генерала **Оливье**.

Разрозненные английские колонны **Клементса**, **Брабанта** и **Гатакра** удовольствовались на первых порах занятием северного берега Оранжевой реки. Не решаясь на энергичное преследование противника, без боя оставившего Капскую колонию, они вскоре потеряли даже след его. Лишь известия, доставленные туземцами из Басутоланда, подтвердили слух, что **Оливье** с 6000 отрядом и 16 орудиями направляется на соединение с бурами, вновь сосредоточивающимися к северу от Блумфонтейна.

Несколько дней после пленения **Кронье** английская армия провела в полном бездействии, вызванном утомлением людей и необходимостью обеспечить свои коммуникационные линии.

7 марта возобновились наступательные операции **Робертса**. Во всех последующих делах с бурскими отрядами, заграждавшими ему путь на Блумфонтейн, усматривается

широкое применение выработанных английским главнокомандующим новых приёмов в наступательной тактике.

По сведениям, добытым английской кавалерией, буры занимали в 12 километрах от Осфонтейна, главной квартиры **Робертса**, ряд высот, пересекающих течение Моддер-ривера. Хотя сведения и отличались по обыкновению неполнотой и неточностью, тем не менее кавалерийский отряд **Френча**, подкреплённый пехотной дивизией **Келли-Кенни**, получил приказание двинуться по дороге на Петрусберг и Калькфонтейн в обход левого фланга противника.

Главные силы **Робертса** следовали позади уступом по обоим берегам Моддер-ривера.

Ружейный и артиллерийский огонь дивизии **Келли-Кенни** с фронта и угроза охвата левого фланга далеко выдвинутой кавалерии **Френча**, сломили после непродолжительного боя стойкость буров, несмотря на то, что среди них в тот же день находились президенты **Крюгер** и **Стейн**. Их убеждения, просьбы и угрозы не привели ни к чему. Буры стали уходить с позиций ещё до подхода главных сил **Робертса**. Отсутствие всякого преследования, однако, лишило англичан выгод победы и буры, отступив дальше к востоку, заняли новую оборонительную позицию у Кап-Спруйта.

Вместо фронтальных атак **Метузена** и **Буллера**, действовавших почти исключительно густыми стрелковыми цепями, поддержаными сомкнутыми пехотными колоннами, **Робертс** применял новую тактику, наиболее типичным примером которой служит бой 7 марта (1900 г.). Считаясь с особенностями противника, занимающего почти всегда сильную, труднодоступную с фронта позицию, **Робертс** возлагал на пехоту и артиллерию чисто демонстративную роль; огонь их приковывал всё внимание противника, а главная задача выпадала на долю кавалерии и нового рода оружия, конной пехоты, которые выдвигались далеко вперёд и должны были охватить фланги и тыл буров.

Тактика эта в большинстве случаев венчалась успехом, благодаря, во-первых, численному превосходству англичан,

страшной силе артиллерийского огня, позволявшей вместо поражения отдельных целей задаваться обстреливанием пространств – результаты не всегда отвечали трате снарядов, но эффект всегда получался внушительный. А во-вторых, буры были бессильны оказать какое-либо сопротивление этим охватам за неимением резервов и, главным образом, кавалерии; конные войска буров далеко не отвечали тем требованиям, которые можно предъявлять к кавалерии в общепринятом смысле.

Но и английская кавалерия, а в особенности конная пехота, накануне организованная во время самой войны, оставляла желать многого. Служба разведывания стояла на самой низкой степени; отдельно действующие отряды вечно попадали впросак; преследование разбитого противника никогда не доводилось до конца, разъезды регулярной кавалерии и конной пехоты часто теряли связь с отступающим противником. Конечно, с течением времени недостатки эти более или менее слаживались; на войне необученные в мирное время *horsemen* и *yeomenry* могли выработать в прекрасных солдат. Но дорого пришлось Англии поплатиться за недостаток мирной подготовки своих войск; недостатки эти создаются и устраняются лишь после тяжёлых поражений и за них приходится расплачиваться ненужными жертвами и потоками крови.

При разборе действий буров в сражении 7 марта замечалось, прежде всего, что оборонительный бой велся отдельными командами, занимающими, каждая, обособленные участки позиций без заранее определённого плана, без взаимной связи и общего руководства. На правом фланге севернее Моддер-ривера действовали отряды **Деларея**, подкреплённые бурами, двинутыми во Фрейштат из Наталя; на левом фланге распоряжался **Девет**.

Растянутая вёрст на 10 позиция буров представляла, как сказано выше, ряд отдельных возвышенностей; каждая из таких возвышенностей – Корье – занимались бургераами одного дистrikта, фельдкорнеты которых действовали по своему

усмотрению, совершенно не заботясь о взаимной поддержке. О высшем руководстве и планомерном ходе обороны, при полном упадке духа сражающихся, не могло быть и речи. Исход боя при таких условиях не мог быть сомнительным.

У нас немало мечтателей, которые доказывают возможность замены постоянной регулярной армии милицией или просто народным ополчением. Они ссылаются на примеры французских революционных войн, северо-американской войны и последней англо-бурской.

Подтверждая свои выводы победами французской армии levee en masse (поднятые всей массой) над регулярными войсками союзников, защитники народной самообороны забывают, что у **Карно**, организатора побед, было под рукой ядро, – уцелевшая под бурями революции королевская армия; правда, она лишилась своих офицеров-аристократов (и то не всех³⁶², напомню хотя бы имена маршала **Бертье** и первого гренадёра **Франции Латур д'Оверн**), но зато пополнилась волонтёрами и конскрипцией³⁶³, изменив лишь дух и тактические формы боя и сохранив в общем главные устои всякой армии: дисциплину и организацию.

Что касается северо-американской войны 1861–1863 гг., то и здесь северяне терпели поражение за поражением от федеративных войск, лучше организованных, лучше предводительствуемых. Генералы **Ли**, **Стюарт** и много других питомцев вест-пойнтской школы начальствовали над отрядами южан. Только, когда, благодаря усилиям **Вайта**, удалось внести дисциплину и организацию в хаос наскоро собранных ополчений и создать армию в полном смысле слова, северяне оказались в результате победителями.

Иностранные военные агенты в 1863 г. в лагере под Ричмондом, видя прохождение войск церемониальным маршем, громко высказывали своё восхищение. Война, значит, научила американцев и церемониальному маршу.

Враги больших постоянных армий ещё любят указывать на Швейцарию с её образцово построенной милицией. Но Швейцария – держава, которая, не опасаясь за свою самосто-

ятельность, может выдумывать безнаказанно какую угодно систему для игры в солдатики. Швейцария, собственно говоря, даже не государство, а нечто вроде интернационального спортклуба, с кафешантаном, живущее pourboire'ами (чаевыми)³⁶⁴ знатных иностранцев. Такому государству надолго ещё обеспечены все благодеяния Гаагской конвенции.

Сильно зазвучали голоса защитников милиций, ополчений и так далее, особенно в последнее время. Маленький, дотоле почти неизвестный народ мирных фермеров победоносно борется с грозной регулярной армией владычицы морей.

Громкая фраза, которой часто искажается сущность южноафриканских английских нелепостей, по меткому выражению нашего военного авторитета генерала **Пузыревского**³⁶⁵.

Исход борьбы не подлежит сомнению; бурские республики стёрты с лица земли; как русские на Кавказе и французы в Алжире, так и англичане останутся в конце концов победителями. Беспримерное мужество и самоотвержение буров послужит лишь тому, что со временем образцовые по замыслу и выполнению партизанские действия **Девета, Деларея и Бота** попадут в учебники тактики. Англичане давно уже свели войну к двойной бухгалтерии, к арифметическому подсчёту, сколько ещё осталось буров и сколько ещё потребуется времени и денег, чтобы справиться с немногочисленными, рассеянными по всей стране, отрядами партизанов.

Громадная разница между бурскими отрядами, которые до сих пор ещё с оружием в руках защищают свою свободу и независимость, и теми нестройными ополчениями, которые в моё время противостояли **Робертсу** на пути в Преторию. Теперь осталась лишь молодёжь, отчаянные головорезы; они бросаются на англичан в рукопашную с револьверами, действуя ружейными прикладами за неимением штыков; тогда этого не было. Теперь они, наконец, к сожалению, слишком поздно, прониклись сознанием необходимости подчиниться суровой воинской дисциплине – и теперь фельдкорнеты смертью карают своих подчинённых в случае осуждения.

Читая телеграммы о последних событиях в Южной Африке, меня снова охватывает лихорадочное волнение. Мне мерецится зловещее жужжение лиддитных бомб, свист пуль, хриплые стоны раненых... я вижу вершины скалистых гор, над ними дымки шрапнелей; вон карабкаются, как муравьи жёлтые фигурки khaki, они лезут всё выше и выше... И я рвусь снова туда, рвусь всей душой и телом в далёкий знойный Трансвааль, забывая, что я связан честным словом.

Дорогой ценой искупили буры свои прегрешения, ценой гибели государства, разорения ферм и имущества, страданий женщин и детей, томящихся в пленау в концентрационных лагерях.

А прегрешения эти неизбежны в народных ополчениях, где при отсутствии солдатской дисциплины главной целью войны в глазах ратника³⁶⁶-гражданина является не достижение и защита высших интересов народа и государства, а личные мелкие соображения и побуждения.

Веди буры тогда так, как они её теперь ведут – результаты были бы иные, **Буллеру** и **Метуэну** не пришлось бы позавидовать лаврам лорда **Робертса**.

Я дал краткий очерк боя 7 марта, указал, что ни просьбы, ни убеждения маститого **Крюгера** не увенчались успехом; дрогнули буры под сильным огнём английской артиллерии и стали ползком, один за другим, уходить с позиции.

Вот какой мне эпизод рассказал майор **Фан Дамм**³⁶⁷, коммандант Йоханнесбургской конной полиции, под начальством которого я впоследствии имел честь служить. Он участвовал в бою 7 марта, и заметив обходное движение английской конной пехоты, приказал подчинённому ему фельдкорнету Кронштадтского дистрикта занять со своими людьми горку, откуда представлялась возможность обстрелять обходную колонну продольным огнём.

Почтенный фельдкорнет посмотрел на гору, над которой рвались английские шрапнели, посмотрел и задумался.

Фан Дамм стал торопить фельдкорнета. Огонь всё усиливался.

– Нет майор, ступай сам, если хочешь, а я не пойду, – ответил фельдкорнет. **Фан Дамм** просил, убеждал, приказывал. Всё напрасно. Фельдкорнет и его люди не думали шелохнуться.

Таких случаев, о которых я упоминал и раньше, описывая боевую жизнь на Тугеле, можно было бы привести множество. Все они прекрасно обрисовывают нравственное состояние бурских войск, находящихся под впечатлением сдачи **Кронье**.

Дальнейшее наступление **Робертса** на Блумфонтейн и затем его движение к Претории было ознаменовано рядом таких же сражений. Во всех почти делах англичане оставались победителями, не только благодаря своему численному превосходству, не только потому, что организация войск, формы боевых построений и само ведение боя оказались умело принароченными к тактике противника и к условиям местности, но и потому, что в сравнении с бурскими ополчениями в английской армии всё же был сильнее развит солдатский дух. Дух этот проявляется и в вербованных армиях и в наёмных войсках в зависимости от того, насколько сознание долга, чувство товарищества, принадлежности к одному великолюму целому, к армии, и наконец, авторитет начальника осилят и заглушат присущее каждому солдату чувство самосохранения и готовность к самопожертвованию.

Солдату не нужно, не поймёт он даже, пожалуй, громких фраз о любви к родине, чести, славе. Отлично он сражается, голодает, страдает, умирает и без этого иногда потому, что на людях и смерть красна, иногда потому, что он инстинктивно, бессознательно следует примеру офицера, а чаще всего – просто потому, что так приказано.

Много было нареканий на английскую армию, много над ней издевались на столбцах газет и юмористических журналов, но что в ней есть солдатский дух, это доказывает и Ватерлоо, и Балаклава, и Лукнов, и Ледисмит.

Я знаком с английской армией не только по карикатурам «Journal amusant» или «Будильника», я своими боками испытал, что значит драться с регулярными **Tommy Atkins**.

Я, лёжа в траншеях, припав к прикладу винтовки, по временам невольно забывал о ровной мушке, всматриваясь в бледные лица солдат, медленно карабкающихся по крутым скатам на вершину горы, откуда невидимый, скрытый за камнями враг засыпал их огненным дождём. Они всё шли и шли, без скачущих впереди генералов, без развивающихся знамён, шли, не останавливаясь, на верную смерть. Это было на Тугеле, в кровавый день штурма Питерсгилля³⁶⁸.

Я слышал, как буры спрашивали пленного шотландца: Долго ли вы ещё будете держаться в Ледисмите? Солдат, истощённый голодом и лишениями, гордо ответил: До тех пор, пока у нас хватит патронов!

Я видел, как взвод Dublin Fusiliers, захваченный врасплох разъездами, отбивался штыками и прикладами, не думая о сдаче. Раненый офицер, истекая кровью, хриплым голосом кричал солдатам: Fixed bayonets! No surrender! (Примкнуть штыки! Не сдаваться! – Эпизод из кампании во Фрейштате). Из 12 человек только двое сдалось нам.

Крайне осмотрительно нужно пользоваться данными южноафриканской войны как для выводов относительно пригодности милиционной армии или народного ополчения с одной стороны, и боевых качеств английского солдата с другой.

Англичанам стоит лишь отказаться от устарелой системы комплектования и организации армии, введя обязательную воинскую повинность, а главным образом, и прежде всего, улучшить состав офицеров, и у них будет армия не хуже любой континентальной.

А нам рано или поздно придётся встретиться грудь с грудью с англичанами; изучение всех особенностей организации их армии, всех слабых и сильных сторон её для нас важнее, чем для кого-либо.

После упорной вековой борьбы, после целого ряда непрерывных войн и походов в глубь азиатских степей, двухглавый орёл достиг снежных вершин Крыши света и зоркое око его проникает в туманную даль, туда, где в безмолвном величии возвышаются узорные купола пагод, где среди из-

умрудных берегов струятся тихие воды священной реки (Ганга)...

Прошли, промелькнули как сон тысячелетия с тех пор, как воины **Александра Македонского**³⁶⁹, **Надир-шаха**, **Чингиз-хана**³⁷⁰ поили своих коней в реках Индостана.

Будет некогда день и те же берега огласятся ржанием и топотом казачьих коней.

Теперь над Индостаном от моря до моря развеивается британский флаг. Среди девственных лесов, среди непроходимых раньше джунглей грохочут поезда; поникли священные цветки лотоса, подёрнутые копотью пароходных труб, на площадях и базарах древних городов, среди толпы смуглых индусов и погружённых в нирвану факиров властно выделяется белая каска англичанина. Рядом с запущенным, опустевшим храмом Будды блещут раззолоченные вывески контор и магазинов; сказочная роскошь и блеск царствования прежних династий заменилась лихорадочной эксплуатацией и холодным бездушным режимом англичан. Торжествует победитель. Потускнел взор гордого арийца³⁷¹; с покорностью фаталиста признал он власть пришельца, почти без борьбы, без сопротивления отдал он ему все богатства своей страны, сам, умирая от голода, от эпидемий. Но в глубине его души таится смутная надежда, что осуществляются когда-нибудь пророческие слова неведомого пророка: «Придут с севера воины Белого царя и освободят нас от ига чужестранцев!»

Кто из русских людей не сознаёт, не понимает того, что на пути векового стремления России к тёплым морям, к Индии, стоят вооружённые силы авангарда англичан, Афганистан, а за ней и вся Великобритания? Бой при Кушке 1885 г. был первым предвестником той грозы, которая в недалёком будущем ураганом пронесётся над Азией.

С 1885 г. политическое положение России в Азии почти не изменилось, оно лишь с каждым годом становится всё прочнее: возросло обаяние России среди туземных народов.

Но рост и величие России в Азии далеко ещё не достигло своего кульмиационного предельного пункта – мы не можем

удовольствоваться сознанием, что нам покорны буйные разбойничьи племена **каракалпаков и текинцев**, что сыпучие пески Туркмении, усеянные костями русских солдат, принадлежат нам, что на базарах Коканда и Бухары уже не торгуют русскими невольниками – не для этого нами пролиты потоки драгоценной крови.

Движение России вперёд не вызывается одними политическими соображениями и комбинациями; движение это стихийное, роковое, а вызвано теми же неизведанными ещё, непреложными законами, по которым совершается жизнь и историческая эволюция каждого народа.

Мы должны пробиться к тёплому морю.

То, что в старину побуждало новгородских славных повольников – купца тверского **Никитина**, удалых казаков **Ермака Тимофеевича, Ивана Колыцо**³⁷², и манило их в даль безвестную, за моря, за леса, за тридевять земель, чтоб им сгинуть в борьбе с басурманином лютым или бить челом царю Московскому новыми землями и покорёнными царствами, эта страсть, эта удаль богатырская не выродилась у народа русского и в наши дни. Сила народная расширила пределы России от морей ледяных до юга знайного, она создала нашу славу и величие, она найдёт себе дело и в будущем³⁷³.

Наша задача в Азии теперь – это довершать замыслы великих царей.

То, о чём мечтали ещё **Пётр Великий** и **Екатерина II**, к чему стремилась наша политика, начиная с **Александра I**, выполнено лишь наполовину. Твёрдой ногой мы стали у границ Афганистана и на Памире, но остановиться на этом – значит, сознаться в бессилии, значит, отказаться от выполнения своей исторической миссии.

Пройдут ещё десятилетия, века быть может, но рано или поздно снежные вершины Гималаев и бесконечные равнины Индостана огласятся грохотом пушек. Заблестят русские штыки у стен царственного Бендереса.

Это знают англичане. Давно уж им мерещится грозный призрак русского нашествия на Индию, и вся политика Ан-

глии по отношению к России испокон веков зиждется исключительно на ненависти и коварстве.

Из южноафриканской войны Англия извлекла много ценных указаний. Она теперь знает, что при настоящих условиях комплектования, организации и обучения своих войск ей не выдержать борьбы с армией континентальной державы. А в случае вооружённого столкновения с Россией в Азии, когда гордость и надежда английского народа – флот, будет играть лишь незначительную роль, единственное спасение её заключается в создании новой армии, способной противостоять напору русских. По опыту англо-бурской войны можно судить, будет ли современная английская армия в состоянии дать отпор хотя бы налету иррегулярной туземной конницы, которую, по мысли **Скобелева**, *Sous la banniere du sang et de l'incendie* (под знаменем крови и пожара) следует бросить на Индию в виде авангарда.

Самой радикальной мерой в деле реорганизации армии, – конечно, введение обязательной воинской повинности в том виде, в каком она существует во всех почти европейских государствах. Об этом твердили с министерских трибун **Воль-селей**, **Бродрик** и другие, этого добивается рифмованными воплями мистер **Киплинг**.

Общеобязательная воинская повинность никогда не будет принята в Англии. Этому препятствуют два обстоятельства. Во-первых, правительство не решится подвести высшие классы государства под общий закон. Ни в одном из государств родовая и денежная аристократия не пользуется таким значением, как в Англии. Наследственные пэры³⁷⁴ и биржевые воротилы, изображающие собой третью сословие, вершат бесконтрольно все дела Великобритании, внутренние и внешние. Закостеневшие в самом тупом консерватизме члены парламента, как палаты господ (lordов), так и палаты общин, поголовно восстанут против общей воинской повинности не только из эгоизма и личных расчётов, а потому что им хорошо известно, что их рабочие не особенно расположены умирать ради процветания английской знати, для охранения её преимуществ и доходов.

Наконец, пребывание в рядах армии поголовно всего рабочего пролетариата не особенно благодетельно отразится на физических качествах её личного состава. Английское правительство прекрасно знает, что мануфактурная страна, какой по преимуществу является Англия, никогда не будет военной страной наподобие Франции, Германии и России. В английском рабочем, жалком продукте капиталистического строя государства, нет, прежде всего, военного духа и он настолько физически ослаблен своей работой, что из него не может выработаться хороший солдат.

Промышленность оказала гибельное влияние на англосаксонскую расу за последние 60 лет. Разработанный в совершенстве принцип разделения труда сделал из рабочего машину, постоянно исполняющую одну и ту же работу, причём упражняется только одна какая-нибудь группа мускулов, результатом чего является атрофия остальных частей тела, наконец, атрофия его умственных способностей, в которых он перестает нуждаться, как и всякая машина. А население промышленных округов в данное время составляет чуть ли не более половины всего населения Англии, принимая во внимание прогрессивный рост фабричной промышленности в ущерб земледелию и наплыv сельского населения в фабричные центры.

При ныне существующей вербовочной системе довольствовались, если из 10 рекрут 2–3 могли считаться годными в строй.

В земледельческих же округах процент годных к военной службе всегда был вдвое выше.

Но это было в доброе старое время, до злосчастной войны, и кряхтят английские вербовочные агенты, шныряя по самым отчаянным трущобам не только Лондона, Гулля, Дублина, Бирмингема, но и по матросским и рабочим кварталам Гавра, Антверпена, Брюсселя, Мессины³⁷⁵ и так далее.

Пожалуйте, милорды³⁷⁶! Вот вам денежки и на пароход; нам бы только расписочку, а там вы свободно хоть к бурям перейдёте!

Новый способ, не лишённый оригинальности и заманчивости, чтобы попасть в ряды доблестных буров³⁷⁷.

Довольно чётко **Августус** описывал и отношение африканеров к иностранным добровольцам:

Почти с каждым поездом прибывали в Преторию новые волонтёры.

Теперь, по-видимому, трансваальское правительство относилось к ним с большим вниманием и любезностью, чем в начале войны, когда по отношению к ним не церемонились и почтенные бургеры смотрели на них свысока, с оттенком пренебрежительного добродушия.

Со своей точки зрения буры были, конечно, вправе относиться недоверчиво к разношерстному сброду, наводнившему все гостиницы и *boarding-house* (ночлежные дома) Претории и предлагавшему безвозмездно свои услуги в качестве самозваных Спасителей.

Несложная психология простого бура никак не могла решить этой непосильной для него загадки, каким образом совершенно чужие и по облику и по языку люди, не имеющие в Трансваале ни ферм, ни коров, ни баранов, приплыли к нему из-за моря далёкого и лезут в бой на смерть.

Ещё там, на Тугеле, меня часто спрашивали: зачем ты приехал? Не нужно нам *uitlander'ов* учителей: мы и сами с англичанами справимся.

На этот случай я смиренно отвечал стереотипной фразой: не учить вас приехал, а сам хочу у вас поучиться!

Улыбнется бур во всю физиономию бородатую и протягивает широкую заскорузлую лапу: *Bei good, jong! Alla krachta!* (В добрый путь, молодой!) (Всяческих сил!) (Чёрт подери!)

И все те волонтёры, которые рассуждали подобно мне, заслужили уважение трансваальского народа. Таких было немало. До последнего человека погиб *Scandinavische Corps* [потерял половину своего состава], составленный из шведов, датчан, норвежцев под Граспаном, встретив штыковую атаку

англичан ружейными прикладами и револьверами. Героями дрались немцы майора [полковника] **Шиля** под Эландслаагте [перепились и не смогли организовать серьёзное сопротивление], застигнутые врасплох лансерами **Френча**. В числе прочих волонтёров погиб и граф **Цеппелин**, бывший прусский кавалерийский офицер. Повеса и кутила, тип офицера, о котором начальство и пишет в аттестациях: в мирное время нетерпим, а в военное неприменим, его исключили со службы и вот он очутился в рядах немецких волонтёров. В день боя при Эландслаагте раненого пулей **Цеппелина** окружили лансеры и английский офицер предложил ему сдаться. Удар хлыстом по лицу торжествующего победителя, был ответом графа; в следующее мгновение десяток пик пронзили его тело³⁷⁸.

Почётную боевую репутацию заслужил и Крюгерсдорпский дистрикт, на долю которого выпала оборона Тугелы у Колензо. Европейским волонтёрам, вошедшим в состав его, довольно было заявить, что они подчинялись фельдкорнету **фан Вейку**, и на них смотрели уже другими глазами...

Kruggersdorpche manschaften, Лейхтенбергский дистрикт, а впоследствии и Йоханнесбургская конная полиция, пользовались у буров такой же популярностью, как некогда 32 demibrigade в великой армии. И европейцы, попадавшие случайно в тот или другой из этих прославившихся отрядов, постепенно выработались из дилетантов-любителей в настоящих воинов-партизанов, стряхнули инструкторские замашки, душа в душу сжились с бурами, хотя суровыми и неприветливыми с виду, оценили их и, в свою очередь, были оценены и обласканы ими.

Результатом иного отношения к волонтёрам-иностранным было, между прочим, распоряжение правительства о представлении им в виде награды прав гражданства Трансваальской республики. **Крюгер** сообразил, наконец, что волонтёры, сражавшиеся с оружием в руках за свободу и независимость Трансваала, не те uitlander'ы-эксплуататоры, купцы и проходимцы, наводнившие страну после открытия золотых россыпей, которые, собственно, и накликнули всю беду, и предложил фольксраату законопроект, по которому каждому во-

лонтёру, давшему клятвенное обязательство перед фельдкорнетом своего дистрикта или ландстаростой Претории (ландстарост – соответствует городскому магистрату), даровалось право гражданства свободной республики.

Гражданин республики с правом голоса, выбора, с земельным наделом, как это звучало заманчиво, особенно в случае благополучного исхода войны. Полноправный гражданин независимой республики, да ещё Южно-Африканской!

Соратники мои во время пребывания в Претории, воспользовались предложением правительства; отыскали канцелярию Преторийского ландстароста и выполнили все необходимые формальности. Одним взмахом пера они оказались обладателями того рокового Stemmrecht (право голоса), которого **Чемберлен** добивался ещё с 1895 г. и которое послужило предлогом войны.

– Что же вы? – приставал ко мне **Диатроптов**, уже позабывший неожиданную встречу с тайным политическим агентом и принявший прежний беззаботный вид *libre penseur'a*: (свободного мыслителя), что же вы в самом деле размышляете? Помилуйте, звание независимого бюргера, республиканца! И голосовать можно, и в парламент попасть как-нибудь, и даже свою кандидатуру поставить!

– Разве что в президенты можно попасть со временем, – размышлял я, – нет, достаточно той присяги, что я дал тогда **Souza** в парламенте; то была присяга солдатская, от той, собираясь сражаться за буров, совестно было отказаться, а теперь дело иное – делаться гражданином Трансваальской республики, это значило отказаться, забыть навсегда всё то, что связывает меня с далёкой родиной.

Здесь, под знойным небом чужой страны, мне улыбается новая жизнь; я здесь в самом разгаре борьбы, грозной и увлекательно страшной; отряхнуть от себя всё, ринуться, очертя голову, в этот водоворот людских страстей, злобы и отчаяния... Только смелыми Бог владеет!

Мне вспомнился тёплый майский день, тихий шелест истлевшего в боях полкового знамени и гул сотни голосов, повторя-

Генерал **Кольбе** и подполковник **Максимов** (сидит)

ряющих за священником слова старинной Петровской присяги. Морским путём... и сухим путём, в осадах и баталиях... верно, не лицемерно... не щадя живота своего... как расторопному... храброму воину надлежит.

Мне вспомнилось заброшенное кладбище. Вокруг развалившейся ограды теснятся вековые сосны, в высокой траве трещат кузнечики, ласкающее дуновение ветра меня обдает медовыми запахами гречихи и одуряющим ароматом багуна. Нет, не променяю я сыпучие пески и леса родины, где лежат кости моих дедов и прадедов, на горы и олеандровые рощи Трансваала³⁷⁹.

Российский офицер подробно рассказал и о своих соотечественниках, и о зарубежных волонтёрах:

...Только перед самым отъездом нашим из Претории стало известно, что если полковнику **Максимову** не удастся осуществить задуманный им план здесь, то он намерен приехать в Гленко и там в последний раз поднять вопрос о выборе его или **Ганецкого** начальником Русского отряда, предоставив нам таким образом достаточный срок, чтобы одуматься. Мы стали торопиться с отъездом. Пора было распроститься с табльдотами гостиницы, надоели обеды по раскладке, надоели прилизанные кёльнеры, надоели красноносые, бритые физиономии обедающих с нами джентльменов; вообще, мы себя чувствовали здесь не в своей тарелке. Поскорей бы отсюда, где на каждом шагу приходилось сталкиваться с подрядчиками, агентами, комиссионерами и прочими любителями приятного спорта в мутной воде рыбу ловить. Недурно себя чувствовали здесь только те из волонтёров, которые или лечили своё расстроенное от ран и болезней здоровье, или формировавшие отряды. Мне врезались в память некоторые из этих типов. Один из них, голландец **Jonkheer van der Nier** ежедневно помещал в «Volksstem», печатавшиеся на казённый счёт конечно, объявления с пламенным воззванием ко всем иностранцам-волонтёрам собраться в Union-Club для сфор-

мирования отряда, со скромностью истинного героя предлагая себя в начальники.

Другой, с гордостью должен признать его соотечественником, дошёл в своей скромности до того, что прямо заявлял о неспособности больше сражаться как опасно контуженный в бок осколком лиддитной бомбы. Капитан **Копейкин** (намёк на Гоголевский персонаж. – *Прим. авт.-сост.*) этот, бывший некогда украшением и гордостью одного из наших пехотных резервных полков, любезно показывал всем желающим эту боевую реликвию. Но роковая пробоина в лиху надетой на бекрень шляпе наводила на несколько неуместную мысль, что ведь и черепу следовало бы хоть до некоторой степени пострадать. Герой, не смущаясь, объяснял это недоразумение рассуждением о своеобразной, ещё мало исследованной траектории английских пуль **дум-дум** и, чтобы окончательно замять этот малоинтересный разговор, предлагал составить маленький штоссик (штосс или стосс – название азартной карточной игры. – *Прим. авт.-сост.*). Появлялись знакомые колоды карт с печатью воспитательного дома: бита дана – на перепэ! – углом! – звон шиллингов, шуршание засаленных фунтовых бумажек – мелькали валеты, бубны, тройки, у игроков разгорались глаза, дрожали пальцы, банки всё росли и росли, утраивались, закладывались новые.

Здесь, в душной комнате boarhing-house'a, уставленной экзотическими цветами, милый хозяин предоставлял нам возможность вновь переживать те захватывающие, страшные и неизмеримо вместе с тем сладостные ощущения азартной игры, которой мы неуклонно предавались каждого 20 в полковом собрании.

Впрочем, при нас карточная игра у гостеприимного **Арнольдова** носила, скорее, характер невинного времяпрепровождения; да с нас-то, оборванных крюгерсдорпцев, и взятки были гладки; уже впоследствии, когда приехали в Преторию новые титулованные волонтёры граф **Бобринский**, граф **Комаровский** и корнет **Б-ский (Бискупский)**, и в числе поклонников храброго **Арнольдова** появились евреи-комиссионеры

с того набитыми бумажниками, игра приняла более благородные и грандиозные размеры; а в конце концов вместе с разгромом Трансваальской Республики, разразилась катастрофа и над банкомётом в простреленной шляпе полетели подсвечники, загрохотали столы и стулья, и последний акт этой эпопеи разыгрался уже в полицейском участке Лоренсум-Маркеша.

Лейтенант конных стрелков **Г-но (Галопо)**, достойный представитель дружественной нам Франции, тоже оседло устроился в уютно и со вкусом меблированном номере Grand Hotel. Я ежедневно имел удовольствие видеть его мужественную фигуру, когда он, звеня шпорами, входил в общую залу. Хочешь быть красивым – поступай в гусары, – вспомнил я велемудрого **Пруткова**³⁸⁰ но откровенно говоря, не столько осанистый вид **Г-но**, в профиль сильно напоминающего карикатуры на **Поля Дерулема**, привлекал моё внимание, сколько его подруга жизни, француженка, быстроглазая, напудренная, в громадной шляпе с победно развивающимися перьями. Каким образом эта гризетка с парижских бульваров очутилась *chez les vaillants boers?* (У этих храбрых буров?)

Она во время обеда обыкновенно сидела недалеко от моего столика; я слышал шуршание её шёлковых юбок, я вдыхал раздражающий запах её духов, я старался уловить томный взгляд её очей в те редкие минуты, когда она переводила их с меня на окружающих – куски бифштекса застревали у меня в горле, когда она, вскинув длинные, подкрашенные ресницы, с каким-то недоумением останавливалась на мне свой взор, как бы угадывая, что я целых два месяца был лишён женского общества, кроме случайно встречавшихся коз и антилоп – и это при мясной пище, при суровой жизни наездника-воина!

Ряд этих эскизов, наглядно рисующих мирную жизнь волонтёров вдали от поля брани, я закончу одним наброском. В числе агентов иностранных держав (на стороне буров были военные агенты России, Франции, Голландии, Швеции и Соединённых Штатов) был и французский капитан Генерального штаба **Деманж**, который захватил с собой ординар-

ца, brigadier гусарского полка. Сам **Деманж** уехал в Оранжевую Республику к фронту, а вестового своего оставил в Претории. Бравый гусар воспользовался отсутствием офицера, чтобы обрядиться в привезённую им полную форму *tenue de parade* (парадную) – в алые панталоны, небесно-голубой доломан³⁸¹, расшитый чёрными шнурами и украшенный золотыми унтер-офицерскими галунами, прицепил саблю, и в таком виде стал прогуливаться по улицам и садам Претории.

Я в первый раз увидел его в здании парламента, где я должен был получать какие-то order'ы для отряда; вокруг молодцеватого гусара столпились седобородые буры, чиновники министерства, и жадно ловили ломаную немецкую речь французского военного атташе: «Капитана я послал во Фрейштат, скоро получу от него отчёт, тогда и дам знать по кабелю президенту нашему; а вы пока что старайтесь, не унывайте – Франция не выдаст вас!»

Я не утерпел, протиснулся к гусару и довольно бесцеремонно хлопнул его по плечу: *Dites donc, mon brave, vous etes de Gascogne, sans doute?* (Скажите мне, мой бравый (храбрец), вы, без сомнения, гасконец?) – перебил я самозванного attaché militaire (военного атташе).

Бравый гусар не растерялся, с неподражаемым aplomb отвёл мою руку и с любезнейшей улыбкой заявил, что через полчаса будет рад со мной побеседовать, а теперь у него *des affaires tres importantes* (очень важные дела). Буры же казались крайне возмущёнными моей бес tactностью и фамильярным обращением с официальным представителем Франции.

Мне рассказывали потом, что расторопный бригадир сумел не только убедить почтенных бургевров в своей политической миссии, но и покорить сердце одной из городских красавиц; познакомиться, сделать предложение и получить согласие польщённых родителей было делом двух-трёх дней. Но вот грянул гром: в Преторию внезапно вернулся капитан **Деманж**, которому ещё в дороге сообщили, что в Трансвааль приехал какой-то новый французский военный агент. Со

страхом и трепетом явился гусар-повеса своему начальнику, получил должное возмездие и, тяжко вздыхая о том, что счастье было так возможно, уложил аккуратно алые рейтзузы и голубой доломан обратно в сундук. Задуманный брак, конечно, расстроился, родители рассвирепели, узнав, что блестящий French officier ни кто иной, как заведывающий багажом капитана **Деманжа**. А голубоглазая бурка почти лишилась чувств, встретив случайно своего возлюбленного и увидев на нём вместо красных рейтзуз и расшитого кепи самые вульгарные панталоны и соломенную шляпу. Развели руками и разинули рты и те чиновники правительства, которые за несколько дней до этого и не знали, как усадить, да как говорить со столь важной особой.

Этот эпизод носил в общем-то безобидный водевильный характер. Более сильное разочарование постигло буров. В Преторию проникло известие, что один из государей Европы, на которого буры ещё с самого начала войны возлагали самые пламенные надежды, император **Вильгельм**, послал королеве **Виктории** прочувствованную поздравительную телеграмму по случаю последних побед английского оружия, пленения **Кронье** и освобождения Ледисмита. Его примеру немедленно последовал повелитель Португалии³⁸² и король Итальянский³⁸³. Лондонская пресса неистово ликовала по этому поводу: теперь выяснилось, что симпатии всего мира на стороне народа, не останавливающего ни перед какими жертвами, чтобы просветить некультурных, грязных буров и сделать им доступными все блага прогресса и цивилизации.

А некультурные, грязные буры – к слову сказать, получившие на Парижской выставке 1900 г. большую золотую медаль за рациональную постановку народного образования, – сильно приуныли. У всех ещё в памяти была телеграмма, полученная президентом **Крюгером** в 1896 г. по случаю отражения разбойниччьего «набега Джемсона». (Напомню читателю подробности «набега Джемсона», прелюдии к настоящей южноафриканской войне).

Идея этого пресловутого рейда принадлежала всецело первому министру Капской колонии знаменитому **Сесилю Родсу**, прозванному своими почитателями африканским Наполеоном. Главный акционер Кимберлийских алмазных рудников и директор «Chartered Company» **Сесиль Родс** покорил для Англии, то есть, собственно, для своей «Chartered Company» богатейшую область **Матабеле**, к северу от Трансваала, названную его именем Родезией, ту баснословную страну Офир, где ещё при царе **Соломоне**³⁸⁴ добывалось золото. Оставалось лишь сокрушить неподатливых буров и заветная мечта англичан from Cape to Nil (от Кейптауна до Нила)³⁸⁵ была близка к осуществлению.

С ведома английского правительства, предоставившего ему широкие полномочия, но при условии личной ответственности, **Сесиль Родс** приступил к выполнению остроумно задуманного и детально разработанного плана.

29 декабря 1895 г. из Мафекинга выступил сформированный ещё в Капской колонии отряд из английских отпускных солдат и отпускных же офицеров (полковники 16-го драгунского полка **Грей, Хон, Ковентри**, капитаны **Монро** и **Госдиг**; поручики **Мак-Квен, Буд** и **Хор**). К отряду были приданы 2 орудия (видимо, имеются в виду пулемёты **Максима**. – Прим. авт.-сост.). Начальником считался номинально **Джемсон**, по профессии зубной врач. План действий сводился к следующему: перейдя границу, вторгнуться в Трансвааль, подать сигнал к общему восстанию рабочих-ойтландеров на рудниках Витватерсранда, а затем, вступив в Преторию, арестовать президента **Крюгера**, членов фольксраата, и объявить присоединение Трансваала к Капской колонии. Но смелое предприятие **Джемсона** потерпело полную неудачу – буры успели вовремя собрать значительные вооружённые силы под начальством **Пита Кронье**, окружили англичан около **Клеркдорпа** и после непродолжительной перестрелки заставили их положить оружие.

Характерным во всей этой истории является, между прочим, поведение президента **Крюгера**. Отлично осведомлён-

ный о том, что затевается «набег Джемсона», он, однако же, ничего не предпринял для встречи и отражения разбойников на самой границе. «Дадим зверю вылезть из норы, тогда мы его и накроем», – говорил он своим приближённым. Чтобы предупредить восстание иностранцев в Йоханнесбурге была предпринята следующая мера: для поддержания порядка в городе и на минах (шахтах) из безработчей части пришлого населения само правительство сформировало временную Special Politie (специальную полицейскую стражу), вооружило их карабинами и револьверами и назначило им суточное жалование в размере 1 фунта. Ясно, что при таких условиях английские агенты-подстрекатели не имели никакого успеха среди uitlander'ов, большинство которых, вдобавок, было не английского происхождения и относились совершенно безразлично к тем благам и привилегиям, которыми так великодушно хотел их наградить **Чемберлен**.

Во время суда над главарями шайки **Джемсона**, президенту советовали утвердить приговор суда – смертную казнь через повешение, но он снова ответил фразой, напоминающей библейскую аллегорию: «Если меня укусила собака, то я постараюсь наказать не её, а её хозяина!»

Джемсон со всеми своими соучастниками был только выслан из Трансваала и передан английским властям, которые, для виду, предали их верховному суду Капской колонии. Скандал был слишком велик – английскому правительству пришлось умыть руки и дать ход правосудию: **Сесиля Родса** отрешили от должности первого министра, а **Джемсона** приговорили к 15-месячному фиктивному, конечно, тюремному заключению; офицеры же и нижние чины снова были зачислены в свои полки и приступили к выполнению прямых своих обязанностей, как ни в чём не бывало.

«Набег Джемсона» следует причислить к таким же излюбленным приёмам руководителей английской политики, какими являются захват Гибралтара, бомбардировка Копенгагена в 1809 г., Александрии в 1881 г. и последние подвиги в Кувейте. Только разница та, что в 1896 г. противник перехи-

трил англичан и им для отвода глаз пришлось разыграть комедию суда над своими же агентами.

По поводу удачного отражения Джемсоновской шайки президентом **Крюгером** и была получена телеграмма от императора **Вильгельма**, составленная в самых изысканных выражениях, с уверениями в дружбе и неизменной благосклонности. Немцы пользовались особым благоволением в Трансваале, в день рождения императора **Вильгельма** в главной церкви Претории происходило торжественное богослужение в присутствии президента и членов фольксраата. С первого же дня войны поговаривали, что вооружённое вмешательство Германии является только вопросом времени – и вдруг император вспомнил о родственных узах, связывающих его с королевой **Викторией**, переменил политику и отвернулся от несчастных буров, взиравших на него, как на заступника. Газеты с текстом телеграммы ходили по рукам и везде – в гостиницах, на улицах, в присутственных – местах чтение их производило ошеломляющее впечатление³⁸⁶.

Евгений Августус оставил и небезынтересные записки об отправлении отряда на поле брани:

Наступил, наконец, достопамятный день выступления русского отряда из Претории.

Мы должны были воспользоваться поездом, отходящим вечером по расписанию, с той лишь разницей, что к нему по просьбе **Ганецкого** были прицеплены вагоны для подъёма лошадей и тяжестей отряда. Нужно сказать, что управление и весь состав служащих «Zuid-Afrikanische Spoorweg Maadchapel» (общество Южно-Африканской железной дороги) всё время войны, вплоть до окончательной оккупации страны англичанами, работали в высшей степени самоотверженно и систематично. Этому способствовало, во-первых, то обстоятельство, что симпатии администрации и служащих, почти исключительно голландцев, были всецело на стороне бурского правительства; во-вторых, исправное состояние техничес-

ской и материальной части. Важно, наконец, было и то, что никогда почти не ощущался недостаток в подвижном составе – бурские отряды, отступавшие по линиям железных дорог, Натальской и Фрейштатской, всегда³⁸⁷ увозили вовремя паровозы и вагоны. На станции Претории маневрировали паровозы, носящие название: **Queen Victoria** (Королева **Виктория**), **Prince Albert** (Принц **Альберт**), **Hercules Robinson** (Геркулес **Робинсон**) (захваченные бурами ещё на железнодорожных линиях Капской колонии и Наталя) рядом с паровозами Нидерландской компании: **President Stein** (Президент **Стайн**), **Pretorius** (Преториус – первый президент Южно-Африканской Республики), **Piet Maritz** (Пит Мариз), **Vrijheid** и другие.

Роль администрации Трансваальских железных дорог, принадлежавших частному Нидерландскому акционерному обществу, оказавшему таким образом важные услуги бурскому правительству, послужила впоследствии лорду **Робертсу** желанным предлогом к конфискации железной дороги и объявлении её собственностью английского правительства без всякого вознаграждения.

Нелегко далась нам нагрузка лошадей и имущества. Наши **кафры**-прислужники, работали неохотно, неумело; на содействие железнодорожных служащих нельзя было рассчитывать; самим пришлось накатывать тяжёлые фургоны на платформы и вгонять лошадей и мулов в вагоны. Ужасная возня была в особенности с мулами: эти упрямые животные лягались, брыкались, вырывались на свободу и носились, задравши хвосты, по рельсам станции. Не скоро удалось их согнать и водворить по своим местам.

Наконец, нагрузка была окончена, вагоны прицеплены к поезду и мы вернулись на пассажирскую станцию, где в этот вечер было необычайное стечние народа. Вместе с нами отправлялись к фронту человек двадцать преторийских буров, которым окончился срок их verloof'a (отпуска), и вновь сформированный из ирландцев и голландцев американский отряд. Волонтёры эти, по американскому обычаю, успели изрядно нахлестаться и воодушевиться. Стоявший в буфетной

зале аристон-автомат уже в сотый раз наигрывал «Jankee doodle», (Янки дудль – название американского гимна), но волонтёрам всё было мало, наконец, с жалобным визгом треснул какой-то шпенёк и тогда американцы потребовали новый валик³⁸⁸ с het volkslied (их народной песней). Такого валика не оказалось и растерявшийся буфетчик сунул невзначай другой валик с надписью Rule Britania (Правь, Британия, морями – английский национальный гимн)

– К чёрту! К чёрту! – заревели американцы и злополучный валик разлетелся вдребезги.

Прижавшись к пододу матерей, широко раскрыв свои голубые глазенки, испуганно глядела на них детвора, провожавшая своих отцов. Велика была разница между молчаливыми, сумрачно глядевшими бурами, окружёнными семьёй, детьми, и этими галдевшими, пьяными uitlander'ами волонтёрами. Некоторые из них для пущей важности нацепили неизвестно где добытые кавалерийские сабли; рыжий, косматый мужчина, еле стоявший на ногах, потрясал в воздухе полосатым флагом с белыми звёздочками и тщетно старался затянуть популярную бурскую песню:

Kennt jih det Volk vol Heldenmeeth...(Я помню народ...)

Но никто не вторил ему. Около меня послышались глухие рыдания, судорожные всхлипывания и сдержанный мужской голос. Я обернулся и увидел освещённую электрическим фонарем группу людей. Молодой ещё бур, одетый по городскому, но с патронташем через плечо, старался, видимо, успокоить плачущую женщину. А она припала к нему, спрятала голову ему на грудь и, вздрагивая всем телом, рыдала неудержанно, рыдала навзрыд. Мальчик и девочка, разодетые куклами, степенно стояли немного поодаль и держали – мальчик – винтовку отца, а девочка – баклагу. Дети, видно, не очень печалились отъездом отца; они провожали его уж не в первый раз и теперь ожидали, что отец снова скоро вернётся и привезёт им игрушек – блестящие пули английские – и много, много смешного расскажет. А мать, беременная, не могла, не хотела успокоиться; чувствовало её сердце, что в послед-

ний раз видит она мужа, что не вернётся он больше к ней, а искалеченный вражьей пулей погибнет в далёких Натальских горах. А она останется одна с беззащитными детьми!

Тяжело, невыразимо тяжело стало на душе. Я протолкнулся сквозь толпу кричавшего и галдевшего народа, пьяных волонтёров, носильщиков-кафров, угрюмых буров и очутился на самом конце платформы. Мимо меня, подавая резкие свистки и извергая клубы огненного дыма, медленно пропыхтел паровоз нашего поезда: глухо стукнулись буфера, звякнули скрепы и снова стало всё тихо. Я взглянул вверх. Высоко на небе, над станцией, над городом, над чернеющими вдали горами, сияла полная луна. Неясной серебристой тенью по ней скользили лёгкие тучки. Забелеет, засветится облачко и снова потускнеет и исчезнет в тёмном небе.

И вспомнилось мне, что тот же загадочный холодный свет луны сиял над сказочной Троей, в лучах того же света сверкали каски и мечи легионеров **Александра Великого, Ганибала, Цезаря**; с тем же холодным равнодушием луна глядела на пожары вечного города, на пепелища великих городов древнего мира. С тех пор как стоит свет, к ней доносились стоны и вопли, проклятия и рыдания людей, к ней обращались потухающие взоры умирающих. Возникали могучие царства, созидались великие города – и всё вновь разрушалось, и последние следы славы и величия развеяны в прах. Века проходили за веками, всё необъятное, непостижимое теперь кажется одним мимолётным сновидением, а люди по-прежнему готовы страдать и бороться, и по-прежнему луна озаряет этот мурaveйник людской злобы, тоски и отчаяния. Зачем же жить? Зачем бороться?

– И где же вы попрятались? Совсем нехорошо! Я же вам сказал, что буду на вокзале. Прошу, пожалуйте со мной! И очень вам будет приятно!

– Что? А? **Иссаак Петрович!**

Предо мной стоял почтеннейший **Иссаак Петрович Абрамсон**, тип благодушного и просвещённого еврея, миллиона, с которым я успел познакомиться ещё в январе, в пер-

вый мой приезд в Преторию. Приехал он из России с самоваром, женой и пятнадцатью рублями в кармане, а теперь, после двадцатилетнего пребывания в Трансваале, у него имелись семиэтажные дома и магазины в Йоханнесбурге. К русским волонтёрам он относился как истый патриот своего отечества, о котором он, несмотря на черту оседлости, сохранил самые приятные воспоминания, старался оказывать нам всевозможные услуги и горевал только, что не может нас принять у себя дома в Йоханнесбурге.

Иссаак Петрович подхватил меня фамильярно под руку и мы вошли с ним в одну из станционных комнат. Меня прежде всего ослепил внезапный переход от полумрака к яркому свету электрических лампочек.

— Voyons! Покажите мне вашего волонтёра! — раздался вдруг певучий женский голос.

Если бы внезапно лиддитная бомба разнесла потолок и взорвалась бы с оглушительным треском перед самым моим носом, я, смею думать, не растерялся бы до такой степени, как растерялся тогда. Передо мной стояла пышная дама с задорно смеющимися глазами, с лёгким пушком над верхней губой.

— Мне про вас много рассказывал monsieur **Абрагамсон**. Я желаю с вами познакомиться. Вы снова едете на эту несносную войну?

Я покраснел, побледнел, онемел.

А она продолжала всё говорить, подошла вплотную, скинула с меня вдруг пенсне и засияла звонким хохотом, обнажив ряд белых как жемчуг зубов.

— A, comme c'est drôle (A, как) в бурской шляпе и пенсне! Вы без этих стекляшек лучше! И какие у вас усы маленькие! Да вы совсем ёщё мальчик!

Я сконфужено забормотал что-то такое: Madame... mademoiselle... je dois partir... (Мадам... мадмуазель... я должен уходить)

— Ta, ta, ta! Mon petit pion-pion! (мой малыш!). Ещё полчаса до отхода поезда. Успеете! Tener! (Держите!)

Француженка достала миниатюрные часики и показала мне переделанный в виде брелока бархатный медальон в золотой оправе.

– Узнаёте?

Я узнал. Это был медальон, снятый с убитого офицера после битвы на Спиона скопе.

Бур, обобравший труп, преподнёс потом его мне, а я, все-го несколько дней тому назад растроганный ужином, который **Абрагамсон** устроил мне и товарищам, подарил ему медальон в знак памяти.

– Вы ничего не имеете, кровопийца вы эдакий, что медальон этот теперь у меня?

– Mais.. je suis enchanté (но... я рад), – пролепетал я.

– Аншатнэ, аншантэ! – передразнивала она мой выговор. Садитесь, поболтаем!

Я очутился рядом с ней на клеёнчатом диване станционной комнаты. **Абрагамсон** куда-то исчез. Француженка теперь вполне овладела мной и продолжала болтать без умолку. Я глядел на неё, не находя силы отвести глаз; я позабыл, что меня ждут товарищи, что через минуту-другую должен тронуться поезд. Мне почудилось, что я эту женщину знаю уже давно, что я вижу перед собой воплощение моих неясных грез и сновидений. Зачем она встретилась, зачем она обласкала меня? В звуках её голоса, в изгибах её тела, в чарующей улыбке, в задорном блеске её глаз было что-то опьяняющее, захватывающее всю душу, все помыслы мои.

Она вдруг наклонилась близко-близко ко мне, так, что я почувствовал прикосновения её шелковистых локонов к моему разгоряченному лицу, и проговорила тихим голосом: «Мне жалко вас, бросьте эту гадкую войну! Вы точно школьник, начитавшийся **Майн Рида**. Я не успел ей ответить.

В комнату ворвался запыхавшийся, взъерошенный **Диатроптов**.

– Вот вы где! А мы уж обыскали весь вокзал, посылали за вами в гостиницу. Pardon! (Извините!) – только теперь он заметил даму и галантно расшаркался.

— Вас ждёт **Ганецкий**. Сейчас уходит поезд. Идите же скончай!

Сирена³⁸⁹ догадалась по моему растерянному виду, что меня требуют по делам службы. Она поднялась — и стала прощаться со мной.

— Ну так и быть, поезжайте к своим бурам. Слышите, я вас жду в Йоханнесбурге!

На вокзале на меня набросился **Ганецкий**.

— Господа, это чёрт знает что такое! **Кафры** разбежались, итальянец и **Каплан** сквозь землю провалились, лошадям и мулам нужно задать корму, нет никого, да и вы, наконец, куда-то запропали. У меня просто голова кругом ходит! Что же будет дальше?

Кое-как удалось уладить дело. Явились к отходу поезда **Blanchetti** и **Каплан**, оба порядочно-таки под хмельком и в обществе подозрительного вида друзей.

Разыскали **кафров**, которых разместили на платформе с фургонами. Лошадям и мулам задали корму, высывав в вагоны, прямо на пол, кукурузу. Мы поместились в пассажирских вагонах, в купе I класса, куда втащили сёдла и амуницию. Было тесно, неудобно; в вагоне чад стоял от табачного дыма; американцы осипшими голосами выкрикивали своё hip-hip hurra, прощаясь с публикой; та вторила им тем же рёвом. Машинист подавал свисток за свистком, торопя запоздавших пассажиров; вдобавок к этому наш храбрый драгун **Каплан** затеял драку с пьяным ирландцем в проходе вагона; затрещали сиденья, зазвенели выбитые оконные стекла; всепились друг другу в глотку, они грохнулись об пол и с трудом лишь удалось их разнять и усмирить. Наконец поезд тронулся и загремел по рельсам.

Я забился в тёмный угол вагона и все эти дикие, нестройные звуки долетали до меня, как будто издали, точно неясный далёкий гул морского прибоя.

Я всё ещё был под впечатлением той неожиданной встречи; мне всё ещё мерещилась музыка её голоса, всё ещё чудился её взгляд, полный обещания ласки, неги и блаженства.

– Эй, вы, сладострастное насекомое! Насилу отыскал вас! – послышался голос поручика **Дрейера** и он, шагая через растянувшихся на полу людей, подошёл ко мне.

– Вот вам корзина фруктов, преподнесённая **Абрагамсоном**. Советую не зевать, а то к утру всё сам слопаю. А что, хороша француженка? Вероятно, отставная певица из Парижа из Moulin-Rouge³⁹⁰? Их много в Йоханнесбурге, говорят.

– Не разрушайте моей иллюзии! – взмолился я, отказался от фруктов и снова предался своим мечтаниям³⁹¹.

К сожалению, на этом обрываются воспоминания **Евгения Августуса** о Русском отряде, хотя «Варшавский военный журнал» предполагал напечатать продолжение, но был закрыт и более не выходил. По каким причинам **Августус** не напечатал продолжения в каком-нибудь другом журнале – нам остаётся лишь строить догадки. Вероятнее всего, автор был слишком занят, учась на курсах восточных языков и одновременно готовя к печати меньшую по объёму, чем журнальные публикации, книгу своих одноимённых воспоминаний, которая и до сих пор является одной из наиболее полных мемуаров иностранных добровольцев той поры, или был налицо нажим со стороны многозвёздных начальников – прежних соратников отца **Ганецкого**, и газеты и издательства не приняли его рукопись о действиях Русского отряда. Может быть, что он просто не собрался с духом и поэтому не закончил воспоминания.

Не исключено, что получивший вскоре по возвращении своём в России следующий чин – поручика, **Евгений Августус** решил ограничиться лишь вполне ясными намеками из процитированной выше провинциальной саратовской газеты, статья из которой была перепечатана в «Новом Времени». Или, может быть, он полагал, письма его друга и однополчанина

подпоручика **Леонида Семёновича Покровского** в «Варшавском дневнике» и его приведённые ниже статьи отчасти заполняют этот пробел:

В «Варшавском дневнике» находим известие о судьбе господина **Е. Августуса**, отправившегося в Трансвааль, посылавшего с дороги письма в «Новое Время» и в «Варшавский дневник».

Оказывается, что господин **Августус** с двумя русскими добровольцами был взят в плен в Претории, но, благодаря действию русского военного агента полковника **Стаховича**, освобождён, с разрешением выехать из Южной Африки через Капстадт.

Господин **Августус** и его спутники выехали уже в Европу и в начале августа будут, вероятно, в России (число и номер газеты не известны).

В газете «Варшавский дневник» в мае 1900 г. появилась и краткая заметка о **Леониде Семёновиче Покровском**:

Наш трансваальский корреспондент **Л. Покровский** сообщает, что он сильно контужен лиддитной гранатой в голову и правое ухо; он находится ныне вместе с двумя соотечественниками в итальянском отряде под начальством капитана **Рикарди (Риччиарди)**. Второй наш корреспондент, господин **Августус**, от которого мы уже давно не имеем никаких известий, находился в отряде **Ганецкого**, о смерти которого сообщали недавно английские газеты³⁹².

Приведём и интереснейшую статью **Едрихина** «Маленькая хроника» о штабс-капитане **Александре Николаевиче Шульженко**:

Я получил из Претории от одного постоянно живущего там уитландера письмо, в котором, между прочим, вот что

говорится о нашем соотечественнике **А.Н. Шульженко**, одного из первых отправившихся в Трансвааль.

При этом сообщу вам весьма интересные сведения о вашем спутнике господине **Шульженко**. Я недавно имел искреннее удовольствие видеть его здесь, в Претории. Он произвёл на меня неизгладимое впечатление. Ещё и теперь стоит он у меня перед глазами: исхудалый, загорелый, покрытый грязью и заросший волосами. На нечесаной, должно быть, месяцами немытой голове была надета шляпа, до того помятая и истрёпанная, что при нужде она могла бы сойти за носовой платок. На груди виднелась до неузнаваемости заношенная фланелевая рубашка; поверх неё – жилет и сюртук, которые могли бы быть очень тёплыми, если бы грязь обладала свойством согревать тело. Подпоясанные ремнем грубые крестьянские брюки, вполне соответствующие костюму ботинки, патронташ через плечо и **Маузер** в руке – вот полная внешность интеллигентного человека, появление которого в своём прежнем кругу могло бы произвести переполох. Здесь все, кто не знает господина **Шульженко**, принимают его за настоящего бура, но у тех, кто хотя бы немного был знаком с ним ранее, он вызывает к себе смешанное чувство удивления и сожаления. Если бы все буры были воодушевлены таким мужеством, как он, мы (ойтландеры), может быть, никогда не имели бы удовольствия видеть здесь английский флаг.

Но один – что он мог сделать? Ему не оставалось ничего иного, как двигаться вслед за отступавшими. Я видел его здесь 31 мая. Перед этим он провёл всю ночь в седле и теперь, после нескольких часов отдыха, должен был снова оставить Преторию, так как англичане готовились овладеть городом.

4 июня в 11 часов утра началось слабое постреливание южного форта, расположенного недалеко от железнодорожной станции, и с большими промежутками продолжалось до заката солнца. На следующее утро англичане вошли в Преторию. Отступление буров прикрывалось командой разведчиков под командой **Терона (Theron)**, в составе которой был и господин **Шульженко**. Ещё накануне отдано было прика-

зание очистить город. Я пробовал было уговорить господина **Шульженко** оставаться в Претории и прекратить этот ужасный образ жизни, но он ничего не ответил мне и только на прощание кивнул головой. В тёмную и холодную ночь он, как был, двинулся в числе последних к Лейденбургу.

А.Н. Шульженко, бывший штабс-капитан Керченской минной роты, это ещё молодой 30-летний красавец-мужчина высокого роста и атлетического сложения.

Вместе с выдающимися физическими качествами природа наделила **А.Н. Шульженко** недюжинным умом и характером. Он получил хорошее школьное образование, прекрасно окончив Бакинское реальное училище и московские военно-училищные курсы, прошёл затем курс офицерской электротехнической школы, одновременно изучая в Санкт-Петербургском университете под руководством профессора **Иностранцева** страстно любимую им геологию. В одно и то же время он электротехник, ботаник, машинист, астроном, инженер, минёр, химик и отличный строевой офицер. По своему же характеру и наклонностям – это **Миклухо-Маклай**³⁹³. За свою краткую службу он успел побывать во всех концах европейской России, плавал по Чёрному и Каспийскому морям, устраивал минные заграждения на Висле, укреплял Черноморское побережье, частью пешком, частью верхом прошёл всю Сибирь, побывал на Камчатке, в Китае, Японии. Слишком крупный для рамок служебной карьеры, он метался во все стороны, ища живого дела. Исследовав рыбные промыслы на Охотском море и заметив, каким страшным хищением подвергаются родные богатства со стороны американских бандитов, он спешит в Петербург, хлопочет о разрешении устройства русских факторий, но не встретив сочувствия, вынужден бросить дело. Тогда он идёт искать золото в Манчжурию, дерется с хунхузами, начинает торговлю, служит машинистом на заводе.

В Трансвааль он отправился, чтобы изучить народную войну и присмотреться к работам на золотых приисках.

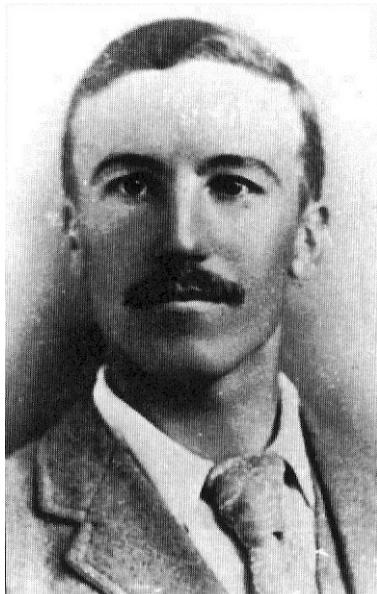
А. Вандам³⁹⁴.

Приведём письма русских добровольцев подпоручиков князя **Михаила Енгальчева** и **Ивана Никитина**:

*Фельетон
По пути в Трансвааль
Письмо русских
добровольцев
(Корреспонденция
«Тифлисского Листка»)
Отъезд из Тифлиса – Батум
– Александрия – Отношение Турецких властей – Секвестр³⁹⁵
револьвера египтянами – Порт-Саид.*

В англо-трансваальской войне буры пользуются общим сочувствием, которое выражается довольно значительным числом поступивших и поступающих в их ряды волонтёров. К числу последних принадлежим и мы – два русских офицера, ещё недавно служивших, как вам известно, в одном из полков Тифлисского гарнизона, но оставившие службу и выехавшие в Трансвааль в помощь к бурам и с желанием применить на деле те знания, которые нами приобретены на военной службе. Мы отправились в Южную Африку не путешествовать, почему сообщая свои дорожные впечатления, не имеем в виду вдаваться в подробности описания тех стран и народов, которые встретились нам на пути.

Из Тифлиса в Батум мы выехали 8 января настоящего года и только теперь, через два с половиной месяца, добрались до Претории. (Письмо это не имеет даты, но в Тиф-

Бурский командант (полковник) Дани Терон – один из наиболее заслуженно известных героев англо-бурской войны

лисе получено 20 сего мая). Но будем говорить по-порядку. Батум – город незначительный и хорошо всем вам знакомый. Понятно, что писать о нём что-либо мы не будем. Скажем только, между прочим, что те из батумцев, с которыми нам пришлось столкнуться, не произвели, к сожалению, на нас благоприятного впечатления. Здесь мы по неопытности едва не сделались жертвой обмана сначала со стороны кассира, продающего билеты в конторке итальянского пароходного общества, а затем – со стороны одного менялы при обмене русских денег на иностранные: первый из них, находясь в стачке с каким-то маклером³⁹⁶, которого мы не видели даже в глаза, – не то что вздумали бы приглашать его для устройства наших дел, – вознамерился было получить с нас лишнее при продаже билетов, а второй – просто-напросто покушался обсчитать нас, пользуясь нашим плохим знакомством с иностранными деньгами. Говорим это из желания оградить на будущее время таких же неопытных и малосведущих путешественников, как и мы, от посягательств на их карманы разного рода менялами и маклерами.

На другой день по прибытии в Батум, мы на итальянском пароходе «**Simeto Palermo**» выехали в Константинополь. Приобретение билетов, обмен денег, предъявление паспортов отняло у нас так много времени, что мы совершенно упустили из виду визировать наши паспорта у турецкого консула, а предъявили их лишь в полицейское управление и в таможню, вследствие чего нам, как не имеющим в паспортах пометки консула, да при том ещё бывшим русским офицерам, турецкие власти не разрешили высаживаться в некоторых городах. Строгости эти, как говорят, увеличились со времени бывших в Турции армянских беспорядков.

Пароход, на который мы сели в Батуме, шёл в Константинополь круговым рейсом и на пути останавливался в городах Трапезунде, Самсуне и Керзуне, благодаря чему мы плыли до Константинополя не трое с половиной суток, как предполагали, а целую неделю. Из этих городов более дру-

гих нам понравился красиво раскинувшийся по скалам покрытых лесом гор – Трапезунд, где и нас каким-то чудом пропустили в город. Здесь мы посетили французскую миссию, преследующую религиозные цели, для чего она имеет здесь школу, в которой все предметы преподаются на французском языке. Константинополь производит впечатление большого и красивого города; в особенности красива та часть города, которая расположена на проливе. Но это только издали, с парохода. Когда же мы сошли на берег, то нам представились улицы до того узкие, кривые и грязные, что по ним с трудом можно не только проезжать, но даже проходить. Здесь мы осмотрели музей янычар³⁹⁷, бывший Софийский собор, дворец султана, византийские памятники и некоторые другие достопримечательности. Жизнь в Константинополе так дорога, что мы с нашими ограниченными капиталами не могли оставаться в нём более суток и поневоле покинули его, не имея возможности осмотреть не только весь город, но даже главных и лучших его частей. От Константинополя до Александрии мы плыли на русском пароходе «Чихарев». Пробыли в пути пять суток и заходили в Пирей и город Смирну. В этих пунктах, вследствие непродолжительных остановок парохода, мы на берег не сходили. В Александрии, в ожидании другого русского парохода «Лазарев», на который мы должны были пересесть, мы прожили трое суток. Александрия, хотя и небольшой, но очень красивый и чистенький городок. Здесь у одного из нас при осмотре на таможне, под видом контрабанды, конфисковали револьвер³⁹⁸, который был, во-первых, подержанный, а во-вторых, лежал не среди вещей, а в кармане, служа для личного пользования владельца в видах самообороны в пути. Почему признали этот револьвер контрабандой арабские таможенные офицеры и солдаты, чувствующие себя за английской спиной вполне правыми и стоящими на законной почве, мы не могли понять, объяснив себе это простой придиркой, мы подняли такой переполох, что русский консул немедленно сделал всё зависящее от него,

чтобы возвратить нам неправильно отобранный у нас револьвер. Из Александрии в Порт-Саид, как уже было сказано, мы должны были ехать на пароходе «**Лазарев**». Но както так случилось, что на этот пароход мы опоздали и сели на другой. В Порт-Саиде, желая разменять наши деньги на французские, мы отправились во французский банк в полной уверенности, что в банке не обманут, но оказалось, что батумский менял, в сравнении с Порт-саидским банком, был честнейшим человеком, потому что на каждую сотню рублей он брал ровно в четыре раза меньше барыша, чем Порт-саидский банк. И здесь дело не обошлось без содействия нашего консула. Кстати, не мешает сказать несколько слов и о наших консулах. Дело в том, что русскому человеку, плохо владеющему иностранными языками или, что еще чаще бывает, совсем с ними незнакомому, нельзя за границей, как говорится, нигде показать носа, потому что в случае какого-либо недоразумения с властями или какого-либо несчастья с ним, у него нет ни защитника, ни покровителя, так как русский консул, к которому в подобных случаях обращаются, непременно – иностранец, не говорящий ни слова по-русски и не понимающий: чего хотят от него какие-то неведомые ему люди. Поездом от Батума до Претории мы посетили много русских консулов и между ними встретили только одного русского; все остальные – иностранцы, не владеющие русским языком. Факт, конечно, прискорбный. В Порт-Саиде мы пробыли один день. Это маленький, но очень чистенький городок. Тут обращает на себя внимание поставленная на скале, у моря, бронзовая статуя создателя Суэцкого канала – знаменитого **Лессепса**. Стоит **Лессепс**, повернувши голову на канал, и в руке держит план его

Ваня и Миша (Иван Никитин и Михаил Енгалычев)
 (Продолжение следует)³⁹⁹.

Последующее письмо подпоручиков **Никитина** и **Енгалычева** еще более любопытно:

Фельетон

По пути в Трансвааль

Письмо русских добровольцев.

У русского консула – Отъезд в Аден и выезд на контрабандном парусном судне – 20 дней в Джибути – Гастрономический вкус акул – Лоренсу-Маркеше, встреча с французскими добровольцами – Претория, Крюгер, наша присяга – Русский отряд волонтёров и его служба.

Из Порт-Саида мы, помимо нашего желания, принуждены были взять билеты до Адена, так как не было ни одного парохода, который шёл бы дальше на юг. Аден – английский город, а потому нам не хотелось высаживаться в нём, чтобы не открывать до некоторой степени своих намерений, и опасения наши отчасти не были напрасны, так как, когда по приезде в Аден мы обратились в пароходное общество за билетами на пароход, идущий на юг Африки, то нам сказали, что билеты будут выданы лишь в том случае, если мы получим от полиции удостоверение на свободный пропуск. Идти же в полицию за разрешением значило – предъявить свои паспорта, из которых видно, что мы – бывшие офицеры и едем в Лоренсу-Маркеше, а этих соображений было бы достаточно, чтобы заподозрить в нас волонтёров, а потому, не последовав предложению пароходного общества, мы попробовали попытать счастья у русского консула, но такого там не оказалось, а его заменял французский. Консул внимательно выслушал нашу просьбу и, видимо, не желая навлечь на себя какого-либо неудовольствия со стороны английских властей, куда-то ушёл и больше не показывался. Нам ничего не оставалось, как придумать какой-нибудь способ, чтобы выехать из Адена. И вот, по здравом размышлении, мы решили бежать из негостеприимного места. Приискали хозяина одного парусного судна – араба, который согласился за небольшое вознаграждение, без всяких разрешений от полиции, перевезти нас до французского протектората Джибути. Но когда мы перевезли свои вещи на судно и водворились там сами, тогда только поняли, куда мы попали. Зверское выражение

25-ти лиц полунагих чернокожих, сидевших в барке, их смелые и наглые взоры, глубокие шрамы от ран на теле и на лице, недостающие отрубленные пальцы на ногах и руках, ясно говорили, кто эти люди и чем они промышляют. Вот в такой-то компании контрабандистов-разбойников нам пришлось чуть ли не в ладье пуститься в открытое море, проплававши вместо 18 часов, в продолжение которых они должны были доставить нас в Джибути, целых двое суток, ежеминутно опасаясь не только за последние свои гроши, но и за саму жизнь. Что мы попали к контрабандистам, это обнаружилось при самом выезде из Адена, где нас нагнали солдаты пограничной стражи и требовали, чтобы барка вернулась назад, но владелец её каким-то образом обманул их и улизнул; при дальнейшем же плавании он избегал встречи с пароходами и садился обыкновенно в таких случаях вместо рулевого сам и далеко обходил встретившийся пароход. Не раз мы выходили из терпения за такие проделки капитана нашего корабля и решали первыми объявить ему войну, но сдерживались, сознавая своё бессилие против его команды, вооружённой большими пистолетами и ножами. По приезде в Джибути мы были поражены неприятной вестью. Оказалось, что нам в ожидании парохода придётся просидеть там двадцать суток, так как, кроме французских пароходов, другие заходят туда очень редко, а очередной французский только что недавно проследовал. Делать нечего! Мы поселились у одного итальянского еврея и стали терпеливо ожидать парохода.

Купаясь ежедневно в море и собирая на берегу редкие и красивые раковины, мы с тоской бросали взоры на море в надежде, что пароход, который должен будет нас взять, придёт в Джибути раньше срока. Но, увы! – он раньше срока не пришел, и мы отсидели положенные нам 20 суток сполна. Здесь нам сказали, что купаясь, далеко в море уходить нельзя, так как бывали случаи, что акулы хватали неосторожных пловцов. Мы не придавали этому особенного значения и продолжали плавать довольно далеко от берега, беря пример с чернокожих, которые глубоко ныряли и плавали в открытом

море, но нам объяснили, что чернокожих почему-то рыбы не трогают, доказательством чего служит то обстоятельство, что близ скалистых берегов Адена, где масса акул, проезжающие европейцы, ради потехи, бросают с пароходов мелкую медную и серебряную монету, и чернокожие, бросаясь со своих шлюпок, ныряют и достают монеты со дна моря, никакого не опасаясь быть схваченными акулами. Говорят также, что когда белому надо спустится для починки парохода под водой, то он сам предварительно вымазывается салом, а сверху сажей. Не следует ли заключить из этого, что у чернокожих с акулами большая дружба, или последние большие гастронымы и предпочитают белое мясо европейцев чёрному африканцев. От Джибути до Лоренсу-Маркеше мы плыли 16 дней и по дороге заходили во французскую колонию Диего-Конарсо на Мадагаскаре и в португальские Мозамбик и Бейру.

С нами ехали 40 человек французов-добровольцев, из них шесть человек офицеров, а остальные – запасные артиллеристы, всё это народ благородный и общительный. В Лоренсу-Маркеше мы испытали страшные стеснения, к тому же мы истратили все деньги. Спасибо, французы помогли добраться до границы Трансваала, а дальнейший путь до Претории мы проехали бесплатно как добровольцы.

В Претории нас встретили очень любезно; отвели нам роскошный номер в лучшем отеле, очень хорошо нас кормили и не брали за это с нас ни копейки, хотя жизнь в этом отеле стоит одному человеку в сутки 15 шиллингов, что на наши деньги равняется 7 рублям 50 копейками. На другой день по приезде в Преторию мы представились президенту **Крюгеру**, присягнули в том, что мы обязываемся защищать республику от вторжения в неё врагов и, вообще, блюсти её интересы, в чём бы они ни выражались. После присяги нам выдали лошадей, вооружение и зачислили нас в Русский отряд волонтеров. На обязанности нашего отряда лежит самая трудная и рискованная, но в то же время очень интересная разведочная служба, то есть собирание сведений о противнике, где он в данную минуту расположен, в каких силах, какие его

намерения и так далее. Словом, буквально по целым суткам не сходим с коней и каждую минуту подвергаемся опасности быть или убитыми из засады, или попасть в плен, так как мы всегда находимся далеко впереди главных сил буров и при-нуждены как можно ближе подбираться к англичанам, чтобы лучше высмотреть и доставить точные и верные сведения о противнике. Нам уже несколько раз на разведках пришлось быть в перестрелках с англичанами, но пока, слава Богу, все мы невредимы. Отряд наш очень маленький, всего тридцать человек, но для той цели, для которой он составлен, его численность и подбор людей самый подходящий. О тех неудачах, которые буры потерпели до нашего приезда в Трансвааль, а именно освобождение Ледисмита и Кимберлея и занятие англичанами Блумфонтейна, мы писать не будем, потому что, во-первых, всё это давно должно быть вам известно, а во-вторых, по поводу этих неудач здесь ходят разноречивые толки и мнения, и надо быть очевидцем, чтобы безошибочно утверждать, насколько действия буров были правильными и насколько нет. О предстоящих сражениях мы будем присыпать верные и правдивые сведения, как очевидцы, о бывших же, повторяем, не можем сообщить ничего достоверного. В настоящее время мы находимся между Блумфонтейном и Брандфортом, в нескольких верстах от передовых английских позиций под Блумфонтейном. Здесь два наших генерала **Бота** и **Девет** предполагают на этих днях дать сражение, а потому все эти дни наш разведочный отряд производит усиленные рекогносцировки неприятельских позиций и с этой целью сегодня переправляется через реку Моддер-ривер.

Ожидается ряд больших серьёзных сражений, но как скоро – неизвестно.

На будущее время наши заметки будут полнее и, вероятно, интереснее. А пока – до свидания.

Ваня и Миша⁴⁰⁰.

Приведём и третье письмо русских офицеров:

Фельетон

Из Трансваала

Письмо русских добровольцев.

Хотя в прошлом письме мы и обещали писать более полно, но исполнить обещанное представляется, по крайней мере в данное время, невозможным, так как не только нет времени, но нет даже чернил⁴⁰¹ и бумаги, а писать приходится полу-
лёжа. Вот поэтому-то мы и решили излагать события короче, но чаще; к последнему побуждает ещё и то обстоятельство, что здесь теперь происходит: страшно вооружаются и служащие в разных ведомствах, даже старики и дети, бросают свои постоянный занятия, чтобы увеличить собою число сражающихся, благодаря чему письма залеживаются иногда по целым неделям, так как нет людей, чтобы разобрать их и направить куда следует. В настоящее время мы всё ещё стоим лагерем у реки Моддер-ривер. Со дня на день ожидаем наступления англичан, которые в числе сорока тысяч стоят под Блумфонтейном. Каждый день у нас с авангардом неприятеля происходит перестрелка; 12 апреля (1900 г.), ночью, мы подошли к самому их лагерю. Здесь начальник **Ганецкий** разделил нас, то есть 30 человек нашего отряда, на две части: одну часть, под командой поручика **Августуса**, он отправил занять ферму, а другую, в составе которой находились и мы, под своей командой расположил на вершине одной горы; сделали мы это с той целью, чтобы перехватить разъезды англичан, но это нам не удалось, так как англичане ещё ночью были кем-то предупреждены о нашей засаде, благодаря чему мы чуть было не попали в ловушку, наткнувшись на рассвете на кавалерийский полк, который был выслан с целью перехватить нас и отрезать нам отступление. К нашему счастью, мы вовремя заметили опасность и поскорее, не говоря худого слова, взнуздали лошадей наших и дали тягу. Англичанами был открыт огонь, последствием которого оказался один убитый. Вообще надо заметить, что у англичан не только хорошо поставлено дело разных там гелиографов и телеграфов, но также шпионства и подкупа, и если верить слухам, то Блум-

фонтейн взят без боя только благодаря деньгам; называют даже фамилию подкупленного офицера (**Краузе**), но мы умалчиваем о нём, боясь ошибки.

14 числа мы снова совместно с 200 буров, желая привлечь на себя внимание англичан, всем отрядом заняли ту же вершину, а позади нас расположились буры, но англичане до того запуганы разными неожиданностями, что в продолжение целого дня не выходили из своих траншей, а осипали нас градом пуль лишь издали, из-за прикрытий, причём с нашей стороны ранили в ногу одного бура. Просидев напрасно целий день, мы вынуждены были вечером отступить, не причинив никакого ущерба неприятелю.

Надо заметить, что в последнее время англичане стали весьма осторожны и в то время, как наши разведочные отряды состоят из 30–40 человек, которые тем не менее шныряют по всем направлениям, английские выезжают целыми эскадронами и то постоянно держатся своих позиций. В данное время наш русский отряд причислен к отряду буров под командой генерала **Бота**. Левее нас стоит другой бурский лагерь, под командой генерала **Девета**, который в первых числах этого месяца взял в плен 300 англичан в бою под Брандфортом. Во время же нашего здесь пребывания всего взято в плен 900 человек. Погода последнюю неделю стоит здесь отвратительная. Дождь идёт почти без перерыва – почему образовалась страшная слякоть, и нам разданы палатки. Кормят нас очень хорошо, всего вдоволь. При нас находится наш военный атташе – полковник **Гурко**. Надо ожидать, что города свои буры защищать особенно не будут, и что даже Преторию уступят без боя, так как благодаря подавляющей численности англичан, сопротивление почти невозможна; поэтому война, как говорят здесь, будет вестись партизанская, что с одной стороны, даст возможность сохранять людей, которых и без того приходится по одному на пять англичан, с другой же – затянуть войну и тем принудить англичан, которые несут громадные издержки, к скорейшему заключению почётного для буров мира.

Миша и Ваня⁴⁰².

В те времена случалось, что англичане иногда вели себя по-дженерельменски даже по отношению к захваченным врагам. Не исключено впрочем, что так они относились к некоторым из них, питая невольное почтение к титулам, или всего лишь потому, что враг был ранен и не был в состоянии выдержать ссылку в концлагерь куда-нибудь на Цейлон:

Справедливость заставляет меня отметить, что при всем возмутительном хождении англичан в этой стране, многие нападки на них значительно преувеличены. Один из русских волонтёров (князь **Енгалычев**) попал в плен. По британским порядкам его должны были сослать на остров Святой Елены, но англичане за свой счёт доставили его в Берлин и дали ему ещё 80 гульденов для проезда на родину. Благодарный по-своему доброволец поместил в русской газете корреспонденцию, в которой в самых мрачных красках изобразил возмутительное обращение с ним англичан⁴⁰³.

Приведём и другое очень любопытное интервью с князем **Михаилом Николаевичем Енгалычевым**:

Фельетон

Русские в Трансваальской войне

Беседа с князем **М.Н. Енгалычевым**.

В Одессу прибыл из Берлина, на обратному пути из Трансвааля, принимавший участие в войне буров с англичанами, подпоручик князь **М.Н. Енгалычев**. В январе текущего года князь **Енгалычев**, служивший в 16-м гренадёрском Мингрельском полку на Кавказе, вместе с товарищем по полку подпоручиком **Никитиным**, вышли в отставку и отправились в Трансвааль для поступления в качестве добровольцев в ряды бурской армии.

— Мы, — рассказывал князь **Енгалычев**, — высадились в Лоренсу-Маркеше. С нами на пароходе (общества) «Messageries Maritimes» прибыло 40 французов-добровольцев. С момента

*Русский доброволец инженер-архитектор
Владимир Семёнов после окончания
института перед отъездом в Трансвааль*

высадки на берег нас стали притеснять португальцы. Несмотря на то, что я и **Никитин** имели заграничные паспорта, нас отправили к русскому консулу, где нам сказали, что мы должны уплатить ещё 8 рублей, иначе нас дальше не пустят. От русского консула нас отправили к трансваальскому консулу, затем к португальскому губернатору. Везде мы вынуждены были снова платить. Вдвоём мы уплатили за пропуск 50–60 рублей. Наконец нам выдано было губернатором разрешение на переход через границу. С разрешением в кармане мы отправились в Преторию. Там мы застали русского офицера поручика **Августуса** и бывшего русского драгуна – нижнего чина

Каплана, прибывших сделать закупки для Русского отряда, находившегося тогда под Блумфонтейном. Русский отряд состоял из 40–50 человек под командой ротмистра запаса господина **Ганецкого**. В состав отряда входили штабс-капитан **Шульженко** (сапёр), поручик **Августус**, назначенный каправлом в Русском отряде, поручик **Дрейер**, подпоручики князь **Енгалычев** и **Никитин**, бывший вольноопределяющийся **Рюгерт (Рукерт)** (взятый впоследствии в плен), он сидел в Йоханнесбургской крепости, а затем был сослан на остров Свя-

той Елены, прапорщик запаса **Диатроптов**, дворянин Киевской губернии **Хойновский** (был ранен под Йоханнесбургом), 17-летний гимназист **Кравченко** из Москвы и инженер **Семёнов**. Остальные состояли из поляков, немцев, итальянцев и также входили в состав Русского отряда.

– Поручик **Августус**, узнав, что в Преторию приехали русские офицеры, – продолжал князь, – явился к нам и пригласил в свой отряд. Мы отправились в Governement, где принесли присягу на верность службы бурам. Нам сейчас же были выданы ружья **Маузера**, лошади и полное вооружение. На другой день мы отправились к месту стоянки отряда под Блумфонтейном. Последний был только что взят англичанами. До станции Смолдина ехали по железной дороге; от этой станции до Брамфорта дорога была разрушена, а депеше от Блумфонтейна не тронута. Отряд расположился в 30 верстах от Блумфонтейна и вошёл в состав отряда бурского генерала **Бота**. Его отряд состоял только из 600 человек. Неподалёку от Блумфонтейна находился другой отряд, под командой бурского генерала **Деларея**, состоявший из 1600 человек. Вообще бурские отряды были многолюдны. Лагерем там же стояли французы под командой **Галапо** (**Галопо**), американский, итальянский и другие европейские отряды.

В этом месте мыостояли полтора месяца без всякого движения. Англичане, обрадованные взятием Блумфонтейна, не принимали никаких действий против нас и буров и устроили ложементы и окопы вокруг Блумфонтейна, где и расположились. Авангард англичан был выдвинут лагерем вперёд в 5-ти, а ложементы – в 3-х верстах. Русский отряд не раз пытался вступить в действие, но генерал **Бота** каждый раз удерживал эти порывы. **Бота** отличался нерешительным характером, вследствие чего мы и бурыостояли в бездействии под Блумфонтейном полтора месяца. Мы вместе с бурами несли только разведочную службу. Из буров – скафты – чудные наездники и стрелки. Они часто перехватывали английские патрули. Англичане это знали и для разведочной службы высыпали целые эскадроны.

Англичане, несмотря на своё численное превосходство, были очень запуганы. Под Гленко, Ледисмитом и другими пунктами англичане были сильно разбиты. Они понесли значительный урон. Ввиду этого, в дальнейших сражениях они действовали с особенной осторожностью. На одной бурской ферме мы устроили засаду. Английский разъезд из 5 человек подошёл на 100 шагов к ферме. Один из нашего отряда, несмотря на запрещение, выстрелил и дал промах. Разъезд ускакал и дал знать своим, что появились буры. Через несколько времени перед нами появился кавалерийский полк. Заметив нас, он спешился и открыл по нам огонь. Наш отряд ускакал в бурский лагерь. Один итальянец был убит. В другой раз, чтобы вызвать англичан на бой, ротмистр **Ганецкий** попросил у **Бота** дать ему в помощь 200 буров. Русский отряд пошёл вперед, близко подошёл к траншеям англичан и открыл огонь. 200 человек из отряда **Бота** спрятались неподалеку и находились в тылу нашего отряда. Англичане открыли по нам огонь из траншей, но из них, однако, не выходили, до того они были запуганы. Им казалось, что буров спрятана кругом масса. К сожалению, у буров не существовало никакой дисциплины. Буры самовольно оставляли ряды, уходили и более не возвращались, или без разрешения начальника переходили в другие отряды, и на этот раз произошёл печальный и очень прискорбный случай. С левой стороны нашего отряда появились 300 буров и голландский отряд, которые, приняв нас за неприятеля, открыли огонь. У нас тоже явилась мысль, что это англичане, и мы стали отвечать. Подъехали ближе – узнали друг друга. Мы ранили одного бура в ногу.

Простояв полтора месяца под Блумфонтейном без действия, господин **Ганецкий** решил отправиться со своим отрядом под Кимберлей, где в это время происходили частые стычки с неприятелем. Так как дорога лежала через Йоханнесбург и пришлось запастись продовольствием, наш отряд простоял двое суток в Йоханнесбурге. **Ганецкий** поехал в Преторию получить ружья для вновь поступивших в отряд добровольцев.

Из Претории наш капрал **Августус** получил приказание от президента **Крюгера** двинуться обратно к Блемфорту, так как англичане начали наступление и взяли его. Тогда одна часть под командой **Августуса** решила отправиться под Кимберлей, а другая, под командой **Ганецкого**, обратно к Блемфорту.

Я и **Августус** присоединились к отряду и направились к Кимберлею. Впоследствии мы присоединились к сформированной из Йоханнесбургской больницы команде, отправившейся к Кимберлею. В пути, вследствие быстрой езды по железной дороге, чуть не произошло крушение: два вагона сошли с рельс. Не доехав до Кимберлея, около города Христиании мы встретили возвращающуюся Крюгерсдорпскую команду, участвовавшую во многих сражениях. Её преследовала английская колонна **Френча** и две тысячи английской кавалерии, называемой ланцерами (лансеры – уланы).

Я, **Никитин**, **Диатроптов** и **Кравченко** присоединились к Крюгерсдорпской команде. Мы двигались только ночью, так как английская кавалерия всё время нас преследовала. Это продолжалось две недели, пока не прибыли в Йоханнесбург. В один прекрасный день, расположившись лагерем при Дорнкопе и не предполагая, что вблизи находится 30-тысячная колонна **Робертса**, мы разослали разъезды. Вдруг неожиданно прискакал один бур и донес, что в 3-х верстах находится колонна **Робертса**. Моментально были осёдланы лошади, обоз был выслан вперёд, и не успели всё это сделать, как в двух верстах от нас появился полк кавалерии и английская батарея заняла позиции. Наша батарея тоже сейчас же выбрала позицию и между нами началась перестрелка. Все буры спешились и заняли места у своих 4-х пушек. Англичане выдвинули ещё одну батарею. Не выдержав такой сильной бомбардировки, наши отступили и заняли другую позицию. Продержавшись на второй позиции часа два, мы, под сильным артиллерийским огнём, вынуждены были отступить на третью позицию. Англичане, обстреляв нашу третью позицию артиллерийским огнём, построили свои батальоны в боевой порядок.

док и пошли в атаку, причём кавалерийский полк послали на наш левый фланг, чтобы обойти нас с фланга. Подойдя к нам приблизительно на 1500 шагов, кавалерийский полк вынужден был отступить от нашего артиллерийского огня. Пехота, дойдя шагов тысячу до наших позиций, почему-то сыграла отбой и повернула назад. На следующий день с утра также происходил бой с англичанами. В 12 часов дня нашу позицию обогнал бурский генерал **Деларей**, который ободрял буров. В 2 часа дня дали знать, чтобы все буры шли на позицию, взялись за оружие, так как с правого фланга нас начала обходить колонна **Робертса**. Тогда наш командант выслал половину своего Крюгердорпского отряда и два орудия на правый фланг нашей позиции. Фланговая колонна подошла шагов на 800, был открыт бурами сильный ружейный и артиллерийский огонь. Между тем, центральная колонна **Робертса** ещё не появлялась. Вследствие этого атака англичан произошла не одновременно, – пишет одесская газета. – Мы с **Никитиным** заняли позицию недалеко от двух орудий, остававшихся в центре нашей позиции. Здесь же с нами было 700 буров. В 3 часа началась бомбардировка. Когда англичане подошли уже на 400 метров, мы стали стрелять уже постоянным прицелом, в это время одна из шрапнелей ударила в 14 шагах влево от меня, убила наповал лежавшего и стрелявшего около меня бура, осколками ударила меня в кость левой руки, и, выбив ружьё, контузила выше левого локтя и одним осколком попало в ногу, ниже колена. Истекая кровью, я упал. Пролежав на позиции несколько минут, я, по совету буров, направился к своим лошадям. Добравшись кое-как под сильным огнём, я с помощью буров сел на лошадь. Меня и нескольких раненых буров направили к Йоханнесбургу. Когда мы отъехали шагов на 400 от позиции, позади нас раздалось громкое «ура». Это англичане взяли нашу позицию. Буры в беспорядке отступили по направлению к Претории. Таким образом, Йоханнесбург был отдан без боя. Орудия были вовремя увезены бурами с позиций. Командант **Ганецкий** повёз меня и раненых буров в йоханнесбургский госпиталь.

На следующий день нам объявили, что Йоханнесбург взят англичанами и что мы считаемся военнопленными. Не желая быть военнопленным, я перевёлся во французский амбуланс в Йоханнесбург.

Англичане, узнав, что двое русских лежат в амбулансе, потребовали нас в форт, несмотря на то, что мы были ранены. **Хойновский** вынужден был на костылях тащиться туда пешком. Нас хотели сослать на Остров Святой Елены, но так как мы оба были ранены, то взяли с нас подпиську, что мы будем держать себя нейтрально. Они дали нам вылечиться во французском амбулансе, где мы пролежали два месяца. Первого августа англичане посадили нас в поезд вместе с другими европейцами и отправили в Ист-Лондон. Из этого порта нас в числе 400 человек, которые были набиты в трюмы 3 класса, отправили в Голландию и высадили в Флюсандегене. На пароходе кормили нас ужасно плохо. Из Флюсандегена нам в Берлин дали бесплатный билет, а из Берлина – в Одессу. Подпоручик **Никитин** был убит при Дорнкопе. Остальные русские возвратились в Россию⁴⁰⁴.

Другая, очень интересная беседа с князем **Енгалычевым**, была опубликована в сентябре 1900 г.:

Берлин

(От нашего корреспондента)

7 (20) сентября

Русский доброволец о трансваальской войне

Сегодня я встретился и беседовал с одним из русских добровольцев, участвовавших в южноафриканской войне. Доброволец этот – князь **М. Енгалычев**, бывший поручик 16 гренадёрского Мингрельского полка.

Движимый чувством негодования против английских звёрств в Трансваале, молодой князь решил пойти на защиту угнетённых буров. Вместе со своим полковым товарищем поручиком **Никитиным**, он подал в отставку и немедленно отправился в Трансвааль. Там он находился в дей-

ствующей бурской армии, сражался в битве при Дорнкопе, был ранен гранатой в руку и контужен в ногу, два месяца лежал в госпитале в Йоханнесбурге, был взят в плен и, наконец, как военнопленный, с другими пленными европейцами, был отправлен в Европу. В Берлин князь **Енгалычев** явился без средств и русского паспорта, полубольной, голодный, в потрёпанной офицерской тужурке⁴⁰⁵ и дырявых сапогах. Всё, что у него было, отняли или украли просвещённые мореплаватели.

Князь, как очевидец и участник, рассказал мне очень много интересного.

— Выехали мы с **Никитиным** из Тифлиса и направились в Преторию через Константинополь, Александрию и так далее, — начал свою грустную повесть мой собеседник. — В дороге пришлось испытать много мытарств, но об этом не стоит говорить. В Претории буры приняли нас очень радушно и предложили нам на выбор — зачислиться в бюргеры или же добровольцами. Последним, в случае благоприятного исхода войны, обещали дать значительное денежное вознаграждение. Не желая сделаться подданными Трансваальской республики, мы изъявили желание быть тоже добровольцами. Нас тотчас же вооружили, снабдили фуражом, дали по две лошади и отправили под Блумфонтейн. Там уже находился Русский отряд человек в 40. Нас причислили к этому же отряду. Под Блумфонтейном мы стояли целый месяц в полнейшем бездействии. Противник ничего не предпринимал. Мы выжидали. Время от времени показывались английские патрули, мы их систематически преследовали. Происходили небольшие перестрелки. По истечении месяца пришло распоряжение немедленно и быстро двинуться на Мафекинг. Нужно было ехать через Йоханнесбург по линии железной дороги на Клерксдорф. Прибыли в Йоханнесбург и соединились с вновь сформированным отрядом из полицейских. Здесь, к сожалению, Русский отряд распался, и его постигло несчастье — русские поляки-рабочие украли у нас двенадцать лошадей.. Поехали дальше в Христианию, страшно торопились. Это была

какая-то бешеная езда. Вследствие быстроты поезд дважды сходил с рельс. По дороге встретились с отступавшей из-под Мафекинга двухтысячной отборной кавалерийской командой. Часть Русского отряда присоединилась к последней и направилась с ней обратно в Йоханнесбург. Колонны **Френча** преследовали нас по пятам. Началась снова бешеная скакачка. Двигались только ночью. Днём лежали в лощинах, прячась от англичан. Последние – шли днём. Тяжёлое, мучительное было время! Не спали, не ели, не пили. Частые тревоги. Добежали, наконец, до Дорнкопа и расположились здесь лагерем. Пропала тревожная ночь. Утром к нам прискакал бур, бледный, почти в полуобморочном состоянии. Он привёл с собой в поводу прекрасную английскую лошадь. На селе у него был негритёнок. Он сообщил нам, что был на рекогносцировке, встретил двух английских кавалеристов, из которых одного убили, захватив его лошадь и бывшего при них лакея-негритёнка. Он донёс нам, что за горой, в трёх верстах находится колонна **Робертса**. Эта весть породила в нашем лагере панику. началась невообразимая суматоха. Между тем, батареи англичан выехали на гору и начали нас обстреливать. Стреляли они разительно метко. Прошло немного времени, англичане выбили нас из первой позиции. Мы заняли вторую, но и здесь невозможно было долго держаться. Гранаты градом сыпались на наши головы. Мы снова отступили и заняли третью позицию. Англичане выслали цепь и двинулись в атаку. Но в 800 шагах почему-то заскочили отбой. Английская кавалерия попыталась было обойти нас с фланга. Но наша артиллерия из 4 орудий начала её обстреливать и быстро обратила в бегство. Вечером бой прекратился. Это было 27 мая. Ночь не спали всё время стояли под ружьём. 28 мая с утра битва возобновилась. Бой был по всей линии, исключая правый фланг, где всё было спокойно. Но вскоре открылся огонь, и там англичане выдвинули две батареи и начали пальбу. Стреляли ужасно – целых два часа.

Выходные колонны приблизились на 800 шагов и, в свою очередь, открыли огонь. Затем подошла центральная колонна

на такое же расстояние. Соединившись с остальными, она бросилась в атаку. Начался ад. Гранаты и пули сыпались градом. Наши бросили свои позиции с правого фланга, где англичане захватили два наших орудия. Вскоре была взята наша центральная позиция. Наш отряд всё ещё держался, лёжа за камнями. Невозможно было поднять голову – пули и гранаты как шмели жужжали и лопались кругом. Я выпустил более ста патронов. Ружьё накалилось так, что трудно было его держать. Но я продолжал стрелять, стоя у камня. Вдруг в нескольких шагах от меня ударилась о камень граната. Я в этот момент прицеливался. Граната лопнула. Осколки со свистом пролетели в разные стороны. Один из них врезался мне в левую руку, разбив приклад и выбив у меня ружьё. Истекая кровью я упал на землю. Между тем, неприятельская цепь была уже шагах в 400 от нас. Буры схватывали лошадей и толпами, вскочь, бежали с позиций. На местах оставалось уже не много людей. Я лежал под камнем и не знал, что делать. **Никитин** был в нескольких шагах от меня и, не обращая внимания на всё происходящее, с увлечением стрелял. Оставаться здесь и ждать англичан – это значило обречь себя на верную смерть. Я решил спасаться. Собрав последние силы, я пополз между камнями и кое-как добрался до лошадей. Меня посадили на лошадь, и мы целой толпой поскакали по направлению к Йоханнесбургу. Мы неслись так, что не чувствовали под собой земли. Издалека до наших ушей доносились крики «ура!» То была взята англичанами наша последняя позиция. Среди нас было много раненых. Один бур, мужчина лет 45-ти, был прострелен в грудь навылет. Он ехал истекая кровью. Рядом с ним скакал 13-летний мальчик с простреленным плечом. Всех раненых поместили в Йоханнесбурге в госпиталь. Бур, с простреленной грудью, не захотел ложиться в больницу и, не медля, поехал в Преторию. Раненый в плечо мальчик последовал за ним. Наверное, по дороге они померли!

На другой день, 29 мая, нам объявили, что Йоханнесбург взят англичанами. Нас, раненых, в тот же день выбросили из госпиталя, заявив, что места нужны для раненых англичан. Я, с моим товарищем **Калиновским**, прошёл в больни-

цу французского Красного Креста, но англичане узнали обо мне и через неделю потребовали меня в форте, где взяли у меня подписку о соблюдении нейтралитета. Во французском госпитале я пролежал два месяца. затем меня и Калиновского вместе с остальными европейцами англичане выслали из Йоханнесбурга в Ист-Лондон. Оттуда, не давая опомниться, они отправили нас на английском пароходе в голландский порт Флиссинген.

Везли нас в трюме третьего класса. Всех нас, военнопленных, было около 400 человек. Плыли мы при самых тяжёлых условиях. Кормили нас отвратительно. Давали тухлые, совершенно разложившееся мясо и рыбу, маргарин и невозможный чай. При виде этой пищи меня рвало. Чай я прямо выливал за борт. Приходилось почти голодать. Обращались с нами дерзко и грубо. Воздух в нашем помещении был скверный. Теснота, грязь, вонь. Во Флиссингене нас высадили и передали распоряжение английского консула. Тот дал нам билеты, кому куда, и несколько денег на дорогу. Мне был дан билет до Берлина 2 класса и 80 гульденов на дорогу от Берлина до Тифлиса. Французы получили билет 3 класса до Парижа. Благодаря этой помощи, я добрался до Берлина и мог придать себе некоторый человеческий облик, – закончил свой рассказ князь.

– Какая судьба постигла остальных русских волонтёров, и где они теперь? – продолжал я беседу.

*Посмертная фотография Строльмана
Бориса Андреевича*

– Мой товарищ **Никитин** пропал без вести. Я думаю, что он убит под Дорнкопом. Буры рассказывали мне, что среди убитых был найден один русский в жёлтой верблюжьей тужурке с гербами на пуговицах. Это был костюм **Никитина**...

– **Шульженко**, штабс-капитан, сапёр, состоящий до сих пор на действительной службе и пользующийся только отпуском, – был со мной под Блумфонтейном и в сражении при Дорнкопе, а потом оказался в Претории. **Строльман** – морской офицер, лейтенант запаса, также пропал без вести. **Рюгерт**, поручик, лежал со мной в госпитале, затем поправился и выписался. Говорят, что он был схвачен англичанами. Причиной этому послужило то, что однажды он шёл по улице с винтовкой. Где **Августус** и **Дреер** – не могу сказать. **Диатроптов**, **Кравченко** и некоторые другие вернулись в Россию. Об остальных русских добровольцах, не офицерах, сведений не имею.

– Какое заключение вынесли вы об английских войсках? – расспрашивал я далее.

– Дисциплины нет, но обучены хорошо. В сражении стойки и храбры. Артиллерия превосходная. Стреляют замечательно ловко и метко. Кавалерия, наоборот, плохая.

– Какого мнения вы о бурах?

– Прекрасные стрелки и наездники, но и только. Открытое боя избегают систематически. Атак не выдерживают совершенно. Дисциплина ниже всякой критики. всё делается у них по личному усмотрению и капризу каждого. Не понравится один начальник – бур переходит к другому. Во время войны, многие из находившихся в действующей армии пользовались продолжительными отпусками. Вообще во всём – крайний беспорядок.

– Почему сдали буры Преторию без боя?

– Они боялись, что в противном случае они могли бы лишиться всей армии, которая могла быть захвачена англичанами в плен, после чего война окончательно бы прекратилась.

– А долго, по вашему мнению, продолжится ещё война?

– Не думаю. В самом близком времени буры принуждены

будут покориться. Это всякий, кто был там, на месте, видит и должен признать. Силы уж слишком неравны.

– Здесь много писалось и рассказывалось о жестокостях англичан. Правда ли это?

– Да. Мы находили убитых буров с пропустившими пулю в голову и проколотыми телами. Очевидно, что это были только раненые и их прикалывали штыками уже позднее, при осмотре покинутого бурами поля битвы.

Н. Уральский⁴⁰⁶.

И ещё одну любопытную статью о своём участии в англо-бурской войне оставил подпоручик князь **Михаил Енгалычев**:

Фельетон

Трансвааль и буры

(из заметок русского добровольца)

Природа Трансваала чрезвычайно разнообразна: высокие горы, покрытые дремучими лесами в северо-восточной его части, переходят к Претории в равнину, которая тянется до самого Блемфорта, перерезываемая местами невысокими холмами. Между Блемфортом и Блумфонтейном снова тянется цепь гор, поросших низким кустарником, а от Блумфонтейна до английских владений – равнина. Климат отличается своими резкими переходами от жары днём – к холodu ночью. Перед рассветом садится до того обильная роса, что наши одевались буквально пропитывались ей. У лошадей гнили и отпадали копыта, мы же все страдали ревматизмом. Живут буры фермами, отстоящими одна от другой вёрст на 25 и более; главное занятие их – скотоводство. Все они лихие наездники и отличные стрелки. Я сам был очевидцем, как мальчики лет 13 на 1000 и более шагов из винтовки **Маузера** сбивали у бутылок горлышки. Зрением обладают они удивительным: мы часто с помощью бинокля не могли рассмотреть предмета так, как бур видел невооружённым глазом. Народ буры – добродушный, честный и в высшей степени религиозный, но грубый

и на европейцев смотрели с предубеждением, почему последних они не охотно принимали в свои команды, предоставив им право составлять отдельные корпуса. Армия их состояла из отдельных команд, получавших своё название от местности или города, из жителей которых они формировались. Каждая команда имела не более 1000 человек и подчинялась коменданту (команданту) и его помощнику или генералу и его помощнику, имевшему у себя секретаря. Коменданты избирались на общем собрании из людей одной команды и за отличие производились своей же командой в генералы. Каждая команда разделялась на 3 или 4 в. (роты); век управлялся двумя фельдкорнетами (ротными командирами) и имел по одному каправу (фельдфебелю), через которого передавались все распоряжения. При каждой команде имелась одна батарея, состоящая из 4 или 6 полевых орудий, и небольшой обоз, где хранились запасы; всё же необходимое каждый бур должен был иметь при себе. Командных слов и сигналов в их армии не существовало, а каждый бюргер действовал так, как будто он один своей особой составлял отдельный отряд, равно и между отдельными командами не замечалось общей связи; все они действовали на свой страх и риск. Одним из существеннейших недостатков, от которого страдала армия буров, это было право, дарованное **Крюгером** для каждого бюргера, пробывшего 1/4 года в строю, брать месячный отпуск, чем многие из них злоупотребляли во вред своему общему делу, так что за всё время сражалось их не более 30 000 человек против которых англичане выставили 250 000. Вооружение буров составляла винтовка **Маузера** (холодного оружия совсем не имелось, благодаря чему всеочные атаки англичан были удачны), заряжавшаяся обоймой с 5-ю патронами; у некоторых же, за недостатком винтовок **Маузера, Генри-Мартини и Штейра**) – европейским добровольцам, кроме винтовок выдавались ещё револьверы [Веблей]). В походе буры держат винтовку за спиной, на рекогносцировке же или вблизи неприятеля – в правой руке поперёк седла. Для охранения лагеря выставляют за версту в стороне неприятеля брандвах-

ты, состоящие из 20-ти человек каждая, которые уже от себя выставляют часовых и посыпают разъезды для освещения местности. Артиллерия их, хотя и маленькая, но люди хорошо обучены. Они с поразительной верностью, без всяких приборов определяли расстояния, и снаряды, пущенные ими, всегда достигали своей цели. Впрягались в орудия мулы (5 или 6 пар), так как лошади страшно утомлялись. Пищей в походе служили бурам сухари и бычье мясо, разрезанное на тонкие пластинки, которые сушились на солнце, а перед употреблением поджаривались прямо на угольях. Иногда выдавались консервы. Напитком был чёрный кофе – без сахара, достать которого было очень трудно. Спиртные же напитки в походе строго были воспрещены. Лошади пускались обыкновенно на подножный корм. Как на достоинство бурской армии следует указать на её замечательную подвижность, которой я думаю нет ни в одной армии; в несколько минут у них готово всё: артиллерия, обоз и сам он уже в седле со своей неразлучной винтовкой.

Волонтёрские отряды, как известно, составлялись из добровольцев всех национальностей. Они образовывали из себя корпуса, в которые входило не более 100 человек, и подчинялись каждый своему коменданту и капралу. Существенным недостатком этих отрядов было отсутствие дисциплины и наклонность к мародёрству. Нашим Русским отрядом, состоявшим из 50 человек, как я писал раньше, командовал ротмистр запаса **Ганецкий**, который отличался замечательным хладнокровием при спасении раненых своего отряда; последних он выносил всегда на собственных плечах из сферы неприятельского огня, рискуя каждую минуту быть убитым.

Был у нас ещё другой офицер, некто штабс-капитан **Шульженко**, поражавший всех своей феноменальной отвагой. Не смотря ни на какую погоду, он ни одной минуты не мог усидеть на месте. По целым дням бродил он у английского лагеря и знал всё его расположение; часто подходил шагов на 100 к неприятельским траншеям, натыкался на их разъезды и один завязывал с последними перестрелку, причём,

всегда почему-то оставался целым. В настоящее время он с остатками буров всё ещё воюет, и наверное, в конце концов сложит, если уже не сложил, свою головушку. Когда я лежал в Йоханнесбурге во французском амбулансе, нас посетил однажды главнокомандующий английской армией **Робертс**. Он говорил, что остатки русского корпуса храбро сражаются за Преторией.

В английской армии солдаты-вольнонаёмные и получают по шиллингу (около 50 копеек) в сутки. Офицеры получают сравнительно мало. Так, офицер в чине капитана получает всего 15 фунтов (150 рублей) в месяц. Солдат английский храбр, но не доверяет своему начальству (надо заметить, что офицерские чины, как говорили мне в Йоханнесбурге, покупаются в Англии за деньги), так как последние не имеют достаточной военной подготовки. Вооружён английский солдат 11-зарядной дальнобойной винтовкой **Лемстфорда (Лим-Метфорда)**, на которую надевается баленен (род штыка). Кавалерия плохая – их разъезды постоянно перехватывались скафтами (скафтами назывались лучшие бурские наездники, их было не более 200). Вооружён английский кавалерист карабином, который держит в правой руке, упирая прикладом в мелкий кобур при седле. Патроны носит через плечо, в особом патронташе.

Артиллерия очень хороша и стреляет точно, и лишь благодаря рассыпному строю буров и неимению у них резервов, последние не несли больших потерь. Не то было бы с европейской армией... Пули **дум-дум** употреблялись всё время. Кроме того, между бурами носились слухи, что англичане жестоко обращаются с пленными, и раненых докалывают, почему ни один раненый бур не оставался на позиции, а спешил, насколько позволяли силы, уйти скорей к себе на ферму или, когда последние были разорены, а большинство и сожжены кавалерией **Френча**, – в Йоханнесбург и Преторию.

Надо заметить, что на позициях мы не имели не только врача, но даже фельдшера, и раненые уезжали без перевязки, истекая часто кровью в дороге. Все же прибывшие из Европы

санитарные отряды жили в городах и лечили одних англичан, которые несли сравнительно с бурами раз в пять большие потери, так что их ранеными под конец буквально были переполнены госпитали и амбулансы. Бур же предпочитал лечиться своими домашними средствами, среди своей семьи. Когда англичане заняли Йоханнесбург, то все работы на золотых копях прекратили, рабочих же и стражу распустили, взамен которых выписали людей из Англии. Кроме того, у всех жителей были отобраны подписки в том, что последние будутвести себя нейтрально и обязали каждого взять паспорт, за который пришлось платить по 2.1/2 шиллинга; впрочем, это не помешало впоследствии массовым арестам. Так, при мне за один день было арестовано 300 человек. Всех арестованных сажали в форт, откуда отправляли в Капстадт или в Ист-Лондон, сажали на пароходы и отвозили в Европу, на остров Святой Елены и в последнее время – на остров Цейлон.

Сообщение моё в последней корреспонденции, что **Иван Никитин** убит в бою при Дорнкопе, к счастью, оказалось неверным. На днях мною получено от него письмо, в котором он сообщает, что возвращается обратно на родину.

Миша⁴⁰⁷.

Сноски

1> Война англичан с бурами под редакцией 2-го бюро французского Генерального штаба. С. 65... (Цит. по: *Витухновский А.Л. Россия и англо-бурская война. Диссертация. Л., 1949. С. 202.*) В своём отчёте русский военный агент **Ромейко-Гурко** приводит несколько иные данные: в среднем до 150 человек ежемесячно и около 950 человек за период: декабрь 1899 – июнь 1900. (Отчёт. С. 61) (Цит. по: *Витухновский А.Л. Россия и англо-бурская война. Диссертация. Л., 1949. С. 202.*)

2> Кроме французов на стороне буров сражались добровольцы из канадского франкоязычного Квебека, а также бельгийцы и франкоязычные и немецкоязычные швейцарцы. (По материалам Музея англо-бурской войны.)

3> *Витухновский А.Л. Россия и англо-бурская война. Диссертация. Л., 1949. С. 203.*

4> Поддевка – длинная верхняя простонародная мужская одежда в талию, с мелкими сборками. Сборка – прошитая мелкая волнистая складка в одежде.

5> *Московские вести*, 24 октября 1899. № 293.

6> Петербургская газета. 19 декабря 1899. № 347. («Петербургская газета» – одна из наиболее известных тогда правых газет. Издавалась в 1867–1917 гг.).

7> *Одесский листок*. 12 (24) декабря 1899. № 318.

8> *Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. СПб., 1903. С. 193.*

9> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901 г. С. 60–61.

10> Эти сведения подтверждаются беседой одного из авторов-составителей данной книги с южноафриканским предпринимателем, прибалтийским евреем по происхождению, который рассказал семейную легенду о том, что его прадед эмигрировал из Литвы за несколько лет до начала боевых действий и во время англо-бурской войны ездил в Трансвааль через Лоренсу-Маркеш с целью шпионажа в пользу британской армии.

11> Война Англии с Южно-Африканскими Республиками, 1899–1901 гг. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам Южно-Африканских Республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901. С. 61–69.

12> На стороне англичан сражалось 2800 евреев, 125 из них погибли на поле брани (*Пулик М. Евреи в Южной Африке*. Минск: МЕТ, 2001. С. 462). На стороне буров воевали 198 евреев (*Pottdiger Brian. The Foreign Volunteers. They Fought for the Boers (1899–1902) Scripta Africana*: Melville, 1986.) По данным на 2005 г., непосредственно в бурских коммандо сражались до 250 евреев и 50 охраняли объекты в тылу (так, двое евреев охраняли место заключения пленных офицеров в Претории, откуда потом сбежал **Уинстон Черчилль**) и по меньшей мере 12 работали в бурских санитарных отрядах. Около 12 евреев погибли во время войны и трое умерли в английских концлагерях (*Saks D.Y. Jews on Commando*).

13> *Pottdiger Brian. The Foreign Volunteers. They Fought for the Boers (1899–1902)*. Scripta Africana: Melville, 1986. 340 Р. (Материалы любезно предоставлены к.и.н. **Борисом Моисеевичем Гореликом**.)

14> Шакал – хищное животное из семейства собачьих, питающееся падалью.

15> *Berger Nathan. Chapters from South African History. Jewish and General. Jewish Participation in the Anglo-Boer War*. Johannesburg. Kayer Publishers. 1982. Р. 36, 38, 40, 42, 49.

16> Honour and Duty. Russia's special relationship with South Africa. Published in Bloemfontein. RSA. June 2004, P. 15; (Цит по: *Wessels Elria. They fought on foreign soil.* Bloemfontein. 2001).

17> Uddenkuell (Уденкуоль) – немецкое название деревни в Эстонии, так что господин **Густав Уденкуоль**, скорее всего, эстонец (по материалам к.и.н. **М.Ю. Катин-Ярцева**)

18> Honour and Duty. Russia's special relationship with South Africa. Published in Bloemfontein. RSA. June 2004, P. 14–15; (Цит по: *Wessels Elria. They fought on foreign soil.* Bloemfontein. 2001).

19> Кёльнер (нем. kellner, от keller – погреб) (устаревшее) – официант, обслуживающий посетителей в ресторане, пивной.

20> Московские ведомости. 17 апреля 1900.

21> Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 194.

22> Евгений Августус имел в виду трансваальскую золотую монету, равную по золотому содержанию британскому соверену (как уже говорилось выше, один соверен был, в свою очередь равен одному золотому фунту стерлингов).

23> Экзальтированный – находящийся в экзальтации, проникнутый экзальтацией. Экзальтация – восторженно-возбуждённое состояние.

24> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава. 1902. С. 8–9.

25> Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 194.

26> Согласно Табелю о рангах титул Благородие имели чины

9–14 классов (Титулярный советник - Штабс-капитан (в пехоте) - Лейтенант (в ВМФ) - Штабс-ротмистр (в кавалерии); Коллежский секретарь - Поручик - Мичман; Корабельный секретарь; Губернский секретарь - Подпоручик (в пехоте) - Хорунжий (в казачьих войсках) - Корнет; Провинциальный секретарь - Прапорщик - Сенатский регистратор).

27> Сизый цвет – тёмно-серый с синеватым оттенком.

28> Виадук – мост через глубокий овраг, ущелье или через дорогу, путь.

29> Фланировать – прогуливаться без цели, праздно прохаживаться.

30> Шуцман (Schutzmann) – полицейский в Германии (до 1945 г.).

31> Цукерня – кафе-кондитерская?

32> Вакса – чёрная мазь для чистки кожаной обуви.

33> Фикстуар – помада для волос, придающая гладкость прическе.

34> Рейхстаг (нем. Reichstag) – в Германской империи с 1871 г. – выборный орган (нижняя палата парламента). Здание расположено в Берлине.

35> Позднее, в Перовую мировую войну, весь Германский флот, за исключением Ютландского сражения (31 мая – 1 июня 1916 г., 148 английских кораблей – из них 28 линкоров против 99 германских – из них 22 линкора и окончившегося вничью – англичане потеряли 14 кораблей – из них 3 линкора и 6770 человек, а немцы – 11 кораблей – из них один линкор и 3000 человек, при том что суммарный вес артиллерийского залпа английских кораблей в 2,5 раза превы-

шал немецкие и обе стороны объявили себя победителями (немецкие корабли и точность их артиллерийской стрельбы оказались гораздо лучше), хотя англичане понесли такие потери, в частности, потому, что не отходили, дожидаясь подхода основных сил своего флота в виде дредноутов, которые, подоспев в месть битвы, и отогнали немецкий флот) и отдельных одиночных и групповых рейдов крейсеров и быстроходных вооружённых транспортов (рейдеров), и применения подлодок, так и простоял на своих базах из-за огромного количественного превосходства Британского и Французского флотов (по материалам Интернета).

36> Именно задержание немецких пароходов английским флотом у берегов Португальского Мозамбика в первые месяцы англо-бурской войны и явилось одной из главных причин того, что позднее рейхstag проголосовал за резкое наращивание военно-морских сил Германской империи, что было на руку руководителям Британии, хорошо понимавшим, что обстановка в кайзеровской Германии из-за высоких налогов закончится или социальным взрывом и революцией со свержением императора **Вильгельма II**, или мировой войной с участием Германии в Европе. – Прим. авт.- сост.

37> Касок в русской императорской армии у пехоты не было, хотя в бою она защищала от 75% всех пулевых и осколочных ранений в голову. **Николай II** на полном серьёзе полагал, что каска лишает русского солдата воинственного вида. Поэтому пришлось их в середине Первой мировой войны заказывать за границей, в частности, 1 млн единиц во Франции (по материалам Интернета).

38> Курфюрст (курфюрст) (нем. Kurfurst) – сан некоторых старинных германских владетельных князей – в священной Римской империи – имевших право участвовать в выборах императора.

39> Варшавский дневник. 7 (19) декабря 1899. № 333.

40> Фиакр – закрытая двухместная четырёхколёсная карета. В данном значении фиакр – наёмный экипаж.

41> Виньетка (фр. Vignette) – украшение в книге или рукописи в виде небольшого рисунка или орнамента в начале или в конце текста (части, главы, раздела).

42> Благодетельный – благотворительный, полезный.

43> Имеются в виду папиросы петербургской табачной фабрики **«Саатчи и Мангуби»**. Сегодня это название ничего не скажет, а когда-то оно было знаменито. Папиросы от **«Саатчи и Мангуби»** любил **Фёдор Михайлович Достоевский**, а **Мстислав Добужинский** особо запомнил их рекламу в трамваях – «с изображением усатого турка» (по материалам Интернета). Подробнее см: *Божерянов И.Н., Эрастов Г.П.* Товарищество Табачной фабрики «Саатчи и Мангуби» в Санкт-Петербурге. СПб., Изд. Х. Краузе, 1903.

44> Sect (Сект) – шампанское или игристое вино, произведённое не во Франции.

45> Верифисикатор – человек, легко слагающий стихи, но лишенный поэтического дара.

46> Портсигар (фр. porte-cigarettes) – плоская коробочка из металла, дерева и т.п. для ношения папирорс, сигар, сигарет.

47> Новое Время. 8 (20) декабря 1899. № 8543.

48> Ганновер (Hannover) – немецкое княжество и королевство (до 1866 г.). В 1714 г. курфюрст Ганновера **Георг Людвиг** стал одновременно английским королём (под именем **Георга I**), положив начало Ганноверской династии, правящей в Британии до сих пор и именуемой с 1901 г. (по другим сведениям – с 1914 г., после начала Первой мировой войны) под «более английским» именем Виндзорская династия (Ганноверская династия также именовалась до 1914 г. на немецкий манер Саксен-Кобур-Готской династией). Уния между Великобританией и Ганновером (земля принадлежала английской короне) существовала до 1837 г., когда пришла к власти в Великобрита-

нии королева **Виктория** и, по законам Ганновера, женщина на троне не имела права руководить Ганновером и уния была расторгнута. С 1815 г. Ганновер – королевство. В австро-пруссской войне 1866 г. Ганновер выступил на стороне Австрии, был захвачен прусскими войсками и превращён в прусскую провинцию. Ныне Ганновер входит в состав земли Нижняя Саксония.

49> Явная неточность. Винтовка **Манлихер** калибра 8 мм (патрон 8x50 мм) на пять патронов заряжания сверху образца 1885 г. и 1895 г. (**Mannlicher M1885**) (**Steyr Mannlicher**) (**Штайр-Манлихер M95**) (**Steyr Mannlicher M95**) производства Австро-Венгрии. Их изобрёл известный австрийский оружейник, **Фердинанд Риттер фон Манлихер** (**Ferdinand Ritter Von Mannlicher**), работавший в то время на государственном оружейном заводе в городе Штайр (Steyr). Производство этих винтовок было налажено как в самом Штайре, так и на оружейном заводе в Будапеште. С 1895 по 1918 г. было произведено порядка трёх миллионов винтовок и карабинов этой системы, в том числе итальянская винтовка **Манлихер-Каркано** (названная в честь австрийского инженера-оружейника **Фердинанда Манлихера** и главного инспектора Туринского оружейного завода **Паравичино Каркано**) (патрон 6,5x52 мм (6,5x54 мм), вес винтовки – 3,8 кг, длина – 1290 мм). В промежутке между двумя мировыми войнами винтовка **Штайр-Манлихер** была переделана в Австрии и Венгрии под более мощный патрон 8x56 мм, а во время Второй мировой войны переделывалась в Югославии и Греции под патрон 7,92x57 мм (8,2x57 мм). После Второй мировой войны данная винтовка (под патрон 8x56 или 8,2x57) широко использовалась повстанческими движениями в Африке и Латинской Америке. У буров винтовок **Манлихер** было мало. В данном случае возможно имеется в виду не **Манлихер**, а винтовка и карабин **Маузер** калибра 7 мм производства кайзеровской Германии (по материалам Интернета).

50> Явное преувеличение. Убойная дальность пули винтовки **Манлихер** не превышала 2000 метров, а общая дальность полёта пули составляла не более 3000 метров.

51> Арденны (Ardennes от кельтского слова ard – высокий) – возвышенность, покрытая болотами и смешанными лесами на юге Бельгии и частью во Франции и Люксембурге. Высота до 694 метров.

52> Ахен – город в Германии, в земле северная Рейн-Вестфалия. Промышленный центр и известный курорт (горячие сероводородно-соляные источники). До XVI в. Ахен – место коронации германских королей. Известен архитектурными памятниками.

53> Гогенштауфены (Hohenstaufen) – династия германских королей и императоров Священной Римской империи в 1138–1254 гг.

54> Габсбурги (Habsburger) – династия, правившая в Австрии в 1282–1918 гг., в Чехии и Венгрии в 1526–1918 (с 1867 г. – в Австро-Венгрии), в Испании и её владениях в 1516–1700 гг. Наиболее известным представителем этой династии (не отличавшийся особым умом) был **Франц Иосиф I** (правил в 1848–1916 гг.). При нём Австрийская империя была преобразована в двуединую Австро-Венгрию (1867) во главе с **Габсбургами** как австрийскими императорами. Последний из королей этой династии **Карл I** (правил в 1916–1918 гг.) отрёкся от престола 3 апреля 1919 г., после распада в 1918 г. Австро-Венгрии.

55> Валлоны – народ в Бельгии (общая численность свыше 4 миллионов человек). Живут также во Франции, США и других странах. Говорят на валлонском диалекте французского языка. По вероисповеданию – католики.

56> За счёт данной пятимиллиардной контрибуции золотыми франками, как известно, и было достигнуто ускоренное промышленное развитие единой Германии.

57> Волчья яма – вид противопехотного заграждения в виде замаскированного конусообразного углубления до 2 метров, зачастую с острыми кольями на дне. Ставятся в лесистой местности на тропах и просеках.

58> Пансион (в данном значении) – содержание (питание и уход) постояльцев, живущих в гостинице.

59> Битюг – рабочая лошадь, тяжёловоз крупной породы.

60> Евгений Августус имел в виду сабо. Сабо (фр. Sabot) – башмаки на деревянной подошве или выдолбленные из дерева.

61> Варшавский дневник. 8 (20) декабря 1899. № 334.

62> Кепи (фр.) – круглая шапка, фуражка военного покроя с длинным козырьком. Являлась полевым головным убором в армиях ряда европейских стран (в частности, в Австро-Венгрии). Долгое время сохранялась лишь во Франции. Вышла из употребления вооружённых сил и полиции Франции в конце XX в., и из употребления французской жандармерии в 2003 г. Предлагается введение кепи в пармии США вместо беретов с 2013 г.

63> Хотя Бельгия и существует до сих пор, но противоречия между голландской и французской общинами страны могут в ближайшем будущем привести к распаду страны на два государства. К примеру, число браков между представителями двух общин не превышает 1% от общего числа брачующихся. И если долгое время франкоговорящие – валлоны – были наиболее развитыми провинциями страны, то с 1970-х годов экономический центр страны стал смещаться в голландскоязычные районы, а предприятия населённых валлонами промышленных областей закрываться. В итоге голландскоязычные жители Бельгии во всём меньшей степени хотят субсидировать депрессивные районы проживания франкозычных, и Бельгия явно движется к разделению на два независимых друг от друга государства. – *Прим. авт.- сост.*

64> Кабриолет (фр. cabriolet) – лёгкий двухколёсный одноконный экипаж на высоком ходу. В современном значении – кузов легкового автомобиля с откидывающимся мягким тентом.

65> Ландо (фр. Landau от Landau) – город в Баварии, где с XVII в. начали изготавлять экипажи под названием ландо – четырёхместная карета с открывающимся верхом. В современном значении – кузов легкового автомобиля с верхом, открывающимся только над задними сидениями.

66> **Бахус (Дионис** у греков) в древнеримской мифологии – бог растительности, вина веселья, покровитель виноградарства и виноделия.

67> Варшавский дневник. 11 (23) декабря 1899. № 337.

68> Как ядовито заметил историк профессор **Василий Осипович Ключевский** – «Пролог XX века – пороховой завод. Эпилог – барак Красного Креста» (*Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. Т. IX (материалы разных лет). М., Мысль. 1990. С. 405.*)

69> **Камбиз (Камбис, Камбужия)** (? – умер 522 до н.в.) – древнеперсидский царь в 530–522 в. до н.э., из династии **Ахеменидов**. Сын **Кира II**. В 525 г. до н.э. завоевал Египет, разгромив египетское войско при Пелусии, и взял в плен фараона **Псамметиха III**. Захватив трон Египта, **Камбиз** основал новую, XXVII династию фараонов. В 524 г. до н.э. вторгся в страну Куш, но потерпел поражение. Получив известие о вспыхнувшем против него восстании **Гауматы** в 522 г., **Камбиз** отправился в Персию. По пути умер при загадочных обстоятельствах.

70> Альба (1508–1582) – испанский полководец и государственный деятель, герцог, главный начальник экспедиции, посланной испанским королём **Филиппом II** в Нидерланды для подавления начавшегося там восстания против испанского владычества и католической церкви. **Альба**, отличавшийся крайним религиозным изверством и национальной нетерпимостью, подавил восстание с необычайной жестокостью, чем вызвал крайнее ожесточение населения, вынудившее **Филиппа II** отзвать **Альбу** из Нидерландов.

71> Варшавский дневник. 15 (27) декабря 1899. № 340.

72> Кафешантан – увеселительное заведение – кафе с открытой сценой, на которой исполняются песенки и танцы пошлого, непристойного характера.

73> Барк (голл., англ. Bark) – большое морское парусное судно, у которого задняя мачта снабжена только косыми парусами, а остальные (две, три, четыре, пять) мачты имеют прямые паруса. Предназначен для перевозки грузов. Строились до 30-х годов XX в. Ныне используются в качестве учебных и туристических парусных судов.

74> Двугривенный – монета достоинством в 20 копеек.

75> Новое Время. 13 (25) декабря 1899. № 8548.

76> Видимо, имеется в виду нынешняя греко-римская борьба.

77> Панама – крупное мошенничество, связанное с подкупами высших чиновников и другими злоупотреблениями. Названа по жульнической афере правления акционерной кампании, созданной во Франции в 1879 г. для сооружения Панамского канала. Для скрытия хищений, злоупотреблений и тяжёлого финансового положения, правление компании купило ряд французских министров, президентов, сенаторов, депутатов, редакторов газет. Крах компании в 1888 г. разорил десятки тысяч мелких держателей акций. Право на сооружение панамского канала, в конце концов, в 1901 г. перешло к США. Однако канал былпущен только в 1920 г. Недаром в русском языке слова «Панама» долгое время обозначало крупную финансовую аферу, мошенничество.

78> Бульвары Парижа – линия больших бульваров, засаженных у тротуаров деревьями, тянется от церкви Мадлен до площади Бастилии.

79> Шарантон – дом для умалишённых близ Парижа.

80> Фронда (фр. *fronda*, буквально – праща) – общественное движение 1648–1653 гг. во Франции против абсолютизма и правительства кардинала **Мазарини**. Включала в себя различные социальные слои (парламентская фронда и фронда принцев). В современном значении фронда – непринципиальная оппозиция, главным образом, по мотивам личного или группового характера.

81> Штандарт – в царской России полковое знамя в кавалерийских частях., а также флаг главы государства, поднимающийся в месте его пребывания.

82> Доломан (венгерск.) – гусарский мундир, расшитый шнуратами.

83> Ботфорты (устарев.) – высокие сапоги, имеющие твердые голенища с широким раструбом.

84> Варшавский дневник. 29 декабря 1899 (10 января 1900), № 353.

85> Елисейские поля – одна из красивейших главных улиц Парижа, идущая от площади Согласия к площади Звезды.

86> Эспланада – в данном значении – широкая улица с аллеями. Эспланада – открытое, специально не застраиваемое пространство в крепости между цитаделью (внутренним укреплением) и городскими строениями шириной 400–500 метров для того, чтобы к цитадели нельзя было приблизиться незамеченным, и для удобства действия как огнестрельным оружием, так и при вылазках гарнизона цитадели (по материалам фортификационного словаря).

87> Многие тогда ошибочно полагали, что Эйфелева башня вскоре будет не нужна. Однако вскоре она стала не только главной туристической достопримечательностью французской столицы, но и важнейшим стратегическим объектом для проведения радиосвязи.

88> Новое Время. 2 (14) января 1900.

89> Кремниевое ружьё – с кремниевым замком. Появилось в XVI веке. В начале имело кремниевый замок, в котором искры, зажигавшие порох на огнivной полке, высекались из кремня стальным колёсиком, быстро вращавшимся на своей оси под действием пружины, заводимой специальным ключом (колесцовый замок). В конце XVI в. появилось кремниевое ружьё с ударно-кремниевым замком, в котором основными деталями были курок, с зажатым в его губках кремнем, и огниво. При спуске курок под действием боевой пружины своим кремнем ударял по огниву и высекал искры, воспламеняющие порох на полке. Такой замок был более прост в изготовлении и более надежен, чем колесцовый. Благодаря ему, кремниевые ружья с начала XVII в. получили широкое распространение. Кремниевые ружья, находившиеся на вооружении в XVII–XIX вв. были разнообразны: калибр от 17,5 до 21,5 миллиметров; масса от 4 до 5 килограммов, дальность стрельбы, в зависимости от типа ружей (гладкоствольные или нарезные), колебались от 140 до 800 метров, а их скорострельность – от одного выстрела в минуту до одного выстрела в пять минут (по материалам Интернета).

90> Московские ведомости. 20 января 1900. № 1900.

91> Негоциант (лат. negotians – торговец) – оптовый купец, ведущий крупные торговые дела, главным образом с другими странами, коммерсант.

92> Мессинский пролив – между Аппенинским полуостровом и островом Сицилия. Соединяет Ионическое и Тирренское моря. Длина около 40 км, ширина от 3,5 до 22 км. Глубина до 115 метров. Водовороты Сцилла и Харибда. Основные порты – Мессина, Реджо, Ди-Калабрия.

93> Варшавский дневник. 2 (14) февраля 1900. № 32.

94> Боцман (голл. boatsman) – на гражданском судне лицо млад-

шего начальствующего состава, которому судовая команда подчинена по хозяйственным и палубным работам.

95> Дерулед Поль (1846–1914) – французский писатель и политический деятель крайне националистического толка, известный шовинист.

96> Феллах (араб.) – крестьянин землевладелец в арабских странах.

97> Баядерка (устаревшее) – восточная танцовщица.

98> Арабески – вид сложного орнамента, состоящего из геометрических фигур и стилизованных листьев, цветов и тому подобного, получивший распространение в европейском искусстве под влиянием арабских и персидских образов.

99> Новое Время. 19 (31) января 1900. № 8582.

100> Менелик II (1844–1913) – император Абиссинии (Эфиопии).

101> Леонтьев Н.С. (1862–1914(?)) – поручик запаса гвардии, путешественник по Востоку. Учился в Николаевском кавалерийском училище, по болезни курса не окончил, служил в лейб-гвардии уланском полку. С 1891 г. – поручик запаса. С 1894 г. – в Абиссинии. В 1894 г., совместно с **А.В. Елисеевым** и **К.С. Звягиным**, – путешествие по Эфиопии, познакомился с царём **Менеликом II**. Способствовал установлению дипломатических отношений между нашими странами. С 1898 г. состоял на службе у **Менелика**, получил под своё управление крупные территории с чином губернатора Экваториальной провинции, но вскоре был уволен (формально – за финансовые нарушения) и был вынужден уехать из Эфиопии. Погиб в 1910 г. во Франции, на дуэли. (Другие источники так оценивали его деятельность: **Николай Степанович Леонтьев** (1862–1910) – весьма своеобразная фигура, сыгравшая немалую, хотя и далеко неоднозначную

роль в установлении русско-эфиопских отношений. Богатый херсонский помещик и отставной поручик он, будучи наслышан о путешествиях в Эфиопию поручика **В. Ф. Машкова**, уговорил известного русского географа и путешественника **А.В. Елисеева** также совершил путешествие в Эфиопию под эгидой Русского Императорского Географического общества на средства самого **Н.С. Леонтьева**. Эта экспедиция была встречена в Эфиопии самым радушным образом, и результатом её явилось решение **Менелика** направить в Россию свою дипломатическую миссию. Её сопровождали в Россию участники экспедиции **Н.С. Леонтьева** (кроме **А.В. Елисеева**, который, увидев беззастенчивость и авантюрные замашки **Н.С. Леонтьева**, поссорился с ним, и, не доехав до Аддис-Абебы, вернулся на родину из Харара). Этой эфиопской миссии в России был также оказан самый торжественный приём. В течение 1895–1897 гг. **Н.С. Леонтьев** неоднократно выезжал в Эфиопию, возвращаясь в Россию лишь на короткое время. В июле 1895 г. он сопровождал первую эфиопскую дипломатическую миссию из России обратно в Эфиопию. Осенью 1895 г. он вернулся в Россию, но в январе 1896 г., когда началась итalo-эфиопская война, снова выехал в Эфиопию. По дороге с помощью французов, недовольных итальянской экспанссией в Африке, **Н.С. Леонтьев** привёз **Менелику** караван с оружием (винтовками **Мосина**), затем оставался при императоре Эфиопии в качестве советника, а после разгрома итальянцев ему было поручено сопровождать пленных итальянцев до Джибути, где их передал на итальянский военный корабль «Эджитто». Осенью 1896 г. **Леонтьев** в сопровождении переводчика **Менелика Йосефа Негусе** побывал в России, а с конца 1896 по сентябрь 1897 г. в Аддис-Абебе он подготовливал вторую эфиопскую дипломатическую миссию в Россию, которая прибыла в Петербург, где находилась с сентября по ноябрь 1897 г. С этой миссией там был и **Леонтьев**, и с нею же он вернулся в Эфиопию. На этот раз он прожил в Эфиопии несколько лет как частное лицо, находясь на службе **Менелика** в качестве наместника Экваториальных провинций; как всякому своему наместнику **Менелик** пожаловал ему на время службы традиционный титул даджазмача, отчего щеславный **Леонтьев** стал по-французски именовать себя графом **Comte de Leotieff**. Он стоял у самого начала эфиопско-рус-

ских отношений и считал их как бы своей монополией. Положение изменилось в начале 1897 г., когда в Адис-Абебе начала действовать постоянная русская дипломатическая миссия во главе с **П.М. Власовым**. Переговоры теперь велись между **Менеликом** и **П.М. Власовым**, минуя последнего. Этот естественный ход событий задел последнего, и он начал интриговать, подчеркивая перед императором свою позицию единственного преданного друга и не стесняясь при этом компрометировать официальных русских представителей. Это заставило **Власова** писать в Петербург тревожные донесения о вреде для России деятельности **Леонтьева** и требовать, чтобы русское правительство убрало **Леонтьева** из Эфиопии. Это было затруднительно, потому что тот был там на положении частного лица. Впрочем, сам **Леонтьев** на должности губернатора проявил себя как беззастенчивый авантюрист и стяжатель. Вместе с французским авантюристом, называвшим себя принцем **Орлеанским**, он организовал международную компанию по эксплуатации недр вверенной ему провинции. Более того, в ущерб русско-эфиопским отношениям **Леонтьев** предложил Министерству иностранных дел Великобритании помочь ей утвердиться в Эфиопии. Затем он вёл переговоры с обществом Бельгийское Конго, которое образовало новую бельгийскую компанию, уступив англичанам две трети акций. Это вызвало возмущение и русских дипломатов, и самих эфиопов. В результате **Менелик** принял к выводу, что его единственный преданный друг является человеком не вполне порядочным, и сам убрал **Леонтьева**, вынудив его уехать в Европу навсегда. Итак, тот уехал, но до этого немало попортил крови как официальным представителям России в Эфиопии, так и русским врачам, которым было небезразлично доброе имя русского человека в Эфиопии (Цит. по: Вестник Восточного института, № 2 (10), Т. 5. 1999, СПб., 2001. С. 13–14).

102> Ашинов Н.И. – атаман вольных казаков. В 1886–1889 гг. совершил две экспедиции в Эфиопию и основал на побережье Красного моря станицу Новая Москва (там предполагалось создать угольную станцию), позднее уничтоженную огнём французского флота.

103> Рас – высший после негуса титул в феодальной Эфиопии.

104> И.Ф. Бабичев (? – 1953) – русский офицер, поручик, с 1897 г. в Эфиопии на службе у **Н.С. Леонтьева**, затем перешёл на службу к **Менелику II**. Женился на местной уроженке. Жил в Эфиопии до конца своих дней. Его сын – **Михаил Бабичев**, был первым эфиопским лётчиком Во времена фашистской (итальянской) агрессии 1935–1936 гг. именно он командовал авиацией Эфиопии – двенадцатью старенькими самолетами. Несмотря на 33-кратное превосходство фашистской авиации в воздухе, итальянцам ни разу не удалось сбить самолет **Бабичева**. Зато его налёты попортили немало крови противнику. Он был личным пилотом эфиопского императора **Хайле Селассие** и позднее – временным поверенным в делах Эфиопии в СССР (по материалам Интернета).

105> Кремневое оружие (пистолет, ружьё) – ручное огнестрельное оружие (гладкоствольное или нарезное) с кремневым замком, в котором воспламенение заряда производилось при помощи искр, высекаемых кремнем при ударе его об огнивную пластинку. Использовались в XVI – XIX вв. В середине XIX в. кремневые ружья были заменены винтовкой с унитарным (единым) патроном.

106> Хедив (перс. – господин, государь), титул египетских правителей в 1867–1914 гг.

107> Новое Время. 8 (20) февраля 1900. № 8603.

108> Один узел – одна морская миля (1852 м)

109> 15 узлов – 28 км/ч.

110> Кляча – плохая, изнурённая лошадь.

111> Такелаж – судовые снасти, служащие для управления парусами и грузоподъёмными работами.

112> Муссон – ветер, дующий зимой с суши на море, а летом – сморя на сушу.

113> Евгений Августус намекал, что к тому времени сильно устаревшие однозарядные английские винтовки **Снайдер-Энфилд** калибра .557 дюйма (14,66 мм) были по меньшей мере 30-летней давности.

114> Пахитоса (исп. *pojita*) – тонкая папироса из табака, завёрнутого в лист кукурузы.

115> Новое Время. 10 (22) февраля 1900. № 8605.

116> Гиена – хищное млекопитающее южных стран, питающееся падалью.

117> Точнее, золота в Родезии оказалось не много, но страна оказалась прекрасным местом для высокотоварного земледелия и скотоводства.

118> Имеется в виду барсетка.

119> Новое Время. 11 (23) февраля 1900. № 8606.

120> Грабовский был не единственным. Так, в марте 2005 г. **Г.В. Шубин** получил запрос по электронной почте от австралийской гражданки российского происхождения **Елены Говор** с просьбой сообщить дополнительные сведения о враче **Александре Николаевиче Krakowskem (Krakowsky)**, родившимся в Петербурге в 1862 г. Во второй половине 1890-х годов он жил в Англии, а затем оказался в Южной Африке, где принимал участие в англо-бурской войне и был ранен. Вероятно, он воевал на стороне англичан. В 1902 г. он натурализовался в Южной Африке, около 1910 г. переехал в Китай, а в 1916 г. – в Австралию.

121> Петербургская газета. 6 января 1900. № 5.

122> Следует помнить, что в России не было парламента до 1905 г., а только совещательный орган – Государственный совет. По-

этому для некоторых поездка на войну являлись своего рода отдушины от косных порядков Российской империи.

123> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 7–8.

124> Сирокко (итал. scirocco) – сильный тёплый южный или юго-восточный ветер в Средиземноморье, приносящий пыль и песок из пустынь Северной Африки и Аравии.

125> У буров не было наград, но самодельные кресты из трансаальских золотых монет (по образцу восьмиконечного малтийского креста) делали от скучи английские солдаты. – *Прим. авт.-сост.*

126> Новое Время. 7 (19) февраля 1900. № 8602.

127> Остановка и обыск английским военными кораблями пассажирских и торговых судов нейтральных стран, направлявшихся во время англо-бурской войны в Мозамбик, были тогда обычным делом, поскольку британцы панически боялись прибытия иностранных добровольцев (многократно преувеличивая их численность) и доставки военного снаряжения и боеприпасов к африканерам. Британцы знали, что немецкие суда ранее перевозили оружие и боеприпасы в Трансвааль. Поэтому капитаны торговых кораблей часто применяли различные уловки, чтобы не попасть под подозрение в перевозке контрабандных военных грузов. Так сестра милосердия русского отряда Красного Креста **Ольга фон Баумгартен**, в своих воспоминаниях отмечала: «С нами на пароходе едут 10 французов-волонтёров. Они везут бурам воздушный шар. Официальное их положение – виноторговцы, а двое находятся при них в качестве лакеев. К счастью, английские крейсера, разъезжающие у Бейры и не пропускающие контрабанды, нас не задержали, а то несдобровать бы волонтёрам. Капитан наш говорил, что, заметив английский крейсер, он взял направление к Дурбану, а затем уже к Лоренсу-Маркешу, куда и прибыл 11 января (1900 г.)». (Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общи-

ны Святого Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900. СПб., 1901. С. 9.) Но, несмотря на все эти меры Трансвааль за определённую мзду преспокойно получал боеприпасы из Европы контрабандой через Португальский Мозамбик (в частности, снаряды немецкого производства калибра 37 мм для скорострельных орудий **пом-пом**). Обиженные англичане в качестве доказательств контрабанды демонстрировали гильзы от орудий данного типа, захваченные на месте боёв с бурами, с клеймом выпуска 1900 г. в кайзеровской Германии в городе Карлсруэ, и гильзы от снарядов французского производства к 75-мм орудиям **Крезо** с клеймом «Париж 1900 г.». Во время партизанской войны португальцы контрабандой снабжали буров всем необходимым, включая боеприпасы (по материалам Интернета).

128> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 25–27.

129> Креол – потомок первых колонизаторов – переселенцев из Европы в Южную Америку.

130> Флёр (нем. Flor) – тонкая, прозрачная (обычно шёлковая) ткань; скрывающая пелена, которая мешает ясно видеть что-либо, покров таинственности, окутывающий что-либо.

131> Новое Время. 1 (14) марта 1900. № 8624.

132> Эполеты – в царской и некоторых иностранных армиях погоны. Эполетами также именовались парадные погоны с шитьём и бахромой для старших офицеров (от капитана и выше).

133> Новое Время. 2 (15) марта 1900. № 8625.

134> Джибути – ныне небольшое государство на африканском побережье Красного моря, ранее – колония Французский берег Сомали (Территория Афаров и Исса). Стратегически важный порт и железная дорога в Эфиопию. Гавань расположена на берегу Аденского

залива, соединяющего Индийский океан и Красное море. Отличается ужасным климатом – удушающей жарой (свыше 55 градусов в тени) и почти 100% влажностью воздуха.

135> Гофрирование (от франц. Gaufrer – прессовать складки), образование гофр (изгибов, волн) на тканях, лентах, металлических листах (сталь, дюралюминий), картоне, асбокементных плитах для придания им прочности.

136> Павильон (фр. pavillon – шатёр) – в данном значении – небольшая лёгкая постройка, маленький летний домик.

137> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 11–14.

138> Португальское правительство под прямым нажимом Великобритании запретило провоз в Трансвааль через Мозамбик не только чисто военных грузов – боеприпасов, оружия, снаряжения, но и любых съестных припасов – консервов, муки и тому подобного. Однако за взятки грузы доставлялись из Португальского Мозамбика в Южно-Африканскую Республику. – *Прим. авт.- сост.*

139> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 27–29.

140> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1029–1030. (Эпиграфом к своим воспоминаниям в данном журнале Августус Е. выбрал слова наполеоновского маршала **Клебера**: Faire la guerre c' est avoir faim, c' est avoir soif, c'est souffrir, c'est obeir, c' est mourir.) (Вести войну – это, значит, испытывать голод и жажду, страдать, повиноваться, умирать.)

141> Рейсы – старинная португальская монета, предшественница эшкудо (эскудо).

142> Пейсы – длинные пряди волос, растущие от виска вдоль щек, у ортодоксальных (правоверных) иудеев.

143> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава. 1902 г. С. 29–31.

144> Эскулап (устар. шутл.) – врач – по имени бога врачевания в древнеримской мифологии, который изображался со змеей, символом медицины.

145> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 8–9.

146> Как видно из этих слов, обе воюющие стороны – как африканеры, так и англичане использовали одежду защитного цвета, хотя считается, что именно британские войска в англо-бурскую войну впервые в истории в больших масштабах применили позднее широко распространённый защитный цвет хаки. – Прим. авт.- сост.

147> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 20–28.

148> Черта оседлости – часть территории Российской империи (Бессарабская, Виленская Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская, Полтавская, Таврическая, Херсонская, Черниговская и Киевская губернии (общая площадь территории черты оседлости составляла две территории Франции). Лишь в черте оседлости разрешалось постоянное проживание евреев. Черта оседлости образовалась в конце XVIII в. в связи с переходом к России после разделов Польши земель Правобережной Украины, Белоруссии, Литвы с многочисленным еврейским населением. В пределах черты оседлости евреям запрещалось жительство в сёлах, а также Киеве, Севастополе и Ялте. Вне черты оседлости право на жительство имели купцы 1-й гильдии, лица с высшим и специальным образованием, солдаты, проходившие службу по рекрутскому уставу и их потомки, а также лица, перешедшие из иудаизма в

одно из христианских вероисповеданий (следует отметить, что иудеи, переходившие в христианство, как правило, изгонялись из еврейской общины как отщепенцы и проклинались своими родителями и официально считались умершими). Черта оседлости была одним из наиболее тягостных для евреев проявлений национального неравноправия и была упразднена 2 апреля 1917 г. Временным правительством. После Гражданской войны иудеи активно стали селиться в районах ранее во многом запрещённых им для проживания. В результате через в 1937 г. только в Москве не менее 17% всего населения составляли иудеи и с начала 1920-х до середины 1980-х годов (то есть в течение 60 лет, или трёх поколений) ряд профессий – врачи, юристы, музыканты и во многом журналисты, учёные и инженеры и преподаватели университетов в наиболее крупных городах страны составляли преимущественно евреи, или наполовину и на четверть иудеи, многими десятилетиями не дававшие представителям других национальностей получить соответствующее высшее образование или гробившие карьеры получивших высшее образование не иудеев. Так, в крупнейших городах СССР число врачей-евреев (в широком смысле) достигало до середины 1980-х годов до 90%. Это приводило к страшной ненависти со стороны простого населения ко всем иудеям без разбора и послужило причиной всё увеличивающейся еврейской эмиграции начиная с 1973 г. Особенно большой ущерб стране (СССР, а позднее и России) нанесла массовая эмиграция квалифицированных и образованных кадров – иудеев, или наполовину, или на четверть евреев по происхождению, из-за экономического кризиса с 1989 по 1996 г., и потребовалось лет десять, чтобы подготовить нужное количество квалифицированных и образованных специалистов с высшим образованием. В итоге иудеев в России и в бывшем СССР осталось мало и их число сокращается из-за эмиграции и маленьких семей, и еврейское влияние сохранилось лишь в журналистике и в среде предпринимателей. – *Прим. авт-сост.*

149> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 28–34.

150> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 13–14.

151> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 32

152> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1030–1031.

153> Туя – вечнозелёное хвойное растение.

154> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902 г. С. 33–34.

155> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1030–1031.

156> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 33–34.

157> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1030–1031.

158> Стремена к седлу привязаны специальными ремешками, которые идут от боков седла.

159> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 33–34.

160> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1031.

161> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1031.

162> Табльдот – название общего обеденного стола по общему меню в пансионах, гостиницах, на курортах.

163> По поводу подобных случаев, имевших место со стороны некоторых иностранных волонтёров, Софья **Изъединова** писала следующее: ...Каждый из приехавших добровольцев, явившихся в Gouvernement [правительство] и представившись статс-секретарю **Рейцу**,.. и подписав у него присягу, получал полное военное снаряжение – винтовку, револьвер, патронташ с патронами, лошадь, седло, одежду, бельё и обувь, а затем имел право присоединиться к любому отряду по своему выбору, до отправления же к фронту правительство брало на себя его расход в любой гостинице, за исключением вина и спиртных напитков. Это последнее условие, конечно, обходилось, и вообще это обстоятельство (даровое содержание добровольцев в гостиницах) подавало повод к большим злоупотреблениям со стороны некоторых господ, чуравшихся настоящей военной обстановки и предпочитавших жить в Претории или Йоханнесбурге на счёт благодетельствуемого ими народа. Некоторые, говорят, заходили так далеко, что при посредстве европейцев же, евреев-комиссионеров, продавали выданное им снаряжение и потом, переменив несколько свой внешний вид, а иногда также имя, являлись в Gouvernement требовать нового снаряжения для себя и даже для фантастических товарищей. Когда же эти господа, наконец, обстоятельствами или любопытством были вынуждены выехать к фронту, они слишком часто своей трусостью и вместе хватовством возбуждали справедливые нарекания и насмешки, причём и храбрые и не храбрые проявляли полную бесцеремонность в деле различия своего от чужого, как в своих счётах с комиссариатом, так и по отношению к военной добыче и даже имуществу мирных жителей (*Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 192–193.*)

164> Баклaga (от татарского баклак) – небольшой деревянный или металлический дорожный сосуд с узким коротким горлом и с ушками для продевания ремня. Имеет плоскую, дисковидную или цилиндрическую форму, очень удобную для ношения или перевозки на лошади.

165> Прапорщик – от древне-русского прапор – знамя – младший офицерский чин в русской армии, введённый **Петром Ве-**

ликим. С 1884 по 1917 г. в Российской империи чин прапорщика присваивался лицам, окончившим школы прапорщиков и военные училища в военное время, а также вольноопределяющимся, сдавших соответствующие экзамены. Должности прапорщиков и мичманов появились в вооружённых силах СССР вновь в 1971 г. Через десять лет, в 1981 г. были введены должности старших прапорщиков и мичманов. Звание прапорщика или мичмана присваивалось лицу, имеющему высшее образование или окончившему шестимесячную или одногодичную школу прапорщиков или мичманов. С 2009 г. в Российской армии все должности прапорщиков (90 000 человек) были сокращены, равно как и должности мичманов (50 000 человек). Вместо них были введены сержантские должности из числа вольнонаёмных профессиональных военнослужащих (их должны были учить два (полтора) года в специальных школах при военных училищах). Из 140 000 прапорщиков и мичманов в Российской армии были оставлены только 21 000 прапорщиков и мичманов, служащих непосредственно в боевых армейских частях и на боевых кораблях ВМФ или занятых в обслуживании и ремонте боевой техники (по материалам Интернета).

166> Евгений Фёдорович Августус вёл путевой дневник в Южной Африке, который был опубликован во французской газете «Revue Hebdomadaire» (Полумесячное обозрение), а перевод этих воспоминаний на польском языке вышел под названием «На Тугеле. Личные воспоминания лейтенанта Августуса о Трансваальской войне». В них **Августус** называет не только полное имя товарища по оружию – **Павел Риперт**, но и даёт имена и звания двух других своих соратников – подпоручик в отставке **Накошин** и подпоручик пехоты **Дашков** (не исключено, что это имена лишь псевдонимы) (Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War, Cape Town, 1998, P. 28.) (по крайней мере, дел с фамилией **Накошин** в РГВИА пока не найдено, а с фамилией **Дашков** существуют среди прочих только два списка офицеров – **Дмитрия Дмитриевича Дашкова** (послужной список № 80-258/45 от 1894 г.) и **Дмитрия Яковлевича Дашкова** (послужной список № 80-542/3 от 1895 г.), но ни один из которых не мог быть соратником **Августуса** по тем событиям, поскольку оба они

являлись старшими офицерами, ветеранами русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)

167> Возможно **Евгений Августус** имел в виду сигарилы – тонкие сигары, которые, несмотря на крепость, можно курить в затяжку, как и сигареты без фильтра.

168> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 33–39.

169> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1033.

170> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 33–39.

171> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1033–1034.

172> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 39.

173> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1034.

174> Что подтверждает мнение многих историков о том, что далеко не сразу британские войска в Южной Африке перешли к защитной униформе цвета хаки.

175> Шаровары – широкие штаны особого покроя, заправляемые в голенища.

176> Лосины – из лосиной кожи. Лосины – прочные обтягивающие парадные штаны из оленьей или лосиной кожи. Перед одеванием предварительно размачивались в горячей воде и растягивались на тело.

177> Плед (англ. plaid) – толстая клетчатая шерстяная шаль с бахромой, характерная принадлежность шотландского национального костюма, а также плотное шерстяное или полуsherстяное покрывало (используется в основном как дорожное одеяло).

178> Плис (шведск. plys) – хлопчатобумажная ткань с ворсом (бумажный бархат). Известна с XVII века. Из плиса шили недорогую верхнюю одежду и сапоги.

179> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1035–1037.

180> Подвода – тяжёлая конная повозка, предназначенная для перевозки грузов грузоподъёмностью до нескольких тонн.

181> Буцефал – дикий конь, по преданию усмиренный **Александром Македонским** и долго ему служивший.

182> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1037–1038.

183> Неточное цитирование.

184> Гарцевать (польск. Harcowac) – ловко ездить верхом, щеголять своей ловкостью в верховой езде.

185> Лука – передняя высокая часть седла, к которой можно привязать повод и поспать, если лошадь знает дорогу.

186> Аксельбант (нем. Achselband от Achsel – плечо и Band – лента, – оплечье или наплечье, плетеный шнур (цветной, нитяной серебряный или золотой), пристегиваемый к правому (реже левому) плечу. До 1917 г. в России являлся принадлежностью формы адъютантов всех родов войск, а также офицеров Генерального штаба и генералов.

187> Шенкель – обращённая к лошади часть ноги всадника от колена до щиколотки, помогающая управлять лошадью. Дать шенкеля – сильно нажать шенкелями на корпус лошади.

188> Гусары (от венгерского huszar от husz – двадцать и аг – по-даться) – вид лёгкой кавалерии, впервые появился в 1458 г. в Венгрии как конное ополчение из дворян, в которое отправлялось по одному дворянину из 20 дворов. В XVI–XVII вв. распространился и в других европейских государствах. При этом в России в гусарах часто служили сербы, венгры, грузины. С 1784 г. гусарские полки в России были включены в состав регулярной армии. К 1917 г. в России насчитывалось до 20 гусарских полков. Шенкеля, дать шенкеля – прижать плотнее икры ног к крупу (туловищу) лошади; если не слушается, то применяется хлыст или шпоры. Аллюр (от фр. allure – походка) – виды движения лошади (шагом, рысью).

Аллюр – ход хода лошади – одну за другой все четыре ноги; смена ног по диагонали. Длина шага – 1,4–1,8 метра, скорость – 4–7 км/ч. (в зависимости от породы). Различаются естественные и искусственные. Другими словами, аллюр – общее название хода лошади.

Простая (обычная) лошадь ходит галопом. Галоп – скачкообразный аллюр в три темпа. Длина шага, в зависимости от темпа, – при коротком галопе – 1,5–2 метра, при обыкновенном галопе (кентер) – 3 метра, при быстром (карьер) – 5–7 метров. Скорость при обыкновенно галопе около 20 км в час, при быстром – до 60 км/ч.

189> Вольтижировка (от фр. voltiger – порхать, летать) – вид гимнастических упражнений в спорте и цирке. Вольтижировка бывает на лошади, акробатическая и гимнастическая. Вольтижировка является самостоятельным видом конного спорта и входит в обязательную программу обучения верховой езде. В цирке же вольтижировка на лошади является самостоятельным номером (гимнастические упражнения выполняются на лошади, оседланым специальным вольтижировочным седлом).

190> Евгений Фёдорович Августус имел в виду африканский краснозём (красную глину, красный глинозём – тёмно-бурая красная

земля), обладающий весьма своеобразным и ни с чем не сравнимым «запахом Африки». Пыль от краснозёма довольно едкая и неприятная. – *Прим авт.-сост.*

191> В данном случае **Евгений Фёдорович Августус** подчёркивает стойкость английского гарнизона Ледисмита, выдержавшего многомесячную осаду буров.

Плевен (Плевна) – город на севере Болгарии. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. за овладение крепостью Плевна велись тяжелейшие бои. Турецкий гарнизон (свыше 50 000 человек) с 20 июля по 10 декабря 1877 г. (по новому стилю) успешно отразил несколько плохо подготовленных штурмов. Потери русско-румынских войск, имевших лишь частичный успех, составили более 30 000 человек. С сентября крепость была окончательно блокирована. 10 декабря 1877 г., после неудачной попытки прорыва, командовавший турецким гарнизоном **Осман-паша** сдался вместе с 43 000 солдат и офицеров. Падение Плевны позволило русскому командованию высвободить свыше 100 000 человек для наступления на Балканы.

192> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 48–50.

193> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 11. С. 1039.

194> *Рубанов В.* От Петербурга до Претории. СПб., 1900. С. 38.

195> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900 СПб., 1901. С. 27.

196> Венские стулья – лёгкие стулья из гнутых деревянных деталей (с изогнутой спинкой и ножками).

197> 30 октября 1899 г., при попытке выбраться с рассветом из осаждённого Ледисмита, английские войска попали в ловушку и были частично окружены. К часу дня 106 англичан было убито, 1284

британца сдались, 374 раненых попали в руки буров. Африканеры потеряли 16 убитыми и 75 ранеными, в основном из-за артиллерийского огня двух 120-мм и трёх 76-мм морских орудий из Ледисмита (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 49.*)

198> Майн Рид (Томас Майн) (1818–1883) – английский писатель, по происхождению шотландец. Родился в Северной Ирландии. В 1838–1850 гг. жил в США. Был журналистом. В 1850 г. вернулся в Англию. Автор ряда приключенческих романов «Охотники за скальпами», «Всадник без головы» и других.

199> Интересно, что в начале войны англичане широко использовали местную красную глину для перекрашивания своей ярко-красной униформы в защитный цвет хаки (его ещё называли тёмно-оливковым, или olive drab). Кроме того, перекрашивались не только мундиры и штаны, головные уборы и ботинки, одеяла и носовые платки, штабная мебель и палатки, ремни и бельё, повозки и телеги, артиллерийские орудия и материальную часть артиллерии. Наиболее ретивые пытались перекрашивать даже кавалерийских лошадей, обозных мулов и служебных собак (по материалам сети Интернет).

200> *Geranium* (герань журавельник) – род однолетних и многолетних цветов семейства гераниевых.

201> Огораживание бурских ферм колючей проволокой практиковалось примерно за 30 лет до начала англо-бурской войны.

202> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 51–55.

203> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 12. С. 1099.

204> Ложемент (фр. – помещение) – небольшой окоп для укрытия пехоты или орудий.

205> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 12. С. 1099–1100.

206> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 60–61.

207> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1900, № 12. С. 1101.

208> Кранц Пауль Адольф (Krantz Paul Adolf) – командир немецкого отряда. Сдался в конце июля 1900 г. вместе с генералом **Принслоо**, у которого был членом военного совета.

209> Rittmeister – ротмистр (нем. rittmeister, от ritt – отряд кавалерии и meister – начальник). В русской и иностранных армиях офицерский чин в кавалерии; соответствовал чину капитана в пехоте.

210> Нарвская битва (возле нынешнего города Нарва в Эстонии) состоялась в ноябре 1700 г. между русскими войсками под руководством **Петра I** и шведскими войсками, предводимыми **Карлом XII**. Русская армия была наголову разбита, что послужило хорошим уроком для **Петра I** и заставило его в короткий срок полностью реорганизовать вооружённые силы по западноевропейскому образцу и провести множество жизненно необходимых стране реформ, что позволило, в конце концов, выиграть продолжавшуюся 21 год изнурительную Северную войну со Швецией.

211> В данном конкретном случае речь, вероятно, идёт об указе **Николая II** от февраля 1899 г., по которому царь присвоил себе право издавать законы для Финляндии без согласия местного парламента, тем самым незаконно резко ограничил её право на автономию. Ещё в войне 1808 г. Россия захватила Финляндию у Швеции, и Финляндия всегда стремилась к независимости от Российской империи. Однако у страны был свой парламент (сейм) и широкая автономия во внутренних делах, вплоть до своей денежной единицы. Однако с

80-х гг. XIX в. начался сильный зажим автономии со стороны русских властей. Позднее, в 1905 г., Николай был вынужден даровать Финляндии конституцию и всеобщее избирательное право, но до 1911 г. многократно разгонял местный сейм. А в 1910–1914 гг. русское правительство взяло курс на окончательную ликвидацию финской автономии. Лишь в конце 1917 г. страна получила полную государственную независимость от рук большевиков, в союзе с левыми эсерами незаконно захвативших власть в России. – *Прим. авт.- сост.*

212> Полтавское сражение состоялось в июле 1709 г. у нынешнего украинского города Полтава между русскими и шведскими войсками. Русские победили и военное могущество Швеции было подорвано. Таким образом, в Северной войне (1700–1721 гг.) произошёл перелом в пользу России.

Речь шла о злободневном в то время вопросе, ибо чуть позднее с 1905 г. Норвегия мирным путём получила полную государственную независимость от Швеции.

213> Вероятно имеются в виду Smorgas – знаменитые шведские закуски. Сноргас (Smorgas) – тонкие кусочки копчёной селёдки и копчёной оленины, посыпанные острым перцем, кусочки острого сыра, ломтики чёрного хлеба, которые едят не только в качестве закуски к спиртным напиткам, но и для возбуждения аппетита. Ныне – известная норвежская и шведская закуска.

214> Ланцет (немецкое Lanzette, от латинского lancea – копье) – хирургический инструмент – остроконечный обоюдоострый складной нож с ручкой из 2 пластин. В современной медицине заменён скальпелем.

215> Зонд (фр. sonde) – различной формы металлические, резиновые инструменты для исследования каналов и полостей тела, а также проведения некоторых лечебных процедур (промывания желудка).

216> Верещагин В.В. (1842–1904) – известный русский живописец-баталист. Окончил морской кадетский корпус в 1860 г. и

Академию художеств в 1863 г. Много путешествовал по России, Индии, Сирии, Палестине, Японии, Средней Азии, США. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., Ахал-Текинской экспедиции 1881–1882 гг. (завоевание Туркмении генералом **Скобелевым**) и русско-японской войне 1904–1905 гг. Погиб вместе с адмиралом **Макаровым** во время подрыва броненосца «Петропавловск» на японской мине. Автор ряда известных полотен, таких как «Апофеоз войны», «На Шипке всё спокойно», «Мавзолей Тадж-Махал в Агре», «Не замай – дай подойти» и других картин.

217> По поводу одного из эпизодов осады Ледисмита, так в дальнейшем и не взятого бурами, российская сестра милосердия **Софья Изъединова**, проездом посетившая те места, написала следующее: «Наш провожатый подвёз нас к подножию знаменитого Ломбардского холма, господствующего над всем Ледисмитом, после занятия которого бурской артиллерией англичане принуждены были бросить жилые помещения в городе и ютиться в норах и землянках, вырытых в нависшем берегу реки. Уступив этот холм в начале обложения, в первые моменты деморализации, англичане потом неоднократно пытались вновь занять его, так как, господствуя над городом и делая положение к нему невыносимым, Ломбардский вместе с тем господствовал и над многими из остальных позиций осаждающих и, несомненно, составлял ключ всей осады. Одна из таких попыток, сделанных под личным начальством генерала **Гунтера (Хантера)** недолго до нашей поездки, чуть не окончилась удачей, причём было даже захвачено и попорчено одно из тяжёлых осадных орудий **Кре-зо**, известных у буров под именем **Лонгтомов (Длинный Том)**. Орудие, однако, было отбито благодаря храбрости подоспевшего из своего лагеря гейдельбергского командо и впоследствии исправлено на оружейном заводе в Претории и отправлено на южный театр военных действий, куда к этому времени перешёл главный интерес событий. Англичане, уже завладевшие было позицией, но не успевшие на ней укрепиться, отброшены обратно в город с большими потерями. Надо заметить, что часть Ломбардского лежала совершенно открыто под огнём англичан и была усеяна осколками их снарядов, значение же имел, собственно, далеко выдвинувшийся к городу кряж,

где и были поставлены орудия, и артиллеристы, ютившиеся здесь за грубыми прикрытиями, располагали только самой незначительной, относительно безопасной полосой, проходить же до неё приходилось в постоянной опасности, уменьшенной только плохой стрельбой англичан. Зато стрельба молодых, казалось бы, неопытных бурских артиллеристов, изумляла всех иностранцев». (*Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 89.*)

218> В Южно-Африканской Республике, в отличие от Оранжевого Свободного Государства спиртные напитки после начала военных действий были почти недоступны рядовым гражданам. Однако уже многократно цитировавшаяся ранее сестра милосердия отмечала, что хотя трансаальские буры и стремились на волю в соседнюю союзную страну, но это отнюдь не приводило к поголовному пьянству, что сильно отличалось от крайней невоздержанности по этому вопросу подавляющего большинства иностранных добровольцев: «Миновав в Ферейнингене границу Трансааля, бургеры вышли из сферы законов президента **Крюгера**, по которому в военное время продажа спиртных напитков допускалась не иначе как по особому разрешению правительства. И переехав границу, трансаальцы, понятно, накинулись на запрещённый дома плод, что несколько способствовало их оживлённому настроению, хотя и не вызвало никаких нежелательных выходок, а проявилось только пением песен – преимущественно национального гимна, да стрельбой по какой-нибудь цели из окон вагонов». (*Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 123–124.*)

219> Кранц Марта Катерина (Krantz Martha Catharine) сопровождала своего супруга в походе во время военных действий и являлась одной из немногих бурских женщин, получивших официальное разрешение на участие в боевых действиях и участвовала в них во время боёв в Натале, отличалась очень вольным нравом, но изображалась корреспондентами как «истинная бурская героиня» и «бурская амazonка».

220> Шайка – скопище дурных людей, ватага вольницы, грабителей, воров, мошенническое товарищество (Словарь Даля). Шайка – группа людей, объединившихся для какой-либо преступной деятельности.

221> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 61–65.

222> Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия О. фон Баумгартен 1899–1900 гг. СПб., 1901. С. 18.

223> Крааль – круглый загон для крупного рогатого скота, в переносном значении – африканская деревня.

224> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг., Варшава, 1902. С. 71–74.

225> Гонведы (венгерское honved – буквально защитник отечества) – воинское звание рядового в венгерской армии. В Средние века – название венгерской пехоты. Позднее, в 1869–1944 гг. – название венгерской армии.

226> Имеется в виду подавление русскими войсками Венгерской революции 1948–1949 гг. (В 1849 г. 150 000 армия генерала **И.Ф. Паскевича** была главной силой в подавлении Венгерской революции и спасении Австрийской империи **Габсбургов**).

227> Македония – ныне независимое государство, ранее союзная республика в составе Югославии. Исторически это была гораздо более обширная область (так, к примеру, в Греции имеется одноимённая провинция). Вопрос о правах на эту область был одной из причин Балканских войн. 1-я Балканская война (октябрь 1912 г. – май 1913 г.). В ней объединёнными силами войск Болгарии, Греции, Сербии и Черногории было нанесено Турции существенное поражение и она потеряла выход к Адриатическому морю, а Сербия и Черногория заимели, наконец, общую границу. Однако штурм Константинопо-

ля болгарскими войсками окончился неудачно. По подписанному 30 мая 1913 г. Лондонскому мирному договору Турция теряла все свои европейские владения, кроме Стамбула (Константинополя). Вторая Балканская война (июль 1912 – март 1913). С конца июля 1912 г. Болгария напала на сербские и греческие войска в Македонии, на часть территории которой претендовала, но их войска успешно контратаковали и болгары потерпели поражение, усугублённое неожиданным нападением на них с севера Румынии. Одновременно под шумок турецкая армия перешла в наступление, заняла Андрианополь, и 29 марта 1913 г. Болгария капитулировала. По Бухарестскому мирному договору 1913 г. (между Болгарией, Грецией, Сербией, Румынией и Черногорией) Болгария потеряла не только большую часть своих приобретений в Македонии и Фракии после 1-й Балканской войны (они отошли к Турции), но и южную Добруджу; а по Константинопольскому мирному договору 1913 г. (между Турцией и Болгарией) она вынуждена была оставить и Андрианополь за Турцией. Итогом Балканских войн, закончившихся за год до начала Первой мировой войны, было усилившееся желание Австро-Венгрии раздавить Сербию, увеличения влияния которой она не желала, а также сближение Румынии с Антантою и переход Болгарии, обиженной итогами Балканских войн, на сторону Австро-Германского союза.

228> **Ландскнехты** – название пеших наёмных войск, появившихся в Германии в XV веке. В данном случае **Августус** подразумевает наёмников, стремящихся лишь к добыче ценных трофеев, из-за чего многие иностранные добровольцы и принимали участие в осаде богатого города Ледисмита.

229> **Вагнер Рихард** (1813–1883) – один из величайших немецких композиторов и дирижеров. Автор ряда опер, в частности, «Летучий голландец», «Лоэнгрин», «Тангейзер», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов», «Парсифаль».

230> **Пинакотека** – хранилище живописных произведений, картинная галерея.

231> Король баварский **Людовик II** (правил в 1864–1884 гг.) был известным романтиком-меценатом (материально поддерживал композитора **Рихарда Вагнера**). Широко известны три замка, построенные по его чертежам, в частности, замок «У лебединого озера». Они привлекают миллионы туристов со всего света. Король был отстранён от власти (под предлогом психического расстройства) за чрезмерные траты (только его финансовый долг правительству Баварии составил 21 млн марок, не считая долгов частным лицам и компаниям). **Людовик II** проживал на покое в одном из построенных замков и tragически погиб (утонул в Штарнбергском озере) (по материалам Интернета). Об этом короле стоит сказать подробнее. Суровое воспитание в семье и одинокая юность сделали из него мечтателя. Вскоре после вступления на трон он заметил, что его идеалы королевства XIX в. не соответствуют реалиям и что он является лишь номинальным правителем страны, а все решения в сущности принимаются двумя палатами баварского парламента. Этот факт, а также конфликты со старшими по возрасту членами правительенного кабинета уменьшили его интерес к правительственным делам, и он посвятил себя личным интересам. Избегал Мюнхен, придворную жизнь и шумную толпу и оказывал щедрую поддержку **Рихарду Вагнеру**, творчеством которого был очарован. Свободно и счастливо чувствовал себя в любимых баварских Альпах. По его проектам были построены три замка «У лебединого озера» не совсем точное название, замок называется Нойшванштайн, вблизи действительно расположены два красивейших озера, одно из них действительно Шванзе – «Лебединое». Второй замок, где **Людовик Второй** в основном проживал, называется Линдерхоф, и третий – Херренкимзее. Строительство ещё одного замка – Фалькенштейна – так и не было начато. Все замки расположены в живописных местностях и довольно трудно досягаемых и уединённых местах. Строительство Нойшванштейна и Херренкимзее было незакончено в связи со смертью короля. Финансируя свои замки **Людовик** из своей личной кассы. Однако постепенно финансировать строительство замков за счёт годовых доходов короля постепенно стало невозможно. Баварское правительство отказалось ему в кредите в 6 млн марок. Так как все попытки со стороны кабинета добиться от короля снижения его

расходов не привели ни к какому результату, правительство и члены королевской семьи приняли решение объявить короля невменяемым и передать обязанности монарха в руки регента. Врачебной комиссией было составлено в 1886 г. довольно спорное заключение, в котором говорилось о том, что король якобы является душевнобольным, вследствие чего не может управлять государственными делами. 12 июня 1886 г. правительенной комиссии удалось пройти к королю и доставить его из Нойшванштейна в замок Берг на Штанбергском озере. 13 июня король отправился вместе со своим врачом на прогулку, с которой они не вернулись в замок. После долгих поисков, короля и его врача нашли в озере мёртвыми. Причина загадочной гибели обоих мужчин до сегодняшнего дня не раскрыта. Дело в том, что королевская семья, а сегодня их потомки, – не дают разрешения на исследование тела короля. Если задуматься о том, кому действительно была выгодна гибель короля, то это, очевидно, королевская семья, которая не хотела допустить опустошения королевской казны. Другими словами, скучое баварское правительство (вместе с королевской семьёй) пожалело средства и отстранило короля от власти, а теперь частично потомки королевской семьи, частично государство, в собственность которого перешли недостроенные замки, получает от них огромные доходы: например, каждый год замок Нойшванштайн посещает один миллион туристов! (По материалам господина **Дитхельма Греш.**) (**Dithelm Gresh.**)

232> В 1866 г. Бавария выступила на стороне Австрии и после поражения от Пруссии была вынуждена выплатить контрибуцию, а в 1871 г. вошла в состав Германской империи.

233> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902, С. 75–80.

234> Гнедой – лошадь тёмно-рыжей шерсти или масти, с чёрным хвостом и гривой.

235> Какое-то представление о пище буров может дать следующий рецепт бурских бисквитов: Ингредиенты: Набор продуктов для

опары: 22 г (4,5 чайных ложки) сухих дрожжей или 37,5 г свежих, 7 г (1,5 чайных ложки) сахара, 500 мл (2 чашки) тёплой воды, 60 г муки; для теста: 500 г сливочного масла или 250 г сливочного плюс 250 г растительного, 300 мл молока и 50 мл кипячёной воды, 7 г (1,5 чайной ложки) соли, 2,5 кг просеянной муки, топлёное масло для смазывания бисквитов. Приготовление. Развести дрожжи с сахарным пепсиком в воде, всыпать муку, помешать, накрыть и поставить в тёплое место на 1–2 часа, чтобы опара подошла (опара должна быть пенистой). Растирать масло (или смесь масел) в молоке, разбавленном водой, добавить соль и дать остыть до комнатной температуры. В глубокую посуду всыпать муку и сделать в середине кучки углубление. Залить в него тёплое молоко и опару, с помощью деревянной ложки замесить крутое тесто, по необходимости добавляя тёплую воду. Тщательно вымесить тесто, предохраняя его от сквозняков и переохлаждения. Спрыснуть тесто топлёным маслом, закрыть посуду полиэтиленовой плёнкой, завернуть в толстое тёплое одеяло, поставить в тёплое место на 3–4 часа и дать подняться, пока его объём не увеличится в два раза. Выпекать тесто в заранее нагретой духовке, а когда оно остынет, разломать на куски и просушить в остывшей открытой духовке, разложив их на проволочных стеллажах. (Южноафриканская кухня. Бурские бисквиты.)

236> Бои у Спионскопа проходили 23–25 января 1900 г. и явились одними из самых кровавых сражений англо-бурской войны.

237> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 80–83.

238> Варрен (Уоррен) Чарльз (1833–1913) – английский генерал.

239> Семилетняя война (1756–1763 гг.). Участвовали Пруссия, Англия, Австрия, Россия, Франция, Швеция, Португалия. Шла из-за обострения англо-французской борьбы за колонии. Военные действия в Северной Америке шли между Англией и Францией, в свою очередь, Англия поддержала Пруссию в войне с Австрией и герман-

скими княжествами. В 1756 г. Австрия и Франция заключили договор. В том же году Саксония была разбита Пруссией. Россия присоединилась к австро-французскому союзу, их поддержала Швеция. В 1757 г. прусские войска разбили австрийцев у Праги. В 1757 г. – победа русских войск у Гросс-Егендорфа. Затем пруссаки разбили австрийцев и французов. В 1757–1758 гг. русские войска заняли Восточную Пруссию и 14 августа 1758 г. русская армия выдержала кровопролитное сражение у Цондорфа. В 1759 г. русская армия полностью разгромила пруссаков и **Фридрих II** едва избежал плена. В октябре 1760 г. Берлин капитулировал перед отрядом русского генерала **Тотлебена**. В декабре 1761 г. русские войска под руководством **Румянцева** взяли крепость Колбек. Но смерть царицы **Елизаветы Петровны** привела к власти **Петра III**, который заключил мир с Пруссией и вывел оттуда войска. После убийства **Петра III**, пришедшая к власти **Екатерина II** не стала продолжать войну. В 1759 г. английские войска захватили Квебек, а потом и всю Канаду. Пруссия так ничего и не добилась, и в 1763 г. был подписан Парижский мирный договор. Семилетняя война показала возросшую роль России в европейской политике.

240> Фридрих II (Великий) (1712–1786). Имея наёмную армию в 220 000 человек (из которых половина – иностранцы) вёл несколько войн (за австрийское наследство 1740–1748), Семилетнюю (1756–1763) и войну за баварское наследство (1778–1779).

241> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1901. № 1. С. 50–51.

242> Вудгейт Эдвард Роберт Превост (Woodgate Edward Robert Prevost) (1845–1900) – английский полковник, участник войны в Абиссинии и войны с **ашанти** (1873–1874) и англо-зулусской войны (1879). Затем служил в Индии и Сьерра-Леоне (подавлял восстание). Участник англо-бурской войны. Был смертельно ранен в бою за Спионскоп 23–24 января 1900 г. и скончался через два месяца от ран.

243> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 70, 83–85.

244> Балка – сухая глубокая долина, образованная из оврага, покрытая кустарником или лесом.

245> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 85–88.

246> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 90.

247> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 91–92.

248> Опорки – остатки стоптанной и изодранной обуви, едва прикрывающей ноги.

249> Голенище – часть сапога, охватывающая голень.

250> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 92–95.

251> Гиацинт – многолетнее луковичное растение семейства лилейных, с собранными в кисть пахучими цветками. Некоторые виды гиацинтов разводят как декоративные, а также для получения эфирного масла.

252> Как уже было сказано выше, Россия действительно увеличила число войск на границе с Афганистаном для давления на Великобританию, хотя это не привело к особо ощутимым результатам из-за умелого противодействия английской дипломатии. Однако, с другой стороны, влияние России в Персии (Иране) (как экономическое, так и политическое) резко возросло. – Прим. авт.- сост.

253> Эмеритура (латинское эмеритус – заслуженный) – в дореволюционной России специальная пенсия уволенному в отставку государственному служащему, пособие вдовам, сиротам из сумм эмеритарной кассы, средства которой составлялись из обязательных исчислений от жалования государственных служащих. В зарубежных странах словосочетание «профессор эмеритус» означает: профессор на пенсии.

254> Отбояриться (разг.) – уклониться от чего-нибудь, отделаться от кого-нибудь.

255> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 95–98.

256> Видимо, имеется в виду нынешний город Запорожье, Украина (до 1921 г. – город Александровск).

257> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 99–103.

258> Дизентерия – острая заразная болезнь кишок, кровавый понос.

259> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 103–104.

260> Бомбардир – в царской армии ефрейтор в артиллерии.

261> Каннибал (от испанского canibal – людоед). Каннибализм – людоедство.

262> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 105–114.

263> Варшавский дневник. 26 марта (8 апреля) 1900. № 85.

264> Согласно Табелю о рангах так обращались к чинам 6-8-го классов (от капитана до полковника), то есть хитрый торговец имел подпоручика **Покровского**, которому до капитана было ещё две ступени военной карьеры – поручика и штабс-капитана, – титулом «Ваше Высокоблагородие», вместо «Ваше Благородие».

265> Беспечный, залихватский, отчаянный.

266> Варшавский дневник. 21 марта (3 апреля) 1900, № 80.

267> Московские ведомости. 14 (27) марта 1900, № 73.

268> Энский – (от названия латинской буквы N) употребляют как условное обозначение названия, не подлежащего оглашению.

269> Варшавский дневник. 24 марта (6 апреля) 1900. № 83.

270> Барышня – в данном значении – девушка из интеллигентной семьи.

271> Варшавский дневник. 20 апреля (3 мая) 1900, № 108.

272> Варшавский дневник. 22 апреля (5 мая) 1900, № 110.

273> Варшавский дневник. 23 апреля (6 мая) 1900, № 111.

274> Варшавский дневник. 9 (22) мая 1900, № 127.

275> Гильдия (нем. Gilde) – в Западной Европе в Средние века – объединения купцов (в Англии также и ремесленников) защищавшие интересы и цеховые привилегии своих членов; в данном значении – сословные объединения купцов в дореволюционной России; в зависимости от величины капитала купцы делились на три гильдии, при этом не менее 90% всех русских купцов принадлежало к третьей и второй гильдиям, члены которых в отличие от купцов первой гильдии не пользовались уважением. – *Прим. авт.- сост.*

276> Дёготь – тёмный смолистый жидккий продукт, получаемый путём сухой перегонки дерева, торфа или каменного угля. Применяется для смазки трещущихся частей механизмов.

277> Вахта (нем. wacht) – караул, стража, дежурство на корабле. В данном значении – промежуток во время которого вахтенная смена несёт дежурство (обычно два–четыре часа).

278> Варшавский дневник. 4 (17) июня 1900, № 151.

279> Варшавский дневник. 6 (19) июня 1900, № 153.

280> Петербургская газета. 16 января 1900, № 15.

281> Варшавский дневник. 9 (22) июня 1900, № 156.

282> Академик – в данном значении – выпускник академии Генерального штаба.

283> Шлейф – мясо.

284> Варшавский дневник. 27 июня (9 июля) 1900. № 172.

285> Кубанское казачье войско – с 1860 по 1920 г. – часть российского казачества, жившего в Кубанской области (ныне – Краснодарский край и часть современного Ставрополья). Общее число кубанских казаков состояло из 1,4 миллионов человек, в основном – потомки донских и запорожских казаков. Сотник – офицерский чин в казачьих войсках, соответствовавший чину поручика русской армии. Казак от тюркского – удалец, вольный человек. Так с конца XV в. стали называть вольных людей, живших на окраинах Русского государства. Позднее, в XVIII–XX веках, их потомки превратилось в казачество – военное сословие России (в сущности, нерегулярные войска). Всё мужское население с 18 до 36 лет было обязано нести военную службу, в частности, 4 года строевой и восемь лет на льготе (с лагерным сбором). Казачество играло большую роль, особенно

в войнах XIX века. В Перовую мировую войну 1914–1918 гг. оно выставило до 250 000 человек, и гораздо больше – в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. Казачество подвергалось огромным притеснениям при большевиках (в частности, из-за проводимого так называемого «расказачивания» в Гражданскую войну 1917–1922 гг. погибло свыше двух миллионов казаков – тогда, по приказанию **Якова Свердлова, Льва Троцкого (Лейбы Бронштейна)** и **Владимира Ленина (Ульянова)**, да и других вождей-большевиков, за каждого убитого красные уничтожали десять казаков (как правило, женщин и детей), что поневоле заставило многих казаков записаться в Красную Армию), но с 1936 г. Советская власть стала проводить более гибкую политику для привлечения казаков к военной службе. (Тем не менее многие казаки во время Великой Отечественной войны добровольно шли на службу к фашистам, чтобы отомстить Советской Власти за «расказчивание» и насилийственную колективизацию.) К сказанному можно добавить, что в XX веке до 50% всего состава армейских офицеров в Советской и Российской армии являлись казаками по происхождению. Ныне общее число казаков в России составляет по разным оценкам от 4 до 4,5 миллионов человек и немалое их число служит в кадровых частях Погранвойск, Министерства обороны, равно как и в войсках других силовых ведомств.

286> Картуз – мужской головной убор с жёстким козырьком, неформенная фуражка; лёгкая шапочка разного вида, кожаная или из ткани, с козырьком; бумажный мешочек. Ранее картуз означал артиллерийский шерстяной мешок, с зарядом пороха для пушки.

287> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 115–117.

288> Базен (Bazaine) Амиль Франсуа (1811–1888), маршал Франции (1864). Участвовал во многих войнах, в том числе в Алжире (1835); Испании (1837); Крымской войне (1853–1856); австро-итало-французской (1859); итalo-французской экспедиции 1862–1867. Во время франко-пруссской войны 1870–1871 гг. командовал 3-м корпусом, а с 12 августа 1870 г. Рейнской армией, которую после сраже-

ний у Гравелот и Сен-Прива отвёл к крепости Мец, где армия была окружена прусскими войсками. 27 октября 1870 г. маршал **Базен** сдал Мец с 173 (200)-тысячной армией, что явилось в ту войну едва ли не величайшим позором в истории Франции (наряду со сдачей в 1870 г. 100-тысячной французской армии, возглавляемой императором **Наполеоном III** под Седаном). В 1873 г. военный суд приговорил **Базена** к смертной казни, заменённой 20-летним заключением. В 1874 г. он бежал из тюрьмы и до конца своих дней жил в Испании.

289> Видимо, **Евгений Августус** имел в виду удлинённые две-надцатифунтовые (76,2 мм) морские орудия, снятые со стоявшегося в Англии японского броненосца (дальнобойность снарядом весом от 5,6 до 6,38 кг до 8,3 км или снарядом со шрапнелью до 4,2 км). Они действовали в составе войск **Яна Гамильтона**, а позднее – в Западном Трансваале в составе 2-й кавалерийской бригады (*Тодер О.Я. Пушки в англо-бурской войне 1899–1902. Самиздат (Электронный журнал) 2004*).

290> Милиция (от латинского *militia* – войско) – армия, в которой комплектование войск личным составом и прохождение службы осуществляется на основе милиционно-территориальной системы; воинские части в мирное время имеют только небольшие кадры командного состава, а военнообязанные приписываются к частям по месту жительства (как в Швейцарии). Здесь **Августус** имел в виду английскую территориальную армию (корпус резервистов).

291> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 118–124.

292> Рысак – лошадь, специально выведенная и специально обученная не скакать галопом, её используют на ипподроме на бегах, поскольку при этом рысак бежит быстрее, чем галопом. Однако если эта лошадь становится под седло и она начинает идти галопом, поскольку это естественный ход лошади. Рысаком именуют также и лошадь, основной аллюр которой рысь (то есть быстроходна). Наиболее известные: орловский, русский и американский рысаки. Рысь – уско-

ренный аллюр в два темпа: лошадь переставляет одновременно две ноги по диагонали. Укороченная рысь (тrot) – длина шага около 2 метров, скорость – 13–15 км в час. При нормальной (половой рыси) длина шага – 2,2 метра, скорость до 20 км в час. Размашистая рысь – лошадь ставит задние ноги впереди следов соответствующих передних. Длина шага до 6 метров. Наибольшая скорость рысаков на расстоянии до 3 км составляет 50 км в час. Существует и учебная рысь (при езде в манеже для тренировки ног) – бросить стремена или не пользоваться ими и, держась ногами за круп (туловище) или холку (загривок) у лошади. При мелкой рыси – сильно трясёт – приходится чаще подниматься на стременах, при размашистой рыси не так трясёт.

293> Сестра милосердия русско-голландского санитарного отряда **Софья Изъединова** писала по поводу некоторой розни между гражданами бурских республик: «Ещё во время нашего пребывания в Фрейштате разговорным языком там был преимущественно английский. Страна исключительно земледельческая, не обладающаярудными запасами. Президенту (Оранжевого Свободного Государства) **Стейну** и его единомышленникам приходилось бороться именно с равнодушием молодого поколения, лично не испытавшего английского гнёта. Для достижения своих целей английская дипломатия не сумела воспользоваться очень определённой рознью, существовавшей до войны и даже в первые её месяцы, между населением обеих республик. Сколько раз высказывалось при нас убеждение, что на фрейштатцев нельзя положиться, что при первой неудаче они неизбежно выдадут союзников». (Изъединова С.В. Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 131–132.)

294> Кошут Лайлош (1802–1894) – государственный и политический деятель Венгрии, адвокат. Выступал за создание независимого Венгерского государства. В 1849 г., во время Венгерской революции 1848–1849 гг. был избран Верховным правителем Венгрии. В том же году эмигрировал в Великобританию. Заочно приговорён австрийским судом к смертной казни. Жил в Англии. Активно выступал за участие венгров в составе войск под руководством **Гарибалди** в войне Италии с Австро-Венгрией в 1866 г. Незадолго до смерти посе-

лился в Италии, где и скончался.

295> Характерная шляпа с пером – тирольская отличительная особенность. Тироль – земля на западе Австрии с центром в городе Инсбрук (часть исторических тирольских земель после Первой мировой войны перешла к северной Италии, где существует сепаратистское движение в пользу присоединения к Австрии или в пользу образования небольшого независимого государства). Тироль – промышленный, сельскохозяйственный и крупный туристский центр (альпинизм, горные лыжи). В начале XX столетия входил в состав Австро-Венгрии. Австро-Венгрия – с 1867 по 1918 г. – двойная (дуалистическая) монархия, в сущности, слияние Австрии и Венгрии ради сохранения австрийской Габсбургской монархии, потерявшей в 1866 г. после войны север Италии. Австро-Венгрия распалась после поражения в Первой мировой войне (1914–1918) на Австрию, Венгрию, Чехословакию. Часть земель Австро-Венгрии отошли к Югославии, Румынии и Польше.

296> Видимо, имеется в виду венгерский национальный марш, сочиненный неизвестным автором и посвящённый восстанию и длительной вооружённой борьбе венгерского народа в 1703–1711 гг. против австрийской короны под руководством **Ракоци (Ракоши) Ференца II**. Этот марш был использован венгерским композитором **Ференцом Листом** в рапсодии (свободном сочинении для фортепьяно) № 15, которая является образцом стиля национальной венгерской музыки под названием вербунок (вербункош). Также этот марш использовал французский композитор **Берлиоз** в музыкальном произведении «Осуждение Фауста», являющемуся по жанру драматической легендой, в котором используется либретто из «Фауста» **Гете** в переводе с немецкого. Это музыкальное произведение является гибридом между симфонией и оперой – часть действия идёт музыка, а часть – поют, то есть соединение черт симфонии и оперно-ораториальных (оратория – стоят и поют на сцене, но не в сценических костюмах и без действия на сцене, как в опере) жанров. Более подробно о народной музыке, послужившей основой как для марша, так и для музыкальных произведений двух великих композиторов, вероятно, мож-

но прочесть в книге венгерского музыковеда **Сабольчи**, изданной на русском языке. Вербункош (венгер. Verbunkos – вербовка) – стиль венгерской танцевальной музыки конца XVIII – первой половины XIX века, использующий сопоставление широких напевных мелодий медленного темпа и музыкальных отрывков в стремительно быстром темпе, связанных с напевами танцев и песен, сопровождавших вербовку новобранцев в армию.

297> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 168–175.

298> Карболка – разговорное название карболовой кислоты С6Н5ОН (то же, что фенол). Карболовая кислота применяется в медицине как антисептическое и дезинфекционное средство.

299> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 175–179.

300> Горлица (горлинка) – небольшая птица из семейства голубиных.

301> Варшавский дневник. 15 (28) ноября 1900, № 312.

302> Англичане использовали в этом бою 27 февраля 1900 г. (не считая полевых и морских орудий) 22 пулемёта **Максим**, стрелявших по целям одновременно. Потери у англичан составили 87 убитыми, 427 ранеными и девять пропавшими без вести. А буры потеряли 34 убитыми и смертельно ранеными. 115 раненых они смогли эвакуировать, 83 бура включая раненых, попали в плен (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria, 2000. P. 111–112*).

303> Генерал **Буллер** в 20-х числа февраля 1900 г. использовал против Питерс-хил (Pieters Heights) 70 из 85 (91) имевшихся у него в наличии артиллерийских орудий, в том числе калибра 120 мм (4,7 дюйма). Часть буров убежали, часть перешли на другие позиции выше на холме. Участники того боя потом признавали, что артоб-

стрел явился самым страшным для них испытанием за всю англо-бурскую войну. У буров было на Питерс-Хил 11 артиллерийских орудий (по материалам Музея англо-бурской войны).

304> Бомба – в данном значении – разрывной артиллерийский снаряд.

305> Возможно, разрыв ствола был связан и с использованием бурами укороченного патрона (7x53 мм) (**Кортнек**) вместо стандартного патрона (7x57 мм) для винтовки **Маузер**. – *Прим. авт.- сост.*

306> Согласно данным господина **Джорджа Чедвика**, знатока военной истории Наталя, **Евгений Августус** описал сражения за высоты Хартхил (Hart's Hill) и Грин-хил (Green-Hill) (*Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 35*).

307> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшава, 1902. С. 179–184.

308> Московские ведомости. 20 февраля 1900, № 51.

309> Героями тех событий являлись «поджигатели англо-бурской войны» **Родс** и **Чемберлен**, вожди африканеров – **Крюгер**, **Рейц** и **Стейн**, вожди англичан – **Солсбери**, **Чемберлен** и **Мильнер**, герои буров – **Деларей**, **Бота**, **Девет**, герои англичан – **Баден-Пауэлл**, **Кекевич**, **Вайт**, **Робертс**, **Китченер**, **Френч**, **Гамильтон**; «забытые герои» – **Принслоо**, **Смэтс**, **Терон**, **Лоттер**, **Шеперс** (**Схеперс**), **Крицингер**, у британцев – **Кнокс**, **Юл**, **Ламбтон**, **Бенсон**, **Скотт**, **Пламмер** да и многие другие с обеих воюющих сторон. – *Прим. авт.- сост.*

310> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1901, № 7. С. 671–673.

311> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 115–116.

312> Буллер намеревался окружить отступавших буров, но часть из них смогли прикрыть отход своих сильным ружейным огнём, что и заставило англичан отказаться от ночного преследования африканеров (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 112.*).

313> Шомпол – металлический стержень для чистки и смазки канала ствола ручного стрелкового оружия.

314> Золя (1840–1902) – французский писатель. Автор романов «Рутгон-Макконы», «Жерминаль», «Накипь», «Разгром».

315> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1901, № 9. С. 877–881.

316> Манишка (устаревшее) – бельевой нагрудник, одевавшийся под жилет, часть обязательной мужской одежды образованных слоёв населения.

317> Гарриет Бичер-Стоу (1811–1896) – роман американской писательницы «Хижина дяди Тома», написанный в 1852 г. и повествующий об ужасах негритянского рабства в южный штатах США.

318> Цирцея – в древнегреческой мифологии дочь **Гелиоса**, волшебница, обратившая в свиней спутников **Одиссея**, а затем вернувшая им человеческий облик, но державшая самого **Одиссея** при себе в течение года. В переносном смысле **Цирцея** – коварная соблазнительница.

319> Барак (балаган, шалаш) – временные лёгкие строения для размещения войск или рабочих.

320> Ревматизм – болезнь суставов и мышц с поражением сердечно-сосудистой системы, обычно сопровождающаяся острыми болями, ломотой.

321> Подпоручик запаса гвардии (штабс-ротмистр запаса кавалерии) (и отнюдь не князь, а простой дворянин) **Алексей Николаевич Ганецкий** умудрился перед отъездом в столицу дальние края громогласно объявить в Петербурге, что направляется воевать за правое дело буров, что, однако, не помешало ему сначала проехаться по Европе и заглянуть в Париж. Добравшись, наконец, до Трансваала лишь в марте 1900 г., он то пьянизовал, то храбро сражался, не забывая при этом об усиленной саморекламе, командуя Русским отрядом добровольцев, получил тяжёлое ранение (по другим сведениям, контузию) в одном из боёв в апреле 1900 г., но не пользовался большим уважением среди соотечественников-добровольцев, справедливо полагавших, что он мог бы значительно меньшее внимания уделять кутежам и гулянкам в тылу, если приехал воевать, а не прохладжаться. **Ганецкий** отличался огромной храбростью. Сами буры очень хорошо относились к отряду, которым командовал подпоручик **Ганецкий**. В дальнейшем, согласно семейной легенде, по возвращении на родину в лаврах пролившего свою кровь героя-добровольца **Ганецкий** выгодно женился на богатой мещанке **Вере Ивановне Фирсановой** – владелице Сандуновских бань и 23 домов в Москве и богатого имения Средниково в Подмосковье (на самом деле он женился на ней ещё в 1893 г. и успел развестись до поездки на театр англо-бурской войны. – Прим. авт.-сост.), вёл довольно разгульный образ жизни и скончался около 1908 г. в Париже, по некоторым сведениям от ран, полученных во время участия в англо-бурской войне. Согласно семейной легенде цыганка нагадала **Ганецкому** в детстве, что он умрёт от руки негра, поэтому его родственники сильно обеспокоились, когда он поехал в бурские республики. Однако там он остался цел, а через несколько лет, будучи в Париже на выставке, **Ганецкий** решил показать свою удачу и взялся за динамометр (измеритель силы), сделанный в виде руки негра. От перенапряжения открылись его старые раны, полученные в Южной Африке, и через несколько дней он скончался (по материалам профессора **А.Б. Давидсона**). Вероятнее всего «старые раны» были последствием неудачной попытки застрелиться. До 1890 г. Сандуны у **Фирсанова** арендовал купец **Петр Бирюков**, пока наследница **Ивана Фирсанова**, его дочь **Вера**, не передала бани своему мужу **Алексею Ганецкому**, за которого вышла замуж в

1893 г. (Ранее она развелась со своим первым мужем банкиром **Ворониным**, за которого вышла по требованию отца, заплатив ему отступные в размере миллиона рублей.) **Алексей** же сразу предложил ей вместе делами заниматься. **Вера** дивилась: надо же, супруг не на состояние её претендует, а хлопоты разделить хочет! **Вера** отправилась в банк, выписала чеков на полмиллиона рублей и приказала выдать их мужу на расходы по делам. Однако поручик нашёл чекам иное применение – обменял на прежние долговые (об этом **Вера** долго не знала) и очень скоро посетовал, что денег не хватает и надо к банному делу присмотреться. Плату назначить десять рублей и открыть «банный» кредит без ограничения. А у мужа и новое предложение на готове: «Надо бы о мировых новинках банного дела разузнать. Съезжу-ка в Европу и Турцию, сама знаешь, сколь турецкие бани славятся!» Мировое «банное турне» растянулось больше чем на год. В дом на Пречистенке исправно летели телеграммы: «Осмотрел Париж. Еду в Ирландию. Вышли денег. Целую»; «Осмотрел Лондон. На очери-ди Вена. Перешли деньги»; «Приплыл в Стамбул. Дел много. Задерживаюсь. Телеграфируй сумму». Вернулся **Ганецкий** с грандиозными планами. **Ганецкий** решил полностью снести уже обветшавшее зда-ние Сандиновских бань и на его месте построить новые бани. Победил в конкурсе проект венского архитектора **Бориса Фрейденберга**, который предложил эклектичную архитектуру с элементами барокко, рококо, готики и классицизма. Над созданием атмосферы роскоши, помимо **Б. Фрейденберга**, трудился архитектор академии художеств **С.М. Калугин**. В отделке помещений зодчие использовали материа-лы, завезённые из Европы: норвежский и итальянский мрамор, ка-фель и плитку для пола из Англии, Германии, Швейцарии и других стран. Пользуясь постройкой бань, **Ганецкий** в какие-нибудь не-сколько месяцев обменял на банковские чеки, подписанные его же-ной, свои прежние долговые обязательства, которые исчезли в огне малахитового камина в кабинете «отставного ротмистра гвардии», променявшего блеск гвардейских парадов на купеческие миллионы. Освящение новых Сандинов состоялось 23 мая 1896 г. Великолепное трёхэтажное здание, роскошные залы, отделанные мрамором и гра-нитом, уникальные интерьеры – арабский дворик, мавританский зал, готический зал, ирландская и русская парные, античный бас-

сейн. Для получения чистой воды специально для бани был проложен водопровод от Бабьевской плотины, находившейся в районе современной фабрики «Красный Октябрь», а в банях установлены фильтры «Нептун» американского производства. Для получения особо чистой воды на территории бани был вырыт артезианский колодец. Вода для Сандунов поступала по специально сооружённому водопроводу, который тянулся мимо храма Христа Спасителя к Пречистенским воротам, затем по Волхонке и Моховой в Охотный Ряд. Пройдя через Театральную площадь, водовод огибая угол Малого театра и по Неглинному переулку доходил до Сандуновского, достигая того здания, где находились резервуары. Примечательно, что через каждые 100 м на водопроводе располагались пожарные краны, предназначенные для доставки воды при тушении пожаров в близлежащих местностях. Так технические новшества Сандуновских бань стояли на страже безопасности города. Кроме того, бани могли снабжаться водой из городского водопровода, для чего провели специальную трубу между Неглинным проездом и Рождественкой. Для нагрева воды использовались три котла, нагреваемые при помощи мазута. Освещение в банях было электрическим и обеспечивалось тысячью 16-ваттных лампочек, которые питались от электростанции, построенной при банях. Устроенная особым образом вентиляция всех помещений бани обеспечивала двукратный объём воздуха в час. Ничего подобного Москвы в этой области до сих пор не видела. Масса света и воздуха, помещения отделаны с удобствами и изяществом, с прекрасным бассейном и общим высоким уровнем художественной отделки. Практически это была целая фабрика: со своей котельной, мастерскими, служебными помещениями, кладовыми белья. Только банищиков здесь трудилось около 400 человек. Многие известные люди посещали бани – **Фёдор Шаляпин**, великие князья **Романовы**, **Чехов** и **Гиляровский**, который посвятил Сандунам лучшие страницы своей книги «Москва и москвичи». Слушая похвалы «**баниям Ганецкого**», **Вера** гордилась мужем. Не верила слухам о его карточных проигрышах и гуляниях. Но однажды утром приехал к ней управляющий банком и выложил, что господин **Ганецкий** проигрался, подписал залог на «Сандуны». **Ганецкий** отсыпался после очередной картёжной ночи. **Вера** выкупила залог на **Сандуны** и послала за виновником.

Объявила ему, что желает развода. Это была трагическая сцена. Вначале **Ганецкий** хотел застрелиться, но после неудачной попытки заставил миллион отступного. **Вера** оплатила ему отступную за развод. Интересно, что **Ганецкий** из револьвера тяжело ранил себя в живот, пытаясь застрелиться, но выжил, хотя такие раны, как правило, смертельны, он объяснял позднее, что на него нашло затмение и какая-то неведомая сила заставила его направить ствол пистолета в живот. **Ганецкий**, получив отступные, после аукциона по распродаже своего конного племенного завода, разорился и отправился добровольцем на англо-бурскую войну. Впрочем, современники считали, что **Фирсанова** тоже вела довольно свободный образ жизни и часто изменяла мужу, как и он ей. **Ганецкий** сёк её за это нагайкой и поколачивал, хотя и сам не отличался верностью и славился разгульным поведением и своими многочисленными романами. А **Вера Фирсанова** несмотря на семейные неурядицы и второй развод, умело вела свои торговые дела и решила создать в Москве уникальное учреждение торговли – Петровские пассажи. С этой целью она продаёт два солидных участка земли в столице с принадлежащими ей домами и получает крупную сумму, на которую и началось строительство нового магазина-пассажа. В переводе с французского «пассаж» означает переход, проход. Пассаж планировался таким образом, чтобы торговые залы не изолировались друг от друга и внутреннее пространство было единым, просторным, привлекательным. За работу взялся уже знакомый **Вере Ивановне** талантливый архитектор **Сергей Михайлович Калугин**, который активно работал и при строительстве Сандуновских бань и пришёлся своим мастерством ко двору. Строить начали, разобрав старые, работа длилась три года, общая стоимость составила свыше 1,5 млн рублей. Открытие пассажа состоялось в начале февраля 1906 г. Громадные арки по улице Петровка приглашали в две торговые линии Петровского пассажа, что тянулся своими прилавками до Неглинной улицы сквозным проходом. Покупатели, находившиеся в центре пассажа или галерее, легко охватывали взглядом великолепие его отделов. Все восхищались огромными витринами с цельным, «бемским» стеклом, изящной осветительной арматурой, литыми решётками, общим высоким вкусом отделки. Особое впечатление производили полные света и солнечных лу-

чей высокие своды залов – уникальная эта конструкция была детищем известного инженера **Владимира Шухова**. Петровский пассаж по праву стал признанным торговым центром Белокаменной. После революции 1917 г. **Вере Ивановне** отвели одну комнатку в коммунальной квартире в доме на Арбате, недавно целиком ей принадлежавшем. **Фирсанова** в 1928 г. с помощью **Шаляпина** эмигрировала в Париж, где и скончалась в 1934 г. (по материалам Интернета).

322> Гергя(й) Артур (1818–1916) – венгерский политик. Государственный и военный деятель Венгерской революции 1848–1849 гг. С марта 1949 г. – главнокомандующий венгерской армией, с апреля – военный министр. Вынудил **Кошуто** уйти в отставку, а сам, став диктатором, капитулировал. Был помилован за предательство (которое состояло не столько в капитуляции, сколько в том, что он не использовал имевшиеся возможности во время войны с Австрией, дав ей время после поражения собрать силы).

323> Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, автор приключенческих романов для юношества «Пионер», «Последний из могикан», «Прерия», «Зверобой, или Первая тропа войны», «Лоцман», «Красный корсар» и др.

324> Юнга (нем. Junge – мальчик, юноша) – младший матрос. В данном значении – подросток на судне, обучающийся морскому делу.

325> Вольноопределяющийся – военнослужащий русской или иностранной армии, добровольно поступавший после получения высшего или среднего образования в армию на должность рядового и несшего службу на льготных условиях (сокращённый срок службы и срок выслуги в чинах, возможность жить на собственные средства вне казарм, обязанность по окончании срока службы держать экзамен на звание младшего офицера, в России – прапорщика).

326> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1901, № 9. С. 881–889.

327> Приварочные (разговорное) – пищевое, горячее довольствие. В переносном значении – добавок, прибавка.

328> Order (Ордер) от латинского *ordo* – порядок – письменный приказ, распоряжение (например, о праве на получение боеприпасов и продуктов).

329> **Коларов** написал несколько писем другу в Софию, который передал их в газету и некоторые из них (первое по цензурным соображениям не было напечатано) были опубликованы в софийской газете «Народни Правда» 20 июня 1900 г. в № 68. **Коларов** писал, в частности, что война – это страшная вещь (*Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998, P. 56*).

330> Гайдамак – в XVII – XVIII вв. – украинский казак, участник казацко-крестьянских восстаний против польских помещиков на правобережной Украине в XVIII веке. Особого размаха достигло в 1750–1760 гг. (крестьянские войны). Прекратилось после присоединения правобережной Украины к России. В данном значении слова, видимо, имеются в виду гайдуки. Гайдуки – южнославянские, молдавские и венгерские партизаны, которые в XVII – начале XX веков вели вооружённую борьбу против турецких завоевателей. В частности, в Болгарии гайдуки в войну 1877–1878 гг. вместе с русскими и румынскими войсками боролись против турецкого ига и затем влились в ряды болгарских войск.

331> Линия – старинная мера длины равная 2,117 мм (не путать с линией – русской мерой длины равной дюйму, т.е. 25,4 мм). Непонятно, почему указан патрон .38 калибра в дюймах (9–9,3 мм) (9,65 мм) или восьмилинейный, поскольку здесь, по-видимому, имеется в виду американская шестнадцатизарядная (патроны расположены в прикладе) винтовка **Винчестера** 44-го калибра (патрон 11,2x33,3 мм), выпускавшаяся в количестве 16 000 единиц в 1862–1866 гг. У буров встречались также два вида пятнадцатизарядной (патроны расположены в прикладе) американской винтовки **Винчестер – Винчестер модель 1873 г. (Winchester Model 1873)** и **Вин-**

честер модель 1876 г. (патрон – 11,2x33,3R или 44-40 дюйма, вес – 4,3 кг, длина – 1250 мм). (Винтовка, карабин и спортивное ружьё **Винчестер** выпускались в 1873–1919 гг. Было произведено примерно 720 000 единиц. Их не следует путать с однозарядным американским охотничим ружьём **Винчестер модель 1885 г.**, выпускавшемся в 1885–1920 гг. в количестве 200 000 единиц (*Bester R. Small Arms of the Anglo-Boer War 1899–1902*. Brandford. 2003. С. 138)

332> Винчестер Оливер Фишер (Winchester Oliver Fisher) (1810–1880) – известный американский промышленник, создатель магазинной винтовки **Винчестер**. Американская винтовка **Винчестер** 44-го калибра (образца 1866 г.) (калибра 11,2 мм), о которой говорил **Коларов** была знаменитой в 60-х годах XIX века, и ко времени англо-бурской войны безнадёжно устарела (её было у буров до 150 единиц – не путать с помповым охотничим пятизарядным ружьём **Винчестер**, образца 1895 г., выпускавшимся с 1893 по 1957 г. в количестве свыше 1 024 000 единиц, применявшемся в качестве окопного ружья во многих войнах, включая обе мировые).

333> Дрейфусовскими физиономиями – **Августус** вероятно, имел в виду слегка закрученные усы, которые носил капитан французской армии **Дрейфус**, чье судебное дело по обвинению в шпионаже в пользу Германии надело в то время много шума. В 1894 г. французский военный министр **Мерсье** выдвинул против офицера Генерального штаба капитана **Альфреда Дрейфуса**, еврея по национальности, ложное обвинение в продаже Германии секретных военных документов. Военный суд, несмотря на отсутствие доказательств, приговорил его к пожизненной каторге на Карибских островах. В 1896 г. было установлено, что документы передал другой офицер – майор **Эстергази**. Это сообщение проникло в печать и началась волна протеста, но суд оправдал настоящего преступника. В январе 1898 г. писатель **Золя** обратился с открытым письмом к французскому президенту под заголовком «Я обвиняю», – в котором заявил, что сознательно осудили невиновного. **Золя** был приговорён к году тюрьмы, но избежал наказания, уехав в Англию. Новый суд над **Дрейфусом** состоялся в 1898–1899 гг., но лишь уменьшил срок приговора. В

1899 г. он был помилован президентом, но лишь в 1906 г. был полностью реабилитирован и восстановлен в армии.

(Интересно, что во французской армии офицеров – сторонников **Дрейфуса** – выпихивали со службы или задерживали карьерный рост, а противников – производили в следующие чины, не взирая на способности; затем, после реабилитации **Дрейфуса**, его противников стали «выпихивать» из армии в отставку, что сильно ослабляло французскую армию на радость кайзеровской Германии.)

Кратко скажем о биографии **Дрейфуса: Альфред Дрейфус** родился в 1859 г. в городе Мулюз (Эльзас) в семье фабриканта. После франко-прусской войны (1870–1871) семья переехала в Париж. **Дрейфус** окончил политехническое училище и поступил инженером на службу в армию. В 1889 г. получил чин капитана и с 1892 г. стал служить в Генеральном штабе. Осенью 1894 г. в руки военной разведки попало письмо, в котором неизвестный французский офицер сообщал германскому военному атташе в Париже полковнику **Шварцкоппену** об отправке ему секретных военных документов. На основании некоторого сходства почерка и предвзятости руководителей разведки в измене заподозрили **Дрейфуса**. Несмотря на расхождение во мнениях экспертов-графологов относительно авторства перехваченного письма, 15 октября 1894 г. **Дрейфус** был арестован и по распоряжению военного министра генерала **Мерсье** предан военному суду. Доказательства обвинения не были тщательно проверены, но военный суд в декабре 1894 г. признал **Дрейфуса** виновным и приговорил его к лишению чинов и званий и к пожизненной каторге во Французской Гвиане. 5 января 1895 г. на Марсовом поле в Париже **Дрейфус** был подвергнут унизительной процедуре разжалования, во время которой он непрерывно восклицал: «Я невиновен!» В марте 1896 г. французская разведка перехватила письмо **Шварцкоппена** французскому майору **Эстергази**, из которого следовало, что последний является немецким агентом. Новый начальник французской разведки полковник **Пикар** установил, что документ, на основании которого **Дрейфус** был предан суду, написан **Эстергази**. Однако помощник **Пикара** майор **Анри** сфабриковал документ, в котором прямо говорилось об измене еврея. Полковник **Пикар** был смешён со своего поста и отправлен служить в Африку, но перед отъездом он пере-

дал сведения об обнаруженных им фактах в сенат. Во французском обществе разгорелась яростная борьба сторонников разных мнений о деле **Дрейфуса**. (Страна фактически раскололась на дрейфусаров и антидрейфусаров.) 13 января 1898 г. в газете «Опор» (Заря) появилось открытое письмо писателя **Эмиля Золя** президенту Франции под заголовком «Я обвиняю». В своём письме **Э. Золя** защищал **Дрейфуса** и обвинял министров, Генеральный штаб и военный суд в том, что они сознательно шли на фальсификации, чтобы обвинить **Дрейфуса** и выгородить изменника **Эстергази**... Летом 1898 г. подлоги майора **Анри** были обнаружены: 30 августа 1898 г. он был арестован и на следующий день покончил с собой в тюрьме. **Эстергази** бежал в Лондон, где публично признал, что он был автором письма, за которое осудили **Дрейфуса**. (Антидрейфусары, в свою очередь, полагали, что ему хорошо заплатили за признание.) Несмотря на это, во время пересмотра дела **Дрейфуса** 9 сентября 1899 г. военный суд вынес обвинительный приговор **Дрейфусу**. Однако президент Франции **Э. Лубе** по предоставлению правительства 19 сентября 1899 г. помиловал **Дрейфуса**. В 1903 г. **Дрейфус** подал кассационную жалобу и потребовал нового расследования, которое закончилось в июле 1906 г. Апелляционный суд объявил **Дрейфуса** невиновным. **Дрейфус** был восстановлен в правах и вернулся в армию. Он получил звание майора, но вскоре подал в отставку. [Полной реабилитации **Дрейфуса** добилось почти всесильное тогда во Франции франкмасонство.] В 1908 г. во время перенесения праха **Эмиля Золя** в Пантеон **Дрейфус** был ранен выстрелами журналиста-антидрейфусара. Во время Первой мировой войны **Дрейфус** служил во французской армии и окончил войну в звании подполковника. Ещё до своего оправдания **Дрейфус** написал «Письмо невиновного» (1898 г.) и книгу мемуаров «Пять лет моей жизни» (1901 г.). Умер **Альфред Дрейфус** в Париже в 1935 г. (Знаменитые евреи... Краткие биографии. М., 1997. С. 191–194). Однако необходимо заметить, что некоторые современные французские исследователи убеждены, что не только **Дрейфус** и **Эстергази**, но и некоторые другие, куда более высокопоставленные лица в армейской и финансовой верхушке страны, были напрямую замешаны в шпионаже в пользу Германии (ещё в 1917 г. выяснилось, что многие парижские газеты, получавшие за время Первой мировой

войны основные доходы за счёт частных объявлений, часто печатали сами того не зная, зашифрованную переписку германских военных агентов). Стоит также сказать, что дело **Дрейфуса** настолько подорвало у французов веру в армию, что с 1899 по 1908 г. число кандидатов в престижную французскую военную академию Сен-Сир уменьшилось с 2000 до 700. И при этом германская армия насчитывала 830 000 человек, а французская – 350 000, и даже увеличение срока службы в феврале 1913 г. во французской армии с двух до трёх лет увеличило число солдат на 157 000 человек (в ответ Германия в 1913 г. увеличила число военнослужащих на 136 000 человек). Французские генералы рассчитывали только на кадровую армию, не понимая, что будет война огромных массовых армий. (Упор делался на наступление любой ценой и, позднее, это стоило Франции в 1914 г. 500 000 убитыми), игнорировалась техника траншей, самоокапывания пехоты, необходимость полевых кухонь, тяжёлой полевой артиллерии и пулемётов. В итоге Франция победила не кадровой армией, а с помощью мобилизованного народа (в том числе сотен тысяч солдат-негров и арабов из французских колоний), но при этом французская пехота потеряла убитыми и ранеными 70% своего состава, тогда как германская – 40%. (Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М., 1973. С. 27. С. 38–39, 86–87.)

334> Сеславин А.Н. (1780–1858) – русский офицер, прославившийся партизанскими действиями в Отечественной войне 1812 г. Окончил артиллерийский кадетский корпус. Участвовал в войне с Францией в 1805–1807 гг., в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., в заграничных походах русской армии в Европу в 1813–1814 гг. Многократно ранен. За храбрость у мужество в Бородинском сражении получил орден Георгия 4-го класса. В сентябре 1812 г. капитан артиллерии **Сеславин** был назначен командиром армейского партизанского отряда, с которым осуществлял активные боевые действия, многократно сообщая командованию ценные разведданные. При отступлении французов из Москвы **Сеславину** удалось обнаружить движение наполеоновской армии к Малоярославцу и вовремя сообщить об этом главнокомандующему **Кутузову** и не дать тем самым французам возможности прорваться на не затронутую войной Украину. Осе-

нью 1812 г. отряд **Сеславина** участвовал в освобождении Вязьмы, Вильно, в проведении Ляховской операции, за которую получил чин полковника. За сражение под Лейпцигом был произведён в генерал-майоры, позднее получил чин генерал-лейтенанта.

Денис Васильевич Давыдов (1784–1839) – национальный герой России, поэт и военный писатель, активный участник Отечественной войны 1812 г., партизан, гусар. По происхождению из богатых дворян – землевладельцев. Служил в гвардии. За злые возмутительные стихи – к примеру, басню «Голова и ноги» (с намёком на самодержавную власть царя **Александра I**):

...Раз ты имеешь право управлять,
То мы имеем право спотыкаться...

В 1803 г. был переведён из Санкт-Петербурга в захолустный гусарский полк. Воспевал в своих стихах гусар. Участвовал в боях с Наполеоном (1807), в завоевании Финляндии (1808–1809) и в русско-турецкой войне 1809–1910 гг. В 1812 г. явился одним из организаторов партизанских отрядов резавших линии коммуникаций в тылу наполеоновской армии. Так, к примеру, партизанские отряды **Фигнера, Сеславина, Давыдова, Орлова-Денисова** захватили 28 октября 1812 г. 2000 пленных. Партизаны изничтожали обозы и кавалерию, захватывали запасы продовольствия. Позднее активно участвовал в заграничных походах 1813–1814 гг. и, в частности, во главе отряда казаков захватил предместье Дрездена и уговорил местный гарнизон капитулировать. В 1827 г. участвовал в русско-турецкой войне и в 1831 г. в подавлении польского восстания. С 1832 г., в отставке после 30 лет службы, в чине генерал-лейтенанта кавалерии. Автор интереснейших воспоминаний о войне 1812 г. и прекрасных стихов. Несколько песен на его стихи, в частности, написанный в 1834 г. романс:

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений
И мимолётных сновидений
Не возвращай, не возвращай!
Не повторяй мне имя той,
Которой память – мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны

Изгнаннику земли родной.
 Не воскрешай, не воскрешай
 Мои забывшие напасти,
 Дай отдохнуть тревогам страсти
 И ран живых не раздражай.
 Иль нет! Сорви покров долой!...
 Мне легче горя свое волье,
 Чем ложное хладнокровье,
 Чем мой обманчивый покой...

и некоторые другие романсы в жанре «гусарской лирики», в частности:

Я люблю кровавый бой
 Я рождён для службы царской... исполняются до сих пор.

Фигнер Александр Самойлович (1787–1813) – русский офицер, полковник. Во время Отечественной войны 1812 г. командовал крупным партизанским отрядом, сначала добровольческим, потом армейским. Неоднократно проникал в расположение противника, где пользуясь знанием многих иностранных языков доставлял важные сведения. Погиб при попытке переправиться с отрядом через реку Эльбу у местечка Дессау.

335> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1901, № 9. С. 885–889.

336> Устаревшее ныне вежливое обращение с прибавлением однобуквенного сокращения от слова сударь или сударыня. К примеру: Да-с (Да, сударь; Да, сударыня).

337> Хунхуз – (от китайского хунхуцды – краснобородый) – название участников вооружённых банд, действовавших в Манчжурии с середины XIX в. и до 50-х гг. XX века. Состояли в основном из разорившихся крестьян. Насчитывали до нескольких тысяч человек. Занимались разбоем и грабежами. По официальным данным, окончательно ликвидированы после победы компартии Китая в гражданской войне в 1949 г., а по неофициальным – существуют до сих пор в отдалённых горных районах страны.

338> Фейерверкер (нем. Feuer – огонь и Werker) – унтер-офицерское звание в артиллерии Русской армии. Унтер-офицер – первый военный чин, после звания рядового или ефрейтора.

339> Николай Степанович Ганецкий, генерал, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

340> Полька (чешское polka – буквально половина) – старинный чешский народный танец, очень живой и простой по форме. Исполняется парами по кругу. В 1-й половине XIX в. как бальный танец распространился по всей Европе.

341> Krakowiak (польск. Krakowiak) – старинный польский народный танец, парный бальный танец, созданный на основе соединения элементов народного краковяка с вальсом, музыкальный размер 2/4, темп быстрый или умеренно быстрый.

342> Mazurka (польск. Mazurek) – польский народный парный танец, образно передающий элементы кавалерийской езды, распространялся в XIX в. в странах Европы как сценический и бальный танец, музыкальный размер – от 3/4 до 3/8, темп от умеренно-быстро-го до быстрого.

343> Тут, вероятно, намёк на Лиссабонский договор 1703 г., провозгласивший вечный союз Англии и Португалии и на Метузеновский договор 1703 г., которые позволили англичанам в короткий срок овладеть португальской внешней торговлей и превратить Португалию в политически и экономически зависимую от Великобритании страну.

344> Александр Шульженко родился и вырос в Бакинской губернии (ныне – территория Азербайджана), поэтому свободно владел азербайджанским языком, относящимся, как и турецкий, к огузской группе тюрksких языков.

345> Берсальеры (итал. Bersagliere) – особые стрелковые части итальянской армии, натренированные в стрельбе и быстрых маршах. Особенностью их военной формы является головной убор, украшенный чёрными петушиными перьями.

346> Гарибальдийцы (краснорубашечники) – добровольцы, сражавшиеся под руководством **Джузеппе Гарибальди** за освобождение и объединение Италии. **Гарибальди Джузеппе** (1807–1882) – национальный герой Италии. Родился в Ницце. Моряк. В 1834 г., после безуспешного восстания против австрийского владычества, бежал заграницу. Эмигрировал в Южную Америку, где сражался за независимость Южноамериканских республик Риу-Гранде и Уругвая. Там обнаружился его выдающийся талант полководца. В 1848 г. после восстания в Палермо вернулся на родину. До 1849 г. участвовал в боях с австрийскими и французскими войсками. Сардинские власти выслали его за границу. В изгнании до 1854 г. Но в 1854 г. разгорелась война Сардинии и Франции и его услуги срочно понадобились сардинскому королю. Но королевство потерпело поражение и Франции отошли Савойя и Ницца. В 1860 г. – вновь восстание в Сицилии. **Гарибальди** вскоре освободил Сицилию и освободил Неаполь. Но был вынужден передать власть над захваченными землями сардинскому королю **Виктору Эммануилу II**. Далее жил на острове Капрера. В 1862 г. безуспешно пытался освободить Папскую область. В 1866 г. успешно воевал с австрийскими войсками. В 1871 г. его войска вошли совместно с королевскими войсками в Рим, и долгая мечта **Гарибальди** об объединении Италии в единую страну, наконец, осуществилась. Но в это время он вместе с сыновьями и итальянскими добровольцами сражался во Франции, командуя Вагезской французской армией против вторгшихся туда прусских войск. Позднее **Гарибальди** более не принимал участия в активной политической деятельности, хотя и являлся членом парламента Италии. Здесь же, по-видимому, имеется в виду его сын **Ричиотти**.

347> Вероятно, имеется в виду известный в конце XIX в. подмосковный грабитель на дорогах, вагонный вор и вымогатель, бывший фабричный рабочий, пьяница и бандит **Василий Михалкин**,

по прозвищу **Васька Чуркин**, уроженец Богородского уезда Московской губернии, проживавший в Московской губернии в селе Запонорье, сбежавший с сибирской каторги и убитый за грабёж крестьянами подмосковной деревни Заволенье. Четыре придуманных романа «о жизни и деятельности» **Чуркина** под названием «Разбойник Чуркин» написал и опубликовал частями в своей газете в 1880-е годы **Н.И. Пастухов** – владелец жёлтой газеты «Московский листок» (Подробнее см. Гиляровский Вл. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. Москва газетная, М., 1989. С. 103–109, 257–258.)

348> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1902, № 1. С. 11–15

349> Сотня – в данном значении – войсковое соединение, состоявшее первоначально сто человек. К примеру, казачья сотня – подразделение, соответствовавшее эскадрону.

350> Зубцов – город, центр Зубцовского района Тверской области. Железнодорожная станция, пристань на реке Волга. (Интересно, что в марте 2009 г. на интернет-аукционе в городе Тверь «всплыла» серебряная монета ЮАР выпуска 1894 г., достоинством в 2 шиллинга, и проданная за 900 рублей (свыше 20 евро по тогдашнему курсу). Возможно, что её «завёз» в Россию в качестве сувенира именно **Диатроптов**.)

351> Радецкий Ф.Ф. (1820–1890) – российский военачальник, генерал от инfanterии (1877). В 1849 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Активный участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Войска под его командованием участвовали в сражениях под Шипкой, Шейново и Андрианополем. Позднее, до 1889 г. командовал войсками Киевского военного округа.

352> Тотлебен Э.И. (1818–1884) – русский военный инженер, фортификатор. Генерал-адъютант, один из героев Севастопольской обороны 1854–1855 гг., руководитель инженерных работ. В 1877 г. – главнокомандующий блокадной армией при осаде Плевны. В 1878 г.

– главнокомандующий русской армией, действовавшей за Балканами. С 1880 г. – генерал-губернатор в пограничных губерниях.

353> По поводу **Узатиса** историки говорят следующее: 30 августа 1878 г. **Скобелев** был произведён в генерал-адъютанты. Радостное событие было омрачено случаем, который впоследствии привёл к событиям загадочным и трагическим. Из шпаги с надписью «За храбрость», которой был награждён **Скобелев**, оказались вынуты пять самых крупных бриллиантов. Генерал вспышил. Он мог простить всё, даже трусость, но подлость и воровство расценивалось им как самые нижайшие человеческие качества. К ним он был непримирим. Штаб генерала отличался честностью. Но и в такой дружной семье не обошлось без урода. Вором оказался его ординарец поручик **Николай Узатис**. Пожалев молодого поручика и надеясь на его исправление, **Скобелев** в тот же день отчислил его в полк. Мог ли предположить тогда **Скобелев**, что через несколько лет от руки **Узатиса** падёт на болгарской земле его мать **Ольга Николаевна**. И вновь деньги станут едва ли не главным поводом для убийства... Во время русско-турецкой войны **Ольга Николаевна** одной из первых включилась в деятельность по созданию санитарных отрядов. Её стараниями в Болгарии была создана сеть приютов, больниц, где размещались сироты, вдовы, калеки... Ежегодно **Ольга Николаевна** совершала поездки в Болгию и, как правило, навещала основанный ею в Филиппополе приют на двести пятьдесят детей, родители которых были вырезаны башибузуками... Она намеревалась основать школу и заложить церковь в память о муже. Занимаясь благотворительными делами, она отказывалась от жандармского конвоя, говорила: меня и без того в этой стране хорошо знают. Её сопровождали **Смолякова** – директор одного из госпиталей, служанка, офицер **Петров** и унтер-офицер **Иванов**. Когда же она пересекла границу Восточной Румелии, то к ним присоединился **Николай Узатис**. Характеристики поручика настолько противоречивы: от храброго и милого офицера до бесчестного и пошлого человека с натурой авантюриста, что, как писалось в газетах, какою-то психической загадкой кажется это дело. Какие соображения могли руководить преступником, вся карьера которого создана сыном зарезанной им жертвы? **Узатис** узнал, что **Скобелев**

ва, кроме дорогих икон и церковной утвари везёт и большую сумму денег, по одним данным – один миллион рублей, по другим – восемь тысяч фунтов стерлингов. Очевидно, он уговорил **Ольгу Николаевну** ввиду сильной жары отправиться в путь вечером. В половине девятого на коляску, в которой ехали **Скобелев** и его спутница, напали вооружённые грабители. **Узатис** убил **Ольгу Николаевну** ударом сабли, а нанятые им убийцы расправились с горничной и офицером, и лишь **Иванову**, дважды раненому, удалось ускользнуть от нападавших и добраться до Филипполя. Спешно было организовано преследование, и отряд настиг убийц возле села Дермедере. В перестрелке подручные **Узатиса** были убиты, а сам он застрелился. Денег при них не оказалось (Костин Б.А. Скобелев. С. 180, 189–190).

354> Жандармерия (от фр. Gendarme – полицейский солдат) – особый вид тайной государственной полиции. Впервые была создана во Франции в 1791 г. для специального наблюдения за внутренним порядком в стране. Жандармерия делится обычно на государственную и военную полицию. В военном отношении она подчинена военному министру, а в своих полицейских функциях – министру внутренних дел. В России жандармерия впервые была создана в 1815 г. в виде отдельных полков, которые в 1827 г. были объединены в единый корпус жандармов. Жандармерия в России занималась в основном политических сыском и была упразднена в 1917 г. Что же касается **Евгения Максимова**, то он по происхождению был из семьи почётных граждан лифляндской губернии и действительно служил несколько лет жандармским офицером в 80-е гг. XIX столетия, где вырос по службе с чина капитана до звания подполковника. Однако никаких данных указывающих на то, что он являлся тайным сотрудником жандармерии или политической полиции (охранки) не обнаружено, хотя затем он в качестве корреспондента правой монархической газеты «Новое Время» работал за границей.

355> Монополию на производство спиртных напитков в Трансваале получила компания **Hatherley Distillery** – собственность русских евреев **Самуэля Маркса (Samuel Marks)** и **Исаака Льюиса (Isaac Lewis)**. Кроме того, капиталовложения в этой компании име-

ли ряд горнопромышленников Трансвааля. Их дивиденды доходили до 20% в год. Тем самым горные магнаты с одной стороны терпели убытки от постоянного пьянства рабочих-негров (до 25–30% из которых ежедневно не выходили на работу). Но пристрастие к спиртным напиткам заставляло чёрных рабочих продлевать рабочих свои контракты как минимум на полгода, чтобы заработать ту сумму, ради которой они и шли на тяжёлые горные работы (*Smith I.R. The Origin of the South African War L. NY. 1996, P. 53.*)

356> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, январь 1902, № 1. С. 15–25.

357> Чарка – сосуд для питья (большая рюмка). Чарка – русская мера жидкости. 1 чарка - 0,123 литра.

358> Реверс – (англ. Revers, от. лат. Revertor – поворачиваю назад, возвращаю) – реверсивный механизм, служащий для изменения направления движения машины (или отдельных её элементов на обратное). Реверсом также именуют оборотную сторону монеты или медали.

359> Ганнибал (247–183 гг. до новой эры) – карфагенский полководец. Во второй Пунической войне 218–201 гг. совершил переход во главе 100 000 войска из Испании в Италию через Пиренеи и Альпы и в 218 г. до новой эры, и в 217 г. у Тразименского озера, и в 216 г. – нанёс ряд поражений Риму. В 202 г. войско **Ганнибала** было разбито при Заме (Северная Африка) римским полководцем **Сципионом Африканским** старшим. **Ганнибал** бежал в Сирию, затем в Вифинию, где покончил жизнь самоубийством.

360> Подробный анализ ненависти к евреям дал **А.И. Солженицын** в книге «200 лет вместе» (2000 г.). Он показал, что единой причины антисемитизма не было. В частности, в разных областях Российской империи периодически возникали определённые проблемы между обособленными в своей общине пришельцами-евреями

ми и коренным населением. Например, причинами, возбуждающими рознь в «черте оседлости» были «несправедливые проценты» и активная торговля водкой под залог [и торговля входом в церковь – местное начальство в западных губерниях Российской империи брало у иудеев деньги в долг, а отдавало их, предоставляя ключи от православных церквей евреям, заставлявших христиан оплачивать вход в храм, что страшно озлобляло простое неграмотное или полуграмотное сельское (преимущественно украинское) население на «наглость христиопродацев»] (по материалам Интернета).

361> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1902, № 3. С. 212–219.

362> То же самое ещё в большей степени было характерно для Советской России. См. Селина В., Фадеев С. «Рабоче-крестьянская императорская армия... или рассказ о том, как русские дворяне и господа офицеры Советскую власть устанавливали» (в сети Интернет от 8 ноября 2004).

363> Конскрипция (внесение в списки, в набор) – способ комплектования войск. Основан на принципе всеобщей воинской повинности, в отличие от которой допускались заместительство и денежный выкуп. Существовала в конце XVIII – XIX веков во Франции, в России только для жителей Царства Польского в 1815–1874 гг.

364> Не совсем верно. Хотя Швейцария после Наполеоновских войн хорошо наживалась и наживается до сих пор на положении нейтральной страны и мощнейшего финансового и банковского центра Европы, но всегда обладала и обладает развитой промышленностью. Достаточно упомянуть производство наручных и настенных часов (прибыль от производства часов составила в 2008 г. 17 млрд швейцарских франков), ювелирных украшений, различных типов лёгких и тяжёлых вооружений, лёгких тренировочных самолётов, знаменитых швейцарских перочинных ножей, лекарств, сыра, шоколада и консервированной говядины. Всё производимое отличается отменным качеством и высокой ценой. Большие доходы Швейцария

получает от иностранных туристов. Много богатых иностранцев приезжают туда на постоянное место жительства. Кроме того швейцарский франк до сих пор является одной из самых стабильных мировых валют. – *Прим. авт.- сост.*

365> Пузыревский А.К. (1844–1904). Генерал от инфантерии, окончил Первый кадетский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой войне в отряде генерала **Ромейко-Гурко**, был трижды ранен. Написал ряд воспоминаний и книг по военным вопросам. С 1881 г. – адъюнкт-профессор, а с 1889 г. – профессор военной истории Николаевской академии Генерального штаба. С 1884 по 1890 г. – лектор Николаевской академии Генштаба, затем, с 1890 по 1901 г. – начальник штаба Варшавского военного округа; с 1901 г. – помощник командующего Варшавского военного округа.

366> Ратник – солдат государственного ополчения.

367> Вандам (Ван Дам) Жерар Мари Йохан (Van Dam Gerard Marie Johan) (1855–1940) – голландец по происхождению. В возрасте 11 лет переселился вместе с родителями в Трансвааль. Фермерствовал. Активно участвовал в войне 1880–1881 гг. С 1881 г. служил в южноафриканской полиции, командовал полицией Йоханнесбурга. С началом англо-бурской войны под его началом был отряд в 400 человек конной полиции. Участвовал в сражении при Никольснеке, в проведении разведки при наступлении африканеров в Натале. Участвовал в сражении при Спрингфонтейне и при осаде местечка Кирромскоп (12 февраля 1900 г. – был вынужден отступить, оставив пулемёт и восемь бойцов убитыми, 19 были ранены, но британцы потеряли 37 убитыми, 81 ранеными и 19 захваченными в плен). Его отряд позднее при отступлении охранял правый фланг бурских войск. В апреле 1900 г. участвовал в сражении у Христиании, в эвакуации Претории. Затем **Вандам** служил под началом генерала **Луи Бота** в Восточном Трансваале и был послан с миссией к королю Свазиленда, но попал в засаду 19 июля 1900 г., был серьёзно ранен. Тем не менее англичане разрешили ему проехать в Лоренсу-Маркеш, чтобы оправ-

виться от ран, а затем он содержался в Натале, а потом в Ледисмите под стражей в качестве военнопленного до конца войны. После окончания англо-бурской войны он был полтора года в США вместе с генералом **Фильюном**, участвуя в так называемом «бурском цирке» на всемирной выставке в Сент-Луисе. По возвращении в Южную Африку он стал инспектором полиции, затем начальником полиции в Потчефстроме и Рустенбурге. Ушёл в отставку в 1919 г. в звании майора. Скончался в 1940 г. Интересен и тот факт, что **Вандам** являлся великим мастером местной масонской ложи.

368> Питерс-Хилл (Pieters Hill). Место самого ожесточенного сражения в ходе последней (четвёртой) и, наконец, успешной попытки генерала **Редверса Буллера** деблокировать город Ледисмит во время англо-бурской войны. Потери англичан в этой операции с 19 по 27 февраля 1900 г. составили 1896 военнослужащих убитыми и ранеными.

369> Александр Македонский (Великий) (356–322 до новой эры) – один из величайших полководцев и государственных деятелей Древнего мира, царь Македонии. Воспитанник известного философа **Аристотеля**. Выдающийся военачальник. Уступая противнику численно **Александр Македонский** добивался превосходства на направлении главного удара путём согласования действий в совершенстве подготовленной конницы и очень стойкой тяжёло-вооружённой пехоты. Как правило, сочетал фронтальное наступление пехоты с фланговым ударом конницы. Он завоевал Грецию, а в 334 г. до новой эры разбил Персидское войско в Малой Азии. В следующем году захватил Малую Азию и Финикию, а в 322 г. без боя занял Египет. В 331 году нанёс персам окончательное поражение в Месопотамии и захватил Вавилон. В 330–328 гг. овладел частью Средней Азии. В 327 г. дошёл до Западной Индии, но вскоре, по требованию утомлённого долгими походами войска, отдал приказ о возвращении. Для укрепления своей власти основывал города-колонии (до 70, к примеру, Александрию в Египте). Завоевания **Александра Македонского** существенно расширили греческую колонизацию и торговлю. Но после смерти **Александра Македон-**

ского его огромная империя, состоявшая из множества народов, быстро распалась.

370> Надир-шах (1688–1747). В 1726 г. поступил на службу к шаху **Тахмаспу II**. Изгнал афганцев и турок из Ирана и объявил себя шахом. (Был шахом с 1736 по 1747 г.) Завоевал часть Армении, Грузии, Дагестана, Бухарского и Хивинского ханства, Афганистана, северо-западной Индии. Но порабощённые народы постоянно бунтовали, что наряду с мятежами феодалов привело к распаду империи **Надир-шаха** фактически ещё при его жизни. Он был убит в результате заговора.

Чингиз-хан, Чингизхан (Темучин) (1155–1227) – основатель единого монгольского государства, полководец, завоеватель. Родился в знатной семье. К 1204 г. разгромил основных соперников в борьбе за власть и, захватив обширные земли, стал главой населявших их многочисленных родоплеменных объединений. В 1206 г. был провозглашён великим ханом над всеми племенами с титулом **Чингиз** (от тюркского тенгиз – океан, море). Стремился к максимальному расширению подвластных ему земель. **Чингисхану** были характерны тщательная разведка, внезапность нападения, стремление расчленить силы противника, устройство засад с использованием специальных отрядов для заманивания неприятеля, маневрирование крупными массами конницы. В 1207–1211 гг. он подчинил Сибирь и Восточный Туркестан. С 1211 г. начал завоевание Китая. Умер на территории Тангутского государства Си-ся во время начатого им в 1226 г. похода в эту страну.

371> Арийцы (арии) – название народов, принадлежащих к индоевропейской (прежде всего индоиранской) языковой общности. В данном случае имеется в виду индус.

372> Афанасий Никитин (умер в 1472 г.) – русский купец из города Твери, путешественник, писатель. Побывал в Персии (Иран), где жил год, и в Индии, где был три года. Умер по возвращении домой под Смоленском. Своё путешествие описал в «Хождении за три моря» – являющуюся ценным источником информации о тогдашней Индии.

Ермак Тимофеевич (умер 6 августа 1585) – казачий атаман, предводитель похода в Сибирь, положившего начало присоединению Сибири к России. Купцы и промышленники **Строгановы** получили в 1574 г. жалованную грамоту на земли за Уралом на реках Тура и Тобол, и разрешение строить крепости на Оби и Иртыше. Около 1577 г. **Строгановы** пригласили **Ермака** с отрядом для охраны своих владений от нападений Сибирского хана **Кучума**. В 1579 г. (по другим сведениям, в 1581 г.) **Ермак** начал поход в глубь Сибири. После ряда побед над войсками Сибирского ханства отряд **Ермака** в трёхдневном сражении (23–25 октября 1582) на берегу Иртыша на мысе Подчуваш, разбил главные силы хана **Кучума**. Отряд **Ермака** 26 октября занял столицу Сибирского ханства (17 км от Тобольска). Через несколько лет, в ночь на 6 августа 1585 г., **Кучум**, сохранивший значительные военные силы, напал на отряд **Ермака** и уничтожил его. Раненый **Ермак** пытался переплыть приток Иртыша реку Валай, но из-за тяжёлой кольчуги утонул. Остатки его дружины под командованием **М. Мещеряка** отступили из Кашлыка, а часть отряда осталась зимовать в обском городке. Лишь через несколько десятилетий Западная Сибирь была окончательно покорена русскими регулярными воинскими подразделениями.

Кучум (умер 1598(99) г.) – последний хан Сибирского ханства. В 1563 г. сверг сибирских князей **Едигера** и **Бекбулата** и затем поправил даннические отношения с русским царем. Вёл борьбу против казачьей дружины **Ермака**. В 1582 г. потерпел поражение на реке Иртыш (современный мыс Подчуваш) и покинул свою столицу Кашлык. В 1585 г. **Кучум** уничтожил один из отрядов казаков во главе с **Ермаком** и продолжал сопротивление русским отрядам до 1598 г., когда, потерпев поражение от воеводы **А. Войейкова**, бежал в Ногайскую орду, где был убит.

Иван Колыцо – год рождения и смерти в точности неизвестен – казачий атаман, сподвижник Ермака в его походах в Сибирь. В декабре 1582 г. **Иван Колыцо** был отправлен **Ермаком** к **Ивану IV (Грозному)** с донесением о покорении Царства **Кучума**. В 1583 г. вернулся из Москвы в Искер. Посланный **Ермаком** во главе небольшого отряда к местному князьку **Караче** для защиты его владений от Ногаев, **Иван Колыцо** был предательски убит вместе со своими товарищами.

373> Как уже говорилось, с 1907 г. Россия и Великобритания стали союзниками, поделив сферы влияния в Азии, и о походе на Индию в России уже больше не вспоминали. Однако во время Первой мировой войны, после успехов в Закавказье Россия почти вышла к берегу Персидского залива, но в 1917 г. в России произошли две революции и мечта царей иметь во владении порт на его побережье в Персии осталась (к счастью или к несчастью – об этом трудно судить) неосуществлённой. – *Прим. авт.- сост.*

374> Пэр – представитель высшей аристократии в Англии, член палаты лордов – верхней палаты Британского парламента состоявшей тогда из наследственных лордов, позднее – из лордов по назначению.

375> Гулль – порт в Великобритании на побережье Северного моря. Дублин – столица Ирландии, расположен на востоке страны, крупнейший экономический и культурный центр. Бирмингем – город в Англии, в графстве Йоркшир, крупный экономический центр страны. Гавр – город на севере Франции, крупный промышленный центр. Расположен в дельте реки Сены. Второй по значению порт страны, морской порт Парижа.

Антверпен – город в Бельгии, промышленный центр, один из крупнейших портов мира. Расположен в нижнем течении реки Шельды в 90 километрах от Северного моря.

Брюссель – столица Бельгии. Крупнейший финансово-промышленный и культурный центр страны.

Мессина – город и порт в Италии. Промышленный центр. Расположен на острове Сицилия, у Мессинского пролива.

376> Милорд – (фр. milord от англ. my мой + lord господин) – наименование английского аристократа, лорда, а также вежливо-почтительное обращение в Англии к лорду, епископу, судье.

377> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1902, № 3. С. 219–228.

378> По другим сведениям, граф **Цеппелин** был убит осколком снаряда.

379> *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1902, № 6. С. 551–553.

380> Козьма Прутков – литературный псевдоним, под которым во второй половине XIX в. выступали братья **Жемчужниковых** и **А.К. Толстой**. Его наследие состоит из множества басен, эпиграмм, афоризмов, пародийных стихов. Печатались в различных журналах эти высказывания шли как бы от лица автора – тупого и самодовольного лица, возомнившего себя мыслителем. Некоторые изречения автора в дальнейшем вошли в пословицы и поговорки: «Я поэт, поэт даровитый! Я в этом убедился; убедился, читая других: если они поэты, так и я тоже!»; «Обручальное кольцо есть первое звено в цепи супружеской жизни»; «Зри в корень!»; «Самопожертвование есть цель для пули каждого стрелка»; «Если хочешь быть красивым, поступи в гусары!»; «Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану»; «Бди!»; «Никто не обнимет необъятного»; «Болтун подобен малятику: того и другой надо остановить»; «Не все стриги, что растут»; «Если хочешь быть счастливым, будь им»; «Специалист подобен флюсу: полнота его одностороння»; «Если на клетке слона прочтёшь надпись буйвол, не верь глазам своим»; «Глядя на мир, нельзя не удивляться!» и так далее.

381> Доломан – гусарская куртка.

382> Португальский король **Карлуш I** правил в 1889–1908 гг. Был убит в результате заговора.

383> Умберто – король Италии в 1878–1900 гг. Был убит заговорщиками.

384> Соломон – царь объединённого Царства Израиля и Иудеи (960–935 до нашей эры). Ему приписывают высказывания отраженные в Ветхом Завете (Книга притчей Соломоновых).

385> Имеется в виду план охватить непрерывной цепочкой британских владений всю Африку от Капской колонии до Египта. Это и произошло после Первой мировой войны и закончилось в 50-е гг. XX века, после предоставления государственной независимости многим странам Африки.

386> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1902, № 6. С. 553–559.

387> Далеко не всегда – см. донесения полковника **Стаховича**.

388> Имеется в виду восковой валик фонографа. В 1877 г. американец **Томас Альва Эдисон** изобрёл звукозаписывающий аппарат – фонограф, впервые позволивший записать звук человеческого голоса. В 1885 г. американский изобретатель **Чарльз Тейнтер** (1854–1940) разработал граffофон – фонограф с ножным приводом (как у ножной швейной машинки) – и оловянные листы валиков были заменены восковой массой. **Эдисон** купил патент **Тейнтера**. Фоновалики представляли собой полые цилиндры диаметром около 5 см и длиной 12 см. Через 10 лет, в 1887 г., изобретатель граммофона, американец немецкого происхождения **Эмиль Берлиннер**, заменил валики дисками, с которых можно изготовить копии – металлические матрицы. С их помощью прессовались хорошо знакомые нам граммофонные пластинки. Одна матрица давала возможность напечатать целый тираж, не менее 500 пластинок. В этом состояло главное преимущество грампластинок **Берлиннера**, по сравнению с восковыми валиками **Эдисона**, которые нельзя было тиражировать. В отличие от фонографа **Эдисона**, **Берлиннер** для записи звука разработал один аппарат – рекордер, а для воспроизведения звука другой – граммофон. До 1896 г. диск приходилось вращать вручную, и это было главным препятствием широкому распространению граммофонов. **Эмиль Берлиннер** объявил конкурс на пружинный двигатель – недорогой, технологичный, надежный и мощный. И такой двигатель сконструировал механик **Элдридж Джонсон**, пришедший в компанию **Берлиннера**. Только тогда граммофон **Берлиннера** получил широкое распространение.

нение. Но его соперник – фонограф – в практически неизменном виде ещё просуществовал несколько десятков лет. Как аппарат для записи музыкальных произведений он перестал выпускаться в конце первого десятилетия XX века, но ещё практически 15 лет использовался в качестве диктофона. Валики к нему выпускались вплоть до 1929 г. (по материалам Интернета).

389> Сирена – в греческой мифологии полуптица-полуженщина, своим пением завлекавшая моряков в опасные, гибельные места.

390> Мулен-Руж (Moulin-Rouge) (Красная мельница) – известное кабаре Парижа, основанное в 1889 г. и ставшее известным благодаря кадрили (французскому канкану), исполняемому обнажёнными по пояс танцовщицами. С 1937 г. – ночной клуб, в котором с 1959 г. проводятся «ужины-спектакли» с эстрадной программой (по материалам Интернета).

391> Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. Варшавский военный журнал, 1902, № 6. С. 562–566

392> Варшавский дневник. 5 (18) мая 1900, № 123.

393> Миклухо-Маклай Николай Николаевич (1846–1988) – русский этнограф. Изучал коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Прославился изучением папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи (ныне – берег Миклухо-Маклай). Считал, что все расы земного шара равны между собой.

394> Новое Время. 14 (27) августа 1900, № 8787.

395> Секвестр – запрещение пользования каким-нибудь имуществом, налагаемое органами власти.

396> Маклер – посредник при заключении торговых сделок.

397> Янычары – привилегированная пехота в султанской Тур-

ции, использовавшаяся обычно в качестве полицейских, карательных войск.

398> Вероятно, речь идёт о семизарядном револьвере бельгийского производства фирмы **Наган** калибра 7,62x38 мм, который состоял на вооружении в России с 1895 г. А с 1898 г. револьвер **Наган** производился в большом количестве Российской империи по лицензии, а потом в СССР, в г. Тула, вплоть до 1945 г. Этот тип револьвера не отличался высоким качеством, поэтому его цена для коллекционеров не велика. Впрочем, не исключено, что здесь речь шла о более раннем типе шестизарядного американского револьвера **«Смит энд Вессон»** калибра 10,67 (11 мм) (11,2 мм) (.44 дюйма) или калибра 9 мм (.38 дюйма), выпускавшегося по русским заказам в 1870-е годы в США и Германии, а с 1886 г. выпускавшегося в России в г. Тула.

399> Тифлисский листок. 24 мая 1900. № 121.

400> Тифлисский листок. 25 мая 1900. № 122.

401> Чернила – красящая жидкость для писания, обычно чёрного цвета. В то время (начало XX века) ещё задолго до изобретения чернильных ручек с всасывающим устройством, при котором чернила содержались внутри полости ручки, писали ручкой (авторучкой) со специальным съёмным металлическим пером, обмакиваемым в чернильницу (небольшой сосуд для чернил). Авторучка – ручка для письма, в которой чернила из внутреннего резервуара автоматически по даются к перу. К середине XX в. (в 1944 г.) в Венгрии были изобретены шариковые ручки со сменяемым стержнем, с содержавшейся в них цветной пастой (что, однако, привело из-за усиления трения при письме к ухудшению читабельности подчерков), которые, в свою очередь в 90-х гг. XX в. были усовершенствованы сначала в гелевые, а затем в более экономичные роллеровые.

402> Тифлисский листок. 3 июня 1900, № 130.

403> Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900.
С. 57–58.

404> Петербургская газета. 20 сентября 1900, № 259.

405> Тужурка – двубортная домашняя или форменная куртка.

406> Россия. 12 (25) сентября 1900, № 497.

Оглавление

Добровольцы из России 3

Сноски 398

Table of contents

Volunteers from Russia 3

Footnote 398

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**
В 13 томах. Т. 7.

Авторы-составители:
к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович,
к.и.н. Воропаева Нина Георгиевна,
к.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна,
Хритинин Владимир Юльевич,
д-р Ян Либенберг.

Ответственный редактор
к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор
Субботина Елена Васильевна

Компьютерный набор
Поленкова Марина Николаевна
Шубин Геннадий Владимирович

Компьютерная вёрстка и обложка
Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

Издатель И. Б. Белый

www.membook.ru
info@membook.ru

Подписано в печать 14.05.2012.
Формат 60x84/16. Бумага писчая.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 28,01.
Тираж 100 экз. Заказ № 25.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «CherryPie»
www.cherrypie.ru
Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.
115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Том 7

Добровольцы из России.

Москва
+
Memories
2012